

ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ МИКАЭЛЬ ЮРТ

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ЭТОТ ШВЕДСКИЙ ДУЭТ
НЕ ПЕРЕСТАЕТ УДИВЛЯТЬ!
В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ
ХАНСУ РУСЕНФЕЛЬДТУ
И МИКАЭЛЮ ЮРТУ
УДАЛОСЬ СОЗДАТЬ
БЛЕСТЯЩИЙ ОБРАЗЕЦ ЖАНРА.
GOOI & EEMLANDER, NETHERLANDS

18+

Annotation

Себастиан Бергман – бывший криминальный психолог и специалист по серийным убийцам, слишком непредсказуемый, чтобы работать с кем-то, и слишком профессиональный для того, чтобы не работать вообще.

Но легендарный Себастиан Бергман уже отошел от дел и смирился с мыслью, что его работа в Государственной комиссии осталась в прошлом, он вернулся к чтению лекций и написанию книг.

Ванья тоже покинула Госкомиссию; она нашла временную работу следователем по уголовным делам в Уппсале. Детектив расследует серию изнасилований. Когда одна из жертв умирает, к делу подключают Госкомиссию, а без Себастиана Бергмана не обойтись.

Воссоединившись, команда должна отбросить свои личные проблемы и конфликты, чтобы поймать жестокого насильника, который продолжает наводить страх на Уппсалу. В конце концов детективы понимают, что жертвы выбираются не случайно.

Но какая между ними связь? И почему так много людей не хотят, чтобы преступник был пойман?

-
- [Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [13 октября](#)
 - [14 октября](#)
 - [15 октября](#)
 - [16 октября](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [27 октября](#)
 - [28 октября](#)
 - [1 ноября](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
-

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Высшая справедливость

Hans Rosenfeldt

Michael Hjorth

En högre rättvisa

Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Триллер по-скандинавски»

Перевод со шведского *Марии Николаевой*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Michael Hjorth, Hans Rosenfeldt, 2018

© Николаева М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

13 октября

Ты снишься мне.
Почти каждую ночь с тех пор, как это началось.
Что бы ты подумала, если бы узнала?
О том, что я делаю.
Вероятно, ты подумала бы обо мне плохо.
Ты умоляла бы меня остановиться.
Ты была лучше меня.
Но прошлой ночью ты просила спасти тебя.
Спаси вас обоих.
У меня не получилось.
Даже во сне.
Поэтому я делаю то, что в моих силах.
Я собираюсь сделать это снова.
Вечером.
Номер пять.
Клара Вальгрэн

* * *

Начало октября ознаменовалось приходом зимы.
Это был особенный год, запоминающийся. Весна не желала наступать всерьез до самого конца мая. Снег ложился и на белые шапочки студентов во время традиционного многолюдного празднества на Вальпургиеву ночь^[1], и на редких участников первомайского шествия днем позже. Лето заставило ждать себя до конца июня, лишь через неделю после праздника Мидсоммар^[2] температура впервые преодолела двадцатиградусную отметку. С другой стороны, тепло продержалось аж до середины сентября.

Потом как будто бы не было никакой осени.

Восьмого октября пришла зима. Толстый белый слой инея предстал на обозрение жителей Уппсалы, когда они поутру стали

выглядывать в окна. Неполные четыре месяца без снега прибавили аргументов климатическим диссидентам.

– Сдается мне, на Земле не становится жарче.

«Твоего мнения никто не спрашивал», – хотелось Кларе ответить всякий раз, как она слышала эту фразу, и наблюдала самодовольную гримаску, которая, как правило, появлялась на лице оратора.

Изменения климата происходили на самом деле. Три года изучения экологии в Лунде и магистерский экзамен по специальности «Устойчивое развитие» дома в Уппсале вселили в Клару уверенность в этом. Годы исследований по всему миру привели к четким выводам, вне зависимости от того, как это все выглядело при взгляде из кухонного окна октябрьским утром.

«Было, однако, довольно прохладно», – признала Клара, на ходу застегивая чересчур легкое пальто, когда в начале десятого выходила из здания, в котором проходили курсы. Она, по своему обыкновению, дождалась ухода последнего из слушателей, привела все в порядок и только потом ушла сама.

Обивка и ремонт мебели.

С 18.30 до 20.30, с 15 сентября.

Девять тематических занятий.

Сегодня они встречались в пятый раз. Клара радовалась успехам учеников. Ей нравилось вести эти курсы.

Вот уже четвертый год подряд.

Она на всякий случай еще раз проверила, заперта ли дверь, прежде чем быстрым шагом направиться вниз по улице Огатан. Услышав звонок мобильного, она взяла трубку и ответила с удивленной улыбкой:

– Привет, гномик, не спишь?

– Когда ты будешь дома? – раздался усталый голосок Виктора.

Она представила себе, как он сидит на диване в своей пижаме с Человеком-пауком, зубы вычищены, волосы взлохмачены, глаза слипаются.

– Я уже иду к машине, так что через пятнадцать – двадцать минут. Что-то случилось?

– Рана.

На прошлой неделе сын принимал участие в школьных соревнованиях по ориентированию, еще до снега. В лесу набрел на

какой-то ржавый металлолом и пропорол себе икру. В итоге пять швов. Повязку нужно менять каждый вечер.

– А папа не может тебе помочь?

– Лучше ты.

Клара вздохнула про себя. Всегда приятно быть нужной и важной, но... Они с Заком разделили декретный отпуск, и все время, пока сын подрастал, Зак был более или менее рядом, однако когда дело касалось... чего-то насущного, Виктор предпочитал обращаться к маме. Она замечала, что Зака коробит это вечное пребывание на вторых ролях.

– Но я же сейчас не дома, а тебе пора спать, – сделала она робкую попытку, сворачивая на Онгкварнsgатан.

– А как же рана?

– Пусть папа ее обработает, а потом ложись. Если ты еще не будешь спать, а с раной что-то окажется не так, я ею займусь, когда приду.

Предложение было встречено молчанием, как будто восьмилетний ребенок пытался вычислить, не обманули ли его каким-то образом.

– Так и поступим? – поинтересовалась Клара.

– Ладно...

– Отлично! Целую тебя. До встречи утром!

Она нажала на сброс и вернула телефон в карман. Руку из кармана не вынула. Было на самом деле холодно.

Правильно ли она поступила?

Если Виктор не будет спать, когда она вернется, и она сменит ему повязку, не будет ли это означать, что она считает Зака неспособным выполнить эту задачу так же хорошо, как она? Не нужно ли было настоять на своем? Сказать, что повязку сменит папа, а потом Виктор должен идти спать? Точка.

Не давать права выбора. Отказаться менять повязку.

Определенно.

В лучшем случае Виктор уже будет спать, когда она придет домой, и проблема решится сама собой, – рассуждала Клара, приближаясь к стоянке.

На квадратной шестиместной парковке два места были зарезервированы за Ассоциацией Содействия Обучению. К этому

времени единственным оставшимся на парковке автомобилем был принадлежавший Кларе голубой Поло в дальнем углу.

Клара остановилась.

Было темно.

Темнее обычного.

Здания вокруг парковки стояли сплошь офисные, либо принадлежали различным организациям, поэтому в такой час в окнах было уже темно. Ничего необычного, но сейчас, к тому же, оказались выключены оба наружных светильника на фасаде. Клара не знала, где искать тумблер, но подумала, что кто-то, должно быть, выключил их по ошибке.

То, что это не ошибка, стало ясно Кларе уже на полпути к авто, когда глаза немного привыкли к темноте. На асфальте возле парковочного барьера, ближайшего к ее Поло, валялись осколки стекла.

Светильники кто-то разбил.

Или они сами упали и разбились об асфальт? Нет, разбиты обе лампы, значит, кто-то позаботился об этом специально. Несмотря на то, что Клара все еще мысленно причисляла себя к молодежи, у нее промелькнула мысль, что виной всему подростки. Может быть, это был самый приемлемый вывод. Что вандализм и прочее выходящее за пределы нормы поведение должно свидетельствовать об определенной ограниченности. Повсеместно происходящие в обществе процессы все яснее указывали на этот факт.

Она потянула связку ключей из кармана. Поло дважды моргнул, и зеркала заднего вида с еле слышным гудением развернулись. Она уже было дотронулась до заледеневшей на морозе ручки, как вдруг, повинувшись внезапно пробежавшей по телу дрожи, замерла.

Тихие шаги за спиной.

Она не одна.

Черная тень мелькнула в боковом стекле. Чье-то отражение.

Большое. Искаженное. Близкое.

Не тратя времени на раздумья, она резко отступила в сторону и одновременно развернулась. Темный силуэт оказался не за спиной у Клары, а прямо рядом с ней, возле машины. Она успела разглядеть черный капюшон, прикрывающий лицо, прежде чем ее оглушил звук, громкий и пронзительный.

Как вой сирены.

Лишь мгновение спустя Клара поняла, что это ее собственный крик.

Силуэт инстинктивно отпрянул, но эта секундная передышка придала Кларе сил. Она не станет спасаться бегством. Она будет защищать себя. Любой ценой.

Из подсознания всплыл усвоенный когда-то совет. Оказать злоумышленнику решительное сопротивление путем внезапной атаки. Так она и поступила. Била и лягалась. Колотила руками и ногами тело нападавшего. Изо всех сил. Снова и снова. Слепо и яростно. Все еще продолжая кричать.

Клара не знала, сколько прошло времени, вероятно, несколько секунд, хоть ей и казалось, что гораздо больше, когда нападавший внезапно попятился назад, а затем и вовсе бросился бежать прочь, налево по улице Онгкварнsgатан.

Клара осталась на месте. Она хрипло, натужно дышала. Успела подумать, что от крика у нее в шее, должно быть, что-то лопнуло. Затем силы покинули ее, и она осела на землю, не ощущая ни холода, ни влаги, немедленно пропитавшей ее брюки. Хриплое дыхание постепенно превратилось в тихое поскуливание. Она смотрела перед собой пустым взглядом. В поле ее зрения оказался небольшой продолговатый предмет, лежавший на асфальте прямо возле машины.

Шприц с жидкостью внутри.

Ее собирались усыпить.

Усыпить и изнасиловать.

Совсем как Иду.

* * *

Скучала ли она по Госкомиссии?

Ванья осознала, что задается этим вопросом достаточно часто. Вот и сейчас она вновь задумалась, заваривая чай в кухне небольшой двушки на Норбювэген, которую один из Уппсальских коллег сдал ей в субаренду. Пока что на год – на время своей командировки в Гаагу для работы в совместной с Евросоюзом миссии по борьбе с работорговлей. Пятьдесят два квадратных метра были обставлены таким образом, что

Ванья навскидку не смогла бы ответить, выбрала бы она сама какие-то из этих предметов мебели, обихода или декора, кроме, вероятно, семидесятипятидюймовой плазмы, безраздельно властвовавшей на стене напротив продавленного черного кожаного дивана. Но коль скоро квартира сдается с меблировкой, тут ничего не попишешь. Год Ванья могла и потерпеть. А уж если останется здесь жить – тогда можно будет приобрести что-то другое. Свое.

«Скучаю ли я по Госкомиссии?» – раздумывала Ванья, вынимая чайный пакетик из кружки с картинкой по мотивам «Звездных войн», чтобы затем бросить его в сливное отверстие.

Не по отделу как таковому, и не по самой работе. То, чем она занималась в Уппсале, было на порядок менее интересно, однако скучала она именно по коллегам. Сейчас, пробыв вдали от них уже несколько месяцев, Ванья ясно видела, что для нее они стали больше друзьями, нежели товарищами по службе. Возможно, это были ее единственные друзья.

Ну, кроме Себастиана.

Но он другом не был.

Ванья распахнула дверцу холодильника, налила молока в кружку, и пошла с ней в маленькую гостиную, где ее ноутбук стоял раскрытым на дымчатом стекле икеевского журнального столика.

Она обещала Торкелю вернуться.

Когда немного со всем разберется.

Что бы это теперь ни означало.

Ванья до сих пор не общалась с Анной, по этому пункту изменений не было. Ее мать лгала ей всю жизнь, а когда правда наконец открылась, вновь предала Ванью, вступив в контакт с Себастианом за ее спиной. И даже хуже – она с ним спала.

Несколько раз Ванья звонила Вальдемару. То были краткие, обезличенные разговоры о переезде, новом городе и новых коллегах. Он не заезжал повидаться. Несмотря на то, что он оставил Анну ради восстановления отношений с дочерью, и даже несмотря на то, что всю Ваньину сознательную жизнь он был ее папой, ближе и дороже которого для Ваньи никого не было, им двоим так и не удалось вернуть отношения в прежнее русло.

Это причиняло ей боль.

Приводило в отчаяние.

Себастиан ухитрился уничтожить одну из немногих действительно имевших значение вещей в ее жизни. Возможно, они с Вальдемаром смогли бы сблизиться в своих новых ролях, однако продолжающееся расследование экономических преступлений вкупе с попыткой самоубийства, предпринятой Вальдемаром, стояли между ними непреодолимой стеной.

В ее жизни все смешалось. Разбираться со всем этим предстоит еще очень, очень долго.

Единственное, что было действительно хорошо – отношения Ваньи с Юнатаном. Даже лучше – отпуск, который начался в Копенгагене, и продолжился в пяти европейских странах, оправдал все надежды Ваньи. Юнатан поначалу подозревал, что Ванье просто нужен кто-то рядом, не обязательно именно он, однако короткое время спустя осознал, что его опасения беспочвенны. Когда лето кончилось, он уже говорил об их совместном будущем, как о чем-то само собой разумеющемся.

Ему не нравилась идея переезда Ваньи в Уппсалу, но она старалась бывать дома при первой возможности – сорок минут в пути, и она вновь в Стокгольме. Когда она бывала там, то жила у него. Свою квартиру на Сандхамнsgатан сдала в аренду.

Так что с Юнатаном все обстояло прекрасно, и Себастиана она не видела с тех пор, как он оставил ее в гараже под Вотерфронтом больше трех месяцев назад. Ей было известно о том, что Себастиан пострадал во время сумасшедшей гонки на автомобиле, начиненном взрывчаткой – несколько сломанных ребер и сломанная рука, по словам Урсулы. Больше она ничего не знала. Больше ничего и не желала знать.

Чем меньше места Себастиан Бергман занимает в ее жизни, тем лучше. Ванья была уверена, что данное утверждение справедливо вообще для всех.

Так что она прогнала мысли о Себастиане из головы, опустилась на диван и, небольшими глотками прихлебывая горячее питье, вернулась к выписке из заявления Терезы Андерссон.

Заевительница ушла с вичеринки на улице Мольнгатан, 23, примерно около полвторого ночи 4-го октября намириваясь пишком пойти домой по месту жительства на Альмквистгатан, всево в паре келометров. По тропинке она пошла через площадь Лильефорш и

двигаясь мимо школы Лильефорш услышала приближающиеся шаги, после чего некто схватил ее сзади, и она почувствовала укол в шею.

Ванья прекрасно сознавала, что вряд ли дождется такого времени, когда все полицейские отчеты будут составляться на эталонном шведском языке. Те отчеты, которые все же были составлены грамотно, оставались в абсолютном меньшинстве. Однако чтение именно этого экземпляра стало своего рода испытанием. Ванья бросила взгляд на подпись составителя. Стажер Оскар Аппельгрэн. Еще учится, однако из-за отсутствия шведского языка в программе Высшей школы полиции шанс на улучшение был минимальным. Она сделала глубокий вдох и вернулась к чтению.

После этого она ничего не помнит до того момента пока не очнулась лежащей на земле среди кустов, неподалеку от тропинки. Юбка ее была как бы вздернута, калготки разорваны, а на голове заевительницы было что-то типа мешка. Заевительница поднялась на ноги и добралась до улицы Ваксалагатан где стала звать на помощь. На тот момент было около полтретьево ночи.

Полицию вызвали в больницу, и медицинское освидетельствование выявило маточное кровотечение вследствие насильственного проникновения, а также следы спермы. Анализ крови выявил наличие остатков препарата «Флунитразепам» производства компании «Майлан».

Ванья отложила в сторону эту вакханалию орфографических ошибок и просторечия, взяла кружку и откинулась на спинку дивана.

Нападение и изнасилование.

Их отдел занимается небольшим процентом изнасилований, сообщения о которых регистрируются в течение года. Чаще всего преступник и жертва знакомы друг с другом, и преступление совершается у кого-то из них дома. Такие дела получают широкую огласку в прессе, и по этой причине у общественности создается впечатление, что изнасилования происходят значительно чаще, чем на самом деле. Однако до сих пор о том, что произошло с Терезой, было написано крайне мало. Публикаций будет больше, если кто-то заинтересуется этим делом всерьез.

Тереза не была первой жертвой насильника.

Ванья вновь подалась вперед, поставила кружку на стол, и взяла в руки отчет из Национального центра судебной экспертизы.

Он оказался довольно скуп.

Отпечаток подошвы спортивных туфель марки «Ванс», модель UA-SK8-Ni MTE на земле под кустами, а также выделенная из семенной жидкости ДНК, соответствий которой не обнаружено ни в одном регистре. Тем не менее данные полностью совпали с результатами экспертизы по другому изнасилованию, совершенному менее месяца назад.

Ида Риитала, тридцать четыре года.

Нападение на Старом кладбище было совершено 18 сентября.

Тот же город, тот же район.

Злоумышленник, подкравшийся сзади, сделал жертве инъекцию снотворного препарата, натянул на голову джутовый мешок и совершил преступное деяние, пока потерпевшая пребывала в бессознательном состоянии.

У Ваньи зазвонил мобильник. Она бросила взгляд на дисплей.

Ее новый шеф. Анне-Ли Юландер.

Скоро полдесятого. Значит, работы прибавилось. Ванья приняла звонок.

– Привет. Что случилось?

Ванье потребовалось меньше чем полминуты, чтобы захлопнуть ноутбук, встать, и выйти из квартиры. Если и оставались еще какие-то сомнения насчет серийного характера преступлений, то теперь они исчезли.

Появилась третья жертва.

* * *

Клара забила в угол дивана. Она была одета в три слоя, с ног до головы закутана в плед и тем не менее никак не могла отогреться. Словно холод с темной парковки проник ей под кожу. Обеими руками вцепившись в кружку с чаем, Клара глядела на женщину с блокнотом в руках, которая сидела, немного подавшись вперед, на другом конце дивана.

Анне-Ли Юландер. Комиссар полиции.

Клара подумала, что она больше похожа на успешного адвоката из какого-нибудь американского сериала. Простое, хорошо скроенное и

явно дорогое красное платье и темные волосы до плеч, уложенные таким образом, чтобы создавалась видимость небрежности. Клару, однако, эта небрежность не смогла ввести в заблуждение.

– Черная одежда, капюшон, прикрывающий лицо. Вы можете вспомнить о нем еще что-нибудь?

Клара поймала полный сочувствия взгляд Анне-Ли и покачала головой в ответ.

– Можете предположить, какого он был роста?

Клара ненадолго задумалась. Она была уверена в том, что никогда не сможет забыть произошедшее, что оно отпечаталось в памяти навечно, но в то же время воспоминания казались неясными и спутанными. Словно мозг пытался защитить ее, не позволяя вспомнить все в деталях.

– Не знаю. Выше меня.

– Какого вы роста?

– Метр шестьдесят девять.

Анне-Ли внесла последние сведения в краткий отчет о происшествии на парковке. Как только появится Ванья, можно будет ехать на место происшествия. Карлос был уже там, и держал все под контролем, но у них не было права даже на малейшую ошибку. Три нападения в течение месяца. По вверенным ей улицам бродит очень опасный человек.

– Он проснулся, когда я добралась до дома, – тихо произнесла Клара. Анне-Ли подняла голову от своих записей и проследила за взглядом Клары в направлении кухни, где за столом сидел мужчина, держа на коленях мальчика в пижаме с Человеком-пауком. Мужчина приглушенным голосом читал мальчику книжку, а тот явно из последних сил боролся со сном, периодически бросая печальный взгляд в сторону матери.

– Он спал, но, должно быть, услышал наши голоса, и понял, что что-то случилось...

– Хотите, я поговорю с ним?

Клара отвела взгляд от мужа и сына и посмотрела на Анне-Ли.

– И что вы ему скажете?

– Сколько ему?

– Восемь.

– Могу сказать, что мы пришли с вами поговорить, потому что вы что-то видели, а не потому, что что-то случилось. Немного снизить градус напряженности.

– Зак уже это сделал. Он сказал, что несколько глупых взрослых шумно ругались рядом со школой, и немного напугали маму...

Она осеклась, услышав звук открывающейся входной двери, и вся словно окаменела. Это не ускользнуло от внимания Анне-Ли, и она успокаивающе положила руку на плечо Клары.

– Это моя коллега, – пояснила Анне-Ли. Клара повернула голову в сторону двери и встретилась взглядом с вошедшей, молодой женщиной, представившейся Ваньей Литнер.

– Клара Вальгрэн, – прохрипела Клара в ответ. У нее все еще болела шея. Боль стала даже сильнее. Что-то там все-таки лопнуло. Вероятно, нужно было в любом случае доехать до больницы. Она не сделала этого. Тогда. После. Ничего же не произошло.

По крайней мере, ничего из того, что могло бы произойти.

Она поежилась и сделала глоток чаю. Теплый напиток не мог ни уменьшить боль в шее, ни согреть Клару, однако она продолжала его пить. Ромашковый чай в кружке с надписью «Лучшая в мире мама». Сидя на диване, дома после курсов.

Это было проявлением нормальности. Уверенности.

Вновь прибывшая сотрудница полиции сняла верхнюю одежду и присела на диван, поинтересовавшись у Клары ее самочувствием. Клара в ответ пожала плечами. Как она? Ей самой было не ясно. Мысли путались. Сейчас, когда адреналин уже не циркулировал в крови, Клара чувствовала себя до крайности утомленной, но, невзирая на этот факт, организм словно продолжал работать на высоких оборотах.

Анне-Ли поднялась со своего места и передала блокнот Ванье.

– Мне нужно ехать на место происшествия, а Ванья останется с вами. Она вынула визитную карточку и положила на журнальный стол. – Если вам понадобится помощь, возникнут вопросы или нужно будет проконсультироваться с медиками – что угодно, – просто позвоните.

– Благодарю.

Анне-Ли на мгновение положила руку на плечо Клары, бросила Ванье «увидимся» и покинула комнату, а затем и дом. Клара проводила

ее взглядом. В холле у двери висела фотография. Она, Зак и Виктор. В прошлом году на Крите. Они нашли маленькую деревушку, Лутро, на южной стороне острова. Никаких дорог, добираться пришлось на лодке. Штук пятьдесят домишек раскинулись полукругом у прозрачной бухты. Маленькие ресторанчики и отель, очень мало развлечений помимо купания, солнечных ванн и прогулок.

Идеальный отпуск.

Идеальная жизнь.

Сможет ли Клара вернуться к ней?

Под картиной стояло кресло, обтянутое Кларой собственноручно. Она задержалась взглядом на цветочном узоре, как вдруг ей в голову пришла мысль. Эта мысль уже посещала Клару, когда она сидела на холодной земле, но потом затерялась.

– Это тот же человек, который напал на Иду?

Ванья удивленно посмотрела на собеседницу поверх блокнота.

– Иду Риитала?

Клара кивнула.

– Это он?

– Вы с ней знакомы? – с немедленно вспыхнувшим интересом спросила Ванья вместо ответа. То, что две из жертв знакомы между собой, в лучшем случае поможет сузить круг поисков преступника. В то же время, этот факт может и ничего не означать. Чистая случайность. Но ведь он разбил светильники, и специально поджидал ее? Правда, они пока не знали, тот ли это самый человек. Может, он просто заметил, как Клара выходит из здания Ассоциации, последовал за ней, увидел, как она заходит на темную пустынную парковку и воспользовался случаем.

Но Клара была знакома с Идой Риитала.

– Как вы познакомились с Идой?

– Раньше пели в одном хоре. Мы подруги.

Клара замолчала, но чувствовалось, что на сердце у нее еще что-то есть. Ванья помедлила.

– Во всяком случае, на Фейсбуке, – продолжила Клара, видимо, проанализировав истинный характер своих взаимоотношений с Идой. – Мы не так уж часто видимся...

– А с Терезой Андерссон вы знакомы? – поинтересовалась Ванья.

– Нет, а кто она?

– Она примерно ваша ровесница, работает консультантом по здоровому образу жизни, проживает на Альмквистгатан совместно с неким Миланом Павичем.

Клара отрицательно покачала головой.

– У меня есть фото.

Ванья по обыкновению хранила в телефоне фото фигурантов расследований. Она точно не знала, соответствует ли подобная тактика всем законам и предписаниям, а также рекомендациям по защите личной информации, однако это было удобно и помогало ей в работе, так что она старалась особенно глубоко не вникать в такие вопросы.

Она нашла фото Терезы и развернула телефон дисплеем к Кларе, которая, быстро глянув на экран, снова отрицательно помотала головой.

– Вы поэтому приехали вдвоем? – Клара кивнула на опустевшее место, где сидела Анне-Ли. – Я решила, что вряд ли кто-то вообще придет, ну, знаете, обычные полицейские. Они же все время твердят о своей загруженности и нехватке ресурсов.

Ванья боролась с желанием громко вздохнуть. Она устала оттого, что доверие к полиции год за годом неуклонно снижается, и оттого, что образ ограниченной в ресурсах, неэффективной и в определенных случаях некомпетентной организации закрепляется в сознании все большей части общества. Даже если этот образ порой вполне соответствует действительности.

– Преступления, связанные с насилием – в приоритете, но вы правы— мы здесь действительно потому, что считаем человека, напавшего на вас, причастным и к другим нападениям на женщин в Уппсале.

– Как Хагаманнен... [3]

На этот раз Ванье не удалось сдержать вздох. Она и сама подумала именно об этом после звонка Анне-Ли.

Хагаманнен, осужденный за две попытки убийства, четыре изнасилования, из которых два завершённых и две попытки, а также подозреваемый еще по целому ряду нападений в Умео в период с 1998 по 2005 годы. Семь лет. Слишком много времени прошло, прежде чем он оказался за решеткой.

Слишком много жертв.

Слишком много страдания.

Слишком много страха.

– Мы возьмем его прежде, чем его можно будет сравнить с Хагаманненом. Вне всяких сомнений, Ванья сказала это всерьез. Клара никак не отреагировала, только снова молча посмотрела в сторону кухни. На свою семью.

– Мы можем закончить? – спросила она. – Уже поздно...

– Конечно, если вы больше ничего не можете припомнить.

– Нет.

– В таком случае просто давайте знать о своем самочувствии, – сказала Ванья, встала с дивана и потянулась за курткой.

Клара тоже поднялась, но не сделала попытки проводить Ванью к выходу. Вместо этого она пошла на кухню и без слов взяла на руки сонного сынишку. Он обвил ее руками и уткнулся носом ей в шею. Зак тоже поднялся с места и легонько обнял жену. Так втроем они и отправились в спальню.

Маленькая семья.

Клара размышляла, сможет ли она когда-нибудь вновь почувствовать усталость. Закрывать глаза. Расслабиться.

Сейчас ей казалось, что нет.

* * *

Карлос Рохас дрожал и переминался с ноги на ногу на своем посту у заградительной ленты, наблюдая за скрупулезной работой технического персонала возле одинокой припаркованной машины. Собираясь на вызов, Карлос оделся как следует. Шапка, варежки, шарф, несколько слоев одежды... он даже выбрал обувь поплотнее, чтобы защититься от ветра.

Тем не менее Карлос замерзал.

Все, кто знал его по имени и видел его темные волосы и смуглую кожу, думали, что Карлос – урожденный испанец, что вполне объясняет отсутствие у него привычки к местной погоде. Погода эта, однако, была для Карлоса родной. В Швеции он прожил всю свою жизнь. Мама Карлоса познакомилась с его отцом во время отпуска в Малаге тридцать восемь лет назад, и тот поехал в Швецию вслед за ней. Семья поселилась в городке Варберг, и у супругов родились

Карлос и две его сестры. Так что не детство, проведенное в солнечной Испании, стало причиной неприспособленности Карлоса к холодам. Просто так уж с ним вышло. Карлос мерз постоянно – не только в холодное время года.

Он похлопал руками в варежках и несколько раз подпрыгнул на месте. Никакого эффекта от этой процедуры Карлос не ощутил.

То, что Анне-Ли уже на подходе, Карлос понял, еще не видя ее. За шесть лет работы под ее началом Карлос научился распознавать звук ее шагов. Она всегда носила обувь на каблуках.

Всегда безупречно одета.

Элегантно, просто и дорого.

Одежда Анне-Ли сигнализировала о том, что ее хозяйка обладала безусловным авторитетом.

Сегодняшний вечер не стал исключением. Черные сапоги до колен, красное платье, угадывающееся под черным двубортным пальто марки «Хоуп», пестрый шерстяной шарф на шее.

Мода – увлечение, которое объединяло этих двоих. Карлос не мог понять людей, равнодушных к своему внешнему виду. Одежда может рассказать о личности больше, чем основная масса людей может себе представить. И деньги тут совершенно ни при чем. Стиль ничего не стоит. Он либо есть, либо его нет. Взять их новую сотрудницу, к примеру. Ванью Литнер. Отличный специалист, приятный в целом человек, хоть ее социальные навыки немного и недотягивают; но совершенно ясно, что она и трех минут в неделю не посвящает планированию своего гардероба.

– Мерзнешь? – поинтересовалась Анне-Ли, кивком указывая на его вздернутые к ушам плечи.

– Сама как думаешь?

– Думаю, тебе придется нелегко зимой. Сейчас еще только октябрь. Она улыбнулась Карлосу и повернулась лицом к месту происшествия. – Что у нас здесь?

– Отпечаток подошвы, размер и марка обуви идентичны таковым в предыдущих случаях, но сейчас он еще обронил шприц.

– Мы можем его отследить?

– Попытаемся.

– Нашли какой-нибудь мешок?

Карлос покачал головой. Анне-Ли обернулась и оглядела улицу в обоих направлениях.

– Камеры видеонаблюдения?

– Здесь отсутствуют, но одна есть на улице Огатан. Я уже запросил все данные, начиная с 20.30.

– Отлично.

– И еще кое-что...

– Да?

– Светильники на стене. Я обзвонил тех, кто арендует здесь парковочные места. – Он указал пальцем в сторону копошащихся на парковке техников. – Некто Фредрик Филипссон на своем автомобиле уезжал отсюда сразу после восьми и, по его словам, оба светильника на тот момент работали.

– То есть он подждал ее.

– Получается, так.

– Потому что они знакомы.

– Он мог следить за ней в течение какого-то времени. Она каждый четверг примерно в одно и то же время ставит здесь машину, а потом через определенное время уезжает. Совсем как Ида Риитала, у которой была привычка сокращать путь через кладбище.

Анне-Ли снова вздохнула. Она повернулась к Карлосу спиной, вглядываясь в студенческую спортплощадку на противоположном берегу темной, холодной реки Фирис. Она любила свою работу. Все ее аспекты. Но это... к этому она не желала иметь отношения. Эту проблему нужно каким-то образом разрешить. И поскорее. Она даже готова заставить всех жителей Упсалы мужского пола старше пятнадцати лет пройти ДНК-тестирование.

– Три нападения менее чем за месяц.

Это была констатация факта, но Карлос предпочел ответить.

– Верно.

– Он не остановится.

– Нет.

– Женщинам будет страшно выйти на улицу.

– Еще страшнее, чем обычно.

Анне-Ли кивнула. Это суровая реальность и серьезная общественная проблема. Женщины боятся выходить на улицу поодиночке. В каждом городе, повсеместно. Согласно результатам

некоторых исследований, каждая пятая женщина хоть раз в жизни была настолько испугана, что отказывалась выходить из дома. Под ударом свобода передвижения. Ограничиваются их возможности.

В отсутствие разгуливающих по улицам серийных насильников.

– Мы должны сделать все, что от нас зависит, – наконец выговорила она и повернулась обратно к Карлосу.

– Тебе нужны еще люди?

– Мне нужны *другие* люди.

С этим она ушла. Даже когда она пропала из виду, Карлос продолжал слышать стук ее каблуков. Он не знал, что Анне-Ли имела в виду, говоря про «других» людей, но был уверен, что очень скоро узнает.

Если Анне-Ли что-то решила, так тому и быть.

* * *

– Ты еще долго?

Билли слышал, но не отреагировал на вопрос, прозвучавший из-за двери в ванную. Он стер конденсат с зеркала, наклонился над раковиной и стал пристально вглядываться в собственное лицо.

Совсем как тогда.

Тем июньским утром. Когда он в жестоком похмелье очнулся на диване.

У нее. У Йеннифер.

Кажется, с тех пор прошла целая вечность. То же лицо, только зеркало другое. Пока воспоминания не настигли его...

Капли падали с мокрых волос, попадали на брови и скатывались по щекам. Он взглянул в глаза своему отражению. Заглянул глубоко. Зеркало души, если верить патетической поговорке. Но в таком случае глаза бы выдали его, а этого, очевидно, пока не произошло. Его глаза были добрыми – так ему говорили. Мю частенько повторяла: «У тебя добрые глаза». Эти глаза молчали о темной жажде, которая змеей свернулась у него в животе. О стремлении к доминированию, контролю, о мыслях, которые он долго вынашивал в себе, но сейчас смог вытеснить из головы. После того, что произошло с Йеннифер. У него не было привычки пускаться в глубокие философские

рассуждения, но в последнее время он раз за разом мысленно возвращался к вопросу: кто он вообще такой?

В кого он превратился? Или во что?

Сквош, который обычно его просто выматывал, сегодня вечером выбил его из колеи. Не собственно игра, а то, что случилось после. В раздевалке. Коллега, только что выигравший в трех сетах подряд, вышел из душа и сел рядом с Билли на скамейку, как был – с полотенцем на бедрах и мокрыми волосами. Билли решил принять душ дома. Он был гораздо сильнее раздосадован проигрышем, чем мог себе признаться. Три сета подряд, такого не случилось уже много лет. Он, вероятно, заболел, или что-то в этом роде.

– Эй, ты же знаком с Йеннифер? Хольмгрен? – спросил его коллега, вытаскивая из спортивной сумки дезодорант. Билли остолбенел, начисто забыв о проигранном матче. Эта тема – минное поле. Что произошло?

– Да, мы несколько раз вместе работали, а что?

Это была правда, но не вся. Далеко не вся. Они еще и спали вместе несколько раз. Чаше, чем вместе работали. А последний раз превратился в крошечный ад.

– Слышал, что случилось?

– Нет. Что?

Стук в дверь раздался в тот же миг, как она распахнулась. Они никогда не запирались. Мю считала это необязательным, их ведь в квартире было только двое, и каждый знал, занята ванная или нет. Билли отпрянул от зеркала, словно она застала его за каким-то предосудительным занятием. Что было не так уж далеко от истины.

– Чем ты здесь занимаешься?

– Ничем.

– Мне нужно почистить зубы, я хочу уже пойти лечь спать.

Мю проскользнула в ванную, взяла свою электрическую щетку и выдавила пасту на ее круглую головку.

– Ты посмотрел ссылку, которую я тебе скинула?

Она протиснулась мимо Билли к раковине, вывернула кран, и подставила щетку под струю воды. Билли усилием воли привел мысли к состоянию «здесь и сейчас». Заставил свой голос звучать заинтересованно, вовлечено.

– Само собой. Какую из них?

– Я сегодня тебе посылала только одну. Тэребода. – Ее голос звучал так, словно Мю была на приеме у стоматолога – она пыталась удержать во рту пенную массу. – Белый деревянный дом с участком пляжа.

Билли кивнул, словно теперь, когда она пояснила, сразу вспомнил, о чем идет речь. Может быть, Мю и отправила ему сегодня только одну ссылку, но истина заключалась в том, что Билли давно уже не читал ничего из того, что она ему присылала. Тем не менее Мю собиралась специально выстроить такой маршрут, чтобы в какой-нибудь выходной день они могли объехать сразу несколько объектов, и тот, что придется ей по душе, им надлежало приобрести в собственность. Так что Билли нужно было изо всех сил казаться заинтересованным.

Он должен был обсуждать ремонт и перспективы пляжного участка.

Он должен был сопровождать ее в банк, чтобы оформить заем.

Он должен был улыбаться и кивать, когда Мю рассуждала о том, как их будущие дети будут проводить там лето.

Он действительно должен был желать этого.

Совместного будущего. Он ее любил. Последние месяцы он действительно очень сильно старался. Оставить все в прошлом. Быть собой. Тем, кого она полюбила. Простым, порядочным парнем без заморочек.

«Еще не поздно», – уговаривал он сам себя.

Мю хотела летний дом, а она обычно получала то, чего хотела. Они познакомились на празднике Мидсоммар в прошлом году. В октябре она решила, что им нужно съехаться, а в мае этого года, спустя одиннадцать месяцев после знакомства, они поженились.

В июне Билли ей изменил.

С Йеннифер.

С Йеннифер, которая знала.

Знала, что с Билли что-то произошло в тот момент, когда ему пришлось застрелить Эдварда Хинде, спасая Ванью и Чарльза Седерквиста, спасая себя самого. Он поймал кайф от пьянящего ощущения власти. Власти над жизнью и смертью.

Йеннифер понимала.

Она помогала ему. Проживать свои фантазии о контроле и доминировании в связке с сексом и физическим наслаждением.

Помогала змее утолять свой голод, а Билли – оставаться уравновешенным.

Пока он не напился.

Пока все не полетело к чертям.

Он понял, что до сих пор ничего не ответил. По поводу белого деревянного дома в Тэребодде. Мю сплюнула в раковину и обеспокоенно взглянула на Билли.

– Что случилось?

– Ничего.

– Уверен? Ты ведешь себя странно с тех пор, как вернулся с тренировки.

Так очевидно, что она заметила. Это же ее работа. Читать людей, толковать их, помогать раскрывать свой потенциал. Она была хороша. Хороша для него. Он не хотел ей лгать. Но ей необязательно знать все. Полуправда – еще не ложь.

– Ты помнишь Йеннифер? С которой я пару раз работал?

Еще бы ей не помнить, Билли же постоянно о ней говорил, и Мю было известно, что эти двое пересекались и вне работы.

– Да, а что с ней? – проницательно спросила Мю.

– Говорят, она могла утонуть.

– Что?

– Во Франции. Несчастный случай. Ты же знаешь, она занималась фридайвингом.

– Боже мой, какой ужас, – выговорила Мю и прильнула к нему, чтобы обнять. – Мне так жаль. Я знаю, она тебе нравилась.

– Да, это так.

Они немного постояли в тишине, а потом Мю немного ослабила объятие и взглянула ему в глаза.

– Это еще не точно? Я имею в виду, ее не нашли?

– Ее не нашли, но обнаружили ее одежду рядом с одной системой пещер. Все зависит от того, что именно произошло, но я предполагаю, что ее могло унести течением.

Мю издала глубокий вздох, встала на цыпочки и легонько чмокнула Билли в губы.

– Бедняжка.

Билли не знал, кого она имела в виду – Йеннифер, или его самого. Мю снова заключила его в утешающие объятия. Она никогда не

должна узнать правду. Как бы это ужасно ни звучало, со смертью Йеннифер во Франции Билли сможет оставить всю эту историю в прошлом. Начать уговаривать себя, что этого никогда не было. Переписать начисто.

Еще не поздно.

* * *

Сала.

Здесь есть, или, во всяком случае, когда-то был серебряный рудник. Этим исчерпывались знания Себастиана о городе, в котором он по случаю оказался. Этим, да еще тем, что в полумиле от города, в большом четырехэтажном здании серо-бежевого цвета расположился двухзвездный отель. Отель не делал попыток выглядеть сколько-нибудь привлекательно, как снаружи, так и внутри. Если бы номер был на несколько квадратных метров меньше, он вполне мог бы называться чуланом. Четыре стены были выкрашены в никотиново-желтый цвет – этот нюанс придавал им дополнительной неряшливости. Единственным украшением служила репродукция какой-то картины Карла Ларссона в ужасной раме. Поддон, призванный служить ночным столиком – сбоку от узкой кровати. Маленький пузатый телевизор на угловой полке в изножье. Никаких попыток скрыть провода, как от телевизора, так и от обоих светильников. Ванная, в которой Себастиан при определенном уровне ловкости мог развернуться, не врезавшись в стену. Очевидно, сейчас книготорговля не слишком процветала, но чтобы дела шли так плохо... В общем, дело было за тем, чтобы расслабиться и получать удовольствие, как выразился заведующий книжным магазином, когда в беседе с Себастианом была затронута проблема издания бумажных книг.

Расслабиться и получать удовольствие.

Себастиан принял существующее положение.

Возможно, даже смирился с ним, но он, черт возьми, не может и не должен получать от этого удовольствие.

Он больше не был сотрудником Госкомиссии. Торкель вконец устал. Или лучше сказать, Ваня устала от Себастиана, так что Торкелю пришлось сделать выбор. Он выбрал Ваню. Вполне логично,

на месте Торкеля Себастиан поступил бы так же. Странно было, что ему удалось продержаться там целых полтора года. Притом, будем честны – он не слишком напрягался, чтобы называться работником месяца.

Ванья. Его дочь.

Он не видел ее с самого июня.

Он помнил чувство, с которым оставил ее в гараже под Вотерфронт и уехал в начиненном взрывчаткой автомобиле. Ему казалось, что он видит Ванью в последний раз.

Что она исчезнет из его жизни.

Навсегда.

Кажется, так и случилось. Он долго надеялся, что Ванья соберется навестить его, узнать, как он себя чувствует, но она так и не появилась. Было совершенно ясно, что она не хочет иметь с ним ничего общего.

Его вина, определено. Как всегда.

Ему представилось так много шансов наладить с ней отношения, а он не воспользовался ни единым! Себастиан прекрасно сознавал, что всегда делал неправильный выбор, всегда все сам себе портил. Но всякий раз, как он начинал ощущать что-то, отдаленно похожее на счастье, или хотя бы довольство, на него наваливалось чувство вины.

Он упустил ее.

Свою вторую дочь.

Держал маленькую ручку в своей руке, но упустил, и ее унесла вода.

Он этого не заслужил.

Ложь, и он знал это. Но знать о проблеме и предпринимать какие-то действия для ее разрешения – это разные вещи. Поэтому он продолжал.

Он вообще не участвовал в сверхурочной работе по их последнему делу. «Реалити-маньяк», Давид Лагергрэн, человек, который убивал, чтобы привлечь внимание к отупению и инфантилизации общества, но кончил как террорист. Суд состоялся в сентябре, и вполне ожидаемо Лагергрэн был приговорен к пожизненному сроку заключения. Себастиан подозревал, что приговор еще не скоро вступит в законную силу.

Единственный положительный момент в связи с Лагергрэном – во всех репортажах сообщалось, что Себастиан играл важную роль в

расследовании, а что касается поимки преступника – так и вообще главную. Его имиджу не повредила даже безумная гонка, окончившаяся взрывом в заливе Риддарфьярден. Скучным на события летом этой теме были посвящены несколько ток-шоу и новостных эфиров.

Его старое издательство напомнило о себе в августе. У публики проснулся определенный интерес к книгам Себастиана об Эдварде Хинде, поэтому в издательстве интересовались, не хотел бы Себастиан написать еще одну? Возможно, о Лагергрене? Себастиан ответил вежливым, но твердым отказом. Он не желал привлекать еще больше внимания к этому человеку, тем более, что существовали темы, которые занимали Себастиана гораздо сильнее.

Ральф Свенссон, к примеру.

Человек, убивший четырех женщин по поручению Хинде.

Женщин, с которыми Себастиана связывали пусть и очень короткие, но личные, интимные отношения.

Помимо этого, Свенссон убил еще и старого приятеля и коллегу Себастиана – Тrolле Херманссона.

Издательство ухватило за идею. Логическое продолжение существующих книг, да еще и с привязкой к личности автора, интимно и откровенно. Хотя Себастиан и не имел намерения писать ни интимно, ни откровенно, предложение он все же принял, и приступил к работе. Проводил дни напролет в квартире, в своем кабинете, который много лет пустовал. Себастиан долгое время пользовался только гостевой спальней, кухней и ванной в своем жилище. Остальные комнаты слишком о многом ему напоминали. О других временах. Более счастливых. Просто счастливых. Единственных счастливых временах, что у него были.

С Лили и их дочерью. Они и пожить здесь успели недолго, после свадьбы переехали в Кельн. Но все же здесь они проводили вместе время. У Сабины была своя комната. Ванья в ней тоже провела несколько ночей.

Тогда, когда еще не испытывала к нему ненависти.

Пока он все не уничтожил.

«Ученик», так он назовет книгу. С подзаголовком: «Наследие Эдварда Хинде». Пока что Себастиан занимался лишь

исследовательской частью работы, и готовился к первому интервью с Ральфом, которое было назначено на следующую неделю.

У него были дела.

Себастиан взглянул на ноутбук, лежавший на кровати, но тут же отбросил идею. Так следовало поступить и с предложением издательства об организации небольшого авторского лекционного турне. Шесть населенных пунктов за две недели. Одновременно с перевыпуском старых книг ограниченным тиражом.

Он на это согласился.

Вот почему теперь он сидит в этом унылом гостиничном номере в Сале.

Единственный книжный в городе был достоин посещения. Магазин с широким ассортиментом всего в паре шагов от центральной площади Стура Торьет. Персонал, излучавший неподдельную радость от его визита. Сорок человек слушателей, возможно, сорок пять. В основном женщины, конечно, как и на всех прочих культурных мероприятиях в любой части страны.

Не то чтобы Себастиан жаловался.

Если у него было желание, успех у женщин был ему обеспечен. А желание обычно присутствовало. Практически всегда.

Охота, преследование и последующий секс по-прежнему оставались в числе вещей, способных его ненадолго взбодрить.

Ненадолго заполнить пустоту. Приглушить боль.

В книжный пришли внимательные и заинтересованные читатели. Особенно одна дама, на вид около пятидесяти, сидевшая справа от импровизированной сцены. Она первая задала вопрос, когда до этого дошло дело, а в конце подошла за автографом сразу с двумя его книгами. Старое издание, отметил Себастиан, приобретенное еще до скачка его популярности в связи с делом «реалити-маньяка».

– Подпишите для Магды, – попросила она, и одарила его улыбкой, которую Себастиан истолковал, как восторженную. Черт возьми, дело пойдет как по маслу!

– Это вы? – спросил Себастиан, и послал даме улыбку в ответ.

– Да, и не могли бы вы добавить что-нибудь личное, если вам не трудно, – сказала дама, и посмотрела ему в глаза.

Он набросал на форзаце целую новеллу, и продолжил разговор с дамой, подписывая книги прочих ожидавших в очереди читателей.

Они вместе покинули книжный магазин, и дама поинтересовалась, где он остановился. Себастиан признался, и она сочувственно сообщила ему, что в Сале, оказывается, были отели и получше.

Себастиан искренне на это надеялся. Ради самой Салы.

Его размышления были прерваны звонком по Скайпу. Ему даже не нужно было смотреть на экран, чтобы понять, кто это. Он мысленно прикинул, есть ли у него силы на разговор, получил сам от себя положительный ответ и принял звонок. На экране возникла Урсула.

– Привет, я тебя не разбудила?

– Ничего страшного, – отозвался Себастиан, понимая, что поступил правильно, ответив на звонок. Он был рад видеть Урсулу.

– Где ты вообще находишься? – поинтересовалась Урсула, обшарив взглядом экран и не узнав окружающую Себастиана обстановку.

– В говнотеле, в Сале.

– Что ты там забыл?

– Это по моим писательским делам. А ты что подделываешь?

– Я все еще на службе.

– Да, вижу.

Он узнал стену за ее спиной. Урсула сидела в конференц-зале на третьем этаже, который они никогда не называли иначе, как «Комната». Особое место в Госкомиссии, где команда имела обыкновение обобщать информацию о делах, над которыми работала. Себастиан внезапно осознал, что скучает по этому. В целом. По работе и по коллегам. Но это не имеет никакого смысла – ведь ему, вероятнее всего, больше туда дороги нет.

– Все еще затишье, или уже зашиваетесь?

– Я помогаю группе по нераскрытым преступлениям с одним делом.

Это означало, что у Госкомиссии пока нет новых расследований, а Урсула до сих пор не обзавелась личной жизнью. Себастиану не следовало глубже погружаться в эту тему. Она позвонила ему поздним вечером, чтобы поговорить. Она думала о нем. Ему стоило бы быть благодарным за это. Но благодарность, равно как и умеренность, Себастиану не были свойственны.

– Так Торкель не рядом?

Урсула фыркнула, подалась вперед и немного понизила голос, что было совершенно необязательно. Себастиан с трудом мог представить себе, что в такое время она в конторе была не одна. Особенно в Комнате.

– Он уходит с работы ровно в пять часов вечера каждый день, с тех пор как съехался с Лисе-Лотте, – тихим голосом ответила Урсула.

Себастиан отметил про себя, что она, по крайней мере, не сказала «с этой Лисе-Лотте». Уже шаг вперед, но все равно он услышал в голосе Урсулы нотки ревности, когда речь зашла о новой пассии Торкеля. А может быть, он себе это только вообразил. Сама Урсула положила конец отношениям с Торкелем. Этот факт, однако, не должен был автоматически означать, что она желает ему обрести счастье с кем-то другим. Возможно – мелочно, возможно – глупо, но Урсула тоже человек, а люди бывают и мелочны, и глупы.

– Когда домой?

– Завтра.

– Не хочешь увидеться? Пообедать, например?

– Почему нет?

Урсула коротко рассмеялась.

– Не строй только планов!

Прежде, чем Себастиан успел ответить, в дверь постучали.

– Кто это?

– Обслуживание номеров.

– В говнотеле? В такое время?

Он порой забывал, что Урсула в своей профессии была чертовски хороша.

– Мне нужно заканчивать. Увидимся завтра.

Прежде, чем Урсула успела еще что-нибудь спросить или высказать протест, он захлопнул ноутбук. Себастиан улыбнулся своим мыслям. Несмотря ни на что, он все же ухитрился не отмежеваться от всех и каждого. Ему нравилась Урсула. За годы их знакомства бывало всякое, но в последнее время их отношения стабилизировались и пришли к чему-то, что нельзя было определить иначе, как дружба. Даже если целью этой дружбы было снова заполучить ее в свою кровать. Не потому, что Себастиан по ней скучал в сексуальном плане, и не потому, что секс мог бы сделать их ближе друг к другу. Просто все было настолько очевидно, что Себастиану пришлось бы побороться.

Играть в свою игру лучше, чем, вероятно, когда-либо раньше, просто ради того, чтобы победить. Урсула была для него вызовом.

«Сегодняшний вечер, напротив, обещал пойти совершенно по другому сценарию», – сказал себе Себастиан, открывая дверь в коридор. За дверью стояла Магда. Из книжного.

Себастиан не знал ее фамилии. Даже не подумал выяснить. Он снял свою куртку с крючка у двери и перекинул через плечо.

– Выпьем где-нибудь, или поедим? – поинтересовался он, выходя в коридор. Он не собирался оставлять ей ни единого шанса остаться в его номере.

Эта дыра не годилась даже для того, чтобы потрахаться.

* * *

Билли лежал без сна, глядя в потолок, и пытался успокоить дыхание. Он бросил быстрый взгляд в сторону Мю. Она спокойно спала, как обычно с левой стороны кровати. Значит, он не издал ни звука.

Не закричал.

Этого не случилось уже какое-то время, а теперь снова произошло. Билли предположил, что это реакция на разговор в раздевалке и все произошедшее после. Мю поинтересовалась, не хочет ли он об этом поговорить, но оказалась достаточно мудра, чтобы не настаивать, когда Билли ответил отказом. Тем не менее весь остаток вечера она провела рядом, понимающая и близкая. Обычно она засыпала, как только голова ее касалась подушки, но сегодня она проявляла заботу и ласку – лежала рядом и гладила его по голове. Близко. Кожа к коже. Рядом, если вдруг понадобится ему.

Она ему подходила. Она была много лучше, чем он заслуживал. Но он справится. Время превратит все произошедшее в далекое воспоминание. Оно исчезнет, растворится. Станет тихим шепотом, который Билли научится игнорировать.

Так он уснул.

Но во сне все не было затянуто дымкой. Ничего абстрактного или нереального. Никаких сглаженных углов, приглушенных тонов. Наоборот. Невыносимая четкость и детализация.

Сон привел его в прошлое.

Он мчится из ванной через всю квартиру в спальню Йеннифер, где она голая лежит на кровати. Руки за головой, пристегнуты к изголовью кровати наручниками. Ноги врозь, привязаны тонкими кожаными ремнями. Он дышит так тяжело, что дрожит. Вытягивает руку, чтобы коснуться ее плеча. Но медлит.

Туда, в тот день.

Темно-фиолетовые пятна на ее шее. Следы его пальцев. Спереди два четких отпечатка, сомкнувшиеся под гортанью. Ее лицо. Кончик языка, высунувшийся между высохшими губами. Кровеносный сосуд, лопнувший под кожей. Неподвижно застывшие глаза, от которых негде спрятаться...

Билли отбросил в сторону одеяло, и сел в кровати. Сегодня уснуть больше не удастся. Отчаяние вновь захлестнуло его, почти такое же сильное и парализующее, как тогда.

Когда это случилось.

Он не мог вспомнить все в деталях с того момента, как обнаружил ее, не мог сказать, сколько времени прошло, прежде чем он смог обрести над собой некую форму контроля. Он помнит собственные абсурдно бытовые мысли – как он пропустит поезд на западное побережье, и Мю на него рассердится – и как эти мысли перемежались прозрением о случившемся. О том, что он натворил.

Йеннифер была мертва.

Он убил ее.

Подступившая паника в сочетании с похмельем заставили Билли вывернуться наизнанку. Когда он закончил обнимать унитаз и выполоскал вкус рвоты изо рта, ему пришлось в голову, что нужно сообщить кому-нибудь. Позвонить в полицию, коллегам. Рассказать все. Объяснить, что это был несчастный случай. Но Билли сдержался. Нет практически никакой разницы, был умысел или нет.

Она была так или иначе мертва, а убил ее он.

Он потеряет все. Работу, Мю, друзей – все.

Он помнит, как вернулся в гостиную, кричал и плакал, сжимая пальцами виски в попытках обрести ясность мышления.

Поступить правильно или спасти себя?

Внутренняя борьба.

Наконец он решился. Он помнит этот миг. Он сидел на ее диване, и взгляд его упал на спортивное снаряжение Йеннифер – альпеншток и карабины на стене. Он не просто решился, он уже начал разрабатывать свой план. Он знал, что будет делать. Что должен сделать.

Он спасет себя, спасет то, что у него есть.

Билли встал с кровати и вышел из спальни, тихонько прикрыл за собой дверь и прокрался к ноутбуку, оставленному на кухонном столе. Теперь, когда Йеннифер официально считалась пропавшей, или даже предположительно умершей, возникает риск, что кто-то сможет систематизировать информацию о последних месяцах ее жизни. Билли не должен был допустить ошибок.

Он уселся, раскрыл ноутбук и ввел пароль. План был прост, а вот его воплощение, напротив, потребовало времени и специфических навыков.

Билли решил создавать видимость жизни Йеннифер в Сети.

Он созвонился с Мю и объяснил, что вынужден задержаться еще на неделю в связи с работой по делу реалити-маньяка. Прокурор желает, чтобы расследование было проведено без малейшей погрешности. Она, конечно, была разочарована, и предложила вернуться в Стокгольм, чтобы составить ему компанию. Билли сумел выкрутиться, убедил ее остаться на побережье и общаться с друзьями, как и планировалось, а он должен был присоединиться при первой возможности.

Так он выкроил неделю для реализации своего плана.

Билли собрал телефон, компьютер, банковские карты и картридер, и прочие принадлежавшие Йеннифер вещи, которые могли ему понадобиться. Выяснил, как часто Йеннифер обновляла социальные сети. Ему повезло. «Инстаграм» – всего раз в неделю и «Фейсбук» примерно так же. У нее имелась переписка в Мессенджере, но и там не было ничего, с чем он не мог бы справиться. Сложный момент мог наступить в случае, если бы кто-то позвонил, но удача вновь оказалась на стороне Билли. Ее ближайший круг предпочитал поддерживать связь при помощи смс и в Снапчате. В случае если кто-то хотел поговорить, Билли просто пропускал звонок, а потом посредством смс интересовался – вы пытались связаться со мной, это было что-то важное? Обычно важности никакой не было, и дальнейшее общение сводилось к обмену парой текстовых сообщений.

Неделю, проведенную в Стокгольме, Билли посвятил спорадическому обновлению соцсетей. Йеннифер частенько выкладывала фото, на которых сама она отсутствовала, и Билли этим воспользовался. Иногда он все же понимал, что вынужден сделать селфи. Не так уж часто – это требовало времени и было рискованно. Нужно было выдержать верные пропорции – свет и расстояние. Современная техника определенно делала это предприятие проще. Сейчас ведь были такие возможности обработки фото и видеоматериалов, что, если этим занимался профессионал, было в принципе невозможно отличить подделку.

Оставшееся время Билли посвятил чтению блога Йеннифер, чтобы изучить ее стиль: как она привыкла выражать свои мысли, какие использовала сокращения и эмодзи. Он ухитрился уклониться от нескольких приглашений на коктейль, в сауну и на барбекю. В общем и целом выходило, что никто не подвергал сомнению физическое существование Йеннифер.

Через неделю он поехал к Мю на западное побережье. Здесь ему пришлось труднее всего. Пока он был один в Стокгольме, ему так хорошо удавалось сконцентрироваться на решаемой проблеме, что он почти забыл, что вообще послужило причиной всей этой деятельности. Но когда он вернулся в реальный мир, все стало сложнее. Обычные люди, общение, приятели, дети приятелей, мини-гольф, прогулки, ночи с Мю. Иногда Билли казалось, что он смотрит на все происходящее со стороны, и на себя в том числе. И что произошедшие с ним перемены очевидны для всех. Что он так сильно старается держаться естественно, что получает обратный результат.

Обновляя соцсети, он упомянул о намерении Йеннифер в скором времени уехать из Стокгольма.

Одежда и личные вещи Йеннифер обнаружили позже, чем рассчитывал Билли. Он намеренно выбрал пещеру, сложную для погружения и еще не до конца изученную, а потому редко посещаемую.

В середине июля он поехал во Францию.

Примерно за неделю до поездки он предусмотрел «потерю» телефона Йеннифер, и от ее имени попросил всех желающих поддерживать связь посредством Мессенджера. После этого ему какое-то время не пришлось больше обновлять социальные сети. Потом

Йеннифер снова возникла, и рассказала о покупке автобусного тура во Францию, но ни словом не обмолвилась о намерении погрузиться там в пещеру.

Франция стала для Билли вызовом.

Сначала нужно было улизнуть почти на неделю, не возбуждая подозрений у Мю, потом выдумать несуществующий тур для Йеннифер без всяких ссылок на автобусную компанию, чтобы потом с этим было сложнее разобраться. Затем нужно было забронировать отель с автоматической регистрацией постояльцев и без камер видеонаблюдения на входе, зарегистрироваться поздно, выехать рано, чтобы у как можно меньшего числа постояльцев был шанс столкнуться с Йеннифер. С осторожностью использовать кредитную карту Йеннифер.

Через четыре дня Билли закончил все приготовления, и Йеннифер пропала.

По слухам, когда в начале августа Йеннифер не появилась на работе, о ее исчезновении заявил отец. С тех пор все утихло.

До сегодняшнего происшествия.

Теперь наконец нашлись ее вещи, которые Билли оставил неподалеку от сложнопроходимой подводной пещеры. Очень безответственно нырять в одиночку в таких местах, но, зная Йеннифер, никто бы не усомнился, что она могла так поступить.

Ради кайфа, вызова, адреналина.

Во всяком случае, Билли на это надеялся.

Теперь он просматривал все ее соцсети. Несколько постов на ее Фейсбуке о том, что невозможно поверить в то, что с ней произошло, что все надеются на ее возвращение. Билли не нашел у себя ошибок. Никто не задумался, что фактически не видел Йеннифер, начиная с конца июня.

– Чем ты занимаешься?

Билли подскочил, услышав голос Мю. Он убедился, что Мю не видит экран, и молниеносно открыл какую-то рабочую вкладку.

– Работаю. Не смог заснуть.

Мю подошла к нему и обняла за плечи, бросив беглый взгляд на экран, а потом наклонилась и чмокнула его в макушку.

– Из-за Йеннифер?

– Думаю, да.

– Хочешь, побуду с тобой?

Он положил руку ей на поясницу и вздохнул:

– Нет, иди ложись.

Она молча кивнула, но осталась на месте. Тайна разъедала его изнутри. Но скоро она уже не будет стоять между ними. Когда несчастный случай в пещере станет официальной версией того, что произошло с Йеннифер, Билли сможет убедить себя в том, что это действительно правда. Булькающий под поверхностью воды крик превратится в тихий шепот, в этом Билли был убежден.

Они никогда не найдут ее тело.

Об этом Билли тоже пришлось позаботиться в ту самую неделю в Стокгольме.

Это была очень насыщенная неделя.

14 октября

Уже вчера.
Это было предательство.
Для вас обоих. Мне не повезло.
Было не уснуть.
Хотелось выйти. Наверх.
Помнишь, как летними ночами мы сидели на крыше?
Смотрели на город.
В основном молча, но иногда разговаривали.
Обо всем. О будущем.
Мы никогда не задумывались, каким оно будет коротким.
Приехала полиция. Туда, откуда спаслась Клара. Мне было их видно.
Будет жаль, если они найдут какую-нибудь зацепку.
Если они уже близко.
Мне нужно больше времени.
Мне казалось, оно у меня есть.
Мы с тобой так думали.
Теми летними ночами на крыше.
О Евле пока ничего не слышно.
Так что им будет чем заняться.
Но тут не о чем рассуждать.
Я продолжаю все по плану.
Еще ничего не кончено.
Но скоро будет.
Завтра я еду в Вестерос.

* * *

Себастиан захлопнул за собой коричневую деревянную дверь отеля. Молодой человек за стойкой улыбнулся ему, когда Себастиан поравнялся с рецепцией.

– Доброе утро! – так певуче и бодро поздоровался юноша, что Себастиан сразу его возненавидел лишь за эти слова. Юноша оглянулся и, не дождавшись ответа от Себастиана, продолжил: – К вам посетитель!

Себастиан застыл на месте. Его первым побуждением было развернуться и уйти. Сбежать. Никто не мог прийти к нему в гости здесь. Никто, кроме Магды. Она что, успела в отель раньше его? Проснувшись в одиночестве, почувствовала себя использованной, взяла такси, не удовлетворившись уготованной ей ролью. Он прокрутил в памяти минувший вечер и ночь. У Магды были его книги, и она довольно много знала о нем. Выражала заинтересованность.

Может быть, чрезмерную?

Если это была Магда, Себастиан надеялся, что она решила устроить скандал. Это он мог бы пережить. Как если бы она настаивала на каком-то продолжении отношений, ставя его в затруднительное положение. Боже, Себастиан уже достаточно навидался женщин, ожидавших слишком многого от приключения на одну ночь. Последняя из них сейчас отбывала срок в женской тюрьме в Истаде за попытку убийства Урсулы.

– Так это вы.

Себастиан повернулся лицом к коридору, ведущему во внутренние помещения отеля. У стены стояли два черных кожаных кресла с маленьким низким столиком между ними, на котором лежала кипа бесплатных газет для постояльцев. В одном из кресел сидела женщина. Не Магда. «Около сорока на вид», – оценил Себастиан. «Темные волосы до плеч, голубые глаза и красивая фигура, угадывающаяся под пальто», – продолжал свои наблюдения Себастиан, а тем временем гостя отложила в сторону газету и выбралась из кресла.

– Вы меня не узнаете, – констатировала женщина, и сделала шаг навстречу Себастиану с легкой улыбкой на губах.

– Нет, – честно ответил Себастиан.

Откуда он должен ее знать? Может быть, она посещала мероприятие в книжном магазине прошлым вечером? Но тогда он бы обратил на нее внимание. Она выглядела куда интереснее скучноватой Магды, с которой Себастиан провел эту ночь.

– Анне-Ли Юландер, мы встречались в Лунде.

Пояснение не помогло Себастиану. Он спал с ней?

Возможно. Вполне вероятно. Ожидаемо.

Но это все равно никак не объясняло ее появления в гостинице, в Сале, в полшестого утра. Когда он в последний раз был в Лунде? Много лет назад.

– Вы помогли нам вести расследование, – продолжила объяснять Анне-Ли.

– Вы служите в полиции Лунда, – быстро предположил Себастиан и тут же утратил к гостье интерес, когда стало ясно, что предмет их будущего разговора связан с работой.

– Я теперь служу в Уппсале.

– Ясно.

– Вы уже завтракали?

Позавтракать Себастиан еще не успел. Магда еще спала, когда около пяти часов утра он тихонько выбрался на улицу. Он сверился с картой в своем смартфоне и понял, что пешая прогулка до отеля займет у него едва ли сорок минут времени. Себастиан надеялся, что прогулка пойдет ему на пользу, поможет удержать хрупкое чувство удовлетворения, но уже на полпути по пустым темным улицам он вновь ощутил тяжесть и опустошение. Поэтому, в надежде застать в буквальном смысле лучезарный восход солнца, Себастиан решил сделать крюк, но когда добрался до отеля, было все так же темно.

Темно и уныло.

Но Себастиан здесь не останется, он уже решил. Сразу в номер, сложить вещи и выезжать. Как вдруг возникла Анне-Ли.

– Я не завтракаю, – отозвался Себастиан. Это было неправдой, но он равно не имел желания продлевать свое пребывание в Сале, как и выяснять причину интереса к своей персоне сотрудников Уппсальской полиции.

– А я – да, – с улыбкой сказала Анне-Ли. Окинув взглядом пространство вокруг себя, она взяла его под руку и добавила:

– Только не здесь.

* * *

– Нет, – ответ был исчерпывающим. Не оставлял возможности для толкования или неверного понимания, но Анне-Ли, очевидно, не

собиралась так просто сдаваться.

– Почему? – поинтересовалась она тоном более любопытствующим, чем разочарованным, надкусывая купленный сэндвич с авокадо.

– Я не хочу.

Простая истина.

Себастиан опустил на стол чашку с кофе – единственное, что он заказал в кафе, в которое Анне-Ли его притащила. В зале сидели лишь они двое, да еще четверо клиентов. Было все еще очень рано.

– Что я могу сделать, чтобы вы передумали? – спросила Анне-Ли, глядя ему в глаза поверх кромки стакана с морковным соком. В вопросе не было ни малейшего намека на сексуальный подтекст или приглашение, поэтому Себастиан счел за лучшее притвориться, что и он ничего такого не услышал.

– Как вы разыскали меня? – спросил он вместо ответа.

– Я позвонила Торкелю Хеглунду, и он сказал, что вы больше не сотрудничаете с ним, и сейчас пишете книгу. Это так?

Ответ удивил его. То, что Торкелю это известно. Наверное, Урсула рассказала. Себастиану стало любопытно, спрашивал ли сам Торкель о нем, или же Урсула рассказала по собственному желанию. Не то чтобы это имело какое-нибудь значение. Из всех бывших коллег скучал он точно не по Торкелю.

– Потом я позвонила в ваше издательство, и они сообщили мне, что вы находитесь здесь, – продолжала Анне-Ли, не дождавшись от Себастиана никакой реакции.

– Почему бы вам было просто не позвонить мне? – полюбопытствовал Себастиан.

– А вы бы ответили?

– Нет.

– Перезвонили бы мне?

– Нет.

Анне-Ли снова улыбнулась ему, как будто его неприкрытая незаинтересованность в диалоге ее забавляла.

– Дорога сюда заняла у меня всего сорок пять минут, – сообщила она, пожав плечами. – Я подумала, что вам будет сложнее ответить мне отказом лично, – продолжала она, шаря взглядом по разделявшему их пространству стола, – в особенности, если я угощу вас завтраком.

– Нет, все обстоит совсем не так, – отозвался Себастиан. – Это я вас угощаю.

Улыбка исчезла с ее лица. Она взяла салфетку и промокнула рот, прежде чем наклониться поближе к Себастиану. Теперь серьезно.

– У нас два жестоких изнасилования и одна попытка, все в течение месяца. Он не остановится. Пострадают и другие женщины. Он – животное.

– Таких много, – пожал плечами Себастиан.

– И вы не чувствуете за собой ответственности сделать хотя бы попытку остановить тех, кого возможно остановить? – спросила Анне-Ли, вновь с искренним любопытством в голосе.

Себастиан встретился с ней взглядом. Истина состояла в том, что он не ощущал ответственности. Он не мог быть в ответе за мир. Его действиями не руководила тяга сделать мир лучше. Он отвечал за себя и свои действия, и никогда не понимал людей, которые «стыдятся быть шведами», если кто-то из соотечественников облажался, или «стыдятся быть людьми» в других случаях, или вообще стыдятся от чьего-то имени. Он не верил в общность вины. А также в коллективную ответственность. Себастиан отдавал себе отчет, что если станет объяснять все это Анне-Ли, то предстанет перед ней ровно таким эгоистичным и бесчувственным, каким и являлся на самом деле, а ему внезапно по неясной причине захотелось не оставлять о себе у этой женщины дурного впечатления.

– Я больше не сотрудничаю с полицией, – уклончиво ответил он и, опустив взгляд, сделал глоток кофе.

– И это ваш выбор?

Себастиан вопросительно посмотрел на Анне-Ли. Стало ясно, что отвечать он не намерен, поэтому она продолжила:

– Забросить работу в Госкомиссии ради турне по книжным магазинам в провинции и лекций о заплесневевших книгах?

Себастиан хранил молчание. Анне-Ли отодвинула тарелку, скрестила пальцы под подбородком и метнула в Себастиана быстрый взгляд.

– Я прочла ваши книги. Они неплохи, вы – способный писатель, но также чертовски хороший криминальный психолог.

– Я – лучший, – задумчиво согласился Себастиан.

– Так почему бы вам не заняться тем, в чем вам нет равных, чем перебиваться не слишком успешным для себя занятием?

– Потому что я не хочу.

– Что ж, ладно, в любом случае я попыталась, – сказала она и откинулась назад. – Попытаю счастья с другим. С Перссоном Риддарстольпе.

– Он придурок, – отозвался Себастиан, не в силах сдержать усмешку. – И мне известно, к чему вы клоните.

– К чему же? – удивилась Анне-Ли, вновь продемонстрировав свою очаровательную улыбку.

– Вы используете мою известную неприязнь к Риддарстольпе, чтобы вынудить меня согласиться работать с вами. Это не пройдет.

– Ну что же, тогда давайте завершим наш завтрак на приятной ноте и отправимся каждый по своим делам. – Анне-Ли взяла в руки кофейную чашку и откинулась на спинку сиденья. – Смотрели в последнее время какое-нибудь хорошее кино?

Себастиан изучал ее. Она не была похожа на других полицейских, с которыми ему довелось работать. Теперь ему стало ясно, почему он внезапно озаботился тем, чтобы не оставить о себе дурного впечатления. Анне-Ли ему понравилась. Но он никогда не станет на нее работать, а она не станет с ним спать, так что они поступят, как и сказала Анне-Ли – завершат завтрак на приятной ноте и разбегутся.

У нее зазвонил мобильный. Анне-Ли достала его из сумочки, взглянула на дисплей и, не извиняясь, ответила:

– Да, Ванья, что случилось?

Анне-Ли отвернулась от Себастиана, слушая ответ, но он едва ли обратил на это внимание. Верно ли он расслышал?

Это была Ванья? Его Ванья?

Она теперь работает в Уппсале?

Себастиану было известно, что она решила взять тайм-аут в Госкомиссии, но они с Урсулой не обсуждали местонахождение Ваньи. Себастиан не интересовался, Урсула не рассказывала. Анне-Ли завершила разговор сообщением о том, что будет на работе к девяти, и положила телефон на стол, опять-таки не сказав ни слова извинения.

– Кто это был? – любопытно спросил Себастиан в самом нейтральном, как ему хотелось бы думать, тоне.

– Одна из моих следователей. Вы должны быть знакомы, она перешла к нам на работу из Госкомиссии. Ее зовут Ванья.

– Ванья Литнер.

– Да, это она. Хорошая девочка.

Себастиан был последним, кто поверил бы во вмешательство высших сил, судьбу или случай, но это... Ванья в Уппсале и работает над делом, за которое его только что умоляли взяться. Этим утром из всех возможных мест шанс настиг его здесь, в Сале.

Новый шанс.

Последний.

Себастиан взял чашку и прислонился к спинке стула, стараясь не выглядеть чересчур возбужденным.

– Я еще раз все обдумал, пока вы разговаривали, – начал он и сделал глоток кофе, словно ему требовалось время для того, чтобы верно подобрать слова. – Значит, вы считаете, что этот человек потенциально опаснее Хагаманнена?

Анне-Ли смотрела на него в растерянности. В чем она была уверена, так это в том, что Себастиан передумал не из-за нее, это было очевидно.

– Если он станет продолжать – да, – отозвалась она с надеждой в голосе.

Себастиан кивнул, как будто пришел к соглашению с самим собой, и встретился взглядом с Анне-Ли.

– Ладно, рассказывайте.

* * *

– Ты же не серьезно, черт побери?!

Было неясно, к кому она обращается, но так как Ванья уставилась именно на него, как только он вошел в контору, Себастиан предположил, что и этот краткий выпад был адресован ему, пусть за его появление здесь и была в ответе Анне-Ли.

Он размышлял о том, какой будет их встреча, когда машина завернула на Свартбэкsgатан и остановилась у современного девятиэтажного здания со стеклянным фасадом, которое, согласно

вывескам на нем, полиция делила с управлением исполнения наказаний и прокуратурой.

Он замешкался в машине, нервничая перед встречей. Сможет ли он казаться удивленным, словно не имел понятия о том, что Ванья теперь работает здесь, и именно над этим делом? Если бы ему было известно об этом, он никогда не согласился бы на предложение Анне-Ли. Себастиан быстро забросил эту идею. Ложь – это меньшее из зол, в ней он хорошо поднаторел, но вот изобразить удивление так, чтобы у Ваньи не закралось сомнений, – с этим он вряд ли смог бы справиться. К тому же Анне-Ли могла моментально разоблачить эту ложь, рассказав Ванье, что в Сале упоминала ее имя.

Анне-Ли постучала по ветровому стеклу, Себастиан вылез из машины, и после необходимой процедуры регистрации последовал за Анне-Ли к лифтам. Он решил придерживаться тактики деликатного сближения. Начать с того, что понимает – Ванье не по душе оказаться с ним рядом, продолжить обещанием быть просто коллегами, признать прошлые ошибки и пообещать измениться и стать лучше.

Так он решил поступить.

Однако он едва успел выйти из лифта, а тем более что-то сказать. Ванья заметила их еще на подходе к офису, и от него не укрылось, что она словно окаменела. Ее глаза потемнели, плечи взметнулись вверх, и она будто приняла бойцовскую стойку, когда за Себастианом и Анне-Ли закрылась дверь в офис. Анне-Ли еще не успела представить своего спутника, как Ванья выпалила свой вопрос относительно серьезности ее намерений привлечь его к работе. Анне-Ли коротко взглянула на нее, прежде чем указать рукой на мужчину лет тридцати пяти, сидевшего за письменным столом у окна.

– Это Карлос Рохас, мой ближайший помощник, – отрекомендовала она. Мужчина поднялся из-за стола и подошел к Себастиану, протягивая руку для приветствия. Себастиан отметил, что на новом знакомом было надето как минимум три свитера.

– А это Себастиан Бергман, криминальный психолог, он будет нам помогать, – продолжила Анне-Ли, снимая пальто.

– Привет, добро пожаловать, – поздоровался Карлос, вопросительно взглянув на Анне-Ли. Она не услышала слов Ваньи? Не станет комментировать ее реакцию?

– Спасибо, – ответил Себастиан и пожал протянутую руку. Рука была ледяной, как будто Карлос только что вернулся с улицы зимой, побывав там без перчаток.

– Ванья, можно тебя на пару слов? – произнесла Анне-Ли нейтральным тоном, и кивком указала на свой кабинет – огороженный прозрачными стенками письменный стол в комплекте с двумя стульями для посетителей и стеллажом.

– Здравствуй, Ванья, – сделал робкую попытку Себастиан, но она лишь метнула в него злобный взгляд по пути в кабинет своего шефа.

Указав Ванье на один из вегнеровских^[4] стульев для посетителей, Анне-Ли повесила пальто. Ванья опустилась на стул, оказавшись спиной к ожидавшим снаружи Карлосу и Себастиану. Стекло не давали того ощущения уединения, какого хотелось бы Ванье. Ей казалось, что спиной она ощущает взгляд Себастиана, но поворачиваться, чтобы проверить, так ли это, она не стала.

– Ладно, слушаю, – произнесла Анне-Ли, заняв место напротив Ваньи.

С чего начать? Рассказать, как Себастиан раз за разом умолял ее пустить его в свою жизнь, чтобы в итоге только навредить? Как он обещал стараться изо всех сил, чтобы в итоге вновь ее предать? Как она чувствовала себя то ли оскорбленной, то ли проклятой, когда раз за разом приходилось снова с ним встречаться. Сколько нужно всего рассказать?

Об Анне, Вальдемаре и Себастиане. Маме, папе и папе.

– Во-первых, он мой отец.

Откуда-то нужно было начать, и эта информация показалась ей наиболее важной.

– Правда? – брови Анне-Ли взметнулись вверх.

– Да.

Анне-Ли выглянула в офис. Карлос показывал Себастиану рабочее место. Она снова повернулась к Ванье, и кивком велела ей продолжать. Очевидно, само родство с Себастианом как факт не могло служить причиной столь сильной реакции Ваньи на его появление.

Ванья решила не опускать руки.

– Он практикует беспорядочные половые связи. Много раз спал с фигурантами наших дел – свидетелями, прокурорами, родственниками – со всеми. Он чудовищно непрофессионален.

– Ценная информация, – согласилась Анне-Ли. Ванья ожидала от нее другой реакции. Она чувствовала, что начинает сердиться. Она что, действительно должна сидеть здесь и объяснять, почему Себастиана Бергмана и близко нельзя подпускать к расследованию, да и вообще к обычным людям?

– Он высокомерный, эгоистичный, бесстыжий, сексист... я не знаю, что еще нужно сказать. Он ходячая бомба для психологического климата в подразделении.

– Я руковожу этим подразделением, так что все бомбы должны падать на мой стол.

Ванья обреченно вздохнула – ей не удалось убедить Анне-Ли. Та, очевидно, приняла решение, и слова Ваньи уже не играли совершенно никакой роли.

– Он задевал меня лично. Много раз, – выдавила она из себя в последней попытке достучаться до начальницы хотя бы в личном плане. – Из-за него мне пришлось покинуть Госкомиссию.

Что было правдой лишь отчасти. Весной Ванье стало ясно, что шаблон следует разорвать. Заняться чем-то новым. В общем и целом это решение больше было связано с желанием разобраться, чего Ванья на самом деле хочет и кто она, найти себя, хоть сама Ванья никогда бы в этом не призналась.

Первым шагом в этом направлении стал уход из Госкомиссии. Но возможность Себастиана постоянно присутствовать в следственном процессе только упрочила это решение. Анне-Ли поймала ее взгляд и слегка нагнулась вперед.

– Я услышала тебя, Ванья. Я сама в курсе многого из того, о чем ты сказала.

Она встала и подошла к окну, устремив взгляд на круговую развязку внизу.

– Но лишь вопрос времени, когда пресса до всего этого докопается. И к тому моменту я должна буду сделать все, что в моих силах. А привлечь лучшего в Швеции специалиста по психологическому профилированию – это шаг в верном направлении.

Ванья поймала себя на том, что кивает. Чисто с полицейской точки зрения в словах Анне-Ли безусловно был резон.

– Если бы ты могла отделить личное от работы, – продолжала Анне-Ли, глядя ей в глаза, – неужели он не хорош в своем деле?

Ванья никоим образом не желала быть причастной к появлению Себастиана в Уппсале, рядом с собой, так что она ничего не стала отвечать, что само по себе уже было ответом.

– Он будет держать член в штанах, и относиться к людям с уважением, пока здесь работает.

– Удачи с этим, – фыркнула Ванья.

– Но вопрос состоит в том, – продолжала Анне-Ли, пропустив мимо ушей выпад Ваньи, – сможешь ли ты с ним работать.

– Скорее, нет.

– Мне жаль, Ванья, но это был вопрос, на который следует отвечать однозначно.

* * *

Наутро они старались вести себя как обычно. Будто ничего не произошло. Ради Виктора. Встали в обычное время, приготовили завтрак, сложили его спортивную сумку.

Накануне они не сразу смогли уснуть. Они с Заком долго лежали без сна, шепотом переговариваясь над головой спящего между ними сына. Зак уснул около половины второго и, к своему удивлению, Клара тоже смогла подремать несколько часов, поэтому утром чувствовала себя бодрее. Может быть, помогла рутина, бытовые хлопоты. Ради Виктора пришлось вести себя как ни в чем не бывало. Зак интересовался, как они проведут день, если он возьмет на работе отгул и вернется домой после того, как отведет сына в школу? Они решили проводить Виктора вдвоем. Когда они распрощались с мальчиком, Зак снова поинтересовался, чем они будут заниматься. Чего бы хотелось Кларе.

Кларе хотелось поведать Иду.

Менее месяца назад, когда ей через десятые руки стало известно о произошедшем на кладбище, она некоторое время колебалась, решая, следует ли просто позвонить Иде или лучше встретиться, но в итоге не стала делать ни того, ни другого. Теперь ей захотелось навестить Иду.

Она не совсем понимала зачем.

Просто ей казалось это правильным.

Зак пошел вместе с ней. Они договорились, что он зайдет за Кларой через час. Если ей захочется побыть подольше, она скинет ему сообщение.

Увидев свою старую приятельницу, Клара впала практически в шоковое состояние. Ида выглядела изможденной – темные круги под глазами, бледно-серая кожа, сальные волосы свисают безжизненными сосульками, словно Ида давно не принимала душ. К тому же она сильно исхудала. Конечно, это могло произойти и до нападения – Клара ведь не видела Иду уже несколько лет – но у нее сложилось впечатление, что это не случайность. Ида не выразила сильного восторга по поводу визита подруги, а вместо приветствия произнесла:

– А, это ты.

За этим последовало краткое объятие и приглашение пройти в квартиру.

Клара сидела в кухне у Иды, где провела так много часов, когда они тесно общались.

Все было по-прежнему. Полукруглый кухонный стол у стены, белые стулья, у противоположной стены – комод с миниатюрной оловянной посудой и фигурками Иисуса и Марии, на стене над которым висела доска для записей. Кремовые фасады мебели, микроволновка стоит на столешнице светлого дерева. Клара не заметила перемен со времени своего последнего визита.

– Почему? Это единственное, о чем я могу думать, – сказала Ида, разливая кофе по чашкам. Кларе почудилось, что от приятельницы исходит едва заметный запах помойки. – Почему это случилось? Почему именно со мной?

– Ты с кем-то об этом говорила? – участливо спросила Клара, протянув руку за пакетом молока.

– В общем нет, – отозвалась Ида, с кофейником в руках возвращаясь к кофемашине. – Мама предлагала приехать ненадолго, но я отказалась.

– Почему же? Тебе не пришлось бы быть одной.

Почему? Этот вопрос Ида задавала себе сама. Вне всяких сомнений, в первые недели, когда каждый непонятный звук в доме, каждый шаг по лестнице заставляли ее вздрагивать, было бы прекрасно, если бы рядом кто-то был. Но она не хотела этого. Ей скорее хотелось бы, чтобы никто не знал о случившемся.

– Она бы не смогла с этим справиться, ей пришлось бы тяжелее, чем мне, – попыталась улыбнуться Ида, возвращаясь к столу. – И я не хотела бы, чтобы она начала относиться ко мне иначе.

Хотя теперь все стало иначе.

Тело более или менее вернулось к своим обычным ритмам. Она перестала постоянно дрожать и внезапно просыпаться по ночам. Ей все еще приходилось заставлять себя поесть, но тем не менее она это делала.

С чувствами было сложнее. Ей стало сложно концентрировать внимание, приходилось балансировать между противоположными эмоциями. Она могла разозлиться или обидеться по любому поводу. Мысли ее стремились постоянно к одному и тому же.

Почему?

Почему это случилось?

Почему именно со мной?

Она молилась. Больше, чем когда-либо в своей жизни. Ей нужна была помощь, чтобы понять, чтобы излечиться. Но она не получила ответов на свои вопросы. Пыталась найти утешение в Библии. Не хотела идти в церковь. Не хотела, чтобы люди опускали глаза и жалели ее.

Или еще хуже: думали, что она это заслужила.

Что это было справедливой карой за что-то.

Ида знала, что Господь не наказывает людей таким образом, что Иисус взял все грехи на себя и достаточно попросить прощения, чтобы его получить. Но не все прихожане представляли это именно так. Некоторые верили в справедливо карающего Господа. Это она не могла обсуждать с Кларой. Много лет назад они пересекались в церкви, но Клара избрала другой путь.

– Кто-нибудь из церкви помогает тебе? – поинтересовалась Клара, словно прочтя мысли старой подруги.

– Я вижу с кем-нибудь в магазине раз в неделю. Не решаюсь выходить на улицу одна.

Это Кларе было понятно. Она почувствовала, как сильно переживает, как только Зак покинул ее на крыльце дома. Как страх ползет за ней по пятам. Ида, должно быть, ощущает все острее во сто крат.

– Иногда я даже не могу заставить себя вынести мусор, – озвучила Ида мысли подруги. Практически все за стенами дома заставляет заново переживать нападение. Звуки, запахи, люди. Решение – оставаться дома. Ее мир сузился до двух комнат и кухни. Она встала, чтобы заново наполнить чашки. – Ты не могла бы прихватить мусор с собой, когда будешь уходить?

– Конечно. Как ты считаешь, то, что напали на нас обеих, – это совпадение?

Он просто вырвался. Этот вопрос. Когда Клара услышала свой голос, у нее возникло чувство, что именно за ответом на этот вопрос она сюда и пришла, сама того не понимая. Пытаясь найти связь.

– Что же еще это может быть? – ответила Ида. – Разве ты не сказала, что есть и третья потерпевшая?

– Да, какая-то Тереза...

– Которую мы совсем не знаем, – прервала ее Ида.

– Нет.

– Вот так-то.

В кухне повисла тишина. Ида вновь поместила кофейник в кофемашину и стояла рядом, не желая возвращаться за стол. По правде говоря, она испытывала смешанные чувства по поводу визита подруги. Сразу после того, как Клара объяснила причину своего внезапного появления и описала случившееся с ней минувшим вечером, у Иды в голове возник знакомый вопрос.

Почему именно я?

Но теперь к нему присоединился тоненький голосок, который спрашивал:

– *Почему не она?*

Она пыталась не думать о том, что это несправедливо. Что желать другим людям зла плохо. Но Клара повернулась к Богу спиной. Оставила церковь и общину, ушла и не оглянулась. А Ида никогда не сомневалась, ни единого раза. И ее изнасиловали.

– Послушай, мне очень жаль, но я действительно устала, – сказала Ида, давая подруге понять, что визит окончен. Клара кивнула и поднялась.

– Конечно, я понимаю.

Ида проводила ее до двери, и в тишине наблюдала, как Клара обувает туфли и надевает верхнюю одежду. Потом Клара подхватила

два мусорных мешка, и замешкалась, положив ладонь на дверную ручку.

– Звони мне, если тебе что-то понадобится или нужна будет какая-то помощь.

Они обе знали, что этого не произойдет.

Ида заперла за Кларой дверь на замок и цепочку и отправилась на кухню убирать со стола.

Могло получиться вполне сносно.

Старая знакомая пыталась реанимировать общение.

Протянула руку.

Все могло стать по-прежнему.

Но ее жизнь уже никогда не станет прежней. Этот человек уничтожил ее за несколько минут. Ида сделала глубокий вдох и попыталась отогнать мысли. Отодвинуть в сторону. Иногда ей это удавалось. Убедить себя в том, что она не потеряла надежду.

Она выжила.

Все изменится к лучшему.

Самое плохое уже позади.

Она подошла к раковине и сполоснула чашки, не подозревая о том, как сильно ошибается.

* * *

Рашид выбрался из машины и отыскал взглядом окно на третьем этаже. Жалюзи опущены. Конечно. Вздохнув про себя, он запер автомобиль и стал переходить улицу.

Управляющая компания назначила его контактным лицом для квартиросъемщиков около года назад. Идея заключалась в том, что по всем вопросам можно будет обращаться к одному и тому же человеку. Что это упростит взаимодействие между квартиросъемщиками и домовладельцем. Что таким образом можно создать доверительные взаимоотношения.

В случае с Ребеккой Альм идея себя не слишком оправдала.

Он приезжал сюда уже в четвертый раз по одному и тому же вопросу.

Он набрал код, толкнул дверь, прошел к лифту и нажал на цифру 3.

Все квартиросъемщики разделяли мнение компании о том, что установка пожарных оповещателей в каждой квартире и оснащение квартир системами пожаротушения были своевременны, и приветствовали это начинание. Все, кроме Ребекки.

Она была абсолютно уверена, что в них вмонтированы камеры или другое следящее оборудование, и категорически не желала установки приборов. Рашид ни единым словом не обмолвился, насколько дремуче невежественной была эта позиция; напротив, он бесконечно терпеливо разъяснял, что речь идет о безопасности других квартиросъемщиков и что вопрос установки не может являться предметом переговоров. Так что, невзирая на громогласные протесты, системы все же были установлены. Неделю спустя Рашид решил под надуманным предлогом навестить Ребекку, чтобы проверить, все ли в порядке, и попал в точку: оповещатели были сняты. Начался довольно эмоциональный обмен мнениями, и в итоге был достигнут компромисс: Ребекка установит личный оповещатель собственными силами, но это должно быть сделано не позднее первого октября. Начиная с третьего числа Рашид пытался разыскать Ребекку, с тем чтобы нанести ей инспекционный визит, но она не отвечала на звонки и никаким другим образом не давала о себе знать.

Рашид вышел из лифта и направился к светлой деревянной двери с табличкой «Альм». Он позвонил и стал ждать, без особой надежды, что Ребекка откроет и что она вообще дома. Он позвонил еще раз, много раз, слыша, как трель звонка разливается за закрытой дверью. Никто не открыл. С тихим вздохом Рашид достал из кармана универсальный ключ. На случай, если компания не могла связаться с жильцами посредством звонков, смс-сообщений, электронной и обычной почты, по согласованию с юристами было принято решение о допуске сотрудников компании в квартиры без согласия жильцов. Это касалось безопасности всего дома.

Рашид еще разок позвонил, выждал десять секунд и, вставив ключ в скважину, повернул его. Он немного приоткрыл дверь и крикнул в щель:

– Ау! Ребекка! Это Рашид, я вхожу!

Никакого ответа. В квартире полная тишина. Рашид открыл дверь пошире и шагнул в тесную прихожую.

– Здравствуйте, Ребекка. Это Рашид. Вы дома?

Плотная тишина была ответом на его вопрос, так что, закрывая за собой дверь, он немного расслабился. Ему была практически безразлична Ребекка Альм, за тем исключением, что она стала бы протестовать против его появления в квартире с универсальным ключом. А так ему не придется ее утихомиривать, а также с большой вероятностью он сможет избежать заявления в полицию о незаконном проникновении.

Рашид вытер подошвы о придверный коврик и прошел вглубь квартиры, в гостиную, совмещенную с кухней, ремонт в которой проводился раз в два года. Рашид бросил взгляд на потолок над двухместным диваном и журнальным столиком. Никаких оповещателей. Он ощутил определенное разочарование, ведь он надеялся, что занимается этим вопросом в последний раз, но очевидно, это было не так. Рашид двинулся дальше, разглядывая мойку. Остатки завтрака выглядели так, будто стоят там уже какое-то время. Этот сладковатый душок, наверное, исходит от обедков.

Рашид приблизился к закрытой двери в спальню. Оповещатель должен был быть установлен в каждой комнате. Так как Рашид не нашел его в гостиной, он особенно и не надеялся увидеть оповещатель в спальне, но проверить был обязан. Он толкнул дверь и тут же попятился.

Она была дома.

Спала.

В голове Рашида засуетились мысли. Он не может ее разбудить, она испугается до смерти. Что же делать? Покинуть квартиру? Оставить дверь в спальню открытой и позвонить еще раз? Вернуться позже? А потом какая-то часть его мозга наконец осознала то, что он на самом деле увидел. Ребекка лежала на кровати, да, но она не спала. Так не спят.

Лежа животом на покрывале, ноги свисают с края кровати.

Обнажена ниже пояса, за исключением чулок на ногах.

С мешком на голове.

Торкель появился из тоннеля и зашагал вверх по Бергсгатан. Позже, чем он рассчитывал. Он немного проспал. Снова. Торкель спрятал жилистые руки в карманы пальто. Все жаловались на холод, на неестественно раннюю зиму, а Торкеля все это, напротив, бодрило. Ему было не на что жаловаться. Каждое утро Торкель просыпался с невероятным ощущением – и это факт.

Торкель был счастлив.

До настоящего времени он уже давным-давно не испытывал счастья, как сам он теперь понимал. У них с Ивонн были проблемы в течение многих лет, потом последовал развод, потом... Что было у него? Работа, отнимавшая большую часть его времени, и какое-то подобие отношений с Урсулой. Они периодически спали вместе, собственно, этим отношения и исчерпывались.

Он был одинок.

А Торкель плохо переносил одиночество.

Наступило лето, и по окончании работы над делом Давида Лагергрена Торкель помчался обратно в Ульрисехамн. К Лисе-Лотте. Там они пробыли несколько дней, а потом вместе поехали на пару недель в его летний домик неподалеку от Мьельбю. Вильма и Эллин приезжали погостить на несколько дней. Абсолютно добровольно. Эллин подрабатывала летом в ресторане в Седере, но в конце июля у нее была неделя отгулов. Она привезла с собой одного из официантов – своего бойфренда. Все прошло замечательно. Они не просто приняли Лисе-Лотте, она определенно им понравилась.

В последний вечер перед тем, как ему пришлось вернуться на работу – не у всех, в отличие от Лисе-Лотте, были летние каникулы, – они сидели на террасе, приканчивая бутылку вина, начатую еще в обед. Лисе-Лотте поставила свой бокал на стол и с серьезным видом повернулась к Торкелю.

– Ты только не волнуйся сейчас, – начала она, взяв его руку в свою. Теплой летней ночью Торкель ощутил ледяной холод. Это не сулило ничего хорошего. Всевозможные мысли закружились в его голове. Все на одну тему.

Она собирается меня бросить.

Он знал, что так и будет. Все было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

Он ничего не сказал, просто, забывая дышать, глядел на Лисе-Лотте.

– Я тут подумала кое над чем, – продолжала она.

«Она точно собирается меня бросить», – думал Торкель.

– Меня на самом деле ничего не держит в Ульрисехамне.

Окей, переедет ближе к дочери или поедет работать за границу на пару лет. Ненамного лучше.

– Что ты скажешь, если я предложу переехать в Стокгольм? К тебе?

Вначале он думал, что не расслышал. Что он скажет?

Он ничего не мог бы желать сильнее.

– Я имею в виду, ты можешь подумать, что все происходит чересчур быстро, – продолжала Лисе-Лотте, озабоченно поглядывая на Торкеля. Тот внезапно осознал, что все еще ничего не ответил, хоть было уже самое время.

– Нет-нет-нет, я совсем так не думаю, – выпалил он. И снова замолчал. И тут же подумал, что она может истолковать молчание как сомнение. Подумать, что ему необходимо время, чтобы найти выход из ситуации. Что он подразумевает «но» – и далее любую отговорку. Подобные разговоры не были коньком Торкеля. – Я буду очень рад! – быстро добавил он.

– Очень рад, – повторила Лисе-Лотте с улыбкой, которая выдавала ее небольшое волнение. Торкель понял, что ситуация требует иных слов. Он попытался подобрать те, что соответствовали бы значимости момента, но он так редко в своей жизни произносил подобное, что оказался неуклюж.

– Я не смел на это даже надеяться, не то что предлагать, но я ничего не хочу сильнее этого. – Он встретился с ней взглядом и сжал ее ладонь в своей. – Я буду счастлив. Я тебя люблю.

Если уж смог сделать небольшое признание, хватило сил и на главное.

Так что теперь они жили в его квартире в Хорнстулле. Лисе-Лотте нашла новую работу в том же образовательном концерне – стала директором школы начально-среднего звена в Мэлархейдене. Они засыпали вместе по вечерам, просыпались вместе по утрам. Впервые за долгое время Торкель стремился домой после работы.

Он кому-то принадлежал.

И был счастлив.

– Доброе утро, – поприветствовал он Урсулу, открыв дверь к ним в офис.

– Скорее, добрый день, – отозвалась она, подняв голову от экрана компьютера. – Некоторые из нас присутствовали здесь, когда фактически наступило утро.

Торкель оставил дружескую шпильку без комментариев, молча снял шапку и, поправляя по пути узел галстука, направился в буфет с намерением выпить вторую чашку кофе.

– Тебе чего-нибудь принести? – поинтересовался он, кивая на буфет.

– Нет, ничего не нужно, – заверила его Урсула. – К тебе посетитель.

Торкель на мгновение замер. Посетитель? У него на сегодня ничего такого не было назначено. Может быть, Гунилла забыла внести что-то в его календарь? Это было на нее не похоже. Торкель бросил взгляд через плечо, на прозрачную перегородку своего кабинета.

За перегородкой на диване ждала Ванья.

Торкель не смог удержаться от довольной ухмылки. Они не виделись с того самого дня в июне, когда она объявила, что хочет попытаться найти себя где-то вдали от Госкомиссии. Ему не хватало Ваньи. Больше, чем он сам себе мог признаться. Торкель немедленно забыл о кофе и направился напрямик к своему кабинету. Когда он открыл дверь, Ванья уже вскочила.

– Какой приятный сюрприз! – он шагнул вперед и искренне обнял Ванью. – Ты здесь, просто чтобы навестить нас? – поинтересовался он, когда объятие закончилось.

– Да, или... еще кое для чего. Если мне будет позволено.

– Ты хочешь вернуться назад? – с надеждой в голосе спросил Торкель, указывая Ванье обратно на диван. Ванья села. – Ты хочешь этого? Начать сначала? – Торкель опустился в кресло напротив Ваньи.

– Да, я хочу вернуться, – подтвердила она, не в силах сдержать улыбку, глядя на то, как радуется Торкель.

– Мы тебе более чем рады, ты знаешь. Добро пожаловать! – сказал он. – Казалось, лишь усилие воли удерживает его от того, чтобы выпрыгнуть из кресла и захлопать в ладоши. – Но мне казалось, тебе и в Уппсале неплохо работается?

Ванья сделала глубокий вдох. Чем больше она размышляла, тем более невероятным ей это казалось. Семь регионов, тридцать районов и несчетное множество муниципалитетов. Преступления совершаются и расследуются по всей стране. Тем не менее Себастиану Бергману удалось оказаться именно там, где работала она.

– Так и было, – начала она свой рассказ. – У нас появился серийный насильник. Нападения...

– Разве? – прервал ее Торкель. – Я ничего об этом не слышал.

– Это лишь вопрос времени.

– Сколько их?

– Пока что три. Все в течение месяца, так что будут еще.

Торкель, посерьезнев, кивнул. Нападение, сопряженное с изнасилованием. Безусловно, сильнее всего пострадали жертвы преступника, однако подобные преступления вдобавок весьма существенным образом влияют на настроения в обществе: как минимум половина населения пребывает в страхе. Ни поджигатели автомобилей, ни бандитские разборки, ни организованная преступность не оказывают такого влияния. Они могут вселять в людей чувство неуверенности, раздуваемое прессой и политиками, жаждущими набрать побольше очков, но большинство населения все же осознает, что речь идет о внутренних проблемах в стране. Что же касается изнасилований... Если ты – женщина, значит, когда угодно и где угодно ты можешь стать следующей жертвой.

– Ну а теперь попробуй догадаться, – продолжала Ванья, – кого моя начальница пригласила помогать с расследованием.

Торкель мог вообразить себе только одного человека, чья персона могла заставить Ванью оставить свой пост посреди сложного расследования. Несмотря ни на что, она оставалась одной из лучших полицейских в Швеции.

– Не может быть, – сказал он.

– Да, – утвердительно кивнула Ванья.

– Себастиан? – Торкель вынужден был переспросить, чтобы быть точно уверенным, что они ведут речь об одном и том же человеке.

– Собственной весьма раздражающей персоной. Анне-Ли спросила, смогу ли я с ним работать, да или нет, и вот – я здесь, – слегка пожав плечами, завершила свой рассказ Ванья.

– Напомни мне отправить ей цветы, – пошутил Торкель.

Он понимал Ванью. С тех самых пор, как Торкель принял Себастиана обратно в ряды Госкомиссии тогда, в Вестеросе, тот являлся источником напряжения для всей группы, но сильнее всех пострадала Ванья.

Он в буквальном смысле изменил всю ее жизнь.

– Так я могу вернуться назад? – поинтересовалась Ванья. – Ты никого еще не взял на мое место?

– Не было причины. Мы все это время работали только с «висяками», но ничего крупного, собственного у нас не было.

Ванья выдохнула. Покинув Уппсалу, она помчалась прямо в Госкомиссию, гонимая страхом – не прервалась ли эта связь, сможет ли она рассчитывать на эту работу?

– Как вы тут все? – спросила она, выражая готовность быть более коммуникабельной и говорить на личные темы, когда самые важные вопросы были улажены.

– Думаю, неплохо, – отозвался Торкель, глядя сквозь прозрачную перегородку. Билли только что пришел, бросил рюкзак на стол и теперь стаскивал с себя куртку.

– Сегодня день опозданий или я что-то пропустила? – спросила Урсула, поглядывая на Билли, который только что повесил куртку на спинку своего стула.

– Я был дома вместе с Мю, нам нужно было кое с чем разобраться, – солгал Билли и, пошарив в рюкзаке, достал ноутбук. Истина же заключалась в том, что он не мог заснуть до полшестого, а проснулся через два часа, когда Мю уже убежала в спортзал, чтобы успеть потренироваться до первого клиента. Отчаяние и страх, с которыми он боролся всю ночь, никуда не исчезли, и он посвятил еще час утра повторной и даже третичной перепроверке электронного следа, который Йеннифер оставляла за собой, пока не «исчезла».

Урсула подавила вздох. И так ясно, что Билли был с Мю. Не так уж давно она была единственной в их группе, у кого имелись прочные отношения. С Микке. Определенно скачкообразные и ограниченные: она регулярно была ему неверна, он был явно несчастлив, но тем не менее.

Торкель был в разводе с Ивонн.

Ванья и Билли – одиночки.

Так все обстояло совсем недавно.

Теперь Торкель каждое утро расписывал минувший вечер так, словно это было восьмое чудо света, даже если на самом деле они с подругой просто поужинали и посмотрели телевизор. У Билли была Мю. Урсула никогда с ней не встречалась, но заметила, что Мю очень ловко вьет из него веревки, и было просто удивительно, почему Билли не звонит ей, чтобы посоветоваться, прежде чем высказать мнение по какому-то вопросу.

Теперь и Ванья вернулась.

Примерно час назад, когда Ванья возникла на пороге, Урсула как раз собиралась выпить кофе. Они успели пообщаться, и Урсула довольно быстро сделала раздражающее открытие: даже Ванья довольна своей жизнью. Ванья была не из тех, кто чересчур выставляет напоказ личную жизнь, но даже из услышанного минимума об европейском отпуске и Юнатане, с которым Ванья теперь будет вынуждена съехаться, так как ее собственная квартира еще полгода будет занята квартиросъемщиками, Урсула сделала свои выводы.

А чем сама Урсула занималась помимо работы?

Обычно лежала на диване с бокалом вина, поглядывая какой-нибудь сериальчик на Нетфликсе. Иногда бралась за книгу. Нужно называть вещи своими именами – она была одинока.

Она всегда была одинока, даже живя вместе с Микке и Беллой. Возможно, это был ее собственный выбор. Так что она не завидовала счастью коллег. По большому счету, не так много времени она посвящала мыслям о них вне работы.

Кроме Торкеля.

О нем она иногда думала.

Между ними, так или иначе, было что-то. Не то, чего бы ему хотелось. Лишь то, что она могла дать. Чего, конечно же, было недостаточно. Ни для кого бы не было достаточно.

За одним исключением.

И этим исключением был Себастиан.

Зазвонил мобильник. У Билли. Она слышала звонок, слышала его ответ, но не зафиксировала. Годы, проведенные в условиях открытого офисного пространства, привили Урсуле привычку фильтровать то, что лично к ней отношения не имело. Однако в этот раз было в голосе Билли нечто новое, что пробудило в ней любопытство.

– Чего он хочет?

Всего три коротких слова, но его голос уже звучит иначе. Напряженно.

– Почему?

Урсула бросила взгляд в сторону Билли. Он выпрямил спину, словно готовясь в любой момент вскочить со стула. Готовясь к бегству.

– Он сейчас здесь?

Определенно напряжен, об этом говорит как голос, так и сигналы его тела.

– Нет, нет, я спускаюсь.

Он повесил трубку, встал с места и направился к двери. Урсула проводила его взглядом. Кто бы ни ждал Билли внизу, с этим человеком он точно не хотел встречаться.

* * *

Билли прошел через автоматическую дверь-вертушку и очутился в приемной. Он кинул быстрый взгляд на Тамару за стойкой, и она указала ему на мужчину лет пятидесяти пяти на вид, в джинсах и бордовой куртке-бомбере, надетой поверх вязаного свитера. Он сидел на одной из прикрепленных к стенам скамеек возле входа, держа на коленях портфель, шапку, шарф и варежки. Посетитель встал сразу, как только заметил Билли, а Билли в тот же момент понял, кто перед ним. Он подошел к посетителю вплотную и протянул ему руку.

– Здравствуйте. Билли Русэн. Вы искали меня?

– Да, я Конни Хольмгрен, отец Йеннифер.

– Точно, я так и подумал, когда вас увидел, – ответил Билли как можно непринужденнее. – Я видел вас на фотографии дома у Йеннифер.

Очень неплохо упомянуть о том, что он бывал там. Пусть все выглядит как нормальные товарищеские отношения между коллегами. Самая удачная ложь – та, что ближе всего к правде. Подтверждать все, особенно если нужны будут доказательства. Молчать или отрицать как можно меньше, только то, что абсолютно необходимо обойти молчанием или отрицать.

Как, например, если ты задушил кого-то по пьяни во время секса.

Конни кивнул, словно подтверждая, что это было весьма вероятно, а затем поднял на Билли глаза, полные печали и отчаяния. Билли только сейчас обратил внимание, что они опухли от слез.

– Ты, может быть, слышал о том, что случилось...

– Да, я вчера узнал. Это... ужасно. Я не знаю, что сказать. Это так страшно...

Конни ничего не ответил, просто кивнул, больше для себя.

– У вас нет новой информации? – спросил Билли, с правильно, как ему хотелось бы верить, подобранной интонацией в голосе.

– Нет, ничего нет, – покачал головой Конни. – Начальство Йеннифер в Сигтуне на связи с французской полицией, но пока что...

Он не закончил предложение, словно на мгновение растворился в собственных мыслях, а Билли не знал, что сказать.

– Ужасно... – повторил он, чтобы заполнить возникшую паузу и, возможно, подтолкнуть Конни к тому, чтобы он изложил причину своего визита. Это не помогло. Мужчина продолжал стоять молча, устремив взгляд вдаль.

– Могу я чем-то вам помочь? – еще через несколько наполненных тягостным молчанием секунд спросил Билли.

– Ты ведь знал ее, правда? Вы общались, – начал Конни, вновь отыскав взглядом глаза Билли. Билли подумал, не является ли слово «общались» эвфемизмом для «были любовниками» в устах Конни. Глаза последнего, однако, не давали подсказки.

– Да, она работала с нами несколько раз, и впоследствии мы поддерживали контакт, – подтвердил Билли.

Конни, похоже, остался удовлетворен ответом. Билли немного расслабился, не похоже было, что ее отец в курсе. Было бы странно, если бы был. Какая взрослая женщина станет рассказывать отцу о своей интимной жизни?

– Она говорила о тебе, – продолжил Конни.

Билли кивнул. Говорила что? Как много? Она не упоминала его ни в смс, ни в Мессенджере в чате с родителями, это Билли было доподлинно известно. А вот о чем Йеннифер говорила, когда они с родителями виделись физически, он не имел понятия. Ему придется двигаться дальше осторожно, наощупь.

– Да, мы поддерживали контакт, как я и сказал, иногда пересекались.

– Она говорила, ты здесь занимаешься техническими вопросами, – сказал Конни, сопровождая слова жестом, как бы заключающим здание в круг. – Компьютеры и все такое.

– Да, так и есть. В основном.

– Я хотел бы показать тебе кое-что, – пояснил Конни и повернулся к скамье, на которой оставил свой портфель. – Мы можем куда-нибудь пойти? Я рассказал это ее начальнику в Сигтуне, но там не слишком заинтересовались, – сказал Конни, открывая портфель.

Они выбрали место у окна в кафе на Польшемсгатан. Билли заказал две чашки кофе, к которым никто из них, однако, не притронулся. Конни отодвинул вазу с цветами, и положил на стол два листа бумаги.

– Посмотри вот сюда, – поманил он Билли и, когда тот подался вперед, развернул к нему первый лист. Это была распечатанная фотография из Инстаграма Йеннифер. Одна из тех, что Билли выкладывал на той неделе в конце июня, когда был один в Стокгольме.

Селфи. С острова Лонгхольмен^[5].

Улыбка Йеннифер в нижнем правом углу, на заднем плане – мост Вестербрун и бликующая вода.

– А теперь взгляни сюда, – подвинул Конни другой лист. Тоже фото Йеннифер, только более раннее, сделанное ею самостоятельно. Билли сразу же его узнал. Это было весной, в Осло. Тоже вода на заднем плане, поэтому Билли и выбрал его, чтобы вырезать изображение Йеннифер, а потом приклеить его на картинку с Лонгхольменом. Билли немного его уменьшил, настроил подходящий свет и зеркально отобразил ее фигуру, но это была по сути одна и та же фотография.

– Это одно и то же фото, – слова Конни прозвучали как эхо мыслей Билли.

– Что вы имеете в виду? – Билли не смел поднять голову и встретиться взглядом с Конни. – Они же совершенно не похожи.

– Это одно и то же изображение Йеннифер.

– Я не уверен, что понимаю вас... – выдавил из себя Билли и отважился поднять глаза. Голос его не дрогнул, так, может, и лицо не подведет?

– Кто-то подделал фото, – заявил Конни, указывая на селфи Йеннифер с Лонгхольмена. – Посмотри на волосы. Они развеваются

точно таким же образом, только здесь... – он показал на фотографию из Осло – ветер дует справа, а на другой фотографии – слева. Изображение отзеркалено.

По той причине, что сигтунское начальство Йеннифер явно не поверило Конни, Билли также окинул его скептическим взглядом, прежде чем склониться над двумя фотографиями для более тщательного изучения. Теперь он видел ясно. Ветер сзади придавал волосам Йеннифер характерный и, нужно признать, легко узнаваемый вид. Как он мог это упустить? Билли проклинал себя. Это ведь так легко можно было исправить.

– Так что вы пытаетесь этим сказать?

Конни замялся. Билли прекрасно знал, к чему тот ведет, но понимал при этом, что Конни приходится быть осторожным в своих формулировках, так как то, что он пытался донести, звучало достаточно безумно. Сигтунская полиция уже умыла руки.

– Я хочу сказать вот что. Мы с Карин, моей женой, обсуждали это, когда заявили об исчезновении Йеннифер в августе. Мы не разговаривали с Йеннифер с конца июня. Мы трижды ей звонили, она ни разу не ответила, а вместо этого выходила на связь через смс, но никогда не перезванивала.

– И? – поторопил Билли.

– Я разговаривал с некоторыми из ее друзей тогда, в начале августа, и еще вчера и сегодня. Никто не видел ее с 25-го июня.

Билли не ответил. Конни снова поставил указательный палец на распечатки.

– Если они в самом деле фальшивые, с ней могло что-то случиться уже в конце июня.

– Что, например? – поинтересовался Билли и вопросительно глянул на отца Йеннифер. – Она по собственной воле скрылась, или...

– Нет. – Конни ухитрился объединить в тоне своего голоса оживление и разочарование. – Если бы она добровольно скрывалась, не было бы причин подделывать фотографии.

Конни глубоко вздохнул, прекрасно осознавая, что выглядит как человек, не желающий смириться с гибелью своей дочери, во всяком случае, не с такой, и хватающийся за малейшую соломинку, лишь бы убежать от правды.

– Я понимаю, как это звучит, но... – он снова отыскал взглядом глаза Билли и впервые с начала их беседы как будто снова был готов заплакать. – Она любила адреналин. Любила вызов, но никогда не стала бы нырять одна в неразведанной пещере во Франции. Она не была безответственной.

Билли только кивнул, а про себя быстро анализировал ситуацию. Определенно, ему чертовски повезло, что отец Йеннифер пришел именно к нему. Конни не производил впечатление человека, который быстро опускает руки. Рано или поздно кто-то поверил бы ему и стал бы копать в обстоятельствах исчезновения и смерти Йеннифер. Теперь этим кем-то станет Билли. Единственное, что Конни было о нем известно, это то, что работа Билли в Госкомиссии связана с техническими вопросами. «Компьютеры и все такое», если быть точным. Тот факт, что Конни ни на мгновение не мог допустить, что Билли мог быть замешан в этом деле, Билли мог объяснить лишь тем, что он служил в полиции. А большинство людей справедливо полагают, что полицейские не совершают жестоких преступлений. Билли пока еще не знал, что будет с этим делать, но если он согласится помочь Конни, то сможет выиграть немного времени.

– Это звучит довольно убедительно, – задумчиво произнес Билли, словно продолжая размышлять, принимать на веру слова Конни или же нет. – Мне на самом деле нравилась Йеннифер, так что я могу посмотреть на них повнимательнее и подумать, что с этим можно сделать.

– Благодарю, благодарю, – в голосе немолодого человека ясно слышались благодарность и облегчение – он, вероятнее всего, готовился к очередному отказу. – Я помогу тебе получить доступ ко всей ее истории на Фейсбуке и в других соцсетях начиная с конца июня, – продолжил Конни. – Ты сможешь просмотреть ее посты, если понадобится.

Билли только кивал, все еще не совсем понимая, как он собирается с этим разбираться, но единственное, что он точно знал, – он не хотел больше сидеть в кафе в компании убитого горем отца Йеннифер. Вдруг, словно по заказу, ожил мобильник Билли. Он ответил. Звонил Торкель.

Это был звонок из другой жизни.

«Ванья все еще на месте», – отметил вернувшись в Комнату Билли, второпях плюхаясь на свободный стул у двери.

– Извините, что я пропустил?

– Ничего, мы ждали тебя, – отозвался Торкель, поднимаясь со своего места на другом конце стола с тонкой папкой в руках. – Позвольте мне начать. Я чрезвычайно рад, что все мы снова собрались вместе, – сказал он, по очереди заглянув в глаза каждому из присутствующих. – Это действительно прекрасное ощущение.

Урсула уже готова была вставить ремарку о том, что для полноты картины не хватает Себастиана, но передумала. Подобный комментарий однозначно разрушит до сей поры приятную атмосферу в коллективе.

– Что, ты теперь снова с нами? – спросил Билли у Ваньи, потянувшись за стаканом воды, стоявшим на столе.

– Да, я снова в строю.

– Здорово. Но почему? Я думал, тебе нравится в Уппсале.

– Мне там нравилось. Поговорим об этом позже.

– К сожалению, мы будем вынуждены поговорить об этом прямо сейчас, – вступил Торкель. – Сегодня утром в квартире в Евле был обнаружен труп, – пояснил он, глядя на Ванью, которая подтянула к себе папку и раскрыла ее. Ванья наморщила лоб. Во взгляде Торкеля читалась практически мольба о прощении. Словно он знал, что ей не понравится то, что Торкель собирался сказать.

Труп в Евле.

Как это может быть связано с ее решением покинуть Уппсалу?

Евле, очевидно, относится к полицейскому округу Евлеборг, который, в свою очередь, входит в состав полицейского региона Митт, находящегося под управлением Уппсалы. Где в данный момент пребывают Анне-Ли и Себастиан. Все. И поэтому им предстоит обсуждать причину ее ухода? Такой вариант казался сильно притянутым за уши.

Как только Ванья увидела фотографии, выложенные Торкелем на стол, ей стало все ясно. Дело обстояло ровно наоборот.

– Да черт побери! – не сдержалась она. Урсула и Билли оба поглядели на нее с любопытством, но Ванья лишь сползла пониже на

стуле, скрестила руки на груди и уперлась в нее подбородком, словно обиженный ребенок. Она недобро поглядела на Торкеля, вполне осознавая, какой поворот дела сулят эти фотографии.

– Ребекка Альм, – объявил Торкель, указав на фотографию женщины, лежавшей животом вниз на кровати.

Ноги свисают с края.

Обнажена до пояса, за исключением чулок.

С мешком на голове.

– Была обнаружена, как уже говорилось, сегодня утром, представителем управляющей компании. Это преступление незамедлительно связали с проводимым расследованием, так что оно также будет расследоваться в Уппсале.

– Анне-Ли займется им, – вставила Ванья.

– Именно, – кивком подтвердил Торкель.

– Кто-нибудь из вас пояснит, или нам нужно самим догадываться о том, что происходит? – спросила, глядя на Ванью, Урсула. Ванья взглянула на Торкеля, тот слегка пожал плечами и сделал неопределенный жест, которым, вероятно, давал ей добро на пояснения. Ванья вздохнула и выпрямилась на стуле.

– Мы расследовали серию изнасилований. Преступник усыплял жертв и надевал им на головы мешки. Такие же, как этот, – она указала на выложенные Торкелем фотографии. Билли нагнулся над столом и подтянул их к себе поближе. – Анне-Ли, мой тамошний шеф, пригласила Себастиана принять участие в расследовании, и именно поэтому я покинула Уппсалу, – заключила Ванья.

– А теперь она хочет подключить еще и нас, – констатировал Билли.

– По ее словам, вчера это был насильник, а сегодня уже с большой долей вероятности – убийца, – утвердительно кивнул Торкель.

– В этом она хороша, – заметила Ванья, – умеет привлечь помощь, которая ей необходима.

Ванье плохо удалось замаскировать свое разочарование похвалой. Использовать все имеющиеся ресурсы – правильно, но это означало, что Ванье вновь предстоит работать бок о бок с Себастианом Бергманом. Что всем им вновь предстоит работать с ним.

– Нам придется сделать это, – извиняющимся тоном произнес Торкель.

– Я это отлично понимаю, – отозвалась Ванья немного жестче, чем сама хотела.

– Так что ты думаешь? Как собираешься поступить? – спросил Торкель, собирая со стола фотографии Ребекки обратно в папку.

Что на самом деле думала Ванья? Каким-то странным образом она скорее ощущала покорность, нежели возмущение. Вероятно, не было никакого способа избежать встречи с Себастианом Бергманом. Раз за разом ему удавалось проникать в их расследования, подбираясь все ближе и ближе к команде и к ней самой. Неважно, сколько раз они пытались от него избавиться, он все равно всегда возвращался. Как чертов бумеранг. Если бы Ванья верила в высшие силы, карму или судьбу, она нашла бы некую предопределенность в том, что этот невыносимый говнюк снова должен был оказаться рядом с ней.

Как наказание.

Как испытание.

Как предназначение.

– Очевидно, мне от него никуда не деться, – резюмировала Ванья свои мысли, и слегка пожалала плечами.

– Есть другие подразделения, в которых ты могла бы получить работу, – сделал попытку Торкель.

Это так, но выжив ее из Уппсалы, не собирается ли он выжить ее еще и из Госкомиссии? Это ее работа. Здесь она – дома. Не он. Существуют пределы той власти, которую она ему позволила иметь над своей жизнью. Время расправить плечи. Когда он вернулся в прошлый раз, она стала думать об уходе. Это было проще всего. Слишком трусливо.

– Нет, я в деле. Я выжму из этой ситуации все.

– Уверена?

Ванья молча кивнула.

– Я посмотрю, что можно сделать, когда мы будем на месте, но не уверен, что смогу требовать его отстранения.

– Я знаю.

– Хоть я и не думаю, что кто-то из присутствующих горит желанием снова с ним работать, – продолжил Торкель, глядя на Билли и Урсулу.

Билли согласно, но как-то отстраненно кивнул. Урсула почувствовала, что начинает злиться. Она была главной противницей

возвращения Себастиана. Тогда. В первый раз. С того времени многое произошло, и когда взрослые люди решили дружить против него, она поняла, что больше не может отмалчиваться. И к дьяволу приятную атмосферу.

– Я вообще-то не имею ничего против работы с Себастианом, – спокойно произнесла она, пристально оглядывая коллег, одного за другим, словно приглашая к словесному поединку. Желающих спорить не нашлось, только Ванья бросила на нее уничижительный взгляд, как на предательницу, а потом без слов встала и вышла из Комнаты.

– Ясно, значит, едем, – вздохнул Торкель, тоскуя по утраченному утреннему ощущению счастья. Как и всякий раз, когда в деле был замешан Себастиан Бергман.

* * *

В спальне все еще лежал труп.

Билли очнулся, стоя в дверях комнаты и глядя на него. Мертвая женщина на кровати. Невозможно отогнать эти мысли.

За рулем на пути в Евле – обычно требуется два часа, но Билли справился за полтора – он размышлял, не стоит ли завести разговор о Йеннифер. Они все-таки несколько раз работали вместе. Урсуле она даже нравилась, вспомнилось Билли. Наверное, самым естественным поступком было бы поинтересоваться у коллег, знают ли они о случившемся несчастье. В то же время Билли опасался, что по нему будет заметно – что-то не так. Мю ничего не заподозрила, но она и не полицейский, и не работала с ним бок о бок в течение многих лет.

К тому же Ванья – чертов детектор лжи! Фальшивый полутон, секундное сомнение – и она уже делает стойку, словно кобра.

Но если он сейчас не заговорит об этом, а впоследствии они узнают, что ему все было известно, это тоже будет выглядеть странно. Слова уже были готовы сорваться с его языка, как вдруг он замер.

Ванья знала, что он изменял жене.

Он признался ей в этом в мгновение слабости, когда совесть давила тяжким грузом. Сейчас ему казалось почти забавным то, что совесть его была отягчена изменой, но это было так, и это было с ним.

Рассказал ли он, с кем изменял?

Он вынужден об этом подумать. Нет, этого он не делал. Или? Он попытался восстановить в памяти ту ситуацию. Они сидели вдвоем, занятые поиском видеозаписей с пунктов оплаты, разыскивая жилой фургон.

Он признался.

Она спросила, с кем.

Он ответил... что это не имеет никакого значения.

Да, так оно и было. Он уверен. Так что вопрос вновь встал перед ним: завести речь о Йеннифер или нет?

– Вы слышали о Йеннифер? – спросила Ванья, избавив его от этой необходимости.

– Да, я слышала, – отозвалась Урсула. – Ужасно. Вы ведь общались и помимо работы? – повернулась она к Билли.

– Я встречался с ней несколько раз после того, как в Кируне мы работали вместе, но не то чтобы очень часто, – ответил Билли, сконцентрировавшись на дороге.

– Мне она никогда на самом деле не нравилась, – тихо сказала сидевшая позади Ванья, глядя на ландшафты, пронесившиеся мимо с немалой скоростью, сквозь боковое окно.

– Это потому, что она пришла на твое место, – отозвался Билли, обрадовавшись столь быстрой смене темы. Ему следует быть осторожнее со сравнениями. Нельзя допускать, чтобы Йеннифер выглядела лучше Ваньи. Нельзя сравнивать их с профессиональной точки зрения.

Он однажды сравнивал с Ваньей самого себя. Тогда ее соревновательный азарт и желание всегда быть номером один привели к расколу между ними. До того они были словно брат с сестрой, а теперь стали коллегами, даже друзьями, но прежняя близость и доверие между ними так и не восстановились. «Возможно, к счастью», – думал Билли. Будь они ближе друг другу, он, вероятно, рассказал бы Ванье, с кем изменял своей жене.

Даже то, что он успел рассказать, уже было достаточно плохо.

– Нет, она просто мне не нравилась, – настаивала Ванья. – Ей хотелось, чтобы работа всегда была захватывающей. Бегать с оружием, преследовать преступников, стрелять и все такое прочее.

– Мне кажется, это несправедливо по отношению к ней, – возразил Билли.

– Она ныряла одна. В пещере, во Франции.

– И умерла!

Получилось громче и жестче, чем ему хотелось бы. Голос его предательски надломился, и в машине повисла тишина.

– Прости, с моей стороны это было бесчувственно, – раздалось с заднего сиденья. Ванья положила руку ему на плечо и сжала его. – Прости, я знаю, она тебе нравилась.

– Ничего...

Он еще прибавил скорость, и о Йеннифер они больше не заговаривали. Билли надеялся, что так будет и впредь.

– Извините.

Один из техников пытался протиснуться в дверной проем мимо Билли. С глубоким вздохом Билли сделал шаг назад.

Нужно прийти в себя.

Через кухню он вышел в гостиную. Техники пока не обнаружили ни ее мобильный, ни компьютер, но они еще не осматривали шкафы и кладовки. Оттуда он и собирался начать.

Быть хорошим полицейским.

Он не станет думать о Йеннифер.

Она должна занимать меньше места в его голове.

Крик должен превратиться в шепот.

* * *

Ванья сидела на лестничной клетке, привалившись спиной к стене, и держала в руках предварительный отчет – заметки полицейских, первыми прибывших на место. Непосредственно на месте преступления для нее было немного работы. Это была территория Билли и, в первую очередь, Урсулы. Но поездка в Евле отодвинула встречу с Себастианом еще на несколько часов.

Она пробежала глазами текст отчета.

Около девяти часов утра пришел Рашид Насир. Отпер дверь ключом и обнаружил тело. Вызов в службу 112 поступил в 09.16. Первый наряд полиции прибыл на место менее чем через десять минут, подтвердил сведения, которые сообщил Рашид, огородил место преступления и вызвал коллег и технический персонал. Техники еще

продолжали свою работу в маленькой квартирке, но единственное, что они на данный момент могли сообщить – следы взлома на входной двери отсутствовали. Квартира находилась на третьем этаже, так что маловероятно, что преступник мог проникнуть через окно. Ванья мысленно сделала себе пометку – выяснить, сколько существует комплектов ключей от квартиры. У Рашида был один, возможно, найдутся еще. Этим фактический материал отчета исчерпывался. С соседями никто не побеседовал. Ни слова о том, кто и когда видел Ребекку в последний раз. Никакой информации о том, как долго она здесь прожила. Никаких фоновых сведений. Она предполагала, что Карлос уже выяснил большинство из недостающих фактов, а если нет, Билли с этим в два счета справится, когда они окажутся на базе, но сейчас она была здесь. И могла бы провести время с большей пользой, чем подпиравать спиной стену.

Ванья встала на ноги и подошла к двери, ближайшей от квартиры Ребекки. Дверь открыли немедленно, словно хозяин – бородатый мужчина лет тридцати пяти, одетый в клетчатую фланелевую рубашку и мешковатые голубые джинсы – все время стоял и наблюдал за происходящим в тамбуре сквозь дверной глазок.

– Добрый день, Ванья Литнер, Госкомиссия, – представилась Ванья, предъявив удостоверение. – Могу я задать вам несколько вопросов?

– Конечно, – отозвался мужчина, разрываясь между Ваньей и детским плачем, раздавшимся из глубины квартиры. Звук плача становился все более требовательным. – Входите, входите. Я думал, он заснет... – пояснил мужчина и вернулся в дальнюю комнату.

Когда мужчина открыл дверь и с кем-то спокойно заговорил, плач сразу стал громче. Ванья вошла в квартиру и прикрыла за собой дверь. В прихожей она протиснулась мимо детской коляски. Прямо по курсу находилась комната, в которой сквозь щель приоткрытой двери Ванья разглядела неубранную двуспальную кровать. Она повернула направо и очутилась в гостиной. Серый угловой диван, круглый журнальный столик темного дерева с дополнительной столешницей внизу. Непарное кресло с подставкой для ног у короткой стороны дивана. Освежающе светлые стены, на которых были размещены предметы декора, выбранные, очевидно, по любви, а не по стоимости. Умеренное количество игрушек на полу, у стены возле окна – игрушечная плита с

духовкой. Дом, в котором живут. Слегка неприбранный уют. Ванье это понравилось.

– Садитесь, садитесь, – указал мужчина на диван, выйдя из соседней комнаты, в которой Ванья угадала детскую – одной рукой он держал сонного мальчика в подгузнике и футболке, с соской во рту. Ванья подмигнула малышу, который тыльной стороной ладони тер один глазик, а потом внезапно отвернулся и зарылся лицом в папину бороду. Ванья устроилась на диване и стала наблюдать, как мужчина достает баночку с детским питанием, отвинчивает крышку и отправляет банку в микроволновку. Пока еда разогревалась, отец наполнил поильник водой и дал сынишке, который стал пить жадными глотками, с подозрением поглядывая на Ванью.

«Юнатан будет хорошим папой», – подумалось Ванье. У них тоже может быть так. Они уже обсуждали это. Завести ребенка. В целом ради шутки, но не совсем. Это казалось естественным шагом, который она хотела бы сделать вместе с Юнатаном. В следующем году ей будет тридцать пять.

– Как вас зовут? – спросила она мужчину, который выкладывал на детский столик слюнявчик, глубокую пластиковую тарелку и маленькую зеленую пластиковую ложечку.

– О, простите. Пьер. А это – Грим, – кивком указал он на сынишку. Микроволновка запищала, Пьер открыл дверцу, достал баночку с питанием и поставил на столешницу. Потом усадил Грима в детский стульчик. Мальчик немедленно начал хныкать и тянуться вверх, чтобы его снова взяли на ручки.

– Да-да-да, подожди немножко и увидишь, – заговорил Пьер, взял банку, уселся рядом с Гримом и вылил содержимое в тарелку, а затем перемешал и немного подул сверху, прежде чем повязать слюнявчик сыну. Наконец отец опустил зеленую ложечку в пюре и подвинул тарелку ближе к Гриму, который взял ложку, и с переменным успехом начал подносить ее ко рту. «Сегодня он не первый раз остался с сыном», – отметила про себя Ванья.

– Ваша соседка, Ребекка, – начала Ванья, когда ситуация оказалась под контролем и Пьер смог обратить свое внимание на нее. – Как долго она прожила здесь?

– Точно не знаю, мы здесь живем уже почти два с половиной года, и когда мы сюда переехали, она здесь уже жила.

– Вы не слишком хорошо знали ее?

– Практически не знали. – Он быстро наклонился вперед и вернул на место руку сынишки с полной ложкой пюре, когда Грим внезапно решил подирижировать. – Она была немного не от мира сего.

– Что это значит?

– Никогда не здоровалась, только что-то бубнила про себя, всегда была против всего... мы почти никогда с ней не пересекались. – Он взял ложку, которой накладывал пюре, соскреб остатки со слюнявчика и выложил обратно в тарелку. – Она считала, что за ней следят.

– Кто? – спросила Ванья, выпрямляясь на диване.

– Не знаю, я не думаю, что она сама знала, но из-за этого и заварилась вся каша с пожарной сигнализацией.

Ванья поднялась со своего места, подошла к столу, выдвинула стул и села. Грим с ложкой во рту глядел на нее во все глаза.

– Рассказывайте.

Пока Билли, Ванья и Урсула добрались до Уппсалы, день уже начал клониться к вечеру. Ванья показала Билли, где можно оставить автомобиль, помогла с получением карточек-ключей и проводила всех на восьмой этаж. Она открыла дверь отдела, который покинула менее полусуток назад. Карлос и Себастиан теперь сидели каждый за своим столом. Оба подняли головы, и Ванья, направляясь к Карлосу, одарила Себастиана молниеносным колким взглядом.

– Это Билли и Урсула, коллеги из Госкомиссии, – представила она вновь прибывших, и Карлос поднялся, чтобы их поприветствовать.

– Карлос Рохас, добро пожаловать.

Они пожали друг другу руки, и Карлос повернулся к окну, вдоль которого располагались рабочие места.

– Я сажу здесь, Себастиан – вот тут, – указал он. – Думаю, Ванья займет свое место вон там, а вы все можете выбрать, где вам будет удобнее. Логины, пароли и прочее можно узнать у меня.

– Спасибо, – в унисон отозвались Билли с Урсулой и разошлись по небольшому офису. Билли прошел вперед и выбрал себе место дальше всех от окна. Урсула заняла стол рядом с Себастианом. Она улыбнулась ему, устраиваясь на своем месте, но его внимание было приковано к кому-то другому.

К Ванье.

Конечно же.

Он встал и подошел к ней.

– Привет, – заговорил он, изо всех сил стараясь выглядеть максимально открыто и покаянно. Хотя она и не удостоила его взглядом, все равно. – Я знаю, ты не хочешь, чтобы я был здесь, – продолжил он тихим голосом.

– И тем не менее ты здесь, – ответила Ванья, протискиваясь мимо него к своему бывшему рабочему месту.

Себастиан замялся. Когда сюда приехал Торкель, Себастиан расспросил его о Ванье и узнал, что она хочет вернуться в Госкомиссию. Что она не предвидела такого развития ситуации, но собирается максимально обернуть ее в свою пользу. Он не совсем понял, что это означает. Вероятно, она любой ценой попытается его избежать.

Это объяснимо. Но он не может этого позволить.

Она нужна ему.

Ему дан последний шанс сделать все как надо. В этот раз он решил не самоустраняться. Не предавать, не уничтожать. Она постепенно его примет. Не как отца, на это он больше не смел надеяться, но как кого-то близкого. На кого можно опереться. Звучит жалко, но он сможет этим довольствоваться. Это будет непросто, он знал, но решил придерживаться плана, составленного в лифте незадолго до их утренней встречи.

– В этот раз все будет иначе, – сказал он и последовал за Ваньей к ее столу.

– Я так не думаю, – коротко констатировала она и уселась в офисное кресло спиной к Себастиану.

– Мы будем просто коллегами, которые вместе работают над делом. Ничего больше. Я обещаю.

– Ты пока что не сдержал ни одного из своих обещаний, так что...

Что он мог на это ответить? Он не мог припомнить данные ей обещания, но исходил из того, что нарушил их все. Обычно он поступал именно так. Неважно, были ли они незначительны, вроде «конечно, я останусь на завтрак», или всеобъемлющи, как «я всегда буду защищать тебя». Вся его жизнь была цепочкой лжи и несдержанных обещаний.

– Я знаю, что делал глупости. Я ранил тебя, но...

Она крутнулась на кресле и встретила с ним взглядом впервые с тех пор, как вошла в офис.

– Ты можешь сказать что-то относительно нашего дела прямо сейчас?

– Что? Нет, то есть да... – Он покосился на кабинет Анне-Ли, где Торкель и она сама сейчас беседовали, сидя в креслах. – Торкель сказал, что, как только вы приедете, у нас будет собрание, так что я дождусь его.

– Тогда почему ты здесь стоишь?

– Что ты имеешь в виду?

– Мы же будем только коллегами, которые вместе работают над делом. Ничего больше. – Она откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди, словно всем своим существом пытаясь отгородиться от него. Не только словами. – Если тебе нечего сказать по делу, зачем ты здесь стоишь?

– Коллеги же все-таки могут разговаривать, – сделал попытку Себастиан.

– Но не мы, – отрезала она и снова демонстративно повернулась к нему спиной.

Себастиан постоял несколько секунд, пытаясь придумать, как быть дальше, но понял, что только еще сильнее оттолкнет Ванью, если станет продолжать.

– Окей, – тихо сказал он сам себе и оставил ее. Он видел, что Урсула наблюдает за ним с улыбкой, смысл которой он считывал не вполне. Шутливое сострадание? Если такое существовало. Если Ванья была меньше всех рада видеть Себастиана снова, а Урсула – больше всех, должен был быть кто-то и посередине. Так, по крайней мере, это представлялось Себастиану. «Совсем неплохо выяснить все одним махом», – подумал он, и поплелся к Билли, который занимался подключением своего оборудования.

– Привет, давно не виделись.

– Да.

Что-то в этом кратком ответе подсказывало Себастиану, что если бы они с Билли не виделись еще дольше, последний бы не расстроился.

– Как твои дела? – светским тоном поинтересовался Себастиан и присел на край стола. Билли смерил его взглядом, который говорил,

что он понял – в вопросе сокрыто нечто большее, чем просто желание прояснить его самочувствие и настроение. Себастиан был одним из немногих, а теперь фактически единственным человеком, которому было известно о темной жажде Билли. Который видел, как далеко Билли был готов зайти.

– Со мной все в порядке, спасибо, – отозвался Билли безразличным тоном. – А ты как?

– Никаких экскурсий в зоомагазины или собачьи приюты? – продолжал Себастиан, не спуская с Билли взгляда. Билли развернулся лицом к коллегам, анализируя свое поведение. Никто в помещении не проявлял интереса к их беседе. Он сделал шаг к Себастиану и понизил голос.

– Эта шутка уже обрастает бородой.

– Это не шутка.

– Кончай. Я серьезно. – В голосе Билли послышался металл. – Мне известно, что ты видел, но это было давно. Один раз. С тех пор ничего не произошло.

– Окей, прекрасно.

– Так что оставь это.

Он наклонился совсем близко, Себастиан ощущал на лице его дыхание. Несколько молчаливых секунд они сверлили друг друга взглядами. На мгновение Себастиан испытал странное ощущение.

Билли может быть опасен.

Не только для какой-нибудь несчастной кошки.

– Ладно, проехали.

– Отлично, – отозвался Билли, отступил на шаг назад и продолжил настраивать свою рабочую станцию. – В таком случае снова работать вместе будет круто, – продолжил он, словно недавнего обмена репликами не произошло. Себастиан поднялся и прошел на свое место, где его поджидала Урсула. Она заключила его в краткое приветственное объятие.

– Здорово, что мы встретились снова.

– Одна из трех, – сказал Себастиан с улыбкой, сделав неопределенный жест в сторону Ваньи и Билли. – Это больше, чем обычно.

Урсула поняла, что Себастиан пытался пошутить, но, к несчастью, шутка была совсем не далека от правды.

Все семеро собрались в одном из больших конференц-залов, в сравнении с которым Комната на Кунгсхольмене^[6] представлялась прямо-таки аварийным помещением, требующим ремонта. Лакированный паркет «елочкой», на котором под массивным дубовым столом на двенадцать персон лежал большой красный прямоугольный ковер. «Кресла черной кожи с высокой спинкой были комфортнее, чем вся мебель у Билли дома». Так рассудил он сам, занимая одно из них. На потолке было устроено современное функциональное освещение в виде трех длинных алюминиевых трубок со встроенными светильниками. На одной из стен карта Уппсалы делила пространство с интерактивной доской, где уже были размещены несколько фотографий. Карта была оснащена тонкой прозрачной плексигласовой пластиной, благодаря которой можно было делать отметки, а по мере утраты актуальности стирать их или вносить изменения. Торкель мысленно дал себе наказ приобрести такую для Комнаты в Стокгольме. Вдоль другой стены располагался шкаф с открытыми полками, на которых хранились офисные принадлежности: бумага, блокноты, ручки, карты и стикеры лежали аккуратными стопками. На шкафу стояла ваза с фруктами и целая батарея бутылок с водой и колой. На потолке был установлен суперсовременный проектор, направленный на стену с интерактивной доской, над которой в свернутом виде был закреплен экран. В двух углах зала располагались дисплеи на поворотных штативах для видеоконференций. За долгие годы Госкомиссия перебивала во многих помещениях полиции по всей стране, но это, вне всяких сомнений, было самым шикарным. Складывалось впечатление, что они собрались на совет директоров какой-нибудь известной биржевой компании, а не для обсуждения изнасилований и убийства.

– Итак, – произнесла Анне-Ли, потянув на себя последнюю из оранжево-красных полосатых гардин, которыми было занавешено окно, выходившее на коридор, чтобы полностью избежать утечки информации. – Если начинать с очевидных проблем, то они устранены. Себастиан...

Все развернулись к сидевшему рядом с Урсолой Себастиану, который откинулся на спинку кресла, держа в руках бутылку минеральной воды.

– ...остается, – отрезала Анне-Ли. – Это мое расследование, и я хочу, чтобы он был здесь.

– Я хотел бы прояснить, что обычно, если беремся за дело, мы принимаем ответственность на себя, – под пристальным взглядом Ваньи произнес Торкель, но был прерван Анне-Ли.

– Не здесь. Я с великой радостью приму вашу помощь, но не стану как восторженная селянка расстилать перед вами красную дорожку только по той причине, что вы приехали из столицы.

Урсула внезапно поняла, что Анне-Ли ей нравится. Ее отношение в целом, и даже такая простая вещь, как слово «селянка». Урсула давно продвигала тезис о том, что компетенция коллег снижается пропорционально удалению от крупных городов. Подбор слов указывал на то, что в новой коллеге и руководителе расследования она обрела родственную душу.

– Но мы также должны исходить из того, – продолжала Анне-Ли, переводя взгляд на Себастиана, – что ты держишь свой член в штанах или, в противном случае, проваливаешь.

Да, она определенно нравилась Урсуле.

Себастиан кивнул и сделал глоток воды, утерев рот тыльной стороной ладони.

– Можно мне время от времени все же его доставать, чтобы пописать?

Анне-Ли даже не удостоила его ответом. Вместо этого она выдвинула стул и села.

– Отлично, значит, с этим разобрались. Теперь переходим к серьезным вещам. Кто начнет?

Она заскользила взглядом по столу. Карлос поднялся и застегнул тонкий пуховый жилет, надетый поверх рубашки и вязаного свитера, прежде чем выйти вперед и закрепить рядом с другими фото на доске увеличенную паспортную фотографию женщины. Густые, непослушные каштановые волосы, темные глаза, ярко выраженные скулы, пухлые губы.

– Ребекка Альм, тридцати лет, уроженка Нэше, в Евле переехала в возрасте двадцати двух лет, в общей сложности прожила там восемь

лет. Работала на полставки в школьной столовой автономной христианской школы Энгссулан. С коллегами общалась мало. По всей видимости, вела затворнический образ жизни. Определенно нигде не обследовалась, но один из коллег считает, что она страдала от депрессии или подобного расстройства, – заключил Карлос. – На данный момент это все, но я продолжаю работу.

Кивнув самому себе, словно подведя черту под сказанным, Карлос вернулся на свое место.

– В квартире мы нашли телефон, но не обнаружили компьютера, – взял слово Билли, кивком указывая на фото Ребекки. – Я изучу его так быстро, как смогу, и попытаюсь отыскать ее в социальных сетях.

– Ее сосед заявил, что она считала, будто за ней следят, – вставила Ванья.

– Кто? – поинтересовался Торкель, заинтересованно подавшись вперед.

– Он не знает, – пожав плечами ответила Ванья. – Но Ребекка отказывалась устанавливать пожарные извещатели по этой причине – она считала, что в них вмонтированы камеры.

– Зачем кому бы то ни было следить за ней? – спросила Анне-Ли, встав с места, чтобы сделать подпись «Слежка?» под фото Ребекки. – Она должна была это хоть с кем-нибудь обсуждать?

Анне-Ли обернулась к Карлосу, который, как и Ванья, пожал плечами.

– Нам это неизвестно. Пока, во всяком случае.

– Хорошо. Нам известно, как давно она мертва?

Урсула выпрямилась. Себастиан наблюдал за ней краем глаза. Он размышлял, действует ли еще приглашение на ужин? Если нет, его снова ждет одинокий номер в гостинице. Он планировал изо всех сил стараться сдержать данное Ванье обещание измениться и стать лучше, и несколько часов в компании Урсулы могли бы немного облегчить ему задачу.

– Учитывая внешнюю среду и состояние, в котором находилось тело, я могу предположить, что пару недель, плюс-минус несколько дней.

– Сосед видел ее 2 октября, – доложила Ванья.

– В этот день она также в последний раз появилась на работе, – вставил Карлос.

– Кто-нибудь искал ее? – спросила Анне-Ли, добавляя подпись «2.10.» с вопросительным знаком под фото Ребекки.

– Да, ей звонили, и двое коллег приходили к ней, но она не открыла, так что... – он развел руками; этот жест, вероятно, означал, что далее полномочия товарищей по работе не распространялись. – За время жизни в Евле она временами пропадала, но всегда возвращалась назад.

Одинокий человек.

В городах их полно. Чем больше город, тем больше их.

Людей вроде Ребекки, которые могут отсутствовать по несколько дней или недель, которых никто не хватится. Себастиан размышлял, сколько времени потребовалось бы для того, чтобы обнаружить его тело, если бы с ним случился инфаркт дома на Грев-Магнигатан. Много. Точно больше двух недель. Кто может его хватиться? Урсула, возможно. Но не так скоро, чтобы сразу беспокоиться, не произошло ли с ним чего.

– Никто не жаловался на запах? – спросила Ванья.

– В квартире было достаточно прохладно, она была худощавой и субтильной, практически тощей – для процесса разложения это плохие условия, так что она более или менее мумифицировалась, – пояснила Урсула.

«Уже кое-что», – подумал Себастиан. Со своими лишними килограммами на животе он точно завоняет. Или даже протечет сквозь перекрытия, к старухе Экеншельд, которая живет этажом ниже. С этого момента, когда врач станет рассказывать ему о пользе похудения для здоровья, он хотя бы по этой причине не станет слушать.

– Судебно-медицинская экспертиза выяснит, есть ли в крови следы снотворного, и присутствуют ли на теле следы спермы, – продолжала Урсула, перелистывая записи, которые держала перед собой на столе. – На шее у жертвы, по всей вероятности, след от укола, но полностью уверены мы можем быть только после вскрытия, – закончила она, и вновь откинулась на спинку своего кресла.

Анне-Ли кивнула и с толстым маркером в руках направилась к карте. – Нападение на Иду Риитала произошло здесь... – Она нарисовала небольшой кружок на карте и пометила его цифрой 1. – Старое кладбище, 18 сентября.

В кружочке Анне-Ли написала «18.9».

– Следующая – Тереза Андерссон, пятью днями позже, здесь. – Новый кружок, двойка и новая дата – 23.9. – А затем он едет в Евле. – Анне-Ли написала имя Ребекки за пределами карты, и добавила дату 2.10 с вопросительным знаком. – Клара Вальгрен здесь, 13 октября. – Еще кружок, четверка и дата. Анне-Ли отложила маркер и отступила на шаг. Все молча изучали карту.

– Уппсала, Уппсала, Евле, и снова Уппсала, – подал голос Себастиан.

– Да, и что? – спросил Карлос.

– Похоже на то, что он выбирает жертву не случайным образом, – вместо Себастиана ответила Ванья, и он почувствовал прилив гордости.

Она мыслит в верном направлении. Она мыслит как он.

Папина девочка.

– Ребекку он точно выбрал, – продолжил Себастиан мысль Ваньи, одобрительно глядя на нее. Ванья, конечно же, взгляд проигнорировала. – Есть ли связь между потерпевшими в Уппсале и Ребеккой Альм?

– Мы пока не знаем, – отозвался Карлос, но троих местных мы еще не опросили по этому поводу.

– Связь есть между Идой и Кларой, – вступила Ванья.

– Какая?

– Они знакомы. Пели в одном хоре.

Себастиан кивнул. Две жертвы знакомы между собой, преступник едет в другой город, чтобы добраться до третьей... Похоже на след.

– Нам известно, как он вошел? – спросил Торкель, глядя на Билли и Урсулу, побывавших в квартире.

– Нет, – отозвалась Урсула. – Замок исправен, мы выясняем, сколько было комплектов ключей.

– Могла она его впустить?

– У нее была мания преследования, так что это маловероятно, правда? – заметил Себастиан, мало заботясь о том, насколько очевидно его отношение к пока что самому глупому вопросу.

– Он мог быть переодет, мог протиснуться внутрь сразу, как она открыла, – предположил Торкель, пытаясь скрыть раздражение в голосе.

– В двери есть глазок? – спросил Себастиан и повернулся к Урсуле. Она кивнула.

– Женщина, которая считает, что за ней следят, смотрит в глазок. И если за дверью переодетый незнакомец – она не откроет, – заключил Себастиан таким тоном, словно что-то объяснял пятилетнему ребенку. Торкель уже собирался ответить, но тут вмешалась Анне-Ли.

– У тебя есть что сказать, или ты собираешься только критиковать остальных?

– Забавно, что ты спросила.

Себастиан поднялся со своего места и подошел к доске. Он повернулся спиной к остальным и несколько секунд изучал информацию на ней. Он иногда так начинал свои лекции. Молча стоял спиной к аудитории. Наблюдал, как стихает шум. Создавал максимальный градус внимания и ожидания.

– Желательно, чтобы ты начал сегодня, – нетерпеливо произнес Торкель.

Себастиан со вздохом развернулся.

– Преступник долгое время фантазировал о своем деянии, и первая потерпевшая, очевидно, подверглась нападению в хорошо известной ему обстановке, при этом на удалении от его собственного жилища, – начал он, указывая на кружок с цифрой 1 на карте.

– Следовательно, фокусируемся на Иде Риитала, – быстро резюмировал Торкель. – Что еще?

Себастиан встретился с ним взглядом. У него возникло впечатление, что Торкель желает выставить его в невыгодном свете, делая, возможно, первый шаг к тому, чтобы его вышвырнуть.

Этот номер не пройдет.

– Может быть, эта женщина была ему знакома, или он по крайней мере видел ее раньше, и смог изучить ее привычки. Ему не нужны были неожиданности.

Себастиан вновь повернулся к доске, указывая на этот раз на фотографии, прикрепленные к ней.

– Мотивом в подобных случаях обычно служат власть и контроль, даже банальное женоненавистничество нельзя исключить, однако способ действия указывает на то, что там кроется нечто более серьезное.

Он оглядел аудиторию и понял, что завладел их вниманием. Он уже собрался сделать еще одну драматическую паузу, но сдержался.

– То, что он их усыпляет, может свидетельствовать о двух фактах: либо он неуверенно себя чувствует, если жертва в сознании, либо ему требуется испытывать ощущение тотального контроля.

Билли поднял взгляд от документов, которые изучал. Ему показалось, или последний пассаж был посвящен ему?

– В том случае, если верно последнее, – продолжал Себастиан, – этот человек почти наверняка уже экспериментировал с контролем и подчинением. В сексуальном контексте.

В этот раз Билли ничего не показалось, Себастиан определенно смотрел прямо на него.

– Вроде садомазохизма? – поинтересовалась Ванья. Едва заметное покачивание головой выдавало ее непонимание сексуальных предпочтений такого рода.

А Билли все понимал прекрасно.

Контроль. Пьянящее ощущение власти. Удовлетворение.

– Некая форма доминирования, – кивнул Себастиан. – Если же речь идет о его неуверенности в возможности совершить сам акт, значит, этот человек с большой вероятностью имеет небольшой сексуальный опыт, если вообще его имеет, а тот опыт, что у него есть, вероятно, не самый лучший.

– Как нам его найти? – спросила Анне-Ли.

– Будет непросто, люди из этой категории обычно ведут замкнутый образ жизни, – со вздохом ответил Себастиан. – В другом же случае, если нам повезет, может оказаться, что преступник пытался влиться в БДСМ-сообщество, но понял, что ему этого недостаточно.

– Мешок тоже имеет отношение к контролю? – подала голос Урсула.

– Он выполняет две функции. Это еще и обеспечение безопасности: если потерпевшая очнется, она не сможет опознать преступника.

– Означает ли это, что женщины знакомы с ним? – спросила Ванья.

– Не обязательно, сам факт присутствия мешка может свидетельствовать о его чувстве вины. Ему нужно их деперсонифицировать. Сделать безликими. В буквальном смысле.

– Нам доподлинно известно, что именно Ида Риитала была первой жертвой? – спросил Билли.

– Дата дает нам определенное понимание, – с кислым видом отозвался Себастиан, мысленно передавая приз за самый тупой вопрос из рук Торкеля в руки Билли.

– Может быть, другие женщины не пожелали или побоялись заявлять в полицию, – попытался Билли отстоять свою точку зрения, неотрывно глядя на Себастиана.

– Это нетипично для изнасилований, сопряженных с нападением, – отрезал Себастиан, но помимо своей воли отметил, что в словах Билли присутствовало определенное рациональное зерно. Приз остается у Торкеля.

– Значит, в ближайшее время фокусируемся на Иде, – резюмировала Анне-Ли. – На вечерней пресс-конференции мы выступим с призывом к гражданам сообщать обо всех подобных случаях и, возможно, раздобудем новые сведения. Она поднялась с места, словно сигнализируя об окончании собрания.

– Что с камерами наблюдения на пути следования Иды? – складывая документы, поинтересовался Билли.

– Есть парочка, но ни одной в непосредственной близости от места преступления, – отозвался Карлос.

– Могу я получить к ним доступ?

– Естественно.

– Если подтвердится связь между потерпевшими, я хотела бы узнать об этом до пресс-конференции, – заявила Анне-Ли. Все согласно кивали, и на этом собрание определенно закончилось. Ванья первой поднялась с места и покинула зал, даже не взглянув на Себастиана. Тот, направляясь к своему месту, бросил короткий взгляд в сторону Анне-Ли, которая ободряюще ему кивнула и довольно улыбнулась. Здорово, когда тебя ценят, но оценку он хотел получить не от нее.

* * *

Она была травмирована. Это стало ясно Себастиану, едва только Ида приоткрыла дверь на ту ширину, какую позволяла ей цепочка –

после того как они с Урсулой предъявили удостоверения дверному глазку. Она неважно себя чувствовала и не желала принимать гостей, по крайней мере – его, думал Себастиан, пока Ида вынужденно провожала их в гостиную. Там они с Урсулой вдвоем заняли диван. Сама хозяйка осталась стоять у двери, словно приготовившись бежать при малейших признаках опасности. Себастиан обратил внимание, как нервно она теребит густую прядь волос, свисавшую прямо на щеку, одновременно прикусывая нижнюю губу. Что-то сломалось в этой худощавой женщине с ввалившимися глазами той ночью на Старом кладбище. Она не исцелилась, ей не стало легче.

– Вы не присядете? – дружелюбно спросила Урсула, кивая на кресло у окна.

– Мне и тут неплохо, – покачала головой Ида. – Что вам нужно?

– Вы знакомы с Ребеккой Альм?

Ида вновь молча покачала головой.

– Вы никогда не видели эту женщину? – продолжила Урсула, выкладывая на столик фото, и подвигая его по направлению к Иде. Та сделала шаг вперед и взглянула на фото, не делая попытки взять его в руки. И вновь покачала головой.

– Нет, я не знаю, кто она. – Она подняла взгляд на Урсулу. – Почему вы спрашиваете?

– С ней случилось то же, что и с вами, – вмешался Себастиан прежде чем Урсула успела ответить. – В Евле, – добавил он в надежде, что информация о том, что человек, напавший на нее, переехал и теперь их разделяет много миль, сможет вселить в нее немного уверенности. Не было необходимости раскрывать детали, и рассказывать все. Что нападение в этот раз оказалось со смертельным исходом, и что оно произошло в квартире жертвы – для Иды эта информация была излишней. Это знание отобрало бы у нее единственное место, в котором она чувствовала себя уверенно – ее жилище. Вероятно, оставались считанные часы до того момента, как прессе станет известно о связи между преступлениями и о смерти Ребекки, но у Себастиана возникло чувство, что самоизоляция Иды включает в себя также отказ от просмотра новостей и от интернета. При хорошем раскладе ей никогда не придется узнать об этом.

Ида кивнула. Никаких вопросов, никакого любопытства – как, где, почему, есть ли у них зацепки.

Несколько мгновений тишины.

Она травмирована, снова подумал Себастиан. Всем существом она излучает шок и хаос. Урсула убрала фотографию и поднялась.

– Так вы никогда прежде не видели ее?

Очередное покачивание головой. Урсула шагнула прочь от столика, взглянув на Себастиана – пора было уходить.

– Вам кто-нибудь помогает? – мягко поинтересовался Себастиан, который остался сидеть на месте. – Пережить это?

– Что вы имеете в виду?

– Человеческая психика не может продолжать функционировать как ни в чем не бывало после подобных потрясений, нам нужна помощь, чтобы вернуться к себе. Нужен кто-то, с кем можно поговорить.

– Я молюсь.

– Кто-то помимо Бога.

Ида взглянула ему в глаза впервые с тех пор, как они пришли.

– Вы не верите, что он может помочь?

Себастиан не стал отвечать прямо. Сам он не верил ни в какие высшие силы. Однако он был убежден, что вера и религия дают людям чувство принадлежности, связи, приносят в жизнь упорядоченность и смысл. Вера могла помочь во многих ситуациях, но Себастиан был уверен, что молодая женщина, получившая столь тяжкую травму, нуждалась в чем-то еще, в чем-то большем.

– Я считаю, что его способность оказывать конкретную помощь на каждодневной основе ограничена.

– Вы не верите в Господа и Иисуса, – отрезала Ида, и это прозвучало так, словно она получила представление о Себастиане как личности и на этом основании составила о нем собственное суждение.

– Мои родители верили, – честно ответил Себастиан, пытаясь все же завязать диалог.

– Но не вы, – настаивала Ида. – Поэтому и не понимаете, как Он помогает, стоит лишь человеку на Него положиться.

Действительно. Он не понимал.

Никогда.

И никогда не выказывал доверия.

Напротив, большую часть своего взросления он посвятил борьбе против всего, во что верили его родители и за что они стояли горой, и

под конец это стало очевидно даже им, уставшим от его бунтарской незаинтересованности и активного отмежевания. Мама сказала ему об этом во время их последней встречи.

Бог покинул тебя, Себастиан.

Он отвел от тебя свою руку.

Если бы это было так, многое бы прояснилось. Но он не собирался становиться одним из тех, кто, столкнувшись с жизненными трудностями, ищет ответы по различным религиозным кружкам. Куда как проще было бы свалить все на кого-то другого или что-то другое. Не нести полную ответственность за то, что не смог удержать дочь, не смог ее спасти. Верить в то, что ее смерть входила в великий божественный замысел. Возможно, неисповедимый, но оттого не менее великий.

Он, однако, не собирался ввязываться ни в какую дискуссию – по опыту знал, что это бессмысленно. Речь шла о вере. Человек либо верит, либо нет, но если он верит так истово, как молодая женщина перед ним, доводы разума никогда не возобладают.

– Мне кажется, вам нездоровится, – вместо этого произнес Себастиан в самой сочувственной манере. Ида не ответила. – Когда вы в последний раз выходили из дома? – продолжал Себастиан, снова не получив ответа. – Ида...

– Неделю назад, наверное, – наконец выдавила она.

– Скрываться от мира – не выход.

– Господь подскажет выход.

– Возможно, божья помощь заключается в том, чтобы направить к вам кого-то, с кем вы могли бы поговорить? – предположил Себастиан, наблюдая за Идой, которая впервые, кажется, начала воспринимать его слова. – Пути его неисповедимы, – продолжил Себастиан цитатой, которую много раз слышал дома, когда родителям не удавалось рационально объяснить какое-либо происшествие. – Может быть, именно по этой причине он послал меня, – заключил Себастиан, но по реакции Иды сразу понял, что зашел слишком далеко.

– Вам кажется, что *вы* – проводник воли Господней? – эти слова она полным презрения голосом словно выплюнула ему в лицо.

В обычном случае эта мысль могла бы ему потрафить, но в данной ситуации хотелось просто прикусить язык и забрать свои слова

обратно. У него был шанс достучаться до Иды, но Себастиан его упустил.

– Я не тот, кому нужно верить в это, – сказал он в надежде, что нечеткая формулировка вновь затронет что-то в ее душе. Этого не случилось.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – попросила Ида.

Себастиан тяжело поднялся на ноги. Ида попятилась, когда он поравнялся с ней и дверным проемом.

– Вам нужен кто-то, – сделал он последнюю попытку.

– Уходите, будьте добры.

– Если у вас никого нет, можете поговорить со мной, – не сдавался Себастиан.

Ида, скрестив руки на груди, смотрела в пол.

– Себастиан... – Урсула махнула ему рукой, призывая следовать за ней. Они больше ничего не могли поделать. По крайней мере, не прямо сейчас. С явным сожалением Себастиан последовал за Урсулой в прихожую, а затем к выходу из квартиры.

Как только дверь за ними захлопнулась, Ида подбежала к ней, заперла и заново навесила цепочку. С трудом держась на ногах, она выдохнула. Ида была физически измотана напряжением, в котором пребывала рядом с двумя незнакомыми людьми. К тому же полицейскими.

Она поплелась в кухню и рухнула на один из стульев, пытаясь привести в порядок мысли. Взгляд ее упал на мобильник, лежавший на столе. Позвонить Кларе? Чтобы услышать, что к ней тоже приходили?

Конечно, приходили.

Что она сказала? Сказала ли что-нибудь?

Она нервно прикусила нижнюю губу, размышляя, как ей следует вести себя во время следующего визита полиции, когда они явятся и сообщат ей, что Клара Вальгрэн узнала Ребекку и сказала, что Ида тоже должна ее знать. Что они определенно были очень хорошо знакомы. Возможно, достаточно будет просто сказать, что не узнала ее на фото, что смотрела невнимательно.

Внезапно почувствовав во рту солоноватый привкус, Ида прижала палец ко рту. Она искусала нижнюю губу в кровь. Глядя на каплю крови, смешанную со слюной, которая осталась на пальце, Ида стала размышлять. Слишком много совпадений, слишком многое сходится.

Теперь еще и Ребекка. Это оно. Ничем другим это быть не может. Она слизала кровь с указательного пальца. Он был прав. Этот психолог.

Ей нужен кто-то.

Ей нужна помощь.

Ей нужен поводырь, ей нужен ответ. Нужен кто-то, кто примет решение. Ей необходимо знать, что она поступает правильно. Она взяла телефон и стала набирать номер.

* * *

Ингрид пребывала в раздражении еще до этого разговора.

По правде говоря, день у нее выдался дерьмовый. Ранним утром позвонил журналист с вопросом об одном ее вполне конкретном высказывании в конфирмационном^[7] лагере в Емтланде, в ее бытность пастором в общине Новой Уппсалы, воспринятом как унижительное и оскорбительное одним из конфирмантов. По какой причине это всплыло сейчас, спустя столько лет? Ингрид считала, что виной тому приближающиеся выборы епископа. Она на самом деле не переживала по этому поводу – она ведь всего лишь провозглашала слово Божье, как оно было записано, а если кому-то оно пришлось не по нраву, или показалось обидным – что ж, возможно, им не стоило проходить конфирмацию. Конфирмация необходима для подтверждения таинства крещения. Для того чтобы сказать Богу: да, я готов отдать свою жизнь в Твои руки. Несмотря на то, что Церковь Швеции – организация, в которой она служила – пыталась подавать конфирмацию под видом эдакого мировоззренческого курса. В том смысле, что *ты важен и ценен потому что ты есть тот, кто ты есть. Как человек ты несешь ответственность и за собственную жизнь, и за свои отношения с окружающими*, – гласила информация на церковном сайте. Пустые фразы, которые легко можно представить в контексте любой дешевой философии типа «помоги себе сам». Очень мало или вообще никакого отношения не имеющие к Богу. Возможно, конфирманты и смогут постичь *ценность быть самим собой и быть возлюбленным Господом*, но вряд ли поймут, что должны возлюбить Его в ответ.

Поклоняться ему.

Преклоняться перед ним.

Вряд ли они поймут, что все на свете можно постичь через Господа и Иисуса.

Но в наши дни все, что могло каким-либо образом уязвить раздутое эго молодежи, рассматривалось как не заслуживающее внимания, размышляла она.

Даже если Ингрид не испытывала чрезмерного волнения по поводу утреннего разговора, он так или иначе оказал влияние на ее приготовления к стандартному интервью – или заслушиванию, как епархия по какой-то неведомой причине его именовала. В преддверии выборов епископа два человека в течение почти получаса задавали ей вопросы. Одной из них была женщина, профессор философии и теологии из Университета Умео, а ее компаньоном оказался руководитель программы церковных конгрессов из центра в Лунде. Ничего не имея против них обоих, Ингрид решила, что они сместили фокус не на те вещи, задавали не те вопросы, так что ей всю дорогу приходилось их направлять, что в итоге могло быть воспринято как стремление избегать неудобных вопросов.

Нежелание отвечать.

Как в политике.

В конце они поблагодарили ее за беседу. Ингрид не могла понять, была это вежливость или они на самом деле остались довольны. Вся ее кампания противопоставляла ее либеральным течениям, представляя Ингрид в качестве альтернативы для тех, кто хотел бы вернуться к традиционным ценностям. И таких было множество. Многие с ужасом наблюдали, как их Церковь всерьез выносит на обсуждение вопрос о метафорической природе Бога в противовес традиционному пониманию его физического существования. Многие не верили своим ушам, слыша с высоких трибун слова о том, что истина в метафоре, которую не нужно понимать буквально. Многие следили за ходом дебатов о том, следует ли христианам прятать крест если, к примеру, они трудоустроены в сфере здравоохранения, – ведь он может быть воспринят, как провокационный символ.

На все это у Ингрид были ответы, но кто-то должен был задать ей верные вопросы, а этого как раз никто не сделал.

Ее снедало чувство, что она упустила фантастическую возможность, и это чувство лишь усилило ее раздражительность, когда

после заслушивания она поехала на встречу с представителями профсоюза по вопросам психологического климата в коллективе. Проблема была ясна всем, все знали, чем занимается Ингрид, и они уже провели бесчисленные часы на совещаниях по выработке мер и организации служебных разбирательств. Сегодня не ожидалось ничего нового, в этом Ингрид была убеждена. Но ее ожидал сюрприз. Сегодня ей предложили оставить службу, получив годовое жалование в качестве выходного пособия. В этом случае сведения о личных конфликтах в общине не получат широкого распространения.

Ничто иное, как шантаж.

Пытаются надавить на нее, используя ее статус кандидата на выборах епископа.

Ингрид была одной из семи кандидатов, из которых реальный шанс был у троих. Их могло быть всего двое, если бы она решилась дать ход известной ей информации о Йоране Пельтцене. Его поездка в Лондон по служебным делам в 2012 году вылилась для общины в Стрэнгнесе в существенно большую сумму, чем предполагалось. Если Ингрид правильно понимала, займись кто-то этим вопросом вплотную, он мог бы обнаружить разнообразные счета из ресторанов и театров, и Пельтцен явно затруднился бы объяснить, почему их оплатила община. Вопрос был лишь в том, воспользуется ли Ингрид этой информацией? Например, можно было бы организовать утечку в местные СМИ. Но только так, чтобы нельзя было отследить источник, чтобы следы не привели к ней. Очернение конкурентов может обернуться проблемой для нее самой. Ей, конечно, хотелось бы быть выше всего этого, но сейчас все средства хороши. Она была уверена в том, что именно один из ее соперников вытащил на свет божий эту историю с оскорбленным конфирмантом.

Обо всем этом Ингрид размышляла в машине вечером по пути домой. Пришла к выводу, что слишком зла и взвинчена, а это худшее состояние для принятия важных решений. Так что сведения о Йоране Пельтцене она решила пока придержать. Выборы должны состояться еще только через два месяца. Время есть. Можно выждать пару недель, оценить реакцию публики на заслушивание. Все выкладывается в Сеть, чтобы электорат мог составить себе представление о кандидатах. Может быть, все не так плохо, как ей кажется. Как только окажется дома, она посмотрит запись, а потом уже будет решать. Так она и

поступит. Сворачивая на подъездную дорогу к вилле на Думхерревеген она немного воодушевилась.

Все разрешится.

Господь направит ее.

Как всегда.

Она уже заглушила мотор и собиралась выходить из машины, когда раздался звонок. Незнакомый номер. Только бы опять не тот журналист, думала Ингрид, нажимая кнопку ответа. Это был не он.

– Здравствуйте, это Ида. Ида Риитала, – едва слышно донеслось с того конца.

– Да?

– Не знаю, помните ли вы меня, я состояла в Аб...

– Я помню тебя, – резко прервала ее Ингрид. Последнее, что ей сегодня требовалось – это напоминание о жизни в Уппсале. – Чем я могу тебе помочь? – продолжила она уже более дружелюбно.

Следующие пять минут Ингрид слушала рассказ Иды об изнасилованиях, о Кларе и Ребекке, о полиции, о том, что та ничего не сказала, о ее сомнениях по этому поводу.

– Но я не уверена, – заключила Ида. – Может быть, нам нужно было... Мы должны были... Как вы думаете?

Ингрид положила голову на подголовник, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она была на взводе еще до этого звонка.

– Я считаю, что ты поступила правильно, – произнесла она тоном, который, как ей было известно, заставлял людей прислушаться. Положиться на нее. – Нет никакой причины это ворошить. Мы все оставили это позади, раскаялись, просили прощения и получили его.

Ответом ей была тишина. Тишина, которую Ингрид истолковала как сомнение. Когда человек подвергается испытаниям, он легко впадает в сомнения.

– Ты сделала все правильно. Рассказать все, впутать полицию в это дело – это человеческий путь, а ты должна подумать о божественном. Господь видит все в целом, он использует события для того, чтобы сделать тебя лучше, сделать тебя сильнее. Он проверяет тебя, но никогда не положит на твои плечи ношу, которая тебе не по силам. Будь уверена в этом.

Ответ Иды подтвердил правильность выбранных Ингрид аргументов. Она достучалась до Иды. Они беседовали еще минут пять,

пока Ингрид не убедилась, что Ида согласна. Лучше ничего никому не рассказывать. Закончила Ингрид на том, что Ида может звонить в любое время, в надежде что этого не произойдет.

Еще несколько секунд Ингрид оставалась на месте, размышляя. Стоит ли позвонить остальным? Клара оставила церковь. Оставила Бога. Аргументы, которые сработали с Идой, здесь не пройдут. Разговор с Ингрид, которая попросит ее сохранять молчание, может даже возыметь обратный эффект. То же с Ребеккой Альм – если Ингрид позвонит ей, она решит, что это конспирация, что против нее могучие силы. У Ребекки всегда было живое воображение.

Ожидание представлялось Ингрид сейчас наилучшим выходом.

Нужно посмотреть, что будет дальше.

Положиться на Господа. Он поможет с этим разобраться.

Она вышла из машины и направилась к дому. Сняла туфли и повесила пальто. Зажгла несколько ламп по пути на кухню. Наполняя чайник, Ингрид вдруг осознала, как сильно устала за день.

День был длинный.

Но он еще не закончился. Ожидая, пока вскипит вода, Ингрид прошла в кабинет и включила компьютер. Она опустилась в свое рабочее кресло, оперлась локтями на стол и положила лоб на ладони. В доме было тихо. Разве что... Ингрид выпрямилась. Прислушалась. Ей показалось? Ингрид повернула голову к двери.

Ничего. Тишина.

Слабый щелчок со стороны кухни сигнализировал о том, что вода закипела. Она успела ввести пароль, прежде чем пойти на кухню за чашкой чая.

Она скорее почувствовала, чем услышала.

Кто-то посторонний был в доме.

Прямо позади нее.

Паника подступила к горлу, но она не успела обернуться.

Нет, только не снова, только не снова!

Мысли понеслись в ее голове с бешеной скоростью, как вдруг Ингрид ощутила укол в шею и упала на пол.

– Спасибо вам всем, что смогли прийти в такой поздний час, – начала Анне-Ли, занимая место рядом с Торкелем у стола в одном из малых конференц-залов на цокольном этаже здания полиции. Шум голосов утих. «В зале около тридцати сидячих мест», – прикинул Торкель. Примерно половина была занята. Всего около пятнадцати человек. Но какое количество печатных и цифровых изданий, а также телеканалов они представляли, он не имел ни малейшего понятия. Большинство снимали происходящее на видео, используя любые доступные средства – от камер на штативах до мобильных телефонов в руках.

– Это Торкель Хеглунд из Госкомиссии по расследованию тяжких преступлений, – продолжила Анне-Ли, указывая на Торкеля. – Он и его команда помогают нам вести это дело.

Торкель коротко кивнул собравшимся. Среди них было лишь одно знакомое лицо.

Аксель Вебер.

Кто бы сомневался.

Он по своему обыкновению освещал работу Госкомиссии. В предыдущем расследовании он вообще принял деятельное участие. Чересчур деятельное, с этим бы согласились все. Вебер слегка улыбнулся Торкелю и приветственно поднял руку. Торкель проигнорировал.

– На данный момент мы расследуем убийство, два изнасилования и попытку изнасилования, которые, по нашему мнению, совершены одним и тем же человеком, – перешла к делу Анне-Ли, и Торкель заметил, как заинтересованно притихли слушатели.

Выпрямили спины.

Ручки и блокноты наготове.

Пальцы на клавишах.

До начала пресс-конференции они договорились, что ведущую роль предстоит играть Анне-Ли. Торкель станет отвечать на вопросы, заданные непосредственно ему, либо в случае, если Анне-Ли передаст ему слово. Условия такие. Торкелю в принципе было все равно, у него не было причин противиться такому разделению полномочий. У нее был определенный стиль руководства. Приказной порядок. Торкель не мог припомнить, когда в последний раз получал от кого-либо приказы и, откровенно говоря, не чувствовал восторга по этому поводу.

Они также обговорили, на какие вопросы будут отвечать, какой информацией поделятся, а какую до поры придержат. Себастиан с Урсулой вернулись после встречи с Идой Риитала, подтвердив сведения, полученные Ваньей от Клары Вальгрэн.

Никто из жертв не был знаком с Ребеккой. Ванья, однако, считала, что в показаниях Клары было нечто ускользающее от их внимания, и желала посвятить больше времени поискам связи между потерпевшими. Торкель был уверен, что она в этом преуспеет. Ванья обладала непревзойденным чутьем в такого рода делах. Карлос отчитался о получении сходных показаний от Терезы Андерссон. Она тоже не была знакома с Ребеккой, и даже никогда о ней не слышала. Поэтому сейчас не было никакой причины сообщать общественности о давнем знакомстве двух потерпевших. Это могло лишь подстегнуть ненужные спекуляции в прессе. Они также не станут упоминать о шприцах и мешках. Если дело получит такую широкую огласку, какой опасался Торкель, обе детали в течение суток и так станут достоянием гласности. Громкие дела имеют тенденцию к утечке информации.

– Мы можем узнать имена потерпевших? – спросил плешивый репортер, сидевший с правого края с мобильным телефоном в руках, когда Анне-Ли закончила излагать информацию и предложила задавать вопросы.

– Нет, мы не можем их озвучить. Только одно – Ребекка Альм.

– Погибшая. В Евле, – произнес Вебер, сверяясь со своими записями.

– Именно.

– Вам известно, почему он сменил город?

Торкель сам себе кивнул. Умный вопрос. Обоснованный. Вебер работал криминальным репортером так долго, что практически приобрел полицейские инстинкты.

– Нет, на данный момент неизвестно.

– Не значит ли это, что жертва была выбрана не случайно, что преступник хотел напасть именно на нее? – Вебер не сводил глаз с Торкеля, но слово опять взяла Анне-Ли.

– Не обязательно. Он мог оказаться в Евле по целому ряду причин.

– Но вы разрабатываете эту версию?

– Само собой, в числе прочих.

Вебер кивнул и продолжил изучение своих заметок. На первый взгляд удовлетворенный ответом. Торкель гадал, позвонит ли он вечером. Рыжеволосая женщина лет пятидесяти на вид, сидевшая справа по диагонали позади Вебера подняла руку, одновременно подавшись всем корпусом вперед.

– Вы упомянули БДСМ-секс, не могли бы вы немного развить эту тему?

– В каком ключе?

– Рассказать немного подробнее.

Торкель прекрасно понимал, чего хотела эта женщина. Более шестидесяти лет минуло со времен так называемой «сексуальной революции», которая была призвана сделать тему секса более доступной и повседневной, и тем не менее она все еще оставалась щекотливой. Притягательной. А уж если речь шла о каком-либо сексуальном отклонении в контексте жестокого преступления – то это был просто динамит. Или стопроцентный кликбейт, выражаясь современным языком.

– Наш профайлер выдвинул теорию, согласно которой преступник ранее экспериментировал с контролем и подчинением. В сексуальном контексте.

– Как?

Было наивно предполагать, что она удовлетворится такой размытой формулировкой.

Ей требовалось большее.

Им всем требовалось что-то большее.

Анне-Ли переглянулась с Торкелем. Какой дополнительной информацией они могут поделиться? Если Себастиан прав, они смогут вступить в контакт с людьми, пережившими похожий сценарий в отношениях с преступником. В то же время нельзя было давать прессе слишком много подробностей. Анне-Ли кивнула Торкелю, передавая ему слово. У него возникло чувство, что ей просто нужен кто-то, на кого можно было бы возложить ответственность в случае возникновения осложнений по ходу расследования.

– Вероятно он хотел, чтобы во время полового акта женщины неподвижно лежали на животе. Скрывали свои лица, возможно, накрывали их чем-то.

– Он накрывал их лица во время изнасилований? – поинтересовался молодой человек с заднего ряда.

Словно не услышав последнего вопроса, Торкель резюмировал:

– Вот что касается БДСМ.

Он скорее почувствовал, чем понял по выражению лица Анне-Ли, что уже сказал слишком много.

– Мы будем опрашивать всех, кто находился вблизи мест, где произошли нападения, непосредственно до или сразу после совершения преступлений, – заявила Анне-Ли, давая всем присутствующим понять, что тема секса и, соответственно, способа, коим были совершены преступления, исчерпана. – Мы составили список актуальных адресов и временных отрезков, вы можете его получить, – продолжала Анне-Ли, кивком головы указывая на двух полицейских в форме, стоявших у дверей, каждый с небольшой пачкой листов в руках.

– Если есть потерпевшие, которые не заявляли о нападении либо попытке нападения, мы просим их связаться с нами сейчас, – вставил Торкель.

– Значит, потерпевших может быть больше, – констатировал репортер с заднего ряда.

– Все это мы собираемся прояснить, – отрезала Анне-Ли, поднимаясь с места. Молча собрав свои записи, она покинула помещение прежде, чем Торкель успел хоть как-то отреагировать. Секунду назад их было двое, и вот он остался один. Обескураженный ее поспешным уходом, он повернулся лицом к собравшимся представителям прессы. Взглядом отыскал Вебера, но тот, как видно, был целиком погружен в свои заметки.

– Да... спасибо, что пришли, – выдавил из себя Торкель, тоже поднимаясь с места. – Мы будем благодарны за публикацию сведений, которые считаем необходимым распространить. Мы также будем на регулярной основе информировать вас о прогрессе расследования. Еще раз спасибо.

И вслед за Анне-Ли Торкель последовал прочь из конференц-зала, под аккомпанемент вопросов, обращенных уже к его спине.

В зале вновь загудели голоса – пятнадцать репортеров складывали вещи, готовясь к публикации только что добытых сведений на различных платформах.

В Уппсале появился серийный насильник.

Который убил женщину.

И, вероятно, тяготеет к девиантному сексу.

Аксель Вебер продолжал сидеть на своем месте. Он все еще проглядывал записи. В середине страницы несколько раз что-то обвел ручкой.

Два слова.

Ребекка Альм.

Это имя он уже слышал.

* * *

– *Я в Уппсале. Хочешь увидеться?*

Все, отправлено. Уже не стереть.

– *Я бы с удовольствием, но я не в городе.*

Урсула уже собиралась поинтересоваться, где он, но поняла, что:

а) он работает в сфере торговли, так что возможно, где-то занимается продажами;

б) ее это вообще не касается, может быть, это просто-напросто небольшая ложь, чтобы избежать встречи с ней.

– *Окей, в другой раз.*

Инициатива переходит к нему.

– *Я возвращаюсь завтра. Ты еще будешь там?*

– *Да, я здесь как минимум на пару дней.*

– *Как ты смотришь на то, чтобы встретиться завтра вечером?*

Увидимся?

– *Конечно.*

– *Здорово. Я дам знать, когда приеду, и мы договоримся. С нетерпением жду встречи.*

– *Да, я тоже.*

Они завершили беседу, обменявшись для простоты номерами телефонов. Урсула скопировала номер и перешла сразу на страницу Hitta.se, чтобы его пробить. Номер принадлежал Петросу Самаросу из Уппсалы. Пока что все совпадало. Она захлопнула ноутбук и со вздохом откинулась на спинку стула. Еще один вечер в стандартном номере стандартной гостиницы. Таких вечеров у нее уже были сотни.

Конкретно эта гостиница называлась «Йиллет»^[8] и находилась в пешей доступности от здания полиции. Пятиэтажное здание своей наружностью прозрачно намекало на семидесятые, а вот внутреннее убранство сделало вполне успешную попытку осовремениться и стать уютным. Здесь была зона спа, спортивный зал, ресторан и бар. Урсула не особенно стремилась пользоваться этими благами, но и такой напряженной работы, чтобы погрузиться в нее целиком, у нее сейчас тоже не было. Предварительных результатов по Ребекке Альм можно не ждать до завтра, а все прочее она уже изучила. Несколько раз.

Так чем же ей заняться?

Торкель уехал обратно в Стокгольм. К Лисе-Лотте. К Ванье приехал бойфренд, да и в любом случае она жила не в гостинице. Билли остановился в Уппсале, но все еще пропадал на работе. Когда Торкель предложил ему поехать домой вместе, Билли ответил, что лучше останется и займется изучением видеозаписей с камер наблюдения. Поищет что-нибудь, какой-нибудь след, вектор для расследования. Он в браке всего полгода, но не стремится домой, к своей жене. Хотя кто такая Урсула, чтобы судить? Никогда за все время своего замужества она не спешила возвращаться домой, к супругу и семье.

Оставался один Себастиан.

Если она когда-то и позволяла себе задуматься над тем, с кем ей было лучше всего – настолько благостно и приятно, насколько это было возможно – то это было в обществе Себастиана. Возможно, из-за того, как сильно они похожи, из-за того, что Себастиан тоже не желал играть по чьим-то правилам, соответствовать ожиданиям, вписываться в стереотипные представления о романтике, любви, партнерстве. Она на самом деле сомневалась, способна ли любить так, как большинство людей это себе представляют, но Себастиана Урсула любила. Когда он предал ее, Урсуле было больнее, чем даже когда Микке сообщил ей, что встретил Аманду.

Они снова находились на пути к чему-то, она и Себастиан, прежде чем ее подстрелили. И тогда он снова ее предал. Теперь же они были друзьями. Так, по крайней мере, считала Урсула, но ее не оставляло ощущение, что Себастиан не сможет этим удовлетвориться, что в их взаимоотношениях фоном всегда присутствует ожидание секса. Что, когда они оказываются рядом, всегда стремятся к сексу.

Друзья с привилегиями.

Или приятели по случке, это выражение ему подходило даже больше.

Он ей открылся. Рассказал все. О вине, тоске и горе. Стал ей ближе. Но им так много нужно было пройти.

Даже если Урсула и считала, что они с Себастианом друг другу подходят, она не собиралась развивать эти отношения.

Это было бы чересчур сложно.

Он был слишком невозможен, слишком травмирован.

Он не позволит себе стать счастливым, он предаст снова, только чтобы сделать хуже самому себе, а Урсула больше не собиралась на такое подписываться.

Больше никогда.

Но ей нужен был кто-то, нет, неправильно, ей никто не был нужен, но она хотела кого-то иметь. Простого, непосредственного, без претензий.

Как Торкель когда-то.

Где-то месяц назад после долгих поисков она зарегистрировалась на сайте знакомств. Очевидно, все теперь познакомились таким образом, но Урсула буквально через силу заполнила все анкеты и подала заявку. Ответы не заставили себя долго ждать. Большинство она отфильтровывала сразу, остальных – после нескольких вводных предложений. Кроме одного мужчины, с которым она общалась в чате уже почти три недели.

Петрос Самарас, пятьдесят три года, разведен, двое детей, менеджер по продажам на фармацевтическом предприятии, проживает в Уппсале.

По крайней мере, это он посчитал нужным о себе сообщить. Невозможно знать наверняка. Она даже не знала, действительно ли он выглядит так, как на аватарке. Они еще не встречались. Она удержалась от искушения пробить его по полицейской базе, ограничившись лишь беглым поиском в сети, который подтвердил, что в Уппсале действительно проживает гражданин с таким именем.

Придя с работы, она открыла ноутбук, ввела пароль, зашла в приватный чат и отправила ему краткое приветствие, поинтересовавшись, располагает ли он временем.

Он ответил меньше чем через пару минут.

После приличествующего обмена вопросами о самочувствии (хорошо), времяпрепровождении (ничего особенного) и сообщения о том, что он как раз собирался ей написать, но она его опередила (мысли сходятся), Урсула замерла, держа пальцы над клавишами. Первоначальная решимость угасла. Нужно ли ей сделать следующий шаг? Да, решила она. Почему нет?

– *Я в Уппсале. Хочешь увидеться?*

И вот она здесь. В своем номере, в гостинице. Взяла телефон – неплохо бы забить его номер в контакты. Так она узнает, что он звонил. Справившись с этим, она осталась сидеть с мобильником в руках.

На самом деле, в Уппсале был еще один знакомый ей человек.

Не так близко знакомый, как следовало бы, но все же.

* * *

– Почему мы встречаемся здесь? – поинтересовалась Урсула, разглядывая помещение, в котором оказалась.

– Здесь открыто, недалеко от центра и дешево, – отозвалась Белла, ставя на стол бокал вина и пиво, прежде чем усесться на скамью напротив матери.

– Можно было не искать, где подешевле, я угощаю.

– Мне здесь нравится.

Урсула поглядела на свою дочь, которая уже отхлебнула пива. Возможно, ей и правда нравилось это место, но Белла вполне могла выбрать его именно потому, что знала – оно не придется по вкусу матери. Полуподвал, сумрак, почти темнота. Несколько светильников, прикрытых пыльными разномастными колпаками на заплеванных кирпичных стенах. Липкий деревянный стол со скамьями по сторонам, никаких стульев. Барное зеркало, как привет из восьмидесятых, и одинокий музыкальный автомат в дальнем углу. Посетители выглядели не слишком зажиточно, возможно, ни в какое другое заведение их бы просто не впустили.

Но Урсула закрыла на это глаза.

Перед выходом из гостиницы она решила для себя: не искать конфликта, не вступать в конфронтацию. Постараться приятно

провести время, мать с дочерью. Видит Бог, за долгие годы у них случилось не так уж много подобных выходов.

Ее вина. Как всегда.

Она всегда держалась на расстоянии.

Не хотела быть как другие мамы.

Другие мамы не оставляли своих семилетних дочерей ради переезда в Стокгольм к любовнику.

Другие мамы были рядом с дочерьми всегда, а не только когда об этом просили сами дочери.

Другие мамы словом и делом демонстрировали любовь к дочерям.

Урсула же всеми возможными способами подтолкнула Беллу к тому, чтобы та стала папиной дочкой.

После развода с Микке Урсула поняла, что придется строить новые отношения с Беллой, чтобы вообще ее не потерять. Пока что успехи были так себе.

Редкие телефонные разговоры.

Никаких личных встреч. До сегодняшнего дня.

– Ты неплохо выглядишь, – сказала Урсула, отпивая вино. Домашнее. Единственное белое, которое, со слов Беллы, здесь нашлось, когда Урсула попросила Шардоне.

– Вроде бы да.

– Как твоя учеба?

– Неплохо.

– Что у тебя сейчас?

– Налоговое право.

– Захватывающе.

– Не особенно.

Повисла тишина. Урсула снова сделала глоток мерзкого вина. Кажется, ей отводится роль модератора этой беседы.

– Мы давненько не виделись.

– С прошлого года. Ты приезжала, чтобы рассказать, что вы с папой разводитесь.

Та встреча окончилась совсем не так, как надеялась Урсула. Ничего такого, что хотелось бы вспомнить, так что она быстро сменила тему.

Не вступать в конфронтацию, не искать конфликта.

Приятная беседа матери с дочерью.

– Как дела с Андреасом?

Глубокий вздох означал, что вопрос неприятен или по какой-то иной причине ошибочен.

– Мы больше не вместе. Расстались почти год назад.

– Ты не говорила.

– Ты не спрашивала.

– Ты можешь рассказывать, даже если я не спрашиваю.

– Возможно, если бы я думала, что тебе это интересно. Что тебя интересует моя жизнь.

Вот и она. Критика. Наивно было думать, что они смогут общаться, не касаясь темы проведенных порознь лет.

– Мне жаль, если у тебя сложилось обо мне такое мнение, – с не вызывающей сомнений искренностью в голосе сказала Урсула. Белла смерила ее взглядом, говорившим, что она ожидала чего-то иного. Что Урсула встанет в позу несправедливо обвиненной, станет защищаться, оправдываться.

– Меня очень интересует твоя жизнь, – с той же искренностью продолжила Урсула. – Только мне всегда было сложно тебе это показать. А ты всегда была ближе к папе.

– Вот удивительно, правда? – вставила Белла.

– Даже до развода многое о тебе я узнавала от него, – продолжала Урсула, не притворяясь, что не слышала слов дочери. – Я исправлюсь, обещаю. Я стану лучше.

Белла ничего не ответила, только кивнула. Уже что-то. Не то чтобы все волшебным образом разрешилось – вскоре им придется обсудить вклад Урсулы в то, что они оказались там, где оказались, но это уже первый шаг. Урсула подумала, что они обе это чувствуют, и что сегодня не стоит больше развивать эту тему.

– Итак, бойфренда нет. Как с волейболом? – непринужденно поинтересовалась Урсула, уводя разговор прочь от серьезных тем.

– Я не говорила, что бойфренда нет. Я сказала, что мы больше не вместе с Андреасом.

– Так кто же он?

– Его зовут Никко. Учится на курс младше меня. Мы познакомились на ориентационной неделе для первокурсников.

Пытаясь не гримасничать, допивая вино, Урсула улыбнулась дочери. Она просила рассказать больше, но было очевидно, что

другими подробностями своих новых отношений Белла делиться не хотела. Может быть, сейчас нужно продемонстрировать интерес, задавая дополнительные вопросы? Или это будет воспринято как излишнее любопытство? У Урсулы в таких вещах было так мало опыта...

– Ты хочешь, чтобы я рассказала о том, о чем ты не спрашиваешь? – поинтересовалась Белла, возложив на мать ответственность за продолжение разговора.

– Да.

От внимания Урсулы не укрылась легкая усмешка, спрятавшаяся за бокалом пива. К ней внезапно пришла мысль, что она еще может пожалеть о своей согласии.

– У меня будет единокровный брат.

– Правда?

– В феврале. Аманда сейчас на пятом месяце.

Урсула помедлила с ответом. Она совершенно точно не ревновала и даже не была удивлена. У Микке появился шанс все исправить, переписать начисто – логично, что он им воспользовался.

Ее беспокоило что-то другое.

– Здорово, – произнесла она наконец. – Поздравь их от меня, когда увидишь.

– Конечно.

Но эта усмешка Беллы... Может, она и ожидала появления братишки с нетерпением, и радовалась за Микке. А может быть, ее так позабавила перспектива рассказать матери нечто такое, что, по ее мнению, Урсула не хотела бы слышать.

Урсула сделала выбор в пользу первого варианта, чтобы не думать, что дочь намеренно хотела ее ранить. Она бросила взгляд на многолюдный бар. Неважно, что оно кислое и теплое. Она выпьет еще бокал вина.

Как минимум.

* * *

Бармен поставил перед ним очередную порцию имбирного эля. Себастиан благодарно кивнул, и со вздохом поднял бокал.

Раздражение, нервозность, недовольство – вот что примерно он ощущал.

Он немного полежал у себя в номере, вернувшись из офиса, поразмышлял над делом и уже собирался уснуть, но поборол себя.

Не хотел видеть сон.

Просыпаться в поту, со стиснутой в кулак правой рукой. До звона в ушах продолжая слышать гул водной стихии. Едва дыша от ощущения пустоты и горя внутри. Если он сейчас позволит сну завладеть собой, тогда этой ночью он больше не сможет уснуть.

Так что Себастиан встал, наскоро принял душ и пошел стучаться в номер к Урсуле.

Тишина. В номере никого не оказалось.

Себастиан разочарованно спустился в бар. Заказал первый бокал имбирного эля и огляделся вокруг. Определенный потенциал имелся. Не так уж много вариантов, но он определенно мог рассчитывать, что сможет с кем-то переспать. К примеру, с женщиной, которая в одиночестве сидела с раскрытым ноутбуком за одним из столиков в глубине зала.

Лет сорок пять. Внешность невыразительная. Ни одежда, ни прическа не выдавали в ней уверенного в себе человека. Несколько лишних килограммов на талии. Себастиан уже представил, как подходит к ней. Начинает разговор. Как через несколько минут изначальное сопротивление женщины неожиданному знакомству угасает, и он приглашает ее что-нибудь выпить. Принеся выбранный ею напиток, спрашивает ее имя. Интересуется, что за работа заставляет ее заниматься делами в такой вечер в Уппсальском отеле.

Заинтересован, чуток, желает узнать больше.

Полностью сконцентрирован на женщине напротив.

Игра. Соблазнение. Как танец. Нужно попеременно вести и следовать. Сделать все, чтобы она почувствовала себя привлекательной, притягательной, манящей, чтобы разжечь в ней желание чего-то большего, чтобы женщина была уверена – это она его соблазняет, а не наоборот. Предложение покинуть бар будет исходить от нее, а он уже предложит пройти в ее номер.

Это определенно должно было сработать. Себастиан проделывал это уже сотни раз. Но не сегодня. Он обещал исправиться.

Себастиан 2.0.

Новый и улучшенный.

Он уже раскаивался.

Раздражение вытесняло нервозность и недовольство, становясь доминирующим чувством.

Это вина Анне-Ли.

Целибат. Ее чертовы условия.

Он не должен спать с фигурантками расследования, но какое значение может иметь для дела его связь с сорокалетней помощницей ревизора из Венерсборга, или что там есть подходящее для женщин поблизости? Никакого. Но он не решился попытать удачи. Если это всплывет, его выгонят из команды.

А этого не должно случиться.

Урсула могла бы его спасти. Они должны были поужинать вместе, но у нее, очевидно, появились какие-то другие, более существенные дела. Она бросила его в одиночестве. Так что это и ее вина тоже.

Какое-то движение рядом с входной дверью привлекло его внимание. На ловца и зверь бежит. Урсула вернулась. Он позвал ее и помахал рукой. Когда она подошла и села на барный стул подле него, Себастиан понял, что она немного пьяна. Возможно, это будет не самый пропавший вечер.

– Где ты была?

– Я встречалась с Беллой... С моей дочерью, – пояснила она, заметив, что Себастиан никак не прореагировал. – Она здесь учится.

– Я знаю, – солгал Себастиан. Она определенно это когда-то упоминала, он просто не слушал. – Но зачем?

– Она сюда поступила.

– Нет, зачем вы встречались?

– Что значит «зачем»? – Урсула все еще недопонимала его. – Она моя дочь.

– Это раньше не имело для тебя никакого значения. Разве не ты – худшая мать в Швеции?

Урсула устала на него. Окей, такой уж выдался вечер. Было две альтернативы. Она может выйти из бара и подняться к себе в номер. Или же можно попытаться проигнорировать оскорбления и повернуть разговор в другое русло. К чему-то настоящему. Рассказать о встрече с Беллой, о том, как весь вечер они лавировали между взаимным комфортом и неудобством, о том, что Урсула не может дать

адекватную оценку прошедшей встрече, не понимая, что каждая из них вынесла из беседы.

Но Себастиану это не интересно. Не интересно в принципе, а сегодня, когда он явно пребывает в дурном расположении, и подавно. Может быть, он и притворится заинтересованным, но только в случае, если сочтет реальной возможность затащить ее к себе в постель.

– Что это за чертова критика? – с металлом в голосе спросила она, избрав для себя третий путь: остаться, но четко обозначить границы. – Ты хочешь, чтобы я ушла?

– Нет, – коротко отозвался Себастиан, отведя взгляд.

– Тогда уймись.

– Почему? Это же правда.

– Это не значит, что можно бросать ее мне в лицо.

Короткий кивок, а затем тишина. В ситуации, когда нормальные люди говорят «прости», пытаюсь загладить вину. Нормальные люди, не Себастиан.

– Что с тобой такое? – наконец спросила Урсула. – Почему ты такой кислый?

– У меня по твоей вине выдался дерьмовый вечер.

– При чем здесь я?

– Мы собирались вместе поужинать, но ты просто исчезла.

– Правда?

– Ты сама предложила. Вчера.

Точно. Разговор в Скайпе. Но она это предлагала, когда они оба думали, что будут в Стокгольме, да и Себастиан выказал весьма среднюю заинтересованность, насколько она могла вспомнить.

– Но сегодня не вышло, – ответила она со вздохом, – так что уймись.

Прекрасная новая возможность для Себастиана попросить прощения.

– Ну и черт с ним, сейчас-то ты здесь, – сказал Себастиан вместо извинений, и кивком подозвал бармена. – Вечер только начинается, ты еще можешь меня порадовать.

Он с улыбкой глянул на Урсулу. Во взгляде оттенок ожидания и надежды. Или она себе напридумывала лишнего просто потому, что так хорошо его знает? Уж лучше все говорить напрямик.

– Чтоб ты знал, я не собираюсь с тобой спать.

Она буквально почувствовала, как в нем поднялось раздражение, но это были проблемы Себастиана, а не ее. Она осторожно накрыла его ладонь, покоившуюся на стойке бара, своей.

– Я могу сесть рядом и выпить с тобой бокал вина, если тебе нужно общество.

Так поступают друзья. Проявляют участие. Дарят свое время. Делятся своим теплом и заботятся. Несмотря ни на что, когда-то Урсула любила его. Это, конечно, не могло быть аргументом для Себастиана Бергмана. Урсуле стоило бы догадаться об этом до того, как он отдернул руку.

– Потому что ты меня жалеешь.

– Потому что мне нравится общаться с тобой, когда ты не ведешь себя по-свински. А ты так ведешь себя чересчур часто, просто для сведения.

Себастиан встретился с ней взглядом. Он раскаивался в том, что открылся ей тогда, у себя на кухне на Грев-Магнигатан. Показал свою уязвимость, создал у нее впечатление, что в ком-то нуждается, что хочет человеческих отношений. Попросту дал ей возможность использовать его слабость.

– Уж лучше я побуду в одиночестве, чем стану каким-то чертовым проектом по состраданию.

– Окей, поступай как знаешь, – ответила она, слезая со стула и забирая сумку. Граница пройдена. Уже давно. Она дала ему больше шансов, чем мог дать кто-либо другой. – Сегодня с Идой Риитала ты был хорош. Эту свою сторону тебе нужно культивировать.

– Тонкий, мягкий и милый. У таких мужчин есть имя. Их обычно зовут Торкелями.

Урсула даже не пыталась понять, было это просто выражение неодобрения их шефу или некое проявление ревности. Ей было все равно.

– Торкель – хороший человек, и тебе это известно, – просто сказала она.

– Он – миссионерская поза в человеческом обличье. Свою задачу выполняет, но скучно до чертиков.

– Спокойной ночи, Себастиан.

Она ушла. Он посмотрел ей вслед.

Все пошло к чертям.

Он все испортил.

Чем сильнее кто-то пытался к нему приблизиться, тем усерднее Себастиан все портил. Урсула знала, каков он, знала, что им движет, в этом он был уверен, но не факт, что от этого знания ей было легче. Он вытащил телефон и набрал смс – «Прости», одновременно припоминая ее слова. В Ульрисехамне она сказала:

– Вместо того, чтобы поступать, как говнюк, а потом просить за это прощения, тебе никогда не приходило в голову просто перестать быть говнюком?

Все равно отправил.

Лучше, чем ничего. Он на это надеялся.

Себастиан забрал напиток с собой и покинул бар. Поднялся в номер, лег в постель, включил телевизор. Программа образовательного радио. Как будто без этого вечер был недостаточно катастрофическим.

* * *

Она уговаривала себя закрыть глаза.

Несмотря на то, что малейший звук заставлял ее встрепенуться, она заставляла себя расслабиться.

Она в безопасности. Дом пуст. Он ушел.

Но ведь он вернулся. И снова сотворил это с ней.

Медленно, но верно она стала перебирать в голове воспоминания с того момента, когда очнулась – несмотря на открытые глаза ее окружала темнота, пока она не стащила с головы мешок. Как тяжело и жадно она хватала ртом воздух, поднимаясь на ноги, как сбросила оставшуюся одежду и залезла в душ. Как долго там сидела. Кожа на пальцах рук, покоящихся сейчас на ее груди, все еще оставалась сморщенной от долгого пребывания в воде.

Сфокусироваться на дыхании. Вдох через нос, выдох через рот. Игнорировать этот тонкий голосок в голове. Не размышлять о случившемся, а тихо непрестанно молиться Господу.

Он испытывал ее.

Но она пройдет испытание.

Бог позволил ужасному случиться. Дважды. Так легко начать сомневаться! Но она знала – Господь хочет использовать случившееся,

чтобы изменить ее. Помочь ей стать сильнее. Вместе с Господом. Если бы она желала попросту передать свою жизнь в его руки, Господь бы поднял ее на новый уровень. Помог бы обрести новые прозрения, встать на следующую ступень, стать на шаг ближе к той личности, какую в ней видел Он и желал, чтобы она ею стала. Но испытание, каким бы мучительным ни было, должно иметь большую ценность. В огне горнила золото очищается от шлака, как однажды выразился один из ее коллег.

Так что она неподвижно лежала на спине в кровати, закрыв глаза и скрестив руки на груди, и молилась про себя. Раз за разом подтверждала, что желает посвятить Ему себя и свою жизнь, превозносить его, зная, что у Него всегда есть план и что Он – единственное решение. Ее охватил покой, и картины недавнего прошлого стали тускнеть. Она была уверена, что Господь подскажет ей путь, что Он знает – у нее есть все, чтобы идти дальше.

Совсем как в прошлый раз. В первый раз.

Он заставил ее пройти через это. Минули дни, даже недели, а она совсем не думала о случившемся, странным образом ощущая, что это происшествие заставило ее собраться. Не случайно это произошло именно сейчас, накануне выборов епископа. Она была вынуждена заглянуть в себя и подвергнуть увиденное критическому анализу, чтобы в большей степени соответствовать Его замыслу относительно себя.

Разница заключалась лишь в том, что на этот раз она имела представление о том, что происходит.

Она, Ида, Клара и Ребекка.

Они наказаны.

Было сложно представить, что виной всему что-то иное. Но она не позволит никому об этом узнать.

Ни сейчас, ни когда-то еще.

Еще в душе она задалась вопросом. Звонить ли остальным? Чтобы предупредить? Рассказать, что ужасное может повториться. Что это не закончилось.

Тогда они точно сообщат в полицию. Получат защиту. Возможно кто-то из них попадет в ловушку из вопросов, и полиция поймет, где нужно искать. И его возьмут, и придет конец нападениям и страху.

Если думать в этом ключе, тогда ответ ясен. Да, нужно им позвонить. Нужно предупредить.

Но...

Полиция выяснит характер связи между четырьмя женщинами – Ида что-то коротко сказала о пятой, но Ингрид ни о чем таком не слышала, – выяснит причину их осознанной лжи – причину, по которой стала складываться цепочка жестоких нападений.

Им придется признаться. Все выйдет наружу. И в то же мгновение ее шансы стать епископом испарятся. Она потеряет возможность провозглашать Евангелия и нести слово Божье так, как оно задумывалось.

Упадок Шведской Церкви продолжится, если замолчит один из самых сильных голосов противников этого упадка.

В обычных случаях принять подобное решение сложно, а в существующих обстоятельствах – практически невозможно. В конце концов Ингрид решила ничего не делать. Ничего не говорить. По крайней мере, сейчас. Если план Господа состоял в том, чтобы предупредить других, чтобы их не постигло это зло, то он наверняка присмотрит за тем, чтобы они узнали.

Она и об этом помолилась. Чтобы он простер над ними свою охраняющую руку. Но несмотря на молитву, которая ее успокаивала, Ингрид никак не могла заглушить этот тонкий голосок в своей голове.

Верное ли решение она приняла? Не поставила ли она себя выше других? Не поступила ли эгоистично? Не по-христиански по крайней мере. У нее есть прекрасный шанс прекратить страдания других людей. Цена, которую ей следует за это заплатить – епископский сан.

Он того стоит? Она поступает правильно?

Все это – часть испытания, и все разрешится благодаря Господу. Не благодаря ей. Она может лишь искать Его. Внезапно ей пришли на ум строки послания к Римлянам, 12:19.

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божьему. Ибо написано: «Мне отмщение, я воздам», – говорит Господь.

Ингрид гнала от себя мысль, гнала прочь все мысли, включая противный голосок, и стала истово молиться о забвении. Она стремилась забыть не только сегодняшнюю физическую и моральную травму, а вообще все. Линду Форш и роковую ночь восемь лет назад, и

решение, которое они тогда приняли. Она молилась о том, чтобы груз был снят с нее, хотя бы ненадолго.

Молитва была услышана, и Ингрид погрузилась в тревожный сон.

15 октября

Обо мне пишут в газетах. В Сети.

Очевидно, Ребекка Альм скончалась. Непредвиденно.

Ты знаешь, это получилось случайно.

Полиция просит помощи. Им нужны сведения. Свидетели.

Очевидно, никто ничего не сказал.

Их держат вина и стыд.

Поэтому полиции требуется помощь общественности.

Глупо было бы чувствовать себя уверенно и думать, что все прошло безукоризненно.

Вопрос в том, нужно ли спешить, чтобы успеть больше до того, как меня возьмут, или лучше временно залечь на дно?

Мне нужно продолжать. Скажи кто-то из них всего только слово – твое имя – и меня найдут. Остановят.

Но сейчас слишком рано.

Ты знаешь это, Линда.

Сегодня ночью ты снова мне приснилась.

Как и всегда накануне твоего дня рождения.

Ты лежала на заднем сиденье. Все вокруг в крови.

Это была не их вина, сказала мне ты.

Но это лишь во сне.

Наяву виновны были именно они.

* * *

Песня, которая играла по радио, когда он парковал машину, привязалась к нему.

Он не знал, как она называется, но прошлым летом она звучала отовсюду. Какой-то испанский мотив, в записи принимал участие Джастин Бибер. Ему это было известно, потому что Джастин Бибер нравился Вильме. Еще два-три года назад Бибер буквально был ее кумиром, но самая тяжелая стадия одержимости немного утихла, и

теперь Торкель думал, что слово «нравится» вполне характеризует отношение Вильмы к этому исполнителю.

Насвистывая себе под нос, он вышел из лифта, подошел к кофемашине, поставил кружку и выбрал кофе с молоком. Вчерашний вечер удался. У них с Лисе-Лотте был поздний ужин, они немного обсудили прошедший день, вполглаза смотря новости, а потом пошли в постель.

Кто-то ждет его дома.

С кем можно поговорить.

Рядом с кем можно засыпать.

Все, о чем он мечтал.

Он забрал кружку с кофе и вошел в офис. Анне-Ли была уже на своем месте, за прозрачными перегородками. Он приветственно поднял руку, подошел к своему столу и стащил с себя пальто.

– Ты уже здесь, – констатировал он, когда Анне-Ли вышла и направилась к нему. Он думал, что окажется на месте первым. Торкель выехал из дома на сорок пять минут раньше, чем на самом деле требовалось, чтобы добраться сюда – на случай, если пробки окажутся совсем безнадежными, – но все прошло гладко.

– Я должна была убедиться, что с дополнительным персоналом и стажерами все в порядке.

– Много было звонков?

– Практически не было. Несколько, но не много.

Торкель удивленно и разочарованно кивнул. В первый раз, когда Госкомиссия созвала пресс-конференцию и попросила помощи у общественности, были получены сотни сообщений. Но с этим все ясно, в прессе то, прошлое дело освещалось гораздо шире, ведь речь шла об убитых знаменитостях, пусть даже и третьесортных.

– Что-нибудь стоящее? – спросил Торкель, сделав глоток кофе и усевшись на свое место.

– Вообще ничего.

Анне-Ли подтащила к себе офисное кресло от ближайшего рабочего стола и села.

– Как давно ты работаешь в Госкомиссии?

– Давно, больше двадцати лет.

– Значит, тебе нравится.

– Да, в основном.

– Сколько тебе лет?

Торкель ошарашенно посмотрел на нее. Такого вопроса он не ожидал.

– Пятьдесят восемь. А почему ты спрашиваешь?

– Ты планируешь работать до шестидесяти трех?

– Не знаю. Возможно. А что?

Анне-Ли замялась. Эта мысль уже некоторое время сидела у нее в голове. Вчера, когда она вернулась домой, она наконец смогла ее сформулировать для самой себя. Скоро уже двадцать лет, как она служит в полиции. Стала комиссаром, ей предлагали должность регионального шефа полиции, но она отказалась. Слишком много административной работы. Она успела поработать практически во всех частях страны, часто переезжая с места на место, потому что быстро уставала. Не от работы как таковой, а от мест и людей. Когда появлялось что-то похожее на рутину, она была вынуждена сниматься с места. А вот колесить по стране, расследуя новые дела, встречаться с новыми людьми, расследовать исключительно сложные случаи... ей бы это подошло.

Она хотела бы этого.

– Я просто подумала... Я довольно близко общаюсь с Розмари Фредрикссон из НОО, и мы иногда это обсуждаем, – она слегка пожала плечами, что должно, вероятно, было сигнализировать о том, что разговор не слишком серьезен.

– Вы обсуждаете мой гипотетический уход на пенсию? – Торкель опустил чашку и немного подался вперед. Розмари Фредрикссон не просто работала в Национальном Оперативном Отделе, она являлась также непосредственным начальником Торкеля. Он мог бы описать их взаимоотношения как профессионально напряженные.

– Нет, нет! – обезоруживающе рассмеялась Анне-Ли. – О том, что это, должно быть, очень интересная работа.

– Ты хотела бы ее получить?

Открыто сообщить, что она хотела бы занять место Торкеля было бы, очевидно, чересчур нагло и не принесло бы пользы их и так слегка напряженному сотрудничеству, но Анне-Ли не собиралась ни лгать, ни извиняться за свои амбиции.

– Это твоя работа, – по-дипломатичному кратко ответила она.

– Это верно. Моя.

Торкель не сводил с нее взгляда, который, как он надеялся, должен был сказать Анне-Ли, что он намерен сохранить свое место. Губы Анне-Ли расплылись в улыбке. В тот же миг в офисе появился Карлос в компании Ваньи и Урсулы.

– Черт, как же холодно, – пробубнил Карлос, потирая руки в перчатках одну о другую. Торкель не ответил – по дороге сюда он обратил внимание на индикатор на приборной доске – в Уппсале было четыре градуса тепла. Возможно, слишком прохладно для этого времени года, но вполне можно одеться таким образом, чтобы не мерзнуть, и не выглядеть так, будто вернулся из полярной экспедиции.

– Доброе утро всем! – поздоровалась Анне-Ли и поднялась на ноги. – Угощайтесь кофе и всем, чем хотите, и через десять минут встречаемся в конференц-зале.

– А Билли и Себастиан здесь? – поинтересовалась Ванья.

– Надеюсь, через десять минут они уже появятся.

С этим Анне-Ли удалилась в свой кабинет. Торкель взял кружку и подошел к Ванье и Урсуле.

– Доброе утро. Вы вместе приехали?

– Ванья меня подвезла, – с улыбкой отозвалась Урсула.

– А где же вы забыли Себастиана?

– Я не знала, что отвечаю за него.

– Вы живете в одной гостинице, так что я подумал...

– Я не видела его со вчерашнего вечера.

– Ясно, тогда будем надеяться, он скоро появится.

– Или нет, – вставила Ванья.

Минное поле. Он проиграет, какой бы путь ни выбрал. В шутку согласится с Ваньей – разозлит Урсулу; осторожно напомним, что Себастиан член команды, – разозлит Ванью. Так что Торкель промолчал.

– Кофе? – спросила Урсула у Ваньи.

– Я пойду с тобой.

Они вместе вышли из помещения. У Торкеля осталось впечатление, что он каким-то образом ухитрился разозлить обеих. Команда уже не была прежней. Иногда ему казалось, что они на пути к тому, чтобы разбежаться. Возможно, это уже случилось – в последние годы в жизни каждого из них многое произошло, но Торкель не мог отделаться от ощущения, что проблемы начались с момента, когда в

Вестеросе появился Себастиан, и Торкель принял его в команду для участия в расследовании. Он помнил, что сказал Себастиану после первой совместной встречи команды.

– *Смотри, чтобы мне не пришлось раскаяться в своем решении.*

Торкель уже не мог сосчитать, сколько раз с тех пор успел в нем раскаяться.

Сейчас добавился еще один.

* * *

– Доброе утро.

Когда появились остальные, Себастиан уже сидел в комнате для совещаний, раскладывая распечатки по стопкам на столе перед собой. Приветствие было брошено в пространство, но, так как взгляд Себастиана был устремлен на Ванью, становилось очевидно, что по большей части оно адресовано ей. Она ответила взглядом, говорившим, что она предпочла бы игнорировать его целиком и полностью, однако воспитание и правила приличия ей не позволяют.

– Привет.

Короче и быть не может. Она заняла первый свободный стул на максимальном удалении от Себастиана.

– Я был на улице, купил всем круассанов, – сказал Себастиан с самым лучезарным настроением, кивком указывая на блюдо с выпечкой посреди стола.

– Что ты делаешь здесь в такую рань? – поглядев на стопки материалов перед Себастианом, полюбопытствовал Торкель, занимая стул.

– Я подумал, что неплохо было бы обобщить всю информацию, которая поступила со вчерашнего дня.

– Этим у нас занимается специальная группа, – просветила всех Анне-Ли.

– Мне это известно, я просто слежу за тем, чтобы они ничего не упустили. Я ведь здесь за этим, или как? Чтобы вносить свой экспертный вклад.

Он не собирался никому объяснять, что сон разбудил его в полпятого и больше он заснуть не смог. Гостиничный номер был

словно клетка. Отчаяние выгнало его наружу и, по правде говоря, пойти ему больше было особенно некуда.

– Также сообщаю, что провел минувший вечер в отеле, – непринужденно продолжил Себастиан. – Немного посидел в баре с Урсолой, когда она вернулась со встречи с дочерью, а потом отправился в номер и лег. Один. Вел себя примерно, держал член в штанах. Как и договаривались.

– Окей, давайте попробуем собраться, – со вздохом произнесла Анне-Ли, когда вошел Билли с ноутбуком в одной руке и чашкой кофе в другой.

– Простите, что опоздал, – пробубнил он, устраиваясь на своем месте. Себастиан наблюдал за тем, как он открывает ноутбук и привычно подключает его к проектору. Билли выглядел измотанным. Возможно, он просто допоздна работал и не выспался.

Себастиан на это надеялся.

Альтернатива его пугала.

Билли был сломлен. По долгу службы он вынужден был отнять человеческую жизнь. Дважды. Каким-то образом в его восприятии эти события получили привязку к наслаждению. Власть, желание и наслаждение. Себастиан знал об этом, но сам для себя выдумывал различные причины не копать глубже. Убеждал себя, что это не требуется. Что, когда весной он стал свидетелем гибели кошки от рук Билли, это было единичное явление. Что Билли осознал, насколько это безумно. Что Билли действительно контролировал себя, как он и заверил Себастиана в последний раз, когда поднималась эта тема.

«Но вчера он продемонстрировал другую сторону», – размышлял Себастиан. Не факт, что его проблема усугубилась, но этого было достаточно, чтобы заставить Себастиана сомневаться, что Билли все держит под контролем. Себастиан неохотно признался себе, что ему вновь придется вмешаться в это.

– Кто начнет? – прервала его размышления Анне-Ли.

– Вчера я просматривал записи с камер наблюдения вблизи мест преступлений, – отозвался Билли, тем самым ответив на вопрос Анне-Ли. – На мой взгляд, они могут дать нам лишь косвенный след.

Он нажал несколько клавиш, и на экране перед ними возникло зернистое изображение с одной из камер.

– Это черная Ауди Q3 2015 года. Она проезжала мимо камеры на Тунбергсвеген за десять минут до того, как восемнадцатого числа было совершено нападение на Иду Риитала.

Карлос подошел к карте и оставил маркером маленькую отметку в виде крестика. Все обратили внимание, как близко этот крестик оказался к ранее нарисованному Анне-Ли кружочку с цифрой 1. Рядом с первым изображением Билли вывел на экран еще одно.

– Вот черная Ауди Q3 того же года на углу улиц Согаргата и Кунгсэнгсэспланаден спустя несколько минут после нападения на Клару Вальгрэн два дня назад.

Карлос отметил место на карте. Несколько кварталов от парковки Ассоциации Содействия Обучению.

– Что с номерами? – спросил Торкель, привлекая внимание остальных к маленьким прямоугольникам на обеих фотографиях, на которых должны были отчетливо просматриваться регистрационные номера.

– Он воспользовался каким-нибудь отражательным спреем, чтобы обмануть камеры.

Почти все присутствующие были с этим согласны, но сомнений не убавилось.

– Итак, сколько Q3 пятнадцатого года зарегистрировано поблизости? – вновь обернувшись к Билли спросил Торкель.

– Много, слишком много, я сразу запросил данные в Транспортном Управлении, а потом вспомнил о том, что Себастиан говорил о первом нападении. Что оно, вероятно, произошло не слишком далеко от жилища насильника.

Изображения с камер на экране сменило фото из паспортного регистра. Широколицый мужчина, по виду – старше сорока, с залысынами надо лбом и ухоженной темной бородой смотрел прямо в камеру. Дан Тилльман владеет Ауди Q3 и проживает на Венуртсгата, 83.

Карлос поставил на карте очередной крестик, и присутствующим стало очевидно, что место находится в паре минут от старого кладбища.

– Что о нем известно?

– Сорок два года, программный разработчик на техническом предприятии в Стокгольме, разведен, дети приезжают к нему через

выходной, ранее к ответственности не привлекался, но на него несколько раз заявляли в полицию.

– За что?

– Угрозы и преследование бывших подружек и бывшей жены. Было недостаточно доказательств, чтобы выдвинуть против него обвинения. В последний раз на него заявляли прошлым летом, когда он выложил обнаженные фото своей экс-супруги в группе в Фейсбуке.

– Милый парнишка, – прокомментировала Ванья.

– Совсем нет, – не согласился Билли. – Он демонстрирует активность в различных группах, почти все из них открыто антифеминистические или расистские. Он частенько пишет, что желает своим оппонентам быть изнасилованными. Или их женам, если это мужчины. В особенности это касается мигрантов.

Билли вывел на экран еще одну страницу, где были собраны комментарии Дана Тилльмана в социальных сетях. На аватарке был тот же человек, что и на паспортном фото. В течение нескольких секунд они пробежали глазами его краткие посты, все как один выражающие чаяния Тилльмана о том, чтобы женщины подверглись сексуальному насилию, а также радость по поводу уже осуществившихся актов насилия.

– Что думаешь об этом? – Анне-Ли посмотрела на Себастиана.

– Подобного типа личности редко заходят в своей деятельности дальше комментариев. Для того чтобы дать выход злобе, им достаточно слов одобрения от им подобных.

Билли опечаленно глядел на проекцию на экране. Он был одним из самых ярких апологетов интернета. Он любил Сеть. Она могла предложить столько увлекательных и фантастических вещей! Однако с течением времени в Сети стало появляться все больше негатива. Особенности хранения и распространения информации, наступление эры господства Гугла, ложь, ненависть, угрозы. Для Билли интернет был словно мегаполис. Там было все. Предложение не ограничено. Каждый мог найти что-то для себя. Но, как и в каждом большом городе, здесь существовали свалки и отстойники, где накапливались нечистоты. Окажешься там – почувствуешь настоящую вонь.

– Тем не менее нам определенно стоит с ним побеседовать, – заключил Себастиан.

– Если он так близко живет, неужели он поехал бы на машине? – спросила Урсула как раз в тот момент, как Билли захлопнул свой компьютер.

– Определенные люди в определенном возрасте ездят на машине постоянно, вне зависимости от расстояния, – откликнулся Себастиан. – Но если не принимать это во внимание – да, наличие автомобиля дает возможность быстро убраться с места преступления, дает чувство уверенности, работает как защитный барьер.

– Отлично, хорошая работа. Мы с ним побеседуем. Ванья, Карлос?

Оба кивнули в ответ, и с улыбкой переглянулись. Анне-Ли переместила фокус внимания на Карлоса.

– По Онгкварнгатан. Нападение на Клару Вальгрэн. Что у нас там?

– Отпечаток подошвы от обуви фирмы «Ванс», модель UA-SK8-Ni MTE, совпадает с ранее обнаруженными отпечатками. Шприц не отследить, такой можно купить где угодно в интернете.

– Что по Ребекке Альм?

– Ничего нового, – констатировала Урсула. – Я рассчитываю получить предварительный отчет о вскрытии сегодня утром.

– Что-нибудь еще? – спросила Анне-Ли, уже на полпути к выходу. В ответ они лишь покачали головами.

– Окей, Ванья и Карлос займутся Тилльманом, а ты, Билли, – посмотри, что еще можно на него найти.

– Конечно.

– Урсула, сообщи нам, как только получишь отчет от техников, и тогда мы сможем проанализировать всю полученную за день информацию, – подвела итог Анне-Ли, и обернулась к Торкелю. – У тебя есть что добавить?

Что тут можно было добавить? Анне-Ли уже раздала приказы всем его подчиненным, за исключением Себастиана и его самого. Словно она не просто руководила расследованием, а уже заняла место Торкеля. А может быть, ему так показалось из-за их утреннего разговора. Не стоит придавать этому такое большое значение. Пока не стоит.

– Ничего. Хороший план.

– Отлично.

Совещание закончилось. Все стали собирать вещи, и постепенно покидали помещение. Ванья подошла к карте, чтобы изучить и запомнить актуальные сведения. Себастиан поднялся с места и поплелся к ней.

– Я слышал, наверху дожидается твой парень.

– Да? – не поворачиваясь к нему, коротко и щетинисто отозвалась Ванья.

Хоть какой-то ответ. Уже что-то.

– Здорово. Его же зовут Юнатан?

Ему нужен был только ответ. Вопрос был встречен молчанием, но на этот раз она обернулась.

– Тебе нужно что-то, что имеет отношение к работе?

– Вообще-то, да. Я подумал, что мог бы составить вам компанию для беседы с Тилльманом.

– Нет, так не пойдет.

Она протиснулась мимо Себастиана, схватила со стола свои вещи и ушла. Себастиан тихонько вздохнул. Он понимал, что ему предстоит бороться за Ванью, но как же он сможет продемонстрировать ей, что изменился, если она не уступает ни на миллиметр? Он покосился на Урсулу, которая все еще копалась в своих вещах. Та скептически покачала головой. Дождавшись, когда за Ваньей закроется дверь, Урсула обратилась к Себастиану.

– Послушай, что касается вчерашнего...

– Да, знаю, это было глупо. Ты не получила мою эсэмэску?

– Получила.

– Хорошо.

Однако что-то в выражении лица Урсулы подсказывало ему, что не все было так уж хорошо.

– Хочешь, чтобы я сказал это вслух? Прости, вчера я вел себя глупо.

Нужно было очень тщательно вслушиваться, чтобы уловить хотя бы оттенок раскаяния в его тоне, и на мгновение Урсула задумалась, был ли смысл продолжать разговор. Но потом она сделала шаг ему навстречу.

– Это касается не только вчерашнего. Все дерьмо, которое случилось в твоей жизни, не дает тебе права обращаться с людьми как тебе заблагорассудится.

– Я это сознаю. И не хочу так поступать... С тобой, по крайней мере, – заключил он, осознав, что чересчур разоткровенничался.

– Тогда начни себя лучше контролировать. Еще раз, и я перейду в лагерь Ваньи.

– Принято.

– Тебе это не понравится, – смягчившись, добавила Урсула, словно поясняя Себастиану, что угрожает ему для его же собственного блага. Потому что она знает, чего он хочет.

Что в данном случае было правдой.

– Нет, не понравится, – уверенно подтвердил он.

Она несколько мгновений смотрела ему в глаза, а потом развернулась, подхватила круассан с блюда, и покинула Себастиана.

Контролировать.

Его жизнь.

Она могла бы с тем же успехом просить его взойти на Эверест.

* * *

– Мне потребуется адвокат?

Дан Тилльман оказался крупным мускулистым мужчиной, выше ростом, чем Ванья себе представляла, точно выше метра девяноста, а в остальном был похож на свое паспортное фото. Единственное различие составляла татуировка, выглядывавшая из-за ворота свитера. «Должно быть, свежая», – предположила Ванья, иначе они бы ее видели на фото.

– А у вас есть адвокат? – удивленно спросил Карлос. Он не переставал удивляться, как сильно люди подвержены влиянию американских полицейских сериалов. Насколько лучше они осведомлены об американской правовой системе и юридических процедурах, чем о шведских.

– Меня должны обеспечить услугами адвоката. Государственного. Вы должны мне его предоставить.

Когда они остановились у трехэтажного дома из светлого кирпича на Венуртсгатан, у Ваньи сразу возникло чувство, что разговор предстоит непростой. Коллекция постов Тилльмана с его страницы на Фейсбуке вкупе с его женоненавистничеством и расизмом

свидетельствовали о его презрении, которое частенько перерастало в настоящую ненависть к властям и политикам, в особенности левым. Полиция, хоть и относительно нечасто там упоминалась, никогда не обсуждалась в позитивном ключе. Ванья уже практически раскаялась, что не взяла с собой Себастиана – так хоть был бы один говнюк против другого.

Поднимаясь по лестнице, она поделилась с Карлосом своим беспокойством. Тот в ответ посоветовал Ванье не поддаваться на провокации. О том, что это удастся ей не слишком-то хорошо, и размышляла Ванья, нажимая на кнопку звонка. Они представились Тилльману и предъявили ему удостоверения, а тот немедленно поинтересовался, понадобится ли ему юридическая поддержка.

– Вас ни в чем не подозревают, – с самым дружелюбным видом пояснила Ванья.

– Что вам тогда нужно?

– Поговорить.

– А если я не хочу с вами болтать?

Было очевидно, что он не хочет. По расчетам Ваньи, дверь должна была захлопнуться через пару секунд, но тут Карлос сделал шаг вперед.

– Тогда мы уйдем и продолжим расследование, но вы станете уже более подозрительны в наших глазах, поэтому мы будем искать очень тщательно, и что бы мы ни обнаружили – даже самую малость, – мы вернемся, задержим вас, допросим – в присутствии адвоката, если пожелаете – и тогда уже посмотрим, что будет дальше.

Он сделал небольшую паузу, а затем, словно вдруг вспомнил что-то, поднял вверх указательный палец.

– Или вы можете уделить нам несколько минут прямо сейчас. Поможете прояснить пару моментов, и мы, смею надеяться, больше вас не потревожим.

Пока Тилльман размышлял, воцарилась тишина. Ванья услышала, как в квартире поблизости безутешно плачет ребенок. Она пребывала под впечатлением. До сей поры Карлос еще не внес сколько-нибудь ощутимого вклада в расследование, однако красноречивое описание того, что должно произойти с Тилльманом, приправленное вежливо закамуфлированной угрозой, было просто фантастическим.

С недовольной гримасой Тилльман отступил в сторону, пропуская их в квартиру. Карлос сунул руку в карман, и незаметно включил мобильник в режиме диктофона. Интуиция подсказывала ему, что предстоящий разговор лучше записать.

Они проследовали за Даном через темную прихожую прямо в кухню. Светло-голубые обои, белый кафель над мойкой и рабочими поверхностями. Сбоку от духовки, под которой помещался винный шкаф – отдельно стоящие холодильник и морозильная камера из нержавеющей стали. Мойка пустая, столешница чиста и насухо вытерта, специи в горшочках у плиты. Чистота и порядок. Никаких следов пребывания детей по выходным или чего-то похожего. Никаких фотографий, рисунков, игрушек, расписаний или стикеров на дверцах холодильника и морозилки. Ванье показалось, что она различает слабый запах аммиака, но в кухне не было ничего, что указывало бы на проживание в квартире кота.

– Так чего вы хотите?

Тилльман не предложил им сесть. Сам он оперся о дверной наличник, скрестив руки на груди. Не нужно быть экспертом по языку тела, чтобы правильно истолковать это дистанцирование.

– У нас с собой несколько распечаток из Фейсбука – комментарии, оставленные вами... – Карлос без спросу вытащил стул, уселся и разложил бумаги на кухонном столе. На мгновение им показалось, что Дан собирается запротестовать, но тот сдержался.

– «Эта чертова левая шлюха раскаялась бы, если бы большой афганский член порвал ей жопу». – Карлос спокойно поднял глаза от распечатки. – Это о женщине, которая около года назад занялась помощью одиноким детям-беженцам.

– Я этого не писал.

– Разве это не ваша страница? – спросила Ванья, показывая Дану распечатку. – ДаннТилльман1, в одно слово, и человек на аватарке очень похож на вас.

Дан кинул быстрый взгляд на бумагу, а затем на Ванью. На его губах заиграла полуулыбка, глаза же, напротив, потемнели.

– Я не говорил, что она не моя. Если бы ты лучше слушала и меньше выпендривалась, ты бы услышала, что я сказал, что я *не писал* этого.

– Выпендривалась? Я выпендривалась? – Ванья обернулась, ища поддержки у Карлоса, который был доволен, что разговор записывается. Все слишком быстро пошло не по плану.

– Если это не вы, то кто это сделал? – спокойно поинтересовался Карлос, пытаясь вернуть разговор в верное русло.

– Без понятия. Кто-то, наверное, меня хакнул.

– Значит, этого вы тоже не писали? – спросила Ванья, едва сдерживая готовые прорваться наружу гнев и презрение. Она вытащила из принесенной Карлосом пачки один лист и прочла:

– «Надеюсь, что эту маленькую тупую шлюшку жестоко отымеют и бросят где-нибудь истекать кровью».

Дан все еще стоял, опершись на стену, и непонимающе качал головой.

– Это о шестнадцатилетней девочке, которая боролась за то, чтобы одному из ее одноклассников позволили остаться в стране.

– Вашу страницу взламывают на удивление часто, – констатировал Карлос, обводя широким жестом стопку материалов перед собой. – А здесь ведь только малая часть.

– Может, так и есть, я туда редко захожу, – отозвался Тилльман тоном, который ясно говорил: он понимает, что они знают о его лжи.

– И вас не волнует, что некто на регулярной основе пишет подобные вещи от вашего имени?

– Мне пофиг, – заявил Тилльман, оттолкнулся от стены и картинно потянулся. – Вы поэтому здесь? Это – взгляды. Свобода самовыражения, слышали о таком? Она касается всех, не только богатеев, хоть в это чертовски сложно поверить.

– Так это ваш взгляд на проблему насилия? Вы считаете, что определенные женщины заслуживают этой участи? – спросила Ванья, на сей раз даже не пытаясь скрыть эмоции.

– Seriously? Вы здесь из-за этой херни? Какое-то чертово гестапо нравов. Они поэтому не послали настоящих легавых?

– Настоящие легавые... что вы подразумеваете? – спросила Ванья, заранее зная, каков будет ответ, но желая услышать его.

– Вас двоих по квоте, что ли, взяли?

– Потому что я – женщина, а он...

– Обогадитель нашей культуры, ага.

– Собственно говоря, мы здесь, чтобы поговорить о вашем автомобиле, – от кухонного стола донесся спокойный и предметный вопрос, словно Карлос каким-то невероятным образом упустил последние тридцать секунд беседы.

– Разговор окончен, – отрезал Дан Тилльман. – Убирайтесь отсюда.

– Ваша ауди Q3 2015 года была замечена вблизи двух мест преступления за прошедший месяц. – Ванья сделала шаг по направлению к Тилльману и остановилась так близко, что могла почувствовать его дыхание. – Этого для вас достаточно?

Они стояли, сверля друг друга взглядами. Ванья не опускала глаз. Не уступала ни на миллиметр. Она не позволит ему одержать верх.

– Это неправда.

– Она попала на записи камер видеонаблюдения.

– Хорошая попытка, только вот мой номер не читается на камерах, – уверенно ответил он, явно довольный тем, что может поставить их на место.

– В самом деле?

– Он обработан светоотражающим спреем. Я постоянно мотаюсь в Стокгольм и, черт возьми, не намерен платить больше, чем уже плачу за право управлять машиной. Вполне законно, если что.

– Но лицо вы спреем не обрабатываете, верно? – солгала Ванья, как ей показалось, вполне уверенно. К своей большой радости, она отметила, что взгляд Тилльмана забежал.

– Вы можете объяснить, что делали в этих местах в указанное время? – спросил Карлос, демонстрируя Тилльману документ с точными датами и временем, когда были совершены нападения на Иду и Клару. Тот подошел к столу, взял распечатку и прочел.

– Позавчера вечером я играл в хоккей с мячом в гимназии Буланда, у нас там забронировано время по вечерам раз в неделю. 18 сентября...

Он выудил из кармана телефон, открыл календарь и зашарил пальцем по экрану, отсчитывая месяц назад.

– Тогда я ужинал в Стокгольме с коллегами.

– Нам понадобятся их имена, – констатировал Карлос.

Дан кивнул, и Карлос протянул ему ручку.

На первый взгляд, на два случая у него есть алиби, думала Ванья. Но изнасилование не занимает много времени. Риск быть застигнутым слишком велик. Пять, десять минут максимум. Если Дан Тилльман на десять минут опоздал на игру, или ушел с ужина пораньше на четверть часа, он все еще остается подозреваемым.

Ванья действительно хотела, чтобы Тилльман оказался тем, кого они разыскивают. Она ничего не хотела сильнее, чем засадить его за решетку. Запереть его и выбросить ключ.

– В последнее время вы посещали Евле? – поинтересовалась она, пока Тилльман записывал имена и номера телефонов на обороте одного из листов распечатки.

– Нет.

– Вы уверены?

Дан даже не ответил, просто продолжал писать. Ванье не казалось, что он пытается увилить, хочет выиграть время или боится выдать себя. Он просто был сыт ими по горло и желал как можно скорее от них избавиться. Ванья предприняла последнюю попытку.

– Мы хотим взять у вас пробу ДНК.

На этот раз Дан прервался и повернулся к ней. *Скажи нет, скажи нет*, – мысленно посылала ему команды Ванья.

– Конечно.

Ванья ощутила, что сдувается, словно воздушный шарик. Человек перед ней во многом был совершенным идиотом, но он не был глуп.

Очевидно, он мог сложить два и два.

Его автомобиль рядом с местами преступлений.

Разговор об изнасилованиях.

Сообщения в прессе о нападениях в Уппсале.

Вот почему он внезапно стал таким сговорчивым и предъявил им алиби. К тому же изъявляет согласие на взятие образцов ДНК, притом что доподлинно известно, что ДНК преступника обнаружено на местах преступлений.

Он свинья.

Ванья убеждена: придет время, и он обязательно за что-то сядет.

Но не сегодня и не за это.

Ребекка Альм.

Имя всплыло в голове сразу, как только Вебер открыл глаза утром. Вчера в машине по пути с пресс-конференции он пытался вспомнить, где мог слышать его.

Кем была эта женщина?

В связи с какими событиями он мог запомнить ее?

Вернувшись в Стокгольм, он заехал на работу – написать статью об изнасилованиях в Уппсале и убийстве в Евле. Если вкратце – в сжатом виде изложил информацию, которую пресса получила от полиции.

Фото Ребекки Альм.

Архивное фото Старого кладбища.

Досье на Хагаманнена.

Веберу не были известны имена других жертв, за исключением Ребекки, он не мог побеседовать с их родными, и не собирался их разыскивать в столь позднее время, так что выдал больше фактов, чем эмоций. Если поднимется шум, если конкуренты раскроют тему полнее или новый шеф-редактор по какой-то причине сочтет это необходимым – тогда Вебер станет копать глубже. Даже несмотря на то, что Вебер по опыту знал – утечки из расследований Торкеля Хеглунда случаются редко, он так или иначе сможет раздобыть имя. Какого-нибудь родственника, приятеля или коллеги. Он отыщет эмоциональную привязку для этого материала. Разглядит малое в большом. Передаст ощущение тревоги. Поделится личным взглядом на жизнь в городе, который отравлен страхом.

Вебер разместил свой материал в Сети и проследил, чтобы статья пошла в печать. Ему определенно еще предстоит выслушать недовольство по поводу отсутствия видео. Начальству хотелось движухи. Им нужен кликбейт, который привлечет рекламодателей. Веберу иногда казалось, что они теперь больше похожи на телеканал, чем на газету. Несмотря на то, что Соня не была таким приверженцем цифровизации, как Челльман, ее предшественник. Она даже обсуждала с Вебером некоторые фишки, которые годятся только для печатного издания.

Так что он еще посмотрит, как все обернется.

Пока Вебер всем этим занимался, он успел порыться в своем телефоне и электронном почтовом ящике. Искал следы Ребекки Альм.

Ничего не нашел.

Поэтому поехал домой.

В своей двушке на Вегагатан Вебер расслабился. Он был уверен, что сможет вспомнить. Так уж был устроен его ум. Если не пытаться во что бы то ни стало вспомнить, а направить умственные усилия на что-то совершенно иное, то постепенно мысль придет к нему сама.

Так что Вебер занял себя игрой в пинбол.

Бэллис Кисс. Семьдесят девятого года. Купил в девяносто восьмом.

Лучший из возможных вариантов применения шести тысяч крон.

Каждый раз – полное расслабление и концентрация одновременно. По опыту Вебер знал, что пинбол у многих ассоциируется с холостяцкой берлогой – было в этом винтажном автомате нечто ностальгическое и немного грустное. «А-аа, пинбол», – обычно нараспев произносили те немногие женщины, которые бывали у него дома. В их тоне сквозило «ты долгое время был один, и теперь я понимаю почему».

А с Дерией все было иначе, напомнил себе Вебер. Она поехала с ним домой после празднования пятидесятилетия его брата в прошлом месяце. Они выпили еще вина и потом несколько часов кряду играли в пинбол, и казалось, ей такое времяпрепровождение нравилось. Во время игры она много смеялась. Но Дерия была исключением. И она не перезвонила. Возможно, ему самому следовало это сделать. Веберу было приятно ее общество.

Вчера вечером ему не очень везло.

Лучший счет – 99340. А бывали вечера, когда он вплотную приближался к отметке в 300000.

Поэтому он лег спать.

И проснулся с именем в голове.

Ребекка Альм.

Теперь на работе он пил уже третью по счету чашку кофе. У Вебера до сих пор не появилось ни малейшего понятия, где он мог слышать это имя. Не думать о проблеме в этот раз не помогло, поэтому он решил напрячься. Вебер взял телефон и набрал номер Торкеля. Уже собирался оставить голосовое сообщение, и оказался совсем не готов к тому, что трубку взяли после второго гудка.

– Здорово, это Вебер.

– Я знаю. Чего тебе?

В голосе собеседника не было антипатии, но и на пустой треп он явно настроен не был, так что Аксель перешел прямо к сути.

– Ребекка Альм. Она раньше фигурировала в каком-нибудь деле?

– Насколько мне известно, нет. А что?

– Я знаю это имя, только не могу вспомнить, откуда.

– Ее имени нет ни в одном регистре, но она могла проходить в качестве свидетеля или каким-то другим образом иметь отношение к какому-либо делу. Но в любом случае, Госкомиссия этим не занималась.

– Хорошо, буду думать дальше.

– Если что-то вспомнишь, дай знать, ты в курсе.

Очевидно, он намекал на интервью с так называемым «Реалити-маньяком».

– Посмотрим. Пока ничего нового?

– Нет.

– Окей. Спасибо, будем на связи.

Он отключился. Не могло быть и речи о том, чтобы давить на Торкеля. У них неплохие взаимоотношения. Торкель нравился Веберу, и он, в свою очередь, полагал, что Торкель не думает о нем плохо. Даже несмотря на то, что несколько месяцев назад между ними произошло серьезное недопонимание, когда Вебер, не поставив в известность Госкомиссию, вступил в контакт с Давидом Лагергреном.

Вебер прервал свои размышления. В этом что-то было. Реалити-маньяк прислал ему вещи. С запиской. Физический объект. Почему он раньше об этом не подумал?

Большая часть информации поступала к Веберу посредством обычной почты. Большинство людей не желали оставлять за собой цифровых следов.

Медленная почта. Письма. Конверты. Марки.

Обычно Вебер хранил их в нижнем ящике стола. В то время, когда у него был свой кабинет. С тех пор газета сменила здание, и планировка этажа тоже претерпела изменения. Отдельные кабинеты уступили место общему офисному пространству, затем появились мобильные мини-кабинеты, потом все снова вернулись в общий зал. Во время одного из этих переездов Вебер сложил все письма в обувную коробку.

Которую, если ему не изменяла память, он отвез домой.

– Я вернусь примерно через час, – предупредил он Кайсу, и покинул редакцию. Дома на Вегагатан он остановился в прихожей. Сконцентрировался. Куда он дел эту коробку? Вебер наскоро проверил кабинет, скорее для очистки совести, а потом схватил ключи и на лифте поехал на чердак.

Наверху было прохладно, пахло пылью и затхлостью. Вебер поежился, проходя мимо затянутых металлической сеткой клетушек, благодаря существованию которых у всех жильцов дома была возможность хранить больше вещей, чем им на самом деле было нужно. Там были разнообразные сезонные вещи – в лучшем случае хозяева достанут их на какой-нибудь праздник, но большинством из них явно больше никогда не воспользуются. Светильники, полки, стулья, текстиль, картины, сумки. Ящики с одеждой, которую никто не станет больше носить, и с игрушками, в которые уже никто не будет играть. Целый этаж – как кладбище слонов для цивилизации потребления.

Вебер отпер навесной замок, толкнул сетчатую дверцу и вошел в свой отсек. Его склад не был исключением. Определенно, там было не так уж много вещей, но о тех, что там хранились, он либо уже не помнил, либо целую вечность не вспоминал. Комод, несколько стульев, пара оформленных в багет постеров, целая куча ящичков, оставшихся неразобранными после переезда – в большинстве из них, как мог догадываться Вебер, были книги. Стеллаж из «Икеи» с несколькими папками и небольшими ящиками. Две обувные коробки. Он поставил их на пол и открыл первую. Она оказалась доверху заполнена фотографиями. Вебер наскоро их перебрал, чтобы проверить, нет ли на дне коробки чего-то другого. Друзья и коллеги, с которыми он не поддерживал связь, подруги, которые его оставили, его брат и семья.

Другое время.

Более счастливое, наверное.

Вебер решительно отставил коробку в сторону – он пришел сюда не затем, чтобы предаваться воспоминаниям.

Значит, коробка номер 2.

Они были там.

Вебер решил, что голая лампочка, висевшая в коридоре, давала достаточно света, так что устроился прямо на холодном полу и стал

перебирать письма. Всего около тридцати штук. На некоторых с обратной стороны был надписан обратный адрес, что немного упрощало ему задачу. Среди них не оказалось Ребекки Альм.

Оставшиеся письма он доставал из конвертов и проверял подписи. Третье по счету оканчивалось фразой: «С наилучшими пожеланиями, Ребекка Альм», и телефонным номером. Позвонил ли ей Вебер? Поговорил ли с ней?

Он начал читать. Письмо было кратким. Как тизер, как проба на вкус, чтобы пробудить интерес.

Неше 2006

Кому: Акселю Веберу, газета «Экспрессен»

Я пишу Вам, потому что не понимаю, что еще я могу предпринять. Вы тот, на кого, как я смею надеяться, можно положиться. Я пыталась разговаривать с полицией здесь, в Неше, но, вероятно, кто-то из них замешан в том, что происходит, поскольку никто это не собирается останавливать. Муниципальные власти совершенно точно в курсе, это мне известно.

Неподалеку от места, где я живу, расположен обширный сад, который называется Юнгбекка Горд. Он находится в муниципальной собственности, и многие представители власти замешаны в деле, так что для меня важно оставаться под защитой анонимности. Там размещаются приехавшие из-за границы дети, и как минимум трое из них пропали без вести. Мне стало об этом известно. Я думаю, что их убили. Надеюсь, что Вы мне поверите. Вы можете связаться со мной по этому номеру, только пообещайте, что будете хранить мое имя в тайне. Обещайте!

С наилучшими пожеланиями,

Ребекка Альм

0707554281

Вебер перевернул письмо и заметил, что оставил на обороте какие-то пометки. Отчет о проделанной работе – что он смог подтвердить, а что – нет, кому позвонил и с кем переговорил, прежде чем решить, что история не стоила и выеденного яйца. В 2006 году муниципалитет временно передал сад для устройства транзитного жилья, и там поселилась часть одиноких детей-беженцев. Впоследствии эти дети разъехались по другим регионам и фактически пропали с радаров муниципалитета, но для данного типа временного

устройства подобная ситуация, к сожалению, являлась нормой. Ничто не указывало на то, что хоть какие-то сведения из письма Ребекки соответствовали действительности.

Он продолжил перебирать конверты, разыскивая схожий почерк. Нашел еще два письма. Открыл первое из них.

Уппсала 2009

«Экспрессен»

Это снова Ребекка Альм. Мне нужна помощь такого отважного человека, как Вы. Я все еще думаю, что в Юнгбекке что-то произошло, но я также понимаю, что Вам не удалось ничего раскрыть – могущество муниципалитета велико. Я перебралась в Уппсалу, заболела и попала в Академическую Больницу. Так как у меня проблемы со сном, множество ночей я провела, блуждая по коридорам, которые хранят много тайн. По ночам здесь проводятся операции. Они изымают органы и части тел у людей на продажу. Главный врач в курсе того, что мне стало известно, а еще тут побывал один политик, так что об этой истории скоро громко заговорят! Дайте знать о себе, и я смогу Вам доказать, что говорю правду.

Меня можно найти по номеру 0763773921.

Ребекка

Вебер снова обратился к своим записям на обороте, а затем убрал письмо обратно в конверт. Все это он помнил смутно. Что он, повинуясь долгу службы, сделал несколько телефонных звонков, хотя было ясно, что обвинения не имели под собой никакой почвы. С легким вздохом Вебер взял в руки последний конверт. Открыл его уже просто для очистки совести. Он выяснил, откуда знает это имя, и теперь понимал, почему оно не отложилось в его памяти.

Теории заговора.

Или по крайней мере живое воображение.

Возможно, в сочетании с психическим отклонением.

У Вебера не осталось особых иллюзий по поводу третьего письма.

Евле 2010

Кому: Акселю Веберу, «Экспрессен»

Привет, Аксель. Очевидно, они тебя остановили, как и в прошлые разы, либо ты мне не поверил. Но теперь ты должен это сделать. Я

это видела собственными глазами. На моих руках была кровь. Церковь убила ее. Та власть, что должна быть самой благой из всех возможных властей. Они хотели все решить за нее, и теперь она мертва. Я видела это!

Но они знают в Уппсале всех. У них власть и деньги. Они будут за мной охотиться, а мне снова никто не поверит. Никто. Наверное, даже ты. Пожалуйста, поверь мне!

Я переехала в Евле и раздобыла левый номер, так что они меня не найдут. Позвони. Я уверяю и клянусь, что это правда. Я клянусь!!!

Ребекка

0737432190

Вебер читал письмо словно в первый раз, о нем он вовсе ничего не помнил. Перевернул листок. Никаких помет. Возможно, он узнал ее имя на конверте, вспомнил два предыдущих письма, а потом просто пробежал глазами третье, чтобы тут же отложить его в сторону.

Возможно, он посчитал, что Ребекка слишком часто кричала «Волк!».

Теперь он снова держал в руках это письмо.

Какая-то церковь в Уппсале, не известно какая, хотела принимать решения вместо женщины, которая, видимо, скончалась. Кто это был и когда – в письме не значилось.

Не так уж много информации, к тому же восьмилетней давности.

Но Ребекка Альм была мертва. В Уппсале насильовали женщин.

Пока не последовало никакой реакции на вчерашнюю статью, у Вебера появилось время немного копнуть вглубь.

Этому занятию он собирался посвятить один день.

* * *

Клара решительно захлопнула дверь в прихожую.

Решение зрело в ее голове все утро. Проснувшись она рано, еще затемно, и поняла, что больше не сможет уснуть. Поэтому она тихонько прокралась к двери в комнату Виктора, закрыла ее, вышла в гостиную, расстелила коврик и посвятила ближайшиe полтора часа занятию йогой. В доме стояла тишина, что случалось нечасто, и она могла сполна насладиться покоем и йогой. Потом Клара приняла душ,

оделась, и напекла блинчиков с вареньем, аромат которых разбудил Виктора и Зака. Когда настало время везти Виктора в школу, Зак в пятый раз спросил, не возражает ли она, чтобы он поехал на работу. Клара в пятый раз ответила, что не возражает.

Когда они уехали, она навела на кухне порядок и почувствовала, что дома не найдет покоя. Как долго еще ей предстоит отсутствовать на работе? Прошло всего два дня после нападения, но Клара чувствовала себя на удивление сносно. Она подумала, что если окажется в кругу коллег и станет концентрироваться на рабочих вопросах, то почувствует себя еще лучше.

Она закинула грязное белье в машинку и устроилась в кухне на диване с айпадом и чашкой кофе. Бесцельно пролистав обычные для себя страницы, совсем скоро она набрела на первый заголовок.

Серийный насильник-садист наводит страх на Уппсалу

Она прочла статью целиком. Имя Клары не упоминалось, она значилась как «четвертая жертва». Конечно, было немного информации о Ребекке из Евле, но внимание автора было сосредоточено на Уппсале, где произошло большинство нападений, а преступник, возможно связанный с БДСМ-сообществом, все еще разгуливает на свободе. Полиции требовались свидетели и сведения, поэтому был опубликован список мест преступлений и соответствующие им временные промежутки. Клара поежилась, увидев «квартал вокруг Онгкварнsgатан, 13 октября между 20.30 и 21.00». На мгновение она вновь вспомнила пережитый ужас и панику. Как ей было страшно! Какой беззащитной она себя чувствовала!

Возможно, Клара все-таки еще не оправилась.

Она стала листать дальше. Другая газета не стала подробно раскрывать тему, и заголовок оказался не таким броским.

Насильник замешан в убийстве

Эту статью Клара тоже внимательно прочла. То же содержание было завернуто в иную обертку. Однако внимание Клары привлекло окончание статьи.

«У полиции нет подозреваемых, и в ближайшее время задержания не планируются». Клара отложила айпад в сторону. Она не знала, кто он, но могла помочь полиции выйти на его след. Указать им верное направление. Вчера она этого не сделала, когда та девушка из полиции, Ванья, вернулась и рассказала, что произошло с Ребеккой. Она спрашивала, была ли Клара с ней знакома. Клара солгала. Инстинктивно. Понимая, что эту ложь еще предстоит обдумать. А теперь Клара чувствовала, как в ее голове зреет решение. Если она может помочь посадить этого человека за решетку прежде, чем он сможет навредить другим, если это поможет защитить других женщин от того, что пережила она, не кажется ли ей, что она должна так поступить? Даже если цена окажется высока.

Приняв решение, Клара вышла из дома.

Через четверть часа она открыла дверь в здание полиции и уверенным шагом направилась по мраморному полу прямо к стойке. Клара была намерена признаться в своем знакомстве с Ребеккой Альм.

Рассказать, что с Ребеккой Альм была знакома не только она, но и Ида.

Они состояли в одной группе.

То, что с ними всеми случилось, не могло быть просто совпадением. Ну, или почти со всеми, мысленно поправила Клара себя. Ида, так или иначе, осталась жива, а сама Клара отделалась лишь испугом.

Все это должно иметь отношение к их группе.

К тому, что случилось с Линдой.

Клара так сосредоточенно глядела на стойку, что, когда у нее внезапно зазвонил мобильник, она всем телом вздрогнула. Клара взглянула на дисплей. Зак. Она сделала глубокий вдох и взяла трубку.

– Привет. Просто хотел проверить, как ты.

Слегка пригнув голову, она повернулась спиной к прочим посетителям, ожидавшим в вестибюле, и отошла подальше, к окну.

– Все хорошо, спасибо.

– Чем занимаешься?

Клара не знала, догадывается ли Зак по звукам из трубки, что она не дома. Почему-то ей не захотелось рассказывать ему правду. Она не знала почему. Он все узнает вечером, когда вернется домой. Она должна ему рассказать.

- Я в городе, собираюсь встретиться с подругой.
- Ты в норме?
- Да, все хорошо.
- Просто хотел удостовериться.

С тех пор, как это произошло, Зак постоянно хотел удостовериться, что с ней все в порядке. Клара была за это благодарна. Он был так мил и заботлив. Им с Виктором повезло. Зак был лучшим в мире мужем и папой.

- Очень мило с твоей стороны, но все правда в порядке.
- Хорошо. Сразу звони, если что.
- Договорились. Увидимся вечером.
- Конечно. Целую.
- И я тебя.

Оставшись стоять с телефоном в руках, она глядела на стойку. Ее недавняя решимость сменилась неуверенностью.

А вдруг это никак не связано с их группой? Тогда она совершенно напрасно привлечет к ним внимание. Какой срок давности у убийства? Непредумышленного, конечно. Может, это вовсе нельзя назвать убийством. Существует ли какое-то определение для того, кто явился причиной чьей-то смерти?

Теперь у нее есть Виктор. Нужно думать не только о себе.

А Тереза – как-там-теперь-ее-фамилия? С ней Клара никогда не встречалась. Она не была членом группы. И с Ингрид ничего не случилось. Иначе об этом бы уже написали. Она ведь знаменитость.

Все-таки существовала возможность, что произошедшее никак не было связано с группой.

Не собиралась ли Клара создать себе ненужные проблемы? В случае, если вытащит на свет божий то, чему лучше остаться в тайне? Кто окажется в выигрыше, если она расскажет? Что сделано, то сделано. Если подумать, то, что происходит сейчас – изнасилования, мешки, шприцы, – как все это должно быть связано с Линдой?

Никак, заключила Клара.

Бросив последний взгляд на стойку и стоявшую за ней женщину в штатском, с которой Клара уже передумала разговаривать, она засунула телефон обратно в карман и тем же уверенным шагом, каким зашла в это здание, направилась к выходу.

На пути к дверям Клара столкнулась с женщиной примерно своих лет, на которую невозможно было не обратить внимания. Короткие черные волосы, подводка на верхних и нижних веках, красные губы, бледная кожа. Расстегнутая кожаная куртка, джинсы в обтяжку и высокие сапоги. Стук каблуков по мраморным плиткам отдавался эхом в помещении, пока незнакомка шла к стойке.

– Мое имя Стелла Симонссон, и мне нужен кто-то, с кем можно поговорить об этих изнасилованиях.

– Дьявол!

Урсула выругалась, глядя на экран компьютера. Все в комнате обернулись к ней.

– Что такое? – полюбопытствовал Торкель.

– Не могли бы вы все сюда подойти? – со вздохом отозвалась Урсула, чей взгляд все еще был прикован к экрану. Торкель встал, подошел к кабинету Анне-Ли и постучал по прозрачной стене. Жестами дал понять, что просит ее выйти. Когда показалась Анне-Ли, остальные уже собрались вокруг стола Урсулы.

– В чем дело?

– Я получила предварительный отчет судмедэкспертов по Ребекке Альм, – начала Урсула. – Мешок, вероятно, сделан из того же материала, той же фирмой, но понадобятся более детальные исследования. В крови обнаружены следы снотворного, а во влагалище – следы спермы. Снотворное – это «Рогипнол». Только вот...

Последовала короткая театральная пауза, во время которой Урсула подняла взгляд на собравшихся вокруг нее. Они не обрадуются услышанному так, как она.

– ДНК не соответствует другим образцам.

– Что это означает?

– Результаты исследования ДНК указывают на то, что Ребекку Альм изнасиловал и убил другой человек.

На короткое время воцарилась тишина – все переваривали новую информацию и прикидывали, что она может означать в контексте их работы. В большинстве своем люди предпочитают простые решения. Полицейские – не исключение. Они были уверены, что охотятся за одним преступником. А открывшиеся факты делали их работу – и, следовательно, жизнь – сложнее.

– Ты говоришь, отчет предварительный? – наудачу спросил Торкель.

– Да.

– А не могут они просто ошибаться?

– Только не в чем-то настолько элементарном, как сравнение образцов ДНК, – категорично отрезала Урсула.

Себастиан огляделся. У всех присутствующих поникли плечи. Сам он находился здесь только ради Ваньи. Такие детали, как мешки и снотворное, придавали этому делу изюминку, но факт оставался фактом – они шли по следу банального сексуального правонарушителя. До сих пор...

– Что это значит?

Анне-Ли вновь обращалась к Себастиану. Он против воли почувствовал себя польщенным. Она ценила его мнение. Коллеги из Госкомиссии никогда специально не просили его высказаться, так что Себастиану приходилось в большей или меньшей степени доказывать и аргументировать свою позицию, донося ее до коллег.

К сожалению, в этот раз Себастиану пришлось ее разочаровать.

– Я не знаю. Очевидно, преступник не один.

– Имитатор?

Себастиан покачал головой.

– Имитаторы заимствуют идеи для копирования из масс-медиа. – Он повернулся к Ванье, которая, по своему обыкновению, обозначила дистанцию между ними, встав на максимальном удалении от Себастиана. – Ты же была здесь. Когда убили Ребекку, вряд ли уже появились сообщения о нападениях на Иду и Терезу.

Рабочий вопрос, в полном соответствии с установленными ею правилами.

– Нет, никакой информации о мешках и снотворном точно не появлялось, – подтвердила она.

– Значит, они знакомы, или, по меньшей мере, вдохновляют друг друга, – предположил Себастиан.

– Что ты имеешь в виду?

– Если «наш» преступник каким-то образом предал гласности содеянное, тем самым он мог подтолкнуть кого-то другого поступить сходным образом. Для этого им двоим не нужно было встречаться и даже знать друг друга.

– Это объясняет смену города, – согласно кивнул Торкель.

– Дан Тилльман мог бахвалиться этим где-нибудь в Сети, – встала Ванья.

– Его алиби проверено, – коротко отозвался Карлос. – Я собираюсь поговорить еще с несколькими гостями ужина, но на данный момент все показания совпадают.

– Речь идет об узких временных рамках, – не унималась Ванья, злобно глядя на Карлоса, хоть он всего лишь выполнял свою работу. – Все, что нужно – отыскать несовпадение на десять-пятнадцать минут, и тогда он все еще может быть подозреваемым.

– У нас есть его ДНК? – спросил Себастиан.

– Мы узнаем результат экспертизы сегодня в течение дня, – ответила Урсула.

– Тогда это не он, – заключил Себастиан. – Человек, которого мы ищем, никогда бы добровольно не сдал образцы. Это не Тилльман.

Ванья подавила свое раздражение.

Он определенно прав.

Она сама пришла к тем же выводам дома у Тилльмана, но они основывались в целом не на его словах, а на том, *как* он говорил. Каждый раз, когда он был в чем-то уверен, в его голосе звучало такое надменное превосходство, словно он – большой ученый в помещении, полном идиотов. Ванью это бесило.

– Его машина на камерах. На местах двух преступлений.

Ванья не сдавалась. Отчасти потому, что на самом деле желала поставить Себастиана на место, но в большей степени потому, что ее не отпускали чувства, нахлынувшие в квартире Тилльмана.

Презрение и гнев, граничащий с ненавистью.

– Если это не он, возможно, кто-то другой физически осуществляет изнасилование, а Тилльман наблюдает. Он даже может подвозить преступника на своей машине, на записях же не видно, сколько людей в салоне.

По сравнению с последними делами, над которыми они вместе работали, это была, очевидно, не самая сумасшедшая теория, размышляла Ванья, глядя на их скептические гримасы, однако эта гипотеза без всякой необходимости притянута за уши. Особенно на такой ранней стадии расследования. Тилльман – первое и пока что

единственное имя, которое всплыло в деле, но на данный момент все улики указывали на то, что это не он.

– Я просто хочу сказать, что все еще считаю его причастным к этому делу, – подытожила Ванья, разводя руками, словно пытаюсь немного снизить градус напряженности.

– Нет, не считаешь, – объективно возразил Себастиан. – Для этого ты слишком профессиональна. Ты *хочешь*, чтобы он оказался причастен, но это совсем другое дело.

– Не нужно за меня решать, чего я хочу, – обескуражила всех присутствующих Ванья напором и злостью в голосе, выплюнув эти слова в ответ Себастиану. – Ты ни черта не знаешь о том, чего я хочу, и никогда не знал, а когда я сама тебе об этом рассказала – ты плевать на это хотел!

Настала неловкая тишина. Ванья немедленно раскаялась в своей несдержанности. Эмоции и антипатия, которые она испытывала по отношению к Тилльману, взяли верх над ее объективностью и профессионализмом, а когда ей на это указали, она отреагировала, казнив гонца.

Себастиан прав.

Снова.

– Простите, – тихо сказала она, обращаясь ко всем, за исключением Себастиана.

– Мы ничего не будем предпринимать по поводу Тилльмана, пока не получим результаты сравнения образцов ДНК, так что отложим решение до тех пор, – заявила Анне-Ли, положив конец обсуждению.

– Раз уж мы сейчас здесь собрались, – сказал Торкель, останавливая Анне-Ли, которая уже была на пути обратно к себе. – Нужно тщательнее изучить, кем была и как жила Ребекка Альм.

– Зачем?

– Аксель Вебер считает, что прежде уже слышал ее имя. Он откуда-то ее знает.

Анне-Ли наблюдала за тем, как члены Госкомиссии согласно кивают, словно сказанное Торкелем было очень существенно.

– Кто такой Аксель Вебер?

– Криминальный репортер из газеты «Экспрессен».

– Откуда нам известно, что он узнал имя Ребекки Альм?

– Он позвонил мне.

Анне-Ли осознавала пользу, которую приносит пресса, а также право общественности на получение информации, но в глубине души считала, что полицейские и журналисты находятся по разные стороны баррикад. Полицию частенько критикуют за утечки. Конечно, не умеешь держать язык за зубами – не становись полицейским. Но если бы сведения, которые следует хранить в тайне, не представляли интереса, по крайней мере не вызывали побуждения за них заплатить, часть проблемы была бы решена. Охота прессы за подробностями, которые могут привлечь читателя, в лучшем случае была пошлой, всегда осложняла ход расследования, а в худшем случае могла привести к тому, что преступник оставался на свободе. Ей не понравилось, что репортер вечерней газеты имеет прямой контакт с Торкелем, по всей видимости, на регулярной основе.

Речь шла о деле.

Ее деле.

Размышления Анне-Ли о том, где и как лучше будет донести до Торкеля свое мнение по этому поводу, были прерваны звонком ее мобильного.

* * *

Узкое, длинное помещение было предназначено для рабочих переговоров, небольших собраний или конфиденциальных телефонных разговоров. Три современных, но неудобных стула стояли вокруг небольшого круглого стола на толстом лохматом оранжевом коврикe. Стелла Симонссон выбрала тот, что был дальше всех от двери. Она переставила его ближе к углу комнаты, так что можно было прислониться головой к покрывавшему стену яркому текстильному полотну. Ванья с Карлосом устроились напротив. Себастиан тоже присутствовал. Поначалу Ванья собиралась воспротивиться этому, но поняла, что ее недавний маленький срыв исчерпал сегодняшнюю квоту на противостояние Себастиану.

Когда они вошли в комнату, он принес для себя стул из мини-кухни и добровольно уселся позади Ваньи с Карлосом, у стены возле выхода. Сигнализируя, что намерен быть скорее зрителем, чем активным участником, и этой ролью вполне удовлетворен. Уже кое-

что, думала Ванья, доставая блокнот для записей и ручку. Она положила их на стол, но внезапно обнаружила, что столешница по какой-то неведомой причине оказалась на одном уровне с сиденьями стульев, а может быть, и ниже. Ей показалось, что если она будет сидеть согнувшись, то может уронить свой авторитет, поэтому Ванья закинула ногу на ногу и положила блокнот на колено.

– Стелла Симонссон, я не ошибаюсь? – начала Ванья, глядя на женщину с взъерошенными черными волосами.

– Верно.

– Расскажите, зачем вы здесь.

Поерзав на стуле, Стелла подалась вперед и оперлась локтями на бедра. Она посмотрела Ванье прямо в глаза.

– Я читала об изнасилованиях. У меня есть клиент, который может иметь к ним отношение, – без малейших колебаний сказала она.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовался Карлос.

– Я работница интимной сферы.

Карлос догадывался, что она имеет в виду, однако исходил из того, что эта сфера охватывает также производство эротических фильмов, торговлю секс-игрушками, работу интимным консультантом, поэтому не хотел делать поспешных выводов на основе предубеждений.

– Вы продаете секс-услуги?

– Да.

– Вы проститутка, – констатировала Ванья.

– Я работница интимной сферы, – повторила Стелла с нажимом, и взглядом своих подведенных карандашом глаз четко дала понять, что на этом обсуждение терминологии окончено.

Ванья вздохнула. Она не собиралась огрызаться, но ведь если человек берет деньги в обмен на сексуальные услуги – значит, он занимается проституцией. Стелла была проституткой. Ванья не понимала, каким образом термин «работник интимной сферы» может изменить этот факт, но решила более не углубляться в этот вопрос.

– Почему вы думаете, что это может быть один из ваших клиентов? – спросила Ванья.

– Я прочла ваше описание сексуальных предпочтений преступника. Про то, что женщина должна неподвижно лежать на животе с укрытым лицом. Он именно так и делает.

– Что делает?

– Когда он приходит, то просит меня лечь на кровать животом. В одежде. На голову мне он натягивает наволочку, и запрещает шевелиться. Потом стаскивает с меня штаны и берет сзади.

Стелла описывала ход событий совершенно буднично, словно, к примеру, рутинное обследование у стоматолога.

– Но вы его видели? – спросила Ванья в надежде, что этот разговор сможет дать им нечто большее, нежели просто экскурс в достойную сожаления, на взгляд Ваньи, профессиональную деятельность Стеллы.

– Да.

– Сможете описать его внешность нашему художнику?

– Я попытаюсь.

– Имеются ли у него татуировки, шрамы, слуховой аппарат, другие особенности? – спросил Карлос, надеясь, что татуировщик, больница и отдел вспомогательных средств смогут предоставить им какую-то информацию до того, как будет готов фоторобот.

– На лице ничего нет. Он никогда не раздевается. Только расстегивает ширинку.

– Что происходит потом? – впервые подал голос Себастиан. Стелла взглянула на него через плечо Ваньи, словно уже забыла, что там еще кто-то сидел. – Он что-то говорит?

– Нет, ничего.

– Что он делает потом, когда все уже кончено?

Это интересовало Себастиана больше, чем непосредственно сексуальный акт. Его описание практически совпало с ожиданиями Себастиана. Но поведение преступника после секса могло бы существенно расширить представление Себастиана о человеке, с которым им приходится иметь дело.

Может быть, он просит прощения?

Плачет?

Или исполнен превосходства, как после победы над врагом?

– Он уходит, – коротко отозвалась Стелла, пожимая плечами. – Мне нельзя шевелиться и снимать наволочку, пока он не уйдет.

– Как часто это происходит?

– Один раз. Он кончает достаточно быстро, все длится максимум несколько минут.

– Я не это имел в виду, – Себастиан не смог сдержать улыбку. – Я спрашивал, как часто он желает получать ваши услуги?

– О, окей, простите, – улыбнулась Стелла в ответ. Красная помада немного размазалась по ее зубам, отметил Себастиан. – Это происходит нерегулярно. Иногда раз в неделю, иногда проходит несколько недель, даже месяц.

– Когда он был у вас в последний раз?

– В начале сентября.

Себастиан остался доволен. На данный момент это был самый перспективный след. Преступник в течение некоторого времени мог реализовывать свои фантазии с помощью Стеллы. Но ему стало этого недостаточно, он почувствовал желание идти дальше. Восемнадцатого числа он перешел от фантазий к действию.

– Как он связывается с вами? – спросила Ванья, вся превратившаяся в слух. Ее мысль неосознанно следовала теми же путями, что и мысль Себастиана. В середине сентября было совершено нападение на Иду Риитала. Пока что все совпадало.

– У нас есть веб-страница.

– У нас?

– Мы – группа работников интимной сферы.

– Что-то типа онлайн-борделя?

Стелла снова откинулась на спинку стула, продолжая улыбаться, словно приняла для себя решение, что не стоит принимать близко к сердцу слова Ваньи, а лучше посмеяться над ее неприкрытым морализаторством в отношении секса. По крайней мере, секса в качестве профессиональной деятельности.

– Вы можете думать что угодно о том, чем я занимаюсь. Торговля секс-услугами законна. Незаконна их покупка.

– Мне это известно.

– Но вам это не нравится.

– Все немного сложнее, чем понятия «нравится» или «не нравится», так что не будем в это углубляться.

– Каким образом он оплачивает ваши услуги? – прервал их Карлос. Он надеялся, что речь пойдет о банковской карте или другой форме электронного платежа, который они смогли бы отследить.

Следуй за деньгами^[9]. Классика.

– Наличными.

Конечно, зачем упрощать задачу.

– Вам, конечно, неизвестно его имя.

Больше утверждение, чем вопрос. Ванья исходила из того, что Стелла уже сообщила бы об этом, если бы знала. Однако нельзя было упустить последнюю попытку добыть хоть какую-то фактическую информацию о преступнике до того, как они получат фоторобот.

– Нет. Наш закон криминализирует покупателя секс-услуг, так что глупо было бы называть свое настоящее имя.

Это прозвучало так, словно в глазах Стеллы Ванья была ярой защитницей этого закона.

Истина же заключалась в том, что Ванья не определилась в собственном мнении на этот счет. Данный закон являлся одним из важнейших инструментов в борьбе против торговли людьми, а статистика по преступлениям насильственного характера, связанным с торговлей секс-услугами, в Швеции была ниже, чем в странах, где такой закон не был принят. Однако из-за того, что никто из пойманных с поличным покупателей этих услуг законом всерьез не преследуется, эта мера представляется лишеной смысла. К тому же в основе закона лежит устаревшее представление о торговле сексуальными услугами, в соответствии с которым любой, кто торгует телом, так или иначе является жертвой и должен получить защиту. Здесь не принимаются во внимание такие случаи, как у Стеллы, которая занимается своим ремеслом совершенно добровольно и рассматривает его в качестве основного источника дохода.

Корень зла, разумеется, заключается в том, что некоторые люди считают себя вправе покупать тела других людей – но если те по факту желают их продать, то это проблема общества или неверная моральная установка? Существуют также юридические сложности. Имеет ли право домовладелец выселить человека, продающего сексуальные услуги на дому, учитывая, что он не преступает закон? Критиков этого закона столько же, сколько защитников.

В общем, все это представлялось сложным.

– Где вы обычно встречаетесь? – спросила Ванья, вновь давая себе установку не ввязываться в дискуссию.

– Есть одно место.

– Что за место?

– Зачем вам?

– Нам необходимо выяснить, нет ли поблизости камер видеонаблюдения.

Если они там есть, нужно поспешить. Видеозаписи хранятся в течение двух месяцев, так что все записи с середины августа и ранее уже уничтожены. Стелла будто взвешивала все «за» и «против», размышляя, стоит ли сообщать полиции, где находится ее рабочее место.

– Я не хочу, чтобы снаружи стояли легавые и отпугивали клиентов, – наконец высказалась она, придя к выводу, что аргументы «против» сильнее.

– Нам не интересна ловля ваших клиентов.

– Вам, может, и не интересна.

Карлос подался вперед и поймал взгляд Стеллы.

– Мы очень благодарны вам за то, что вы пришли сюда, – сердечно и с расстановкой проговорил Карлос. – И я обещаю вам, что мы не станем использовать полученную информацию для охоты за вашими клиентами.

– И уж если говорить начистоту, – добавила Ванья, – коль скоро мы действительно собрались бы подорвать вашу деятельность, мы отыскали бы вашу веб-страницу и назначили встречу с одной из вас, и таким образом все равно выяснили бы адрес.

Уголкем глаза Ванья видела, как Карлос со вздохом смирения откидывается на спинку стула, а спиной ощущала взгляд Себастиана. Ванья собиралась лишь придать больший вес словам Карлоса, но сама сознавала, что ее реплика получилась больше похожей на угрозу.

Очевидно, Стелла решила, что Ванья не заслуживает больше ни единого шанса, и демонстративно повернулась к Карлосу.

– Норрфоршгатан 36. Выход на Тунаберг.

– Нам бы очень помогло, если бы вы смогли точно припомнить время, когда он вас посещал.

– Я не помню, но это есть в компьютере.

– Нам потребуется доступ к нему, – констатировала Ванья.

На этот раз Стелле не понадобилось ни единой секунды на размышления. Она взглянула на Ванью и, просияв широчайшей улыбкой, отозвалась:

– Ни за что.

– Это здесь.

Снаружи здание на Норрфоршгатан выглядело совершенно как какое-нибудь малое предприятие в промзоне. Ничто в обстановке, в которой оказался Билли, также не говорило о виде деятельности этого предприятия. Два дивана, два кресла, журнальный стол, на котором лежали несколько газет. Небольшой кухонный уголок с холодильником, микроволновкой и кофемашиной. Музыка доносилась из динамиков скрытого монтажа. Кавер-версия песни «Tainted Love» группы Soft Cell^[10]. Очевидно, из какой-то случайной подборки, предположил Билли, в ином случае это был тонкий юмор или настоящая самоирония. Помещение походило на приемную, но Билли посчитал, что те, кто пользуется услугами этого заведения, вряд ли захотели бы коротать время вместе с другими клиентами, так что более вероятно, эта комната предназначалась для Стеллы и ее коллег. Одна из них, рыжеволосая женщина около тридцати лет на вид сидела в одном из кресел с айпадом в руках. Когда Билли вошел, она оторвала взгляд от планшета.

– Билли – из полиции, он здесь из-за того парня, о котором я рассказывала, – пояснила Стелла, указав через плечо на Билли. Женщина кивнула, приветственно подняла руку и вернулась к своим делам в Сети.

Стелла повернула налево и пошла по выкрашенному в серый цвет коридору, пока не уперлась в закрытую дверь, которую отперла ключом и посторонилась, пропуская Билли вперед.

Билли больше не казалось, что это какое-нибудь малое предприятие. Он никогда не видел ничего подобного. Вся комната была удушающе красного цвета, в центре ее царила широкая кровать, в изголовье и изножье которой были закреплены цепи. Стены были украшены разнообразными игрушками – плетью, розгами, тисками и иными приспособлениями для ограничения подвижности. К одной из стен был прислонен большой X, также оснащенный цепями. Рядом стояла покрытая полиуретаном скамья, которая пришлась бы кстати в спортивном зале, но, как понял Билли, здесь она выполняла иную функцию, хотя он и не был уверен какую.

– Он здесь, – сказала Стелла, направляясь к обычному на вид комоду. Она извлекла оттуда ноутбук, открыла его и включила. Пока компьютер загружался, она повернулась к Билли, который все еще стоял в нескольких шагах от входной двери и обзирал комнату. Словно алкоголика в завязке привели в винный погреб или предложили воспользоваться бесплатным баром. *Жажда* воспрянула к жизни, словно змея у него в животе, она начала медленно развивать свои кольца.

Когда уже в отсутствии Ваньи им удалось убедить Стеллу показать свой компьютер, было решено, что сюда поедет Билли.

Стелла пошла на это. На двух условиях.

Ей не придется отдавать ноутбук.

Она будет присутствовать и наблюдать за тем, что полиция станет делать с компьютером.

Они не могли ей отказать. Равно как и в случае с Даном Тилльманом, у полиции не было достаточных оснований для проведения обыска, и им нужно было сохранить хорошие взаимоотношения со Стеллой. Себастиан считал, что, если это действительно один из тех людей, которых они ищут, он, возможно, снова выйдет на связь со Стеллой. Он напортачил с Кларой, а теперь ему стало известно, что обнаружено тело Ребекки. Он не планировал ее убивать, смерть Ребекки – тоже в некотором роде неудача. А теперь на него велась охота, и, вероятно, он начал сомневаться в себе и своих возможностях. Следование инстинктам становилось для него опасным.

Фантазии были надежнее.

Вопрос был лишь в том, достаточно ли будет одних фантазий, если он уже перешел на следующий уровень.

«Шанс, что он все же попытается, еще оставался», – думал Себастиан. Поэтому они попросили Стеллу сообщить, если он снова выйдет с ней на связь.

А между тем им пришлось довольствоваться изучением ее компьютера.

Вернее, Билли пришлось.

– Вот наша переписка, – сказала Стелла, показывая Билли нужную страницу. Она улыбнулась ему – он все еще стоял у двери. Ей казалось, что он находится под впечатлением от увиденного в ее комнате. – И ты не станешь искать информацию ни о ком другом из моих клиентов.

– Я обещаю.

Билли огляделся, но не обнаружил ни одного стула, поэтому подтащил полиуретановую скамью к комоду и уселся на нее.

– Вилльман, – констатировал он, пробежав глазами их электронную переписку.

– Да, как я уже объясняла вашей коллеге, это все закон: единственное, чего они добились – клиенты не сообщают данных о себе, поэтому найти их невозможно, и они этим иногда злоупотребляют.

– Такое случалось?

– Мы никогда не остаемся наедине с клиентами. Ну, здесь, в комнате, я одна, но в доме всегда есть кто-то еще. Как Альма, например.

Билли сконцентрировался на работе, пытаясь отследить, откуда приходили сообщения Вилльмана. Стелла стояла у него за спиной, не сводя глаз с монитора.

– Чтоб ты знал, я это делаю по собственному желанию. Это хорошие деньги. Я знаю, что тем, кто занимается этой работой, она обычно не нравится, но я не из их числа.

– Тем лучше.

– Мне не понравилась трактовка, которую вы дали прессе. БДСМ не имеет ничего общего с побоями или жестоким обращением. Прежде всего, это то, чем взрослые люди занимаются на основе взаимопонимания.

Билли был поглощен экраном и клавиатурой, строча свои команды. На эту тему он совершенно не имел желания дискутировать.

– Я знаю, – коротко отозвался он в надежде, что вопрос будет исчерпан.

– Мы уверены в том, что делаем, – продолжала Стелла. – Чтобы избежать риска причинить друг другу вред, мы все планируем заранее. Так, чтобы хорошо было обоим.

«Но порой это не срабатывает», – подумал Билли. Когда один из участников слишком пьян, чтобы реагировать на сигнальное слово. Когда жажда власти над жизнью и смертью берет верх. Когда удовлетворение возможно лишь в результате осуществления этой власти.

– Да, да, я знаю.

Стелла отошла от него и присела на кровать. Очевидно, доверяла ему – оттуда нельзя было разглядеть экран. Билли продолжил работу, благодарный за наступившую тишину.

– А откуда ты знаешь? – внезапно спросила Стелла.

– Знаю что? – ответил Билли вопросом на вопрос, даже не пытаясь скрыть раздражение – он предпочел бы и дальше работать молча.

– О взаимном согласии, об уверенности... Ты это просто так сказал, читал об этом или пробовал сам?

Билли прикрыл глаза, с трудом сглотнул, а затем сделал глубокий вдох.

Эта глава была окончена. Это случилось, но никогда больше не повторится. Это то, против чего он каждый день боролся.

Он женат на Мю.

Он любит Мю.

Он станет мужем, какого она заслуживает. Тем мужчиной, каким он был. Даже несмотря на то, что змея в животе стала развивать свои кольца. Билли сможет контролировать эту жажду. Эту похоть. Он обязан.

– Ты говоришь так, словно пробовал сам, – донеслось со стороны кровати.

Билли все еще молчал. Он медленно выпускал воздух из легких, чтобы немного успокоиться. Ему нужно сохранять фокус, он уже скоро закончит, а потом уберется отсюда и никогда не вернется.

– Тебе понравилось? – с любопытством спросила Стелла. Очевидно, она истолковала его молчание в качестве подтверждения своей правоты. – По тебе было заметно, когда ты вошел в комнату. – Она не собиралась останавливаться, так что лучше было ответить.

– Да, – со стиснутыми зубами ответил Билли.

– Ты доминировал?

– Да.

– Я могу менять роли. В зависимости от предпочтений клиента. Но мне больше нравится подчиняться.

Верно ли он все понял или додумал лишнее? Это просто болтовня, или она его клеит? Она работница интимной сферы, так что, наверное, клеит. Больше нет времени об этом думать. Компьютер работает исправно.

– Черт!

– Что случилось?

Стелла встала с кровати и подошла к нему. Она положила руку ему на плечо и наклонилась вперед, чтобы рассмотреть экран. Билли сквозь рубашку ощущал ее тепло. Змея заворочалась.

– Он отправлял все с одноразового номера.

– Вы же сможете его отследить?

– Будь у меня его настоящий номер, я мог бы получить IMEI-код у оператора и отследить аппарат, если он включен, а так... – Он не закончил предложение, покачав вместо этого головой, одновременно захлопнул ноутбук и встал со скамьи.

– Позвони нам, если он даст о себе знать, – попросил Билли и, вытащив одну из своих визиток, положил на компьютер Стеллы.

– Разумеется.

Быстрым шагом Билли направился к двери. Ему нужно было выбраться наружу, прочь, на свежий воздух. Проветрить голову.

– Ты знаешь, как называется моя веб-страница, – сказала ему в спину Стелла. Если у него и были еще сомнения, теперь их не осталось. Она явно сама подыскивала себе клиентов. Билли промолчал. Он вышел в коридор и через комнату ожидания вышел на улицу. Сидевшая там Альма даже не повела бровью.

Энергичным шагом Билли направился к машине. Не успел он сесть, как ожил его мобильный. Незнакомый номер. Он ответил.

– Билли Русэн.

– Привет, это Конни.

Билли понадобилось несколько секунд.

Конни. Хольмгрен.

Отец Йеннифер.

Билли неслышно выругался, проклиная себя за то, что взял трубку, и одновременно прилагая недюжинное усилие, чтобы придать голосу максимально возможную непринужденность.

– Здравствуйте. Чем... чем я могу помочь?

– Я просто хотел узнать, как дела.

– Мы расследуем дело в Уппсале, так что... я еще не успел как следует заняться этим.

– Я понимаю.

– Да...

– Когда ты сможешь к этому приступить?

Большим и указательным пальцами Билли сжал переносицу, зажмурился и привалился к машине. Ему это совершенно не нужно.

Ни сейчас. Ни когда-либо впредь.

Но Конни, совершенно очевидно, не мог думать ни о чем другом, так что этот вопрос следовало разрешить.

– Скоро. Скоро мы здесь закончим, и я смогу заняться этим, – солгал Билли, пытаясь выиграть немного времени.

– Я мог бы поискать кого-то еще, кто сможет мне помочь.

– Нет. – Билли пытался сдержать панику в голосе. – Нет, я займусь этим. Я хочу этим заняться сам. Ради Йеннифер.

– Не мог бы ты связаться со мной, когда что-нибудь выяснишь?

Когда, не если. Конни не сомневался в собственной правоте. Ситуация выходила патовая. Скажи Билли, что ничего не нашел и фотографии не сфальсифицированы, Конни стал бы искать другого специалиста, который рано или поздно подтвердил бы его догадки. Согласись Билли с тем, что фотографии были обработаны, тогда началось бы расследование. Существовал риск, что к этому расследованию подключились бы более опытные специалисты, чем Билли. Это ведь сотрудница полиции исчезла при загадочных обстоятельствах, а вероятнее всего, была убита.

– Да, я так и сделаю, не сомневайтесь. Я дам знать, как только смогу.

Пара слов на прощание, и он повесил трубку. Стоял и несколько мгновений просто пытался отдышаться. Потом открыл дверь машины и сел. Он не сделал даже попытки завести мотор, просто неподвижно сидел там, и вдруг с силой ударил кулаками по рулю.

– Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Билли чувствовал, как тяжело ему стало дышать. Раньше с ним такого никогда не случалось, но сейчас, кажется, он испытывал паническую атаку.

Он выгадал немного времени. В лучшем случае, несколько дней.

Но что, черт побери, он теперь будет делать?

Он должен с этим разобраться.

Все должно встать на свои места. Все кончится хорошо.

Он повторял это как мантру, пока не вернул контроль над дыханием.

Когда Билли наконец завел машину и выехал с Норрфоршгатан, он уже и сам не смог бы ответить, как далеко готов зайти, чтобы все действительно кончилось хорошо.

* * *

Обнаружив письмо на чердаке, Аксель Вебер всю первую половину дня посвятил тому, что его больше всего привлекало к журналистской работе. Не зная ничего или зная совсем немного, постепенно, из разных источников добывать новые сведения, пока наконец маленькие разрозненные детали не соберутся в некое единство.

На этот раз поиски информации привели его в церковь Фугеля^[11] в общине Новой Уппсалы. Массивное здание из желтого кирпича было больше похоже на школу или спортивный комплекс, чем на церковь. Торец его украшал образчик современного абстрактного искусства – металлический крест. Вебер был не слишком сведущ в архитектуре, но здесь ошибиться было невозможно: здание, вне всяких сомнений, было возведено в эпоху семидесятых.

После того, как Вебер представился, один из сотрудников провел его в «Бене»^[12] – одну из трех комнат на цокольном этаже, распределенных между группами. Она располагалась между «Эне» и «Рес», если верить табличкам на дверях. Вебер отказался от предложенного кофе и остался ждать Корнелиса, который должен был вскоре появиться.

Вебер оглядел небольшую комнату. Распятие на стене и календарь с библейскими цитатами – вот и все, что выдавало здесь принадлежность к церкви, иначе это помещение вполне могло бы оказаться совещательной комнатой в каком-нибудь учреждении. Вебер внезапно поймал себя на мысли о том, могла ли Ребекка когда-то бывать в этой комнате. Ему теперь казалось, что этим утром они и в самом деле познакомились.

Ребекка Альм. Родилась в Неше в 1988 году. Единственная дочь Монса и Карин Альм, оба родителя скончались. Поиск адреса не представил сложности.

Он отыскал его на Гугл-картах.

Район индивидуальной застройки.

Вебер надеялся, что Неше не слишком отличался от других похожих мест, откуда дети стремились уехать, а люди старшего поколения оставались. Он продолжил поиски, и отыскал телефонный номер соседа. Тот хорошо помнил семейство Альм. Только теперь никто из них там не живет. Девчонка, Ребекка, всегда была немного себе на уме.

Чем она так выделялась?

Она держалась особняком, от нее едва ли можно было услышать даже короткое «здрасьте». Она открыто противопоставляла себя другим, никогда не приглашала домой друзей. Но это не так уж странно, при таких-то родителях. О мертвых нельзя плохо говорить, но все это семейство было чуточку особенным. Чего стоили только визиты социальной службы к ним домой.

Старый школьный товарищ Ребекки – вместе они посещали старшую школу – смог добавить к мозаике еще несколько фрагментов. В этой школе Ребекка пошла в восьмой класс. Она меняла школу уже в третий или четвертый раз – точно он не мог сказать.

Известно ли ему, почему она так часто переходила из одного учебного заведения в другое?

Она ни с кем не уживалась, все воспринимала, как личное оскорбление и вечно жаловалась. Обычное недопонимание раздувалось до масштабов трагедии, но, возможно, таким образом она просто привлекала к себе внимание. Она была неприкаянной и одинокой, и люди сторонились ее.

Как понял Вебер, с переходом в гимназию для Ребекки принципиально ничего не изменилось.

Через месяц после того, как Ребекка сдала выпускные экзамены, умерли ее родители. Автокатастрофа. Машину занесло на встречную полосу, где ее смял лесовоз. Ходили слухи, что это было самоубийство. Местная церковь попыталась протянуть девушке руку помощи – Ребекка была единственным ребенком своих родителей – одиноким девятнадцатилетним ребёнком, которому была помощь и поддержка. Она, конечно же, эту руку не приняла.

Она объяснила почему?

Считала, что ей желают зла, что им что-то нужно от нее, что теперь, когда она осталась одна, они смогут использовать ее. Одна из

женщин общины все-таки смогла наладить периодическое общение с Ребеккой. Она узнала, что Ребекка продала дом в Неше и переехала в Уппсалу. Ребекка собиралась изучать теологию, но по каким-то причинам ей пришлось доучиваться в Комвуксе^[13].

Когда Вебер собрал воедино все сведения, он обратился к поисковой системе.

Испытывала сложности с доверием. Негативно воспринимала происходящее, толковала любые события как угрозу или нападение. Не могла избавиться от воспоминаний о пережитых несправедливостях и перенесенных оскорблениях. Окружающими воспринималась с прохладой, испытывала сложности при необходимости с кем-либо сотрудничать.

Вебер при помощи Гугла поставил Ребекке собственный диагноз – параноидальное расстройство личности. *Но если за тобой и в самом деле следят – это не паранойя*, – промелькнуло у него в голове. Цитата, кажется, из фильма^[14], но Вебер не знал, из какого. Это было и не важно – никакого лучшего занятия Вебер придумать для себя не мог, а сейчас при хорошем раскладе он оказался на пороге чего-то значительного.

Настоящей истории.

Ход его мыслей был прерван, когда дверь в комнату распахнулась, и вошел мужчина на вид чуть старше сорока лет. Густая борода, кольцо в ухе, длинные волосы собраны в конский хвост за спиной. Свободный стиль одежды – джинсы и кеды. Он с успехом мог бы оказаться работником какой-нибудь крошечной пивоварни на Седермальме^[15], если бы не белая полоска колоратки^[16], выглядывавшая из-под ворота его винно-красной рубашки и пиджака.

– Здравствуйте! Прошу прощения за то, что вам пришлось ждать. – Он сделал шаг к Веберу с вытянутой для пожатия рукой. – Корнелис Хед, пастор.

– Аксель Вебер, газета «Экспрессен».

Корнелис указал ему на одно из кресел у окна. Они сели друг напротив друга.

– Когда вы позвонили, вы сказали, что дело важное, – констатировал Корнелис, положив ногу на ногу и сцепив руки в замок.

– Ребекка Альм, – ответ Вебера был краток. Опыт подсказывал ему, что наилучшей тактикой было как можно меньше говорить

самому, давая возможность высказаться собеседнику и наблюдая за ходом беседы. Следовать вместо того, чтобы вести. На удивление, те люди, которым было что скрывать, болтали больше всех. Но Корнелис оказался не из их числа. В наступившей тишине он пытался припомнить имя, отыскать его в памяти.

– Я не уверен, что знаю, о ком идет речь, – наконец заговорил он, озабоченно наморщив лоб.

Вебер достал фотографию Ребекки, ту же самую, которую вчера опубликовали в газете, и протянул ее собеседнику. Корнелис подался вперед и внимательно посмотрел на фото, очевидно, снова изо всех сил напрягая память, но в итоге лишь покачал головой.

– Нет, я ее не узнаю. Она состоит в нашей общине?

– Состояла. Она мертва, ее убили несколько недель назад.

– Какой ужас...

– Да, последние годы она жила в Евле.

– Если она состояла в нашей общине раньше, как давно это было?

Я должен был ее узнать?

– Она без сомнения являлась активным членом общины в период с 2008 по 2010 год. Вы тоже были здесь, – констатировал Вебер.

– Я служил в местной общине, но не в этой церкви. В церковь Фугеля я перешел весной 2011 года.

Вебер замялся, ругаясь про себя. Он выяснил только основные факты, а детали упустил. Его оплошность. Согласно записям о регистрации по месту жительства, Ребекка покинула Уппсалу в конце августа 2010 года. За полгода до того, как здесь появился этот поп-хипстер.

– Могу я спросить, почему вы интересуетесь этой женщиной и нашей церковью?

Спросить он, безусловно, может.

Но настоящего ответа не услышит.

Опираясь на сведения, которые смог собрать Вебер, можно сделать вывод о том, что Ребекка продолжала изолироваться от общества. Редко принимала участие в чем-либо, в Комвуксе училась удаленно. За дверь Ребекка выходила в принципе лишь для того, чтобы посетить церковь. Та женщина в Неше поняла, что для Ребекки это оказалось важно, и всячески ее поддерживала.

В 2010 году Ребекка посылает Веберу письмо о погибшей женщине. В июле, судя по штемпелю на конверте. Одновременно она оставляет не только церковь, но и сам город, забрасывает учебу и устраивается на неполный рабочий день в Евле. Что-то произошло, и, так как она мало с кем общалась вне церкви, можно предположить, что это произошло именно в церкви.

Вот это был настоящий ответ.

– Я пишу статью о насилии над женщинами, и хотел бы дать развернутый портрет Ребекки, – проговорил Вебер тот ответ, который предназначался его собеседнику. – Чтобы она не казалась просто безымянной жертвой, цифрой в статистике, а предстала живым человеком.

Корнелис кивнул, по-видимому, удовлетворенный таким ответом. По крайней мере, он был согласен, что идея неплоха.

– Мне жаль, что я не смог вам помочь. Я не был с ней знаком.

– А кто был здесь главным с 2008 года и до того момента, как на службу заступили вы?

– Моя предшественница, Ингрид Дрюбер.

– Где я могу ее найти?

– В Вестеросе, она там живет последние семь лет. В этом году она выставила свою кандидатуру на епископский пост.

Больше говорить было особенно не о чем. Вебер поблагодарил собеседника и, выйдя из церкви, направился к машине. Немного злясь на самого себя. Можно было не делать такой огромный крюк, заезжая в Уппсалу. Он бросил взгляд на часы. Не позвонить ли ему Ингрид Дрюбер, попросить о встрече, возможно, даже этим вечером? Или просто поехать туда наудачу, явиться без предупреждения?

Свои плюсы и минусы были у обоих вариантов.

Если Ингрид не будет заранее знать о его визите, она не успеет подготовиться и с большей вероятностью о чем-то проболтается, или же вообще откажется с ним разговаривать, что лишь будет означать, что Вебер находится на верном пути и ему следует копать глубже.

С другой стороны, если он назначит встречу, у нее будет время на подготовку и, соответственно, ощущение контроля над ходом беседы, что также может способствовать ослаблению защитного барьера.

Подразумевая, что такой барьер имеется.

Вебер решил, что для внезапного появления на пороге уже слишком поздно. Если он собирается позвонить и договориться о встрече, то сделать это можно и из машины по дороге обратно в Стокгольм. Еще ему пришлось пробежать глазами вчерашние статьи. Соня позвонила, еще когда он был на пути в Уппсалу. Газета «Бладет» написала о мешках на головах жертв, а сетевые издания уже окрестили преступника «Мешочником». Вебер ответил, что идет в данный момент по следу и в случае успеха откровения «Бладет» не будут стоить и выеденного яйца. Но это было еще до бессмысленной встречи с Корнелисом Хедом.

А теперь у него на руках ровно то же, что и вчера.

То есть ничего.

Если не считать трогательного снимка молодой женщины, страдавшей от психического недуга и умершей в одиночестве в своей квартире в Евле.

Но Вебер совсем не жаждал подобных описаний. Ему нужна была *история*.

И он намерен был получить ее от Ингрид Дрюбер в Вестеросе.

* * *

Она сказала всем, что заболела.

Отменила все встречи. Кроме одной.

Христианская газета «Даген» хотела выпустить о ней статью. Они и раньше писали о ней в позитивном ключе, по-видимому, высоко оценивая ее взгляды на то, какое место христианская религия должна занимать в жизни шведского общества и как должна развиваться Церковь Швеции. Эти взгляды газета хотела донести до своих читателей. Скольким из них предстояло отдать свои голоса на выборах епископа, Ингрид не знала, однако ранее опубликованные материалы были встречены тепло и разошлись широко. Это не было в полной мере частью кампании, обычно между собственно выборами епископа и предшествующими им выборами кандидатов кампании не проводились, но тем не менее отношение к выборам все это имело самое прямое.

Народ будет голосовать.

Нужна победа.

Все знали, кто она и на каких принципах стоит. У церкви есть единственная задача, порученная ей самим Иисусом Христом – распространять Евангелие, разносить благую весть. Церковь никогда не должна извиняться за то, что дает людям возможность меняться к лучшему – не только лишь в рамках отдельно взятой человеческой жизни, но и в масштабах всего мира. Нужно твердо стоять на том, что единственная и непоколебимая истина содержится именно в Библии.

Никогда не помешает напомнить людям об этом.

В любом другом случае Ингрид посвятила бы день попыткам забыть произошедшее.

В первую очередь, произошедшее вчера. Но и события той летней ночи восемь лет назад Ингрид тоже очень хотела бы забыть.

Вычеркнув лишнее из ежедневника и составив новое расписание, Ингрид отправилась на долгую прогулку. Прогулки ее успокаивали. Наблюдая за природой, ей было проще приблизиться к постижению величия Господа и красоты творения. Вернувшись домой, она слегка перекусила и остаток дня посвятила молитве и медитации.

Потом Ингрид снова пошла в душ, сделала легкий макияж – ей казалось, что она выглядит усталой и постаревшей, а журналистка, с которой она собиралась встретиться, привезет с собой фотографа – и поехала в город. Встреча была назначена в кафе на берегу озера Меларен.

Когда Ингрид появилась на пять минут раньше оговоренного времени, навстречу ей поднялась молодая женщина. Она представилась Эммой, и воодушевленно принялась рассказывать, как рада, что Ингрид согласилась встретиться, и с каким нетерпением ждала этой встречи. Наконец Эмма поинтересовалась, может ли она что-то предложить Ингрид.

Когда перед ними поставили чашки с чаем, интервью началось.

Эмма задавала хорошие, правильные вопросы. «Вот таких, как Эмма, епархии стоило бы привлекать к своим заслушиваниям», – думала Ингрид. Начитанная, живая, заинтересованная. Время промчалось быстро.

– Ну что ж, я думаю, у меня есть все, что нужно, – резюмировала Эмма, глядя на дисплей диктофона, лежавшего на столе. 1 час 36 минут. – Обычно мы посвящаем еще полстраницы ответам на двадцать

блиц-вопросов, просто в качестве забавного дополнения. Вы не обращали внимания?

Ингрид покачала головой, да и на «забавное дополнение» у нее настроения не было.

– А что за вопросы?

– Любые, от вашей любимой еды до музыки, которую вы предпочитаете слушать, и так далее в том же роде.

Ингрид была не в восторге, но все равно согласно кивнула. Не помещает продемонстрировать и другую свою сторону.

– Есть ли у вас прозвище?

– Нет. В школе меня звали Идде, но больше никто так не делает.

– Какой цвет превалирует в вашем гардеробе?

Ингрид пришлось пару мгновений подумать, представляя собственную гардеробную.

– Я думаю, зеленый.

– Во сколько вы проснулись утром?

– Ровно в семь, как обычно.

Полуправда. Будильник прозвенел в 07.10, но не разбудил ее – к тому времени Ингрид уже несколько часов не спала.

Сон был таким правдоподобным. Никаких фантазий, никаких логических пробелов, никаких преувеличений или искажений, которые могли бы послужить сигналами того, что все происходящее – лишь игра ее подсознания.

Даже не сон, а проигрываемая заново действительность.

Крик, доносящийся с заднего сиденья. Голоса. Высокие, резкие, панические ноты. Поток новых сведений и вопросов.

– *У нее кровь!*

– *Когда мы приедем?*

– *Она без сознания!*

– *Она поправится?*

– *Мне кажется, она не дышит. Она дышит?!*

Ингрид сфокусировалась на дороге, чтобы как можно скорее промчаться по спящей Уппсале светлой летней ночью. Изо всех сил стараясь не глядеть в испуганные, умоляющие глаза в зеркале заднего вида. Глаза, в которых читалось осознание чего-то чудовищного, глаза, безмолвно взывавшие к Ингрид с мольбой о спасении.

Ингрид с усилием отогнала эти воспоминания, отвечая на вопросы о том, что ела на завтрак (ничего, несмотря на то, что знала, что поступает неправильно), о последнем просмотренном фильме («Дневник Бриджет Джонс» по телевизору), любимых сладостях (темный шоколад).

– Есть ли что-то, в чем вы раскаиваетесь?

Например, в том, что оставила истекающую кровью, умирающую женщину в одиночестве на пороге больницы посреди ночи?

Сегодня утром, или еще ночью, когда сон разбудил ее, ей пришло это в голову.

О чем вообще она думала?

Они не знали, что Линда умрет. Они надеялись и молились, чтобы этого не случилось. И что было бы тогда? Если бы их надежды и ожидания сбылись? Если бы она выжила? Достаточно плохо уже было оказаться замешанными в той ситуации, в которой оказалась Линда, но бросить ее, не будучи уверенными в том, что она действительно получит помощь, уехать оттуда... Они сделали недостаточно, чтобы ее спасти, недостаточно, чтобы оправдаться.

Это ли стало причиной ее смерти? То, что помощь опоздала?

Конечно, Ингрид было в чем раскаиваться. Она помедлила секунду-другую, а затем взглянула Эмме прямо в глаза.

– Я сожалею, что не пришла к Иисусу Христу раньше, а сделала это только в девятнадцать лет.

Эмма понимающе кивнула. И стала задавать заключительные вопросы.

Любимый предмет в школе?

Что Ингрид возьмет с собой на необитаемый остров?

Что сейчас лежит у нее в карманах?

Банальные вопросы и бессмысленные ответы. Эмма благодарит за интервью. Было так приятно познакомиться с Ингрид. Она надеется, что Ингрид одержит победу на выборах. Церкви в этой стране нужно больше таких, как Ингрид, в то время, в которое мы живем. Пришел фотограф, и все вышли наружу, чтобы сделать несколько снимков на фоне озера.

Уже потом, возвращаясь к машине, Ингрид сообразила, что чувствует себя относительно сносно, учитывая обстоятельства.

Все прошло хорошо.

Все идет хорошо.

Все будет хорошо.

Ей было об этом неизвестно, но в тот момент, когда она села в машину, завела мотор и поехала к дому, Аксель Вебер как раз вбивал ее имя в окошко поисковика на рабочем компьютере. Он нажал на ввод и стал внимательно читать.

* * *

Феликс Хоекстра подвинул к себе поднос с молочником и налил молока в чашку. Смакуя кофе, он стал мысленно готовиться к собеседованию. Такое чувство неуверенности испытываешь, когда предстоит переделать кучу дел. Его радовало, что их некоммерческая организация росла и расширялась, была востребована, только вот причина, по которой к ним поступало такое большое количество звонков, отдавалась болью в сердце.

Мешочник.

За месяц они выросли с двух автомобилей до пяти, и если такое положение дел сохранится, количество машин придется удвоить. Как минимум. Жительницы Уппсалы были напуганы. Ситуация складывалась, вне всяких сомнений, весьма тревожная, но для Безопасных Такси наступил настоящий бум. У него взяли интервью репортеры двух газет, он побывал на государственной и местной радиостанциях, муниципальные власти связались с ним, предлагая каким-либо образом поддержать деятельность их организации. Свой интерес выразили многочисленные спонсоры. Все сотрудники работали на добровольных началах, но существовали издержки, и до сих пор доходы не всегда покрывали расходы, так что любая помощь была кстати. Хоть Феликс и старался не углубляться в эти размышления, это, вероятно, было неизбежно. Сама по себе потребность в таком предприятии, как Безопасные Такси, была достаточно печальным фактом.

Мысль о чем-то подобном зародилась в его голове, как только дочери Феликса стали самостоятельно передвигаться по городу. Они не всегда приветствовали желание отца их подвезти, такси стоило дорого, и даже если Феликс предлагал им деньги на оплату, они тоже

не всегда соглашались. Феликс полагал, что это часть процесса взросления и сепарации. По этой причине пять лет назад он и начал свою деятельность – Феликс хотел что-то изменить в обществе и помочь людям. Но еще больше ему было необходимо сконцентрироваться на чем-то, помимо собственного развода. Большая любовь Феликса решила его оставить, и их общие дети уехали с ней. Конечно, время от времени они встречались, но жили его дочери теперь в пригороде Хеслехольма, с новым мужем своей матери, собаками и лошадьми. Отцу нечего было им предложить, особенно в первые годы, и Феликс это понимал.

Все это случилось словно гром посреди ясного неба. Однажды он вернулся с работы, а Лиза сообщила ему, что девочки остались ночевать у подружек. Он успел подумать, что среди недели они раньше никогда не ночевали вне дома, а потом понял, что жена хочет обсудить что-то важное.

Лиза говорила, а он в основном плакал.

Умолял. Тщетно.

Она уже все решила. И проинформировала об этом Феликса.

Его звали Макс.

Они познакомились годом ранее на конференции, и она полюбила его. Она все еще испытывала очень теплые чувства к Феликсу и надеялась, что они смогут остаться друзьями, тем более что у них есть две дочери. Но она вместе с детьми переедет, как только закончится учебный год. К Макс, в Сконе. У него там даже конюшня есть. Решение далось ей непросто, но Лиза была вынуждена подчиниться зову сердца. Ради них всех.

При разделе имущества оба супруга вели себя очень достойно. Она ни на что не претендовала, желая съехать от него так быстро, как только возможно – так показалось Феликсу, хоть Лиза никогда не говорила этого напрямую.

Поначалу девочки приезжали на поезде через выходные, но в каждую сторону ехать нужно было пять часов, так что очень скоро они стали появляться только по праздникам или на каникулы. Ужасно было ощущать, как его девочки отдаляются, понимая, что помешать этому он не в силах.

Вот тогда-то, в сгустившейся вокруг плотной тьме, Феликс и решил, что должен что-то делать, сфокусироваться на чем-то, кроме

собственного чувства покинутости. Он посвятил некоторое время анализу всех своих переживаний и пришел к выводу, что больше всего ему не доставало ощущения нужности.

Ему хотелось быть для кого-то важным.

Иметь значение.

Феликсу нужно было найти что-то, чтобы удовлетворить эту потребность. Заполнить пустоту. Снова всплыла мысль о безопасных перевозках. Уппсала – студенческий город. Много молодых женщин, таких, как его дочери, на улице, поздними вечерами. Круглый год.

Он наладил контакт с самыми крупными землячествами и предложил сотрудничество. Они прямо ухватились за это предложение. Долгое время у них было слишком мало ресурсов, чтобы предлагать свои услуги не только по выходным, но и в будни, однако медленно, но верно предприятие расширялось.

Во многом благодаря Реми. Она пришла к ним на второй год, и вскоре стала незаменимой сотрудницей и его правой рукой.

Она была очень организованной. Прирожденная управляющая! Помогала ему анализировать заявления о приеме на работу, проводила первичную проверку кандидатов, взяла на себя все, от составления графиков до поиска спонсоров. К тому же она уже несколько лет была одинока, и в мае этого года у них завязались отношения. Они регулярно встречались, занимались сексом, и он был рад, что Реми взяла инициативу в свои руки – сам бы он никогда не посмел. Она была немного старше Феликса, и обладала теми женственностью и страстью, которые так привлекали его. Он даже стал надеяться, что со временем эти отношения смогут перерасти в нечто большее, постоянное, но торопиться не хотел. Еще одной сердечной раны ему не пережить. Рана, оставленная Лизой, все еще саднила, как бы он ни убеждал дочерей в обратном. Но он был на правильном пути. Они испытывали гордость, когда слышали об отце по радио.

Он был нужен.

Именно этого он всегда и желал.

Теперь дело было лишь за тем, чтобы обеспечить предприятию рост и отсутствие проблем. Сейчас им звонили не столько женщины, которых требовалось подвезти, сколько очередные волонтеры, желавшие помочь. Это означало, что им следует быть особенно внимательными. Чтобы не допустить в свои ряды какого-нибудь

выродка. Достаточно будет одного инцидента, чтобы поставить под вопрос всю их деятельность. Так что им с Реми пришлось качественно усилить первичную проверку кандидатов. Теперь им приходилось запрашивать больше справочной информации со стороны, обращаясь к полицейским регистрам. Еще они проводили обстоятельные собеседования.

Первым, кому назначено на сегодня, был тридцатилетний мужчина. У них было не так уж много сотрудников этого возраста, когда так много времени уделяют работе, семье, спорту, хобби. В общем, самой жизни.

Кандидата звали Закария Вальгрэн. Он явился вовремя, одет был аккуратно и выглядел серьезно, так что начало было положено. Феликс предложил ему стул. Офисом им служило большое помещение, в котором стояли три рабочих стола и пять компьютеров. На стенах – доска объявлений, несколько постеров и карта Уппсалы. В одном углу – импровизированная кухня с двумя микроволновками, холодильником, морозильной камерой, кофе-машиной и небольшим столиком, вокруг которого расположились четыре складных стула.

Кроме диплома от Уппсальского Университета за заслуги и большой вклад ничто не выдавало в этом помещении род занятий сотрудников предприятия. Разве что у пришедшего сюда сразу возникала уверенность, что денег здесь нет и люди работают исключительно на добровольных началах.

Феликс предложил Закарии кофе и начал со стандартного вопроса.

– Почему вы хотите у нас работать?

– На мою жену недавно напали, и я понял, что должен что-то предпринять. Прочел о вашей организации и подумал, что могу предложить свою помощь.

– Как она? – сочувственно поинтересовался Феликс.

– В норме, она пострадала не так сильно, как могла бы.

– Рад это слышать. А вы сами как?

– Что вы имеете в виду?

– Обычно все внимание уделяется жертве, но для ее близких произошедшее также является травмирующим опытом.

Мужчина напротив Феликса, очевидно, обдумывал услышанное, словно для него это было новостью. Феликс подался вперед. Было что-то в Закарии, что Феликсу на уровне подсознания нравилось.

Хороший человек. Чувствительный.

Феликс знал, что до сих пор есть мужчины, которые не любят говорить о своих чувствах. Он и сам был из их числа. Но Закария поднял на Феликса благодарный взгляд.

– Спасибо. Все хорошо... Я ничего не могу поделать с тем, что уже случилось. Единственное, чем я могу быть полезен сейчас – это быть здесь, ради нее. И ради остальных.

Они еще побеседовали, но, если в полицейском регистре он не значится и Реми не найдет ничего подозрительного на этого человека, можно будет считать, что Феликс только что заполучил нового работника.

* * *

Опечаленные, они всей группой покидали здание полиции. Несмотря на то, что все работали на совесть, несмотря на две рабочие версии, проверенные в течение дня, они вынуждены были признать, что совсем не продвинулись вперед.

ДНК Дана Тилльмана не совпала с образцами спермы преступника, взятыми у жертв, что, в общем-то, ни для кого не стало сюрпризом. Себастиан не к месту пробурчал что-то типа «ну, что я говорил», когда Урсула ознакомила группу с результатами проведенных экспертиз, и настроение у всех испортилось еще сильнее. Когда они обсуждали Тилльмана, Карлос вдруг понял, что никто не удосужился выяснить размер его обуви. Позвонив ему, Карлос в присутствии ему уверенном дипломатическом стиле убедил Тилльмана предоставить им нужные сведения. Оказалось, что Тилльман носит 45 размер, иногда 46. Отпечатки спортивных туфель, найденные на местах преступлений, соответствовали размеру 42,5. Имя Тилльмана все еще фигурировало в расследовании, но из числа подозреваемых он был исключен, по крайней мере до тех пор, пока полиция не получит новых или иных доказательств его причастности к преступлениям.

Первая ниточка не привела их никуда.

Билли оборвал вторую.

Ту, которая вела к клиенту Стеллы Симонссон.

Он вкратце описал свой визит к ней. Совсем коротко о здании, ни слова о комнате Стеллы, лишь пересказ переписки с клиентом, которую Билли смог извлечь из ее компьютера. Все четко и ясно.

Вильман хотел бы встретиться, когда она сможет? Обговорили время, распрощались.

Человек, покупавший ее услуги, называл себя Вильман. В Уппсале проживали пять Вильманов, но их фамилия начиналась с буквы «W», а не «V». Оплата наличными, как им уже было известно, так что никакие переводы отследить не удастся. Связь по одноразовому номеру, который теперь также невозможно отследить. Что касается камер видеонаблюдения, их Билли тоже проверил. Ближайшая из них располагалась на шоссе 272, которое начиналось в Уппсале и вело в Белльнес. Большую часть суток движение было плотным, и даже если бы полиции был известен точный временной промежуток, когда Вильман был у Стеллы, не было уверенности в том, что он проезжал мимо камер. Существовало как минимум два других подъезда к интересующей их промзоне, и ни один из них не был оборудован камерами.

Так что в целом – ничего.

В довершение всего Анне-Ли швырнула на стол вечернюю газету.

– У нас не так уж много информации, но и та, что есть, каким-то дьявольским образом просочилась наружу.

Себастиан хотел было поинтересоваться, чего иного она ожидала, но удержался. Судя по виду Анне-Ли, сейчас лучше было воздержаться от провокаций. К тому же она относилась к тем немногим, к кому Себастиан все еще положительно относился.

– Они дали ему прозвище «Мешочник», – продолжала она взвинченным тоном, не сводя взгляда с Торкеля. – Так не должно было случиться. Я хотела остановить его, прежде чем он станет «Уппсаламанненом»^[17] или каким-нибудь еще чертовым «манненом». Только поэтому вы здесь.

– Мы здесь всего два дня, – отозвался Билли, разводя руками, словно желая спросить, чего, собственно, она ожидала за столь короткий срок. – До того, как мы приехали, вы работали над этим делом больше месяца.

– Вы созвали пресс-конференцию, раздули это все, вынесли на всеобщее обозрение, – вмешалась Урсула. – А пресса никогда не

удовлетворится теми крохами информации, которыми мы с ними делимся на конференциях.

Торкель заметил, как Ванья согласно кивнула, и на сердце у него потеплело. Возможно, в последнее время все они друг от друга отделились, но в нужный момент они встанут горой друг за друга. За него. Все, за исключением Себастиана, конечно.

– Нам не следовало распространять информацию о том, что он закрывает лица жертв, – бросила Анне-Ли, все еще неотрывно глядя на Торкеля.

Значит, он был прав, констатировал Торкель про себя. Она позволила ему развить тему БДСМ, только чтобы потом было на кого пожаловаться. Торкель ощутил растущее раздражение и глубоко вздохнул, чтобы как-то с ним справиться.

– Возможно, не следовало, – согласился он. Он уже очень давно хотел уйти. И не собирался извиняться. – Но дело сделано, и контролировать прессу мы не можем, – сказал он, пожимая плечами, в надежде, что на этом разговор будет окончен.

– Мы не можем и водить дружбу с прессой.

Окей, теперь все. С него достаточно.

Хватит сидеть на скамье запасных.

Хватит быть козлом отпущения, которому открыто бросают вызов, желая сместить с должности. Он резко отодвинул стул, поднялся и повысил голос:

– Аксель Вебер работает в «Экспрессен». А это, – Торкель несколько раз ткнул указательным пальцем в лежавшую перед ним на столе газету, – их конкуренты. – Я уже двадцать лет сотрудничаю с прессой, и в состоянии решить, какую информацию можно раскрывать, а какую – нет. Твои инсинуации мне порядком надоели.

– Я не говорила, что это ты.

– Именно поэтому я употребил термин «инсинуации».

В офисе повисла тишина. В этой тишине Торкель и Анне-Ли оценивающе глядели друг на друга, словно первый, кто скажет слово, проиграет. Остальные обменивались недоуменными взглядами.

– Послушайте, не могли бы мы... – начала было Ванья, но Себастиан ее остановил.

– Тшш, мама с папой ругаются.

Вне всяких сомнений, сложившаяся ситуация его беспокоила. Немногим удавалось настолько вывести Торкеля из себя, чтобы он стал открыто демонстрировать гнев или другие эмоции. Даже на Себастиана Торкель крайне редко повышал голос. А Себастиан мог очень впечатляюще играть на нервах.

– На сегодня мы закончили, – констатировал Торкель, и тем самым распустил совещание.

У Себастиана сложилось впечатление, что отныне все должно измениться.

Прежде чем все вышли из комнаты, Себастиан громко спросил, не желает ли кто-то составить ему компанию на ужин. Билли и Торкель собирались прямиком в Стокгольм, Урсула не могла, Ванья, конечно, промолчала, но из подслушанного разговора между ней и Торкелем (хотел бы Себастиан, чтобы это был разговор с ним) Себастиан знал, что сегодня ее последний вечер с Юнатаном. Завтра утром он уезжает домой. Карлос сказал, что спешит домой к семье, и Себастиан не стал объяснять ему, что вопрос к нему вовсе не относился. Анне-Ли вновь обосновалась в своем кабинете. Почему-то Себастиан сомневался, что сегодня у нее будет настроение ужинать вместе с кем-то. Он и сам, если говорить откровенно, не был в восторге от подобной компании.

По крайней мере, сегодня.

Он не стал пытаться ее уговаривать.

На мгновение Себастиан задумался, не поехать ли ему в столицу с Билли. Перекусить вместе с ним прямо в дороге. Расспросить, как у него дела. Но сейчас Билли выглядел много лучше.

Может быть, утром он просто не выспался.

Может быть, он действительно контролирует себя.

Себастиан очень на это надеялся. У него просто не было сил в это вступать. К тому же, если он расскажет Торкелю, посыпятся уточняющие вопросы.

Как давно он в курсе?

Почему ничего не говорил раньше?

Уверен ли он?

Нет, сорокапятиминутная поездка в обществе Билли его не привлекала.

И в обществе Торкеля тоже.

Себастиан не сомневался, что тот попытается пробудить их спящую дружбу. Попробует восстановить связь. Будет задавать личные вопросы, или, еще хуже, станет рассказывать о своей новой счастливой жизни с этой скучной училкой.

Опять-таки, какого черта он потерял в Стокгольме? Один. В своей чересчур большой квартире. Где, как он был уверен, он больше никогда не будет счастлив. Работать? Над книгой? Готовиться к интервью с Ральфом Свенссоном? Или все же поехать туда, где никто его не станет искать, чтобы выспаться? Само по себе заманчиво, но нет.

Один за другим все разошлись, лишь Урсула осталась сидеть за компьютером, когда Себастиан тоже собрался на выход.

– Прогуляемся вместе до гостиницы? – спросил Себастиан, натягивая пальто.

– Нет, ты иди, я еще посижу, подойду попозже.

– Чем собираешься заниматься? – полюбопытствовал Себастиан, замешкавшись в дверях.

– Если бы я хотела сообщить тебе эту информацию, я бы это сделала.

– А почему мне нельзя знать?

– Потому что ничего, кроме цинизма и насмешек, я от тебя не жду.

– Я буду хорошим, обещаю.

Урсула взглянула на него, обдумывая ответ. То, что обещания Себастиана Бергмана выеденного яйца не стоят, ей было хорошо известно. Но сегодня утром Урсула объяснила Себастиану, какого поведения от него ожидает. Он должен взять себя в руки и не поддаваться своим порывам, которые на поверку всегда оказываются безнадежными. Вот и случай проверить его.

– Я кое с кем встречаюсь.

– Кое с кем?

– Да.

– С мужчиной?

– Да.

– Кто же он?

– Это все, что тебе нужно знать.

– Но под «кое с кем» ты подразумеваешь кое-кого для того, чтобы с ним переспать?

Урсула смогла лишь покачать головой в ответ. Он так старался. Но она понимала, что Себастиан попросту не может себя контролировать. Он не сознает, что обычным людям подобный комментарий кажется вульгарным и бесчувственным – ведь для Себастиана единственной причиной для встреч с представительницами противоположного пола в принципе является секс.

– Пока, Себастиан, – сказала Урсула, и снова перевела взгляд на экран, давая этим понять, что разговор окончен.

– Будь осторожна. Снаружи бродит по крайней мере один психопат.

С этими словами Себастиан закрыл за собой дверь. Урсула не знала, как воспринимать сказанное им. Это могло быть выражением чистой заботы, но с тем же успехом могло оказаться попыткой внушить Урсуле ненужные подозрения по отношению к тому, с кем она собиралась встретиться, и тем самым саботировать их свидание. Чем бы это ни было со стороны Себастиана, но такие мысли посещали Урсулу и ранее.

Не конкретно о ней и Петросе – Урсула была в состоянии о себе позаботиться.

О Белле и Никко.

Его полное имя было Николас Линтон. Когда Урсула позвонила дочери, чтобы поблагодарить за вчерашний вечер, она выразила свое равнодушие, высказала заинтересованность и, пользуясь случаем, все выяснила.

Урсула размышляла над тем, следует ли ей навести справки о бойфренде дочери. Просто чтобы быть спокойной на их счет.

Чтобы знать, что он не какой-нибудь Тилльман.

Таких Тилльманов вокруг полно.

Ради Беллы. Ей вовсе не нужно об этом знать. А если Урсула раскопает что-то? Что делать тогда? Как рассказать Белле, чтобы она не догадалась, чем занималась ее мать? Для их хрупких отношений это будет равносильно смертному приговору.

Урсуле необходимо было наглядно продемонстрировать, что она беспокоится о дочери, но способ она выбрала неверный. Доверительные отношения так не строятся.

Ход ее мыслей был прерван звуковым сигналом с компьютера. Она открыла окошко чата, куда уже заранее успела ввести свой пароль.

– Ты любишь тайскую кухню?

* * *

Поначалу Петрос предлагал встретиться прямо у нее в гостинице. По слухам, тамошний ресторан был неплох, да и Петрос там раньше не бывал.

Урсула отказалась.

Категорически.

По двум причинам.

Первая, возможно, была глупой, но Урсула не хотела оставаться в такой близости от своего номера. Ей хотелось иметь возможность сказать «спасибо» и «до встречи», садясь в такси, обнять его, поцеловать в щеку и на том расстаться. Так она поступала с Себастианом дома, в Стокгольме, когда он рассчитывал на большее. Может быть, из-за того, что она столько лет спала с Торкелем в гостиницах по всей стране, у нее и сформировалось мнение, что в сознании большинства мужчин гостиничные номера связаны с сексом.

Вторая причина, которая была абсолютно оправдана, – это вероятность того, что Себастиан мог в любой момент спуститься в ресторан, а худшего кошмара Урсула и представить себе не могла.

Так что сейчас они сидели за столиком в тайском ресторане, в названии которого содержалось невероятное количество гласных – практически одни только буквы «А». Она сама загулила это место. Ресторан находился в двадцати минутах ходьбы от гостиницы – так что вне зависимости от того, чем закончится вечер, можно было рассчитывать на неспешную прогулку.

Они договорились встретиться снаружи. Урсула явилась вовремя, но он уже был на месте с букетом в руках. На секунду она неблагодарно посетовала про себя, что будет делать со срезанными цветами у себя в гостинице, но отогнала эту мысль и поблагодарила, сказав, что они прекрасны. Очевидно, что Петрос в таких вещах смыслил больше, размышляла Урсула, проходя в дверь, которую он для нее придержал. Он приоделся, явно готовился к встрече.

Урсула же явилась в ресторан прямиком с работы.

Официант поводил их к столику, вручил каждому меню и поинтересовался, что они собираются пить. По дороге Урсула испытала странное чувство, которое не было ей знакомо. Сейчас, когда она сидела с меню в руках и обсуждала закуски и вино, Урсула поняла – она нервничает.

Прошло много времени с тех пор, как ей в последний раз приходилось стараться быть интересной, если вообще когда-либо приходилось. Она уже не могла вспомнить, как все было с Микке. Они как будто просто стали парой, так ей казалось. Он существенно больше интересовался ею, чем она им. И в браке эта тенденция сохранилась.

Они стали парой, съехались, родили Беллу, неплохо жили.

У них была вилла в хорошем районе, материальное благополучие, интересная работа.

Удавшаяся жизнь. Настолько, насколько вообще можно было ожидать.

Но Урсула никогда его не любила.

И тут в ее жизнь вошел Себастиан.

Со всей определенностью дал понять, что заинтересован в ней, желает ее, взял на себя всю инициативу. Ей вообще ничего не пришлось делать. Он окружил ее своим присутствием так, как никогда не делал Микке, и по этому ощущению Урсула до сих пор тосковала.

Себастиан стал первым, кого она действительно полюбила.

Она разглядывала Петроса, сидевшего наискосок от нее. Сможет ли он так окутать ее собой? Достучаться до нее, несмотря на то, что она никому не позволяла приблизиться к себе, преодолеть дистанцию, которую всегда держала? Или научиться с этим жить. Даже ценить такой порядок вещей. Как научился Себастиан.

Она осознала, что мысли о бывшем любовнике, очевидно, могут осложнить процесс, поэтому приказала себе перестать рассматривать ситуацию со стороны, анализируя все, словно она все еще была на работе, а ее личная жизнь была местом преступления, которое следовало скрупулезно изучить.

Если, конечно, в этом контексте вообще можно было говорить про жизнь.

Так она иногда думала.

Может быть, она появится у Урсулы теперь, если только она перестанет подвергать все и вся излишнему анализу? Так что она постаралась расслабиться и отдалась процессу.

Им принесли заказанную еду. Петрос оказался прав, она была чудо как хороша. И белое вино тоже. Урсула уже раздумывала над тем, чтобы заказать второй бокал. Беседа протекала свободно. В основном благодаря Петросу, который умело перемежал ничего не значащую болтовню интересными вопросами. Он выглядел заинтересованным, но при этом не старался выспросить лишнее, и их разговор не походил на собеседование. Очевидно, с домашним заданием он справился. Он запомнил все, что рассказывала ему Урсула, хотя справедливости ради нужно признать – рассказала она не так уж много. Сама же Урсула ни за что не смогла бы припомнить, как зовут его детей.

В один из кратких моментов тишины, которая тем не менее не казалась неловкой, Урсула сделала попытку взять инициативу на себя, задать какие-то вопросы ему. Что ей было о нем известно?

Имя, возраст, гражданский статус, профессия и то, что вчера он был занят.

– Где ты был вчера? – спросила Урсула, довольная тем, что теперь тему для разговора выбрала она.

– В Вестеросе, у нас там полно клиентов.

– Однажды мы расследовали дело в Вестеросе, – сказала Урсула.

– Вы нашли преступника?

– Да.

О расследовании он больше не спрашивал. Она это оценила. В том ограниченном кругу общения, в каком она вращалась последние годы, большинство людей жаждали узнать детали расследований, как только им становилось известно, где работала Урсула. Ее хотели прочесть, словно чертову газетенку «Преступления недели».

Вестерос она помнила хорошо. Дело оказалось необычайно трагическим. Но в основном все это врезалось ей в память потому, что там она впервые за много лет вновь встретила с Себастианом.

На этом месте она помедлила. Выпила последний глоток вина. Однозначно решила заказать еще.

Расслабиться и быть здесь.

Не думать о Себастиане.

На этот раз сон был долгим и обстоятельным, с множеством деталей.

Все началось в номере отеля поздним утром. Лили в спортивной форме машет на прощание рукой.

Жар, обступающий влажной стеной на выходе из отеля.

Решение пойти на берег, вместо того чтобы побыть у бассейна. Маленькая ладошка Сабины в его руке, большим пальцем он гладит дешевое маленькое колечко с бабочкой, которое дочь надела на указательный пальчик.

Слова, которые она говорит, увидев по дороге на пляж ребенка с надувным дельфином.

– Папа, я тоже такого хочу!

Ее последние слова, обращенные к нему.

Широкий обнажившийся берег. Себастиан ошибочно принимает это за отлив.

Смесь страха и восторга, когда он отпускает ее, все еще немного побаивавшуюся воды, поплавать на животе.

Игра и смех.

Он и его дочь в теплой воде.

Ее нежные ладошки на его щеках. Ее маленькое теплое тельце рядом с ним. Ее запах – детское мыло и солнцезащитный крем. Ощущение безусловной, безграничной любви. Идеальная жизнь.

Потом гул.

Стена воды.

Беспощадный хаос.

Ее маленькая ладошка все еще в его руке. Единственная мысль. Во что бы то ни стало не отпускать. Вся жизнь в правой руке. Инстинктивное понимание. Он упустил ее. Потерял. Навсегда.

Себастиан совершил ошибку, когда, вернувшись в гостиницу, решил лечь в постель. Он лишь хотел немного отдохнуть. Было раннее утро.

Теперь он сидел на кровати, пытаясь размять судорожно сжатую правую руку. К своему удивлению, обнаружил, что у него мокрые щеки. Он провел по лицу рукой, ожидая, что увидит на ней кровь, что он каким-то образом во сне нанес себе рану. Себастиан не ожидал

увидеть слезы. Он уже привык просыпаться в отчаянии, в сомнениях, в пустоте, но плакал он очень редко. Однако в последние месяцы сон значительно усилил свое разрушительное воздействие на Себастиана.

Теперь сон приходил к нему по два раза в сутки.

Себастиан выяснил причину помимо собственной воли. Не могло ли быть так, что чем больше отдалается от него Ванья, тем чаще во сне к нему приходит Сабина? Что тоска по одной дочери выражает себя воспоминанием о другой? Как психолог, он не подписался бы под такой гипотезой, но Себастиана не отпускала мысль, что, когда все было в порядке, или, по крайней мере, у них с Ваньей бывало перемирие, он чувствовал себя лучше.

Сон являлся реже. И не нес в себе такой разрушительной силы.

Теперь они с Ваньей снова были в состоянии войны. Целиком и полностью по его вине. Она могла бы быть в его жизни, разыграй он свои козыри чуть мудрее. Поначалу она инстинктивно думала о нем плохо, как и большинство людей, коих он не предпринимал попытки затащить в свою постель. Но это было до того, как Себастиан узнал, кто она. Что она – его. Чем больше проблем у нее возникало в отношениях с матерью и Вальдемаром, тем сильнее тянулась она к нему. Они определенно уже были на пути к чему-то, когда после свадьбы Билли Себастиан рассказал Ванье, что она его дочь.

Тогда она согласилась принять его в свою жизнь.

Медленными шажками они приближались к чему-то хорошему. И он все уничтожил. Конечно. Действовал за ее спиной. Предал ее. Объединился с единственным человеком, которого она действительно ненавидела. Наплевал на ее единственную просьбу: держаться подальше от Анны.

«Ты ни черта не знаешь о том, чего я хочу, и никогда не знал, а когда я сама тебе об этом рассказала – ты плевать на это хотел!»

Сейчас Себастиану вновь пришли на ум слова Ваньи, брошенные ему в лицо вчера. Если покопаться в себе самом, что Себастиан делал крайне неохотно, не может ли оказаться, что она права?

А он вообще пытался? Интересовался ею по-настоящему? Искренне?

Разумеется, нет.

Все, что он делал, касалось только его. Его желаний. Его благополучия.

Как, например, когда он лишил Ванью шанса уехать в США на учебу в ФБР, затем лишь, чтобы удержать ее рядом с собой. Чтобы она не оказалась по ту сторону Атлантического океана.

В общем-то, неудивительно. Себастиан всегда знал о себе, что он отъявленный эгоист. Он считал, что проявление уважения к другим людям – сильно переоцененная практика, но как только его поведение становилось препятствием для достижения какой-либо цели, Себастиан был вынужден его менять.

Но чего же хотела Ванья?

Что может сделать Себастиан, чтобы она дала ему еще один шанс, последний шанс, который он так отчаянно стремится получить?

Он не знает, а она никогда не ответила бы, даже если бы он спросил.

Но Себастиан знает того, кто знает ответ, или, по крайней мере, должен знать его. Того, кто в данный момент был ей ближе всех.

Того, о ком даже Себастиан слышал только хорошее.

Того, кого она любит.

Настало время для разговора с Юнатаном Бекком.

* * *

В тесноватой кухне на Норбювеген Юнатан готовил еду.

Можно с легкостью перечислить два десятка дел, которые удаются ему куда лучше. Даже три десятка. Но было довольно забавно наблюдать за тем, как он пытался не впадать в панику, когда что-то оказывалось переваренным или недоваренным, или подгорало, или когда он обнаруживал, что продукты, которые должны были быть уложены в горшочки, оставались забытыми на столе. Сегодня вечером в планах была паста с лососем в сливочном соусе с укропом и лимоном, гарнированная кресс-салатом, редисом и сыром пармезан. На первый взгляд сложно, но Юнатан искал в Сети рецепт менее чем с десятью ингредиентами и нашел вот этот. По всей видимости, автором рецепта была повариха из кулинарного телешоу, имени которой Юнатан не знал.

Ванья зашла в кухню. Спортивные штаны, футболка, мокрые волосы после душа. Она пришла вовремя – он как раз собирался

вылить соус в пасту, которая, надеялся Юнатан, уже достигла состояния альденте.

– Накроешь на стол? – спросил он, и Ванья утвердительно кивнула. С разделочной доски она прихватила редиску и засунула в рот. Потом резко распахнула дверцу шкафчика прямо рядом с головой Юнатана, так что он даже отпрянул в сторону.

– Как вообще можно было выбрать столь безобразный фарфор? – фыркнула Ванья, доставая две глубокие тарелки.

Юнатан промолчал.

Отчасти потому, что вопрос не требовал ответа, отчасти – потому что в этот вечер все, что бы он ни делал, было обречено на критику. Иногда Ванья впадала в такое состояние, и в основном Юнатан просто пережидал эти периоды. Он не любил выяснения отношений. Юнатан был знаком с несколькими парами, которые придерживались мнения, что ссоры являются признаком крепких и страстных отношений и демонстрируют, что партнеры друг другу не безразличны – в общем, что ссоры полезны и даже жизненно необходимы, чтобы разрядить атмосферу в доме. Возможно, это и правда было так, но Юнатану все равно не нравилось ссориться, поэтому он зорко следил за тем, чтобы конфликтов не возникало, когда к этому появлялись предпосылки. Как, например, сейчас.

Юнатан понимал, что дело вовсе не в квартире. Тут что-то другое, большее. С тех пор как Ванья пришла с рабты, она не говорила ни о чем, кроме того, что еще вывело ее из себя за прошедший день.

Первое место досталось Тилльману. Он по ряду причин больше не являлся подозреваемым, однако Ванья готова была начать против Тилльмана персональный крестовый поход, лишь бы засадить его за решетку. В общем, Ванья очень много говорила о нем, но также и о Себастиане, который был верен своим привычкам, со всех сторон безнадежен, и вообще известная задница. Тройку лидеров замыкала Анне-Ли, о которой до нынешнего вечера Юнатан слышал только хорошее. Сегодня, однако, Анне-Ли существенно поколебала свои позиции в Ваньиных чартах одобрения – после того, как посмела открыто подвергнуть критике Торкеля, а с ним и всю Госкомиссию.

– А знаешь, что самое худшее? У него есть ребенок. У него дочь, – продолжала Ванья свой рассказ, раскладывая столовые приборы и расставляя бокалы. Как понял Юнатан, «у него» означало у Тилльмана,

к обсуждению которого вернулся разговор. – Ей всего восемь, но, если она вырастет и превратится в одну из тех «ведьм», о которых он пишет, или станет убежденной феминисткой, он и ей пожелает быть изнасилованной?

Даже несмотря на то, что и этот вопрос не предполагал ответа, Юнатан почувствовал необходимость что-то сказать. Быть честным. Он понимал, что Ванью это все всерьез взволновало.

– Конечно, он так не поступит.

Взгляд, которым Ваня одарила его, недвусмысленно давал понять, что она превратно поняла его слова – словно он выступал в защиту Тилльмана. Так что Юнатану пришлось проявить красноречие.

– Он говорит ужасные вещи, но это вовсе не означает, что он хотел бы навредить собственному ребенку. Никакие родители не желают своим детям зла.

– Многие желают. Сознательно или бессознательно. Есть очень много дерьмовых родителей.

Юнатан не стал спорить. Благодаря своей работе в полиции Ванья многое повидала. Он постоянно удивлялся, как она все это выносит. Как они все это выносят – ежедневное наблюдение худших человеческих качеств и результатов их проявления. К тому же Юнатану были хорошо известны подробности сложных отношений Ваньи с ее родителями. Со всеми тремя. Он знал, что все они ранили или предали Ванью. Не кроется ли в этом причина ее неумения отодвигать в сторону события прошедшего дня?

Юнатан поставил еду на стол, и они сели ужинать.

– Ты же постоянно сталкиваешься с неприятными людьми, что такого особенного в Тилльмане? Почему ты не можешь выкинуть его из головы?

Юнатан хотел, чтобы Ванья обдумала его слова. Чтобы ей самой пришла в голову мысль о том, что за ее неприязнью к Тилльману скрывается нечто иное. В противном случае Юнатану придется поиграть в психолога-самоучку и самостоятельно вытащить эту проблему на свет божий. Постепенно он приближался к ответу. Несмотря на то, что разговоры явно шли на пользу Ванье, Юнатан понимал, что тема семьи – открытая, незатянувшаяся рана в ее душе, и добровольно беречь ее Ванья не станет.

– Я не знаю, – отозвалась Ванья, накладывая себе еду.

То, что сказал Юнатан, было справедливо. По большей части на службе – а соответственно, и в жизни – Ванье приходилось сталкиваться с людьми, общение с которыми в разной степени вызывало у нее дискомфорт, о которых она составляла негативное мнение, а иногда даже презирала. Как полицейский она вовсе не стремилась открывать свою душу, понимать, выискивать первопричину чьих-то поступков и смягчающие обстоятельства. Она быстро составляла мнение о человеке и раньше довольно успешно разделяла работу и личную жизнь.

Ванья намотала пасту на вилку и отправила порцию в рот.

– Вкусно, – коротко похвалила она.

– Нет, не очень, ничего особенного, – не согласился с ней Юнатан.

– Ну хорошо, это не твой кулинарный звездный час, – улыбнулась она, встала, распахнула другой шкафчик и достала оттуда графин. – Может быть, я так реагирую, потому что он – чей-то отец, – сказала Ванья, стоя спиной к Юнатану и наполняя графин водой из крана. – А я каждый день сталкиваюсь с Себастианом. И эта ситуация с Вальдемаром... И моя мать, и все это дерьмо... Знаешь, это все отцы. Дурные, говенные отцы.

Она вернулась на свое место и разлила воду по стаканам.

Все как он и предполагал. Юнатану не были известны все детали – между Ваньей и ее родителями так много всякого произошло, а он не всегда был с ней рядом. Но когда они с Ваньей были вместе в первый раз, Юнатан часто встречал Вальдемара. Вальдемар нравился ему, и Юнатану казалось, что это чувство было взаимным. Но прежде всего, Юнатану было очевидно, насколько близки были Вальдемар и Ванья. В то время Вальдемар был, насколько это вообще возможно, далек от определения «дурной, говенный отец».

– Мне казалось, что Вальдемар – лучший папа на свете, – сказал Юнатан, отправляя в рот очередную порцию пасты.

– Так и было. Еще год назад.

– Если целых тридцать лет до этого он был замечательным, почему бы тебе не пообщаться с ним? Не разобраться во всем?

– Это не так просто.

Когда Ванья это произнесла, то сама немного удивилась. Вальдемар действительно был лучшим папой, какого только она могла себе представить. В жизни Ваньи не было ни одной сложной ситуации,

разобраться в которой ей не помог бы Вальдемар. Не было ничего, что Вальдемар не сделал бы для дочери. Он до сих пор делал все, что было в его силах. Он порвал с Анной, стал сотрудничать со следствием, был готов понести наказание, просил прощения, выражал искреннее раскаяние. Был на сто процентов честен с Ваньей – а этим в последние годы Ванья не была избалована.

Ванья готова была простить, идти дальше, попробовать вновь повернуться друг к другу лицом. Решила создать для себя новую жизнь. В какой-то короткий момент она даже представила себе, что в этой новой жизни найдется место для обоих ее отцов.

А потом все снова рухнуло, и единственной переменной, которую Ванья смогла осуществить, стал переезд в Уппсалу, или бегство в Уппсалу – как посмотреть.

Ванья чувствовала себя преданной. Он все это время знал, но ничего не говорил ей. Возможно, из лучших побуждений – не хотел разрушать их отношения, – но тем не менее. Целая жизнь оказалась построенной на лжи – такой клубок быстро не распутаешь.

– Совсем наоборот, это очень просто, – возразил ей Юнатан. – Позвони ему, я уверен, что он будет вне себя от радости.

– Не уверена, что хочу доставить ему эту радость.

– Но ты ведь скучаешь по нему, – констатировал Юнатан. Ванья выдержала его взгляд и коротко кивнула.

– Я скучаю по тем отношениям, которые у нас были, но я не думаю, что их можно вернуть.

Ванья отодвинула тарелку и встала из-за стола, давая тем самым понять, что тема Вальдемара исчерпана, равно как и тема ужина. На мгновение Юнатан ощутил разочарование. Еда не была гурманской, но и несъедобной она тоже не была. А Ванья почти ничего не съела.

– Тебе не понравилось, – заключил Юнатан.

– Я не голодна, – солгала Ванья.

– Можем выйти и купить что-нибудь.

– Или можем пойти и лечь.

Ванья подошла к нему вплотную и, дождавшись, пока он выдвинет свой стул, взобралась к нему на колени. Обхватив ладонями его лицо, она поцеловала Юнатана в губы.

– Я тебя люблю, – сказала она, проводя рукой по его волосам.

– И я тебя.

Она посмотрела на него таким многозначительным взглядом, который явно давал понять, что она хочет чем-то поделиться. Но Ванья не была уверена, что Юнатан одобрит это.

– Ладно, ты будешь считать меня суперстранной...

– Я и так считаю тебя суперстранной, – успокоил ее Юнатан и вновь поцеловал.

– К разговору об отцах... – продолжила Ванья, словно не слыша его. – Что ты думаешь о том, чтобы стать одним из них?

* * *

План был так прост, что его в принципе нельзя было назвать планом.

Он поедет домой. Прямоком домой. Выйдет из здания полиции, пойдет к машине, повернет налево, потом направо, потом сорок пять минут езды по шоссе Е 4 в компании Карди Би, включенной на полную громкость на Спотифай, – и он дома.

С Мю. Вместе с Мю. Билли и Мю.

Пока Билли спускался на лифте, ему пришло сообщение. От Мю. Он взглянул на экран. Ссылка с сервиса Хемнет, никакого текста. Он не стал открывать ее, но не успел убрать телефон, как вдогонку пришло еще одно сообщение.

– *Когда тебя ждать домой?*

Он ответил «через час», добавил два эмодзи с сердечками вместо глаз и нажал «отправить».

Когда Билли уже выезжал на трассу, Мю позвонила. Так как Билли возвращался с северной стороны, она просила его забрать суши из одного ресторанчика в Окерсберге, о котором Мю слышала положительные отзывы. В обычный день ехать туда было бы далековато, но раз уж сейчас ему по пути... Она переслала адрес и сделала заказ, Билли оставалось лишь забрать его.

Он пришел домой и был встречен поцелуем. Мю сказала, что скучала по нему. Потом забрала судочки с едой и унесла в кухню. У Мю оказался волчий аппетит – она не ела с полудня, хотела дождаться Билли, чтобы поужинать вместе, так что они сразу приступили к делу. Суши оказались определенно достойны сделанного ради них крюка,

согласились оба. За едой Мю рассказывала ему о прошедшем рабочем дне. В январе она планировала на три дня уехать на курсы. Компания «Теле 2» предложила ей контракт в качестве тренера по личностному росту. Их сотрудники смогут обращаться к такому специалисту, если совместно с начальством придут к выводу, что им необходимо дальнейшее развитие в личностном или в профессиональном плане. Если Мю получит это место, для нее это будет не столько признанием, сколько выведет ее на иной уровень дохода.

И раз уж об этом зашла речь...

– Ты посмотрел ссылку, которую я тебе прислала? Про Вермде. Это идеальное место.

– Нет, я уже был за рулем, так что не стал ее открывать.

Мю встала и принесла планшет, после чего включила на нем рекламный ролик, и они вместе посмотрели его. Загородный дом в Вермде Стур-Саксарен. Шестьдесят квадратов. Гостевой домик. Собственный причал. 3795000 крон. Билли в общем-то не имел конкретного мнения об этом доме, но они обсудили детали, просмотрели все двадцать пять прилагаемых фотографий, и Мю сказала, что собирается связаться с маклером по поводу возможности посмотреть дом завтра, если Билли ничего не имеет против. Билли не был против.

Все именно так, как должно быть. Прийти домой, поужинать, обсудить работу, прошедший день, все что угодно, посмотреть летние домики.

Вот это – он.

Это его жизнь.

Их совместная жизнь.

– Есть еще кое-что, – продолжала Мю, открывая очередную страницу на планшете. – Что ты об этом скажешь?

Билли перевел взгляд на экран. Солнце, вода, горы, яркие домики, береговая линия и заголовок, поясняющий, что все это великолепие предлагает туристам городок Капстад.

– Я подумала, не махнуть ли нам туда на недельку в ноябре? В июле слишком дорого, а в ноябре ехать даже лучше – здесь погода все равно будет дерьмовая.

– С удовольствием, но я не знаю, получится ли взять отпуск.

– У тебя в любом случае есть как минимум неделя.

Он поднял от планшета полный искреннего непонимания взгляд.

– С чего бы это?

– Тебе же пришлось работать дополнительно целую неделю после праздника Мидсоммар.

Билли чуть не заплакал. Все ведь было так хорошо, он чувствовал себя таким нормальным. У него теплилась надежда, что однажды все получится, но теперь очередная угроза надвигалась на него с неотвратимостью грузового состава. Что бы он ни делал, как бы он ни старался гнать от себя эти мысли.

Все образуется. Со временем такие случаи станут все более редкими. А потом вообще сойдут на нет. Никто и ничто в его повседневной жизни больше не заставит его возвращаться мыслями к Йеннифер. словно этого никогда не было. Но не сейчас. Не сегодня.

Неделя после дня середины лета.

В Госкомиссии все считали, что Билли в отпуске.

Мю, напротив, полагала, что он работает.

По сравнению с Конни и его расследованием это была не самая большая проблема, и Билли при хорошем раскладе смог бы быстро ее решить. Формально отпуск предоставляется сотрудникам по заявлению. Заявления регистрируются. В этом году Билли использовал уже все дни отпуска. Но сотрудники Госкомиссии вполне ожидаемо проводили на службе практически круглые сутки во время таких расследований, как нынешнее. Поэтому, когда их работа над делом заканчивалась, Торкель обычно не возражал против отгулов.

Так что в случае, если к ноябрю с уппсальским делом будет покончено, Билли запросто сможет договориться с Торкелем о том, чтобы взять недельку на отдых. Если же расследование будет продолжаться, проблема отпадает сама собой. Билли выдохнул.

– Посмотрим, смогу ли я вырваться. Это пока не точно.

– Нам в любом случае нужно забронировать даты или сейчас, или в самое ближайшее время.

– Мы не можем. Если мы не закончим с делом в Уппсале, я не смогу уехать.

– Как продвигается расследование? Близится к финалу?

– К сожалению, нет. – Билли произнес это с ноткой разочарования в голосе, чтобы скрыть, что никогда еще он не был так рад тому, что расследование никуда не привело. – Если мы управимся к тому

времени, еще сможем забронировать в последнюю минуту, – ободряюще добавил Билли, видя реакцию Мю.

Она кивнула, признавая за работой право первоочередности, оставила эту тему и предложила вместе посмотреть кино, если у Билли нет других идей. Других идей у Билли не нашлось. Смотреть кино на диване вместе с женой. Идеальный вечер.

Мю налила себе бокал вина, а для Билли принесла пива, и они принялись выбирать фильм из списка своего интернет-провайдера. Обычно поиски фильма, который устроил бы обоим, превращались в настоящее испытание. У них были разные вкусы в кинематографе, и уже не единожды подобная ситуация приводила к тому, что не сумев выбрать кино по душе, Билли и Мю были вынуждены искать себе другие занятия. Сегодня Билли решил уступить жене. На Нетфликсе Мю отыскала «Амели с Монмартра». Она издала такое восторженное «аааа!», словно увидела крошечного милого котенка.

– Мне очень понравилось, когда я смотрела в первый раз. А тебе как?

– Я не смотрел.

– Как такое может быть?

– Оно французское.

Билли считал такое объяснение вполне достаточным. Мю сочла это прекрасной возможностью развить кинематографический вкус Билли и, пользуясь его разрешением выбрать фильм, остановилась на этом. Она включила воспроизведение, угнездилась под боком у мужа, подтянув ноги под себя, и фильм начался.

Муха приземлилась на какой-то улице, несколько бокалов чуть не унесло со стола ветром, какой-то мужчина стирал имя умершего друга из своей записной книжки. Если верить голосу рассказчика, все это происходило в момент зачатия той, кто должна была стать главной героиней фильма.

Амели.

С Монмартра.

Билли невлюбил ее с самого заголовка. Затем демонстрировалось ее взросление – краткими эпизодами, которые следовало воспринимать как чудесные, содержательные, поэтичные мгновения с легкой сумасшедшиной. Сам этот фильм хотел восприниматься как одна

легкая сумасшедшинка. Словно не мог достаточно громко прокричать сам о себе, насколько он великолепен в своем легком сумасшествии.

Через десять минут глаза Билли все еще оставались открытыми, но он уже перестал следить за происходящим на экране. Мысли вели его прочь. В Уппсалу.

– Ты не смотришь.

С улыбкой Мю легонько ткнула его в бок.

– Конечно, смотрю, – машинально отозвался Билли в надежде, что она не станет допрашивать его по поводу содержания просмотренного. Мю потянулась за пультом, нажала на паузу и повернулась к Билли.

– С тобой все хорошо?

Он поглядел на Мю. Его жена. Рядом с ним, на диване, обычным вечером.

– Да, все в порядке, – честно ответил Билли.

– Ты думаешь о Йеннифер? – продолжала Мю, не вполне удовлетворенная ответом Билли, словно отсутствие у него интереса к фильму не могло быть объяснено тем простым фактом, что фильм отстойный.

– Нет, совсем нет. Я думал об уппсальском деле, прости.

– Я могу посмотреть как-нибудь вечером, когда тебя не будет дома. – Она снова потянулась вперед, взяла пульт и выключила телевизор. Потом повернулась обратно к Билли. – Ты хочешь об этом поговорить?

– Вообще-то нет. Там особенно не о чем говорить. – Билли понял, что Мю имела в виду дело. Он и правда не ощущал потребности обсуждать что-либо, связанное с ним. Но его мысли пребывали в Уппсале по другой причине.

Он снова был на Норрфоршгатан.

В красной комнате.

Воображая все, чем мог бы там заняться.

* * *

– Кто звонил? – спросила Лисе-Лотте, когда Торкель вернулся в гостиную. Из спальни ей было слышно, как Торкель во время телефонного разговора пытался сохранять вежливо-нейтральный тон.

– Розмари Фредрикссон, – коротко отозвался Торкель и перевел мобильный в беззвучный режим, словно хотел удостовериться, что в случае повторного звонка от Розмари совершенно точно его пропустит.

– Что ей нужно в такой час?

– Вот и я подумал, что бы ей могло быть нужно? Она желала узнать, как продвигается расследование. А еще выразила неудовольствие по поводу утечки информации, а также потому, что расследование не прогрессирует с желаемой скоростью.

Последние слова он в подражание Розмари выделил голосом, давая понять, что цитирует ее. Сразу сделалось очевидно, что именно думает Торкель о словах начальницы.

Она никогда ему не нравилась.

С самого начала в их взаимоотношениях речь шла лишь о взаимной терпимости. В понятие терпимости входило то, что Розмари не вмешивалась в его работу. Пока вверенное Торкелю подразделение не выбивалось из бюджета, не достаивалось особенно едких комментариев в прессе, своевременно и грамотно делало бумажную работу, Розмари вообще не интересовало, чем они занимались. Она была штабным офицером в полном смысле этого слова.

Прежде ее никогда не волновали утечки. И детали расследований.

Торкель догадывался, чем вызван этот внезапный интерес. Здесь не обошлось без Анне-Ли Юландер.

Лисе-Лотте было известно, кто это, но не более того. Когда Торкель приходил домой, он обычно рассказывал о прошедшем дне по существу, но крайне редко делился оценочными суждениями о коллегах. Конечно, если только эти суждения не были позитивными. Ему никогда не составляло труда выделить и похвалить отличившегося сотрудника.

Еще одна его прекрасная черта.

Но вечерний разговор словно прорвал плотину. Из уст Торкеля Лисе-Лотте узнала об Анне-Ли все, причем ни одна из упомянутых подробностей не льстила госпоже Юландер.

Она отказалась передать ответственность по делу, что вообще-то в случае вызова Госкомиссии являлось общепринятой практикой.

Она постоянно ставила под сомнение их компетентность.

Она открыто заявила, что желает занять место Торкеля.

– Если кому и достанется мое место, так только Ванье, – сказал Торкель. Однажды он даже был уверен в том, что Ванья хотела бы занять это место. Но теперь уверенности поубавилось.

О Ванье Лисе-Лотте была наслышана. Иногда он говорил о своей сотруднице с такой теплотой, что можно было с легкостью счесть ее третьей дочерью Торкеля.

– Здорово, что ты рассказываешь мне о своих коллегах, я ведь знакома только с одной из них.

Это правда – когда у них с Торкелем все только начиналось и она впервые осталась у него ночевать, Лисе-Лотте столкнулась лицом к лицу с Урсулой, которая приехала с рабочим вопросом. Но этим ее знакомство с коллегами Торкеля и ограничивалось.

– Я тоже не знаком с твоими коллегами.

– А ты хотел бы?

– Не особенно...

– А мне было бы интересно познакомиться с твоими. Вы так давно вместе работаете, что они кажутся мне членами твоей большой семьи.

Тут не поспоришь, что есть – то есть. Они были даже больше, чем семьей. С коллегами Торкель виделся чаще, чем с дочерьми – те более или менее постоянно жили у своей матери. Может быть, поэтому психологический климат в группе так сильно волновал Торкеля. Себастиан оставался сам собой и оказывал сильное давление на Ванью, но сейчас даже Билли казался подавленным и замкнутым, а Урсула выглядела более... растерянной чем раньше.

– Как скажешь, мы это запросто можем организовать.

– Нельзя ли их пригласить к нам домой на ужин?

Этого Торкель не ожидал. Когда Лисе-Лотте сказала, что хочет познакомиться с его коллегами, он подумал, что она просто как-нибудь заедет за ним на работу, если окажется неподалеку, и тогда он сможет их всех друг-другу представить. И после десятиминутной беседы можно будет разойтись. Она со всеми познакомится. Миссия будет исполнена.

Но пригласить всех домой на ужин? На несколько часов?

– Это будет немного странно, – попробовал Торкель протестовать, одновременно подыскивая более весомый аргумент.

– Что же в этом странного? Вы каждый день встречаетесь друг с дружкой, уже столько лет.

– Мы не привыкли к такому общению, – пожал плечами Торкель.

– Они могли бы взять своих партнеров, если ты считаешь, что так будет проще, – предложила Лисе-Лотте. – Добавится всего два человека, или у Урсулы кто-то есть?

Торкель на секунду замялся.

Задача усложнялась. Он никогда не рассказывал Лисе-Лотте о своих отношениях с Урсулой. Не было удобного случая. Вначале Торкель обдумывал этот шаг. Стоило ли рассказать? Но время шло, и теперь ему казалось, что такое сообщение прозвучало бы попросту странно.

– *Кстати, я много лет спал с одной из своих коллег.*

Так ведь не говорят?

Или все-таки да?

Торкель в любом случае этого не сделал.

Ему ничего не было известно о личной жизни Лисе-Лотте после развода. Но ясно одно – она не встречалась со своим бывшим ежедневно. В ином случае она, наверное, рассказала бы об этом.

– Нет, не думаю. По крайней мере, она ни о ком не рассказывала, – ответил Торкель.

– А что Себастиан? – поинтересовалась Лисе-Лотте. Здесь все было гораздо, гораздо проще.

– Нет. Если мы устраиваем ужин, он не придет, – уверенным тоном констатировал Торкель.

– Разве он с вами не работает?

– От случая к случаю. Но в обществе Себастиана нельзя рассчитывать на приятный вечер.

– Я думала, раньше вы были друзьями.

В личном плане этой информацией сведения Лисе-Лотте о Себастиане Бергмане исчерпывались. Они с Торкелем раньше были друзьями. Много лет проработали бок о бок. Торкель высоко ценил профессиональные качества Себастиана, но на личностные оценки был скуп.

– Так и было, но Себастиан четко дал понять, что для него эта дружба ничего не значит, за исключением тех моментов, когда ему что-то от меня нужно.

– Из всех твоих коллег он вызывает у меня наибольшее любопытство.

– Не любопытничай, вы с ним никогда не встретитесь.

В наступившей тишине Лисе-Лотте сидела и смотрела на Торкеля. По ее виду было ясно, что обсуждение приглашений еще не окончено.

– В скольких расследованиях он участвовал вместе с вами?

– С тех пор как «вернулся»? Это шестое.

– Меньше чем за два года.

– Да.

– В таком случае, не пригласить его будет крайне невежливо.

– Он бы нас никогда никуда не стал приглашать.

– И мы опустимся до его уровня?

Торкель не смог удержаться от вздоха и покачал головой. Он вынужден был сдаться. Как можно ей отказать? Он не в силах.

– Отлично. Только потом пеняй на себя.

Рассмеявшись, она потянулась и поцеловала его.

Значит, его бывшая любовница и Себастиан Бергман придут к ним на ужин.

Торкель мог бы вообразить события, которыми был бы воодушевлен сильнее.

Визит к стоматологу, например.

16 октября

С днем рождения, любимая.

Сегодня тебе исполнился бы тридцать один год.

Если бы они не забрали тебя у меня.

Невыносимо ежедневно думать об этом.

Стало даже тяжелее с тех пор, как все выяснилось.

С тех пор, как Ульрика все мне рассказала.

Но тяжелее всего – сегодня.

Можно ли было что-то изменить?

Сегодня мне это кажется очевидным.

Нужно было тогда все выяснить.

Спрашивать, требовать ответа, не успокаиваться на том, что все наладится.

Что все будет хорошо.

Это все моя слабость. Моя нерешительность.

Нежелание идти против твоей воли, твоих желаний, твоих решений.

Теперь вот приходится ходить к тебе на могилу.

Скучаю по тебе. Каждый день, все это время.

Сегодня принесу георгины.

Два больших букета. Один – для Ульрики.

Поначалу она вызывала у меня лишь ненависть. Было очень тяжело.

Узнать, как тебе было страшно, как больно, как ты раскаивалась в своем решении.

Узнать о том, что тебя убили.

Но это знание мне помогло.

Передо мной открылся путь. Фокус. Цель.

Они думают, что смогли через это переступить.

Живут своими жизнями. Любят, смеются, испытывают счастье.

Уже восемь лет.

Что было бы, если бы они не убили тебя?

Что бы мы делали, я и ты?

Какой была бы наша жизнь?

Кем ты могла бы стать в свой тридцать один год?
Пытаюсь не думать об этом, слишком мучительно.
Но в твой день рождения не думать об этом не получается.

* * *

Урсула огляделась вокруг. Тишина. Стук клавиш, скрип стула, раздававшийся всякий раз, как сидевший на нем менял положение, глухой фоновый шум вытяжки. Зайди к ним кто-то посторонний, он определенно описал бы обстановку в офисе словом «сосредоточенность».

Урсула же замечала в окружающей обстановке признаки фрустрации и разочарования, ей было нетрудно их распознать.

По итогам короткого утреннего совещания стало ясно, что они не стали ближе к поимке преступника, чем были три дня назад, по приезде в Уппсалу.

У них ничего нет.

Вернее, есть куча всего: ДНК, отпечатки обуви, мешки, шприц.

Но никаких данных с камер, ни одного свидетеля, никакой дополнительной информации от граждан.

От понимания того факта, что, пока преступник не совершит следующее нападение, они на самом деле больше ничего не смогут сделать, всех охватило подавленное настроение.

Затем появится новая жертва.

Огромное несчастье.

Которого они любой ценой хотели бы избежать.

Место напротив Урсулы пустовало. Она понятия не имела, где находится Себастиан.

Они столкнулись вчера, когда Урсула вернулась со своего свидания. Он сидел в баре и позвал ее. Второй вечер подряд он поджидал ее. Напоминает дни ее юности, когда папа не мог уснуть, пока Урсула не вернется домой. Но даже в нетрезвом виде Урсула не желала сравнивать Себастиана со своим отцом, поэтому быстро отогнала непрошенные мысли, подошла к нему и села рядом.

– Как все прошло?

Урсула оглядела его, пытаясь понять, хочет ли он спокойной беседы или намерен отпустить какой-нибудь едкий комментарий. Однако Себастиан выглядел искренне заинтересованным, поэтому она решила быть честной.

– Я считаю, неплохо.

– Тебе было приятно?

Когда он это произнес, Урсула поняла, что лучше и сказать нельзя. Было приятно. По правде говоря, ничего иного она и не ожидала. Она не была девчонкой, готовой очертя голову позволить эмоциям диктовать свои правила. Она никогда ей не была. Даже когда на самом деле была девчонкой.

Однако вечер прошел приятно.

Не так, как бывает в компании Себастиана.

У нее не возникло ощущения, что придется преодолевать какие-то сложности или реагировать на провокации. Но и уверенности в том, что она нашла именно то, что искала, у Урсулы также не возникло. Она не знала, чего хочет, если вообще хотела чего-то. Возможно, следует немного подождать, пока она не разберется в этом?

– Приятно, ненавязчиво и весело, – подтвердила Урсула.

– Вы будете еще встречаться?

– Думаю, да.

– Но вы ни о чем не договорились?

Теперь уже сложно было понять, спрашивает ли Себастиан из чистого любопытства, или разговор начинает походить на ревнивый допрос.

– Он спросил, и я ответила, что не возражаю.

– То есть он спросил, увидите ли вы снова, а ты в ответ сказала, что не возражаешь? – переспросил Себастиан, не в силах сдержать смех.

– Да.

– Он наверняка почувствовал себя особенным.

Урсула и сама поняла, насколько неуклюже это звучало, как только произнесла эти слова вслух. «С удовольствием» или любой другой ответ подошли бы гораздо лучше. Но дело было сделано, и на то была причина.

– Мне он не показался особенным. Он приятный, – констатировала Урсула, слегка пожимая плечами.

Себастиан прервал ее воспоминания о прошедшем вечере, вернувшись на свое место. Бросил «привет» в пустоту, стаскивая верхнюю одежду. Никаких извинений за опоздание, никаких объяснений.

– Я стучалась к тебе, прежде чем выйти, где ты был? – спросила Урсула, когда он уселся.

– Гулял.

Это была ложь.

Он поставил будильник и встал рано. Выскользнул из цепких объятий сна до того, как тот успел им завладеть. И отправился на Норбювеген.

Ждал снаружи. Замерз как черт.

Дрожал и притопывал ногами, прячась за автобусной остановкой.

Эта ситуация напоминала Себастиану прошлое лето – тогда он в течение долгого времени приходил и стоял напротив окон Ваньи в Стокгольме. Лишь бы мелькнул ее силуэт. Тогда он смог бы увидеть, чем она занимается, и стать хоть на капельку ближе к ней.

Видеть ее. Узнавать ее.

Теперь Себастиан ждал не Ванью. Он надеялся, что Юнатан сегодня вернется на работу. В таком случае при стандартном графике ему нужно будет сесть на семичасовой поезд или более поздний. Можно уговорить его на получасовую пешую прогулку до вокзала. Себастиан занял свой пост в половину шестого, чтобы иметь запас времени.

Но черт побери, как было холодно! В четверть восьмого, как раз когда стали падать легкие снежные хлопья, Юнатан показался в дверях. Один. Себастиан внутренне просиял. У него не было запасного плана на случай, если бы Ванья решила сначала проводить Юнатана на поезд, а оттуда уже идти на работу. Или на случай, если бы Юнатан взял такси.

Но Юнатан вышел один.

Никакой машины поблизости не было.

Себастиан последовал за ним. Быстро оглянулся, чтобы убедиться, что Ванья не вышла сразу следом за бойфрендом и не заметила, что его преследует Себастиан. Это было бы некстати. Но никакой Ваньи позади не оказалось, и, когда они миновали зону видимости, Себастиан прибавил шагу и поравнялся с Юнатаном.

– Юнатан!

Молодой мужчина замедлил шаг и повернулся на голос, на лице его застыло вопросительное выражение – очевидно, что Себастиана он не узнал. Да и откуда бы Юнатану знать его? Себастиан справедливо предполагал, что в квартире Ваньи не нашлось места для его фотографий в рамочках.

– Да?

– Меня зовут Себастиан Бергман, я работаю вместе с Ваньей.

По реакции Юнатана Себастиан понял, что тот в курсе дела. И не только с положительной стороны, судя по выражению его лица.

– Что вам нужно?

– Мне нужно поговорить с тобой. О Ванье.

– Не думаю, что мне стоит говорить с вами. Мне это не кажется правильным.

– Я ей неприятен, я знаю.

– Это преуменьшение.

Он снова ускорил шаг. Себастиану пришлось напрячься, чтобы выдержать такой темп.

– Послушай, я знаю, что она обо мне думает, и я это заслужил, но я хочу все исправить.

– Тогда поговорите с ней, разве это не проще?

– Она меня не слушает. – Юнатан молча продолжал идти, очевидно, тоже не имея намерения слушать Себастиана. – Это все, чего я прошу – послушай, а потом можешь решать сам, что с этим делать.

Себастиан скорее почувствовал, чем услышал, как Юнатан тяжело вздохнул. Он продолжал идти, но не сказал Себастиану оставить его в покое, что последний истолковал как призрачный шанс.

Себастиан воспользовался им.

Начал свой рассказ. С самого начала.

Как ему стало известно, что Ванья его дочь, как он пытался стать ей чуточку ближе. Не скрывая ничего, рассказал о своих действиях, которые привели к тому, что Ванья отказалась от общения с ним, но ни словом не обмолвился о том, как саботировал ее учебу в США, как и о том, что был замешан в деле Вальдемара. Об остальном – честно и подробно. Обо всех ошибках, всех невыполненных обещаниях и предательствах, но также и о том, что осознал, насколько

неправильным было его поведение, и как искренне он теперь стремится все исправить.

– Чего она хочет? – закончил он вопросом свой рассказ. – Что ей нужно? Что я могу сделать для нее? Чего ей не хватает?

– В любом случае, не вас.

– Это мне известно. По этой причине мы с тобой и беседуем.

Они подошли к невысокому зданию черного цвета, на поверку оказавшемуся пассажирским центром. Здание выглядело пришельцем из другого времени по сравнению со старым помпезным, похожим на желтый замок вокзалом, оно словно бы принадлежало другому пространственному измерению, в котором слова «сочетаемость» как понятия вовсе не существовало. Юнатан остановился перед дверьми и обернулся к Себастиану. Его охватили сомнения, вполне обоснованные. Себастиан предпринял последнюю попытку.

– Мы оба желаем, чтобы она была счастлива, насколько это вообще возможно, верно? Я готов сделать для этого все, мне только нужно знать, что именно.

Пару мгновений Юнатан молча изучал своего нежданного попутчика, а потом из его рта белым перышком вылетел еще один тяжкий вздох.

– Она хочет сблизиться со своим папой, – сказал он. – С Вальдемаром, – тут же уточнил Юнатан. – Из вас троих ей не хватает его одного.

– Это она тебе сказала?

– Этого и говорить не нужно.

Себастиан стал анализировать новую информацию. Звучало правдоподобно. Он редко встречал столь близких друг другу людей, как Ванья и Вальдемар. Такая связь не проходит бесследно, даже если ее оборвать.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он. – Еще кое-что. Я бы очень просил тебя, чтобы ты ничего не говорил Ванье о нашей встрече.

– Никакого риска. Я хотел просить вас о том же.

С этими словами он скрылся в дверях. Себастиан засунул руки в карманы и зашагал в сторону полицейского участка.

И вот он сидит и смотрит на нее.

Ванья. Его дочь.

Было время, когда Себастиан действительно сделал бы все, что было в его силах, чтобы заставить ее порвать с Вальдемаром, сбросить того с пьедестала, на который она его возвела. А теперь Себастиану придется помочь ей вернуть его.

Вальдемар будет ее папой.

А самому Себастиану придется довольствоваться осознанием того, что он совершил благородный поступок и доказал, что желает Ванье самого лучшего.

Вальдемар – любимый папа.

Он сам – папа, которого она когда-нибудь сможет принять.

С этим Себастиан смог бы жить.

– Я обобщил материалы по Ребекке Альм, – громко сказал Карлос, сидя за своим столом. Торкель оторвал взгляд от экрана – он больше притворялся, чем действительно был занят. Он был рад возможности прерваться. Что-то в этом расследовании действительно привело их в тупик.

Карлос коротко изложил результаты своей утренней работы.

Хорошо сформулировано, отличная презентация. Он был умен.

Однако ничто из сказанного не помогло им разобраться, откуда Аксель Вебер знал имя Ребекки. Странная девчонка, проблемное взросление. Ранняя смерть родителей. Переезд в Уппсалу, затем в Евле. Ничего заслуживающего внимания. Определенно ничего, что могло бы попасть в поле зрения криминального репортера. Торкель уже размышлял над тем, чтобы сделать еще один звонок Веберу, и напрямую спросить, выяснил ли тот, откуда знает имя жертвы.

Раздалась мелодия какого-то рэп-исполнителя. Мобильник Билли. Торкель не слишком хорошо разбирался в технике, но он не знал ни одного человека, у кого до сих пор была бы музыка в качестве рингтона. У его дочерей точно не было. Но может быть, это какая-то фишка технарей. Как просмотр сериалов двадцатилетней давности.

Билли взял трубку, и музыка стихла. В офисе что-то изменилось даже на физическом плане, пока Билли слушал своего собеседника.

– Подожди, подожди две секунды, – возбужденно ответил Билли, глядя на коллег, которые уже переключили внимание на него.

– Это Стелла Симонссон. Он снова вышел на связь. Хочет с ней встретиться.

Мороз впился в нее своими зубами, как только она вышла из машины. У нее не было гаража, и отскребать по утрам лед со стекол она не любила, но в целом ничего против холода не имела. Забирая вещи с заднего сиденья, она мурлыкала себе под нос какой-то услышанный по радио мотив. Потом захлопнула дверь, заперла авто и направилась в сторону церкви.

Сегодня ее самочувствие значительно улучшилось. Она провела менее беспокойную ночь, а с утра у нее даже был аппетит. Больше энергии, меньше стресса. Она благодарила Иисуса за силу, которой тот наделил ее.

– Ингрид Дрюбер?

Она обернулась и увидела, что к ней приближается незнакомый мужчина. На мгновение все ее существо охватила паника. «Нет! – пронеслось в голове у Ингрид, – только не снова! Только не снова!» А потом она поняла, что злоумышленник не стал бы встречаться с ней лицом к лицу.

Здесь что-то другое. Кто-то другой.

– Простите за беспокойство. Аксель Вебер, «Экспрессен». Найдется ли у вас время ответить на пару вопросов?

Ингрид остановилась, лихорадочно соображая. Сразу отказаться общаться с ним или, по крайней мере, выяснить, что ему нужно? Снова что-то на тему конфирмационного лагеря? Или он раскопал что-то другое, гораздо хуже? Если это так, нужно будет слить всю известную ей информацию о Йоране Пельтцене в местную газету сразу, как Ингрид окажется в офисе. Или, может быть, обратиться к Эмме в «Даген»? Тогда эти сведения получат широкую огласку в нужных кругах. Если кто-то ведет грязную игру, она тоже не станет сидеть, сложа руки. Но в таком случае она должна знать, о чем идет речь.

– Зависит от того, что это за вопросы, – ответила Ингрид, делая шаг навстречу Веберу.

– Ребекка Альм.

Это уже было хуже, но на лице Ингрид не дрогнул ни единый мускул. По крайней мере, никто намеренно не хотел дискредитировать

ее кандидатуру. В ином случае журналистам бы подсказали совсем другое имя. Имя Линды Форш.

Но зачем он здесь? Наверное, проследил связь Ребекки с церковью Фугеля. Но что конкретно ему известно?

– Слушаю вас, – отозвалась она тоном, который с одинаковой вероятностью мог означать как то, что она узнала имя, так и то, что она впервые его слышит. Она выберет линию поведения в зависимости от того, что этот журналист скажет дальше.

– Вы знакомы?

– Имя звучит знакомо, но я со столькими людьми встречаюсь...

Все еще полная свобода для маневра. О Ребекке все-таки писали в газетах, так что существовало вполне естественное объяснение тому, что имя показалось Ингрид знакомым.

Аксель Вебер вынул из папки фото и показал его Ингрид. Она взяла его в руки и внимательно рассмотрела. Затем медленно и осмотрительно покачала головой.

– А почему вы спрашиваете?

По ее голосу невозможно было понять, что Ингрид не просто лжет о факте их знакомства, а еще и прекрасно осведомлена о смерти Ребекки. Теперь оставалось только убедительно изображать удивление и испуг, когда он станет об этом рассказывать. Если вообще станет. Ингрид не знала, что было нужно Акселю Веберу, но чем бы это ни было, она не намерена была ему в этом помогать. Она прошла через слишком многое, чтобы сейчас сдаться.

– Она мертва. Убита в Евле несколько недель назад.

Самой Ингрид казалось, что сыгранное ей представление достойно Оскара. Ее немедленной реакцией на слова репортера был достаточно сдержанный шок, чтобы никто не смог предположить, что данная информация каким-то образом могла иметь к ней отношение.

– Она часто посещала вашу церковь, пока жила в Уппсале. Вы правда не узнаете ее? – поинтересовался Вебер, когда она закончила с выражением эмоций.

– К сожалению, я совершенно ее не помню. – Ингрид отдала фото Ребекки Веберу. – Почему вы интересуетесь, могу я узнать?

Вебер собирался дать свой дежурный ответ о попытке создать личностный портрет жертвы серийного насильника, но удержался. Ему хотелось надавить на нее посильнее. Существовал серьезный риск, что

все закончится прямо здесь, но тогда он в любом случае будет знать, что сделал все, что было в его силах.

– В 2010 году она написала мне письмо.

Он вынул копию письма из внутреннего кармана пиджака и протянул Ингрид. Она внимательно прочла его, прежде чем вновь поднять на Вебера полный непонимания взгляд.

– Мне об этом ничего не известно...

Ингрид немного выдохнула. Это письмо никуда его не приведет. Он ничего не спросил ни об Иде, ни о Кларе, так что ему не хватает изрядного куса мозаики, чтобы сложить истинную картину.

– Почему в 2011 году вы уехали из Уппсалы?

Ингрид смерила Вебера взглядом, в котором читалось, что ей хотелось бы верить в то, что он не связывает ее переезд с только что продемонстрированным письмом.

– Сменила работу. А что?

– Всего лишь хотел узнать, что послужило причиной.

– Была ли связь с этим письмом и молодой женщиной? – переспросила Ингрид с таким безразличием в голосе, какое могло быть только у человека оклеветанного и несправедливо обвиненного.

– С Ребеккой Альм, да.

– Никакой связи не было, – отрезала Ингрид, протягивая Веберу копию. – Я прожила в Уппсале много лет, но пришло время заниматься другими делами в другом месте. Работа в церкви – такая же работа, как и все остальные. Люди постоянно переезжают и меняют работу, и ничего странного в этом нет.

Аксель промолчал. Он уже было собирался сдать. Сказать спасибо, вернуться в Стокгольм и признать, что третье письмо Ребекки ровно так же ничего не стоило, как и первые два. Но тут Ингрид упомянула смену работы. Просто для красного словца. Чтобы уж наверняка вбить ему в голову, что иных причин покинуть Уппсалу, кроме стремления к переменам, у нее не было. А это как раз могло свидетельствовать об обратном.

– Так что прошу меня извинить, – Ингрид жестом указала на церковь у себя за спиной, поясняя, что сейчас направляется туда. Немедленно.

Акселю не пришлось думать долго. Была еще одна вещь. Своего рода пробный шар. Вебер не планировал его запускать, и не придавал

ему большого значения, но раз уж он здесь...

– Еще кое-что...

Ингрид вновь обратила на Вебера внимание. Язык ее тела говорил ему, что этот вопрос действительно будет последним, и лучше бы ему быть покороче.

– Вам известно, что означает «Аб Ово»?

– Аб что?

– Ово.

Ингрид на пару мгновений задумалась, а потом отрицательно покачала головой.

– Нет. Что это?

– Не имеет значения, спасибо. Прошу простить за беспокойство.

Ингрид кивнула и пошла прочь, в сторону церкви, а потом исчезла за массивными деревянными дверями. Аксель дождался, пока двери захлопнутся за ней, а потом с довольной ухмылкой пошел к машине.

Это заняло совсем немного времени. Каких-то пару секунд. Потом она вновь обрела контроль над выражением своего лица. Но этого было довольно. Вебер знал, что это значит. Был полностью уверен.

Ингрид Дрюбер было очень хорошо известно значение слов «Аб Ово».

Сам Вебер еще не знал его. Пока.

Но это теперь лишь вопрос времени. И тогда он получит свою историю.

Вебер знал это наверняка.

* * *

Все это было чересчур.

Их было слишком много.

У них имелся подозреваемый, и им было известно, когда и где он должен появиться. У него не было причин опасаться засады, так что в целом все выглядело несложно.

Выбрать опорный пункт на Норрфоршгатан.

Установить наблюдение за объектом на безопасном расстоянии.

Дать ему войти, убедиться, что все входы и выходы под контролем – на случай, если он попытается бежать.

Брать его на входе в комнату Стеллы.
Что может пойти не так?
Покажет время.

Стелла сказала, что обычно отвечает на сообщения в течение десяти минут, но она могла быть занята с другим клиентом, так что даже если бы она задержалась с ответом на час, это не выглядело бы подозрительным. Чувствовалось, что всем хочется скорой развязки – они заметно приободрились, и общий позитивный настрой явно контрастировал с недавним упадком. Теперь в воздухе, который казался ощутимо плотным, висело лихорадочное ожидание. Им нужен был результат. Сейчас же.

– Его намерения совпадают с тем, что нам о нем уже известно, – объявил Себастиан, когда все собрались в конференц-зале. – Его вера в собственные силы пошатнулась, и ему необходимо вернуть ощущение уверенности, совершить нечто, что он гарантированно может осуществить.

– Окей, что нам делать? – спросил Билли, подключая ноубук к проектору.

– У меня есть идея.

Не дав Анне-Ли шанса перехватить инициативу, Торкель сделал шаг к висевшей на стене карте и отыскивал нужный адрес. У него созрел план, но нужно было сориентироваться на местности. Несколько мгновений он изучал карту, а потом обратился к Билли:

– Нам понадобится более подробная карта местности.

– Есть такая, – кивнул Билли, выводя на проектор изображение с Гугл-карт.

– Это – искомое место на Норрфоршгатан, – объявил он и поставил красный флажок на карте.

– А что у нас здесь? – спросил Торкель, указывая на здание, расположенное напротив борделя.

Билли поставил очередной флажок, выбрал панораму улицы, и на экране возник фасад красного двухэтажного здания с плоской крышей. Надпись на табличке гласила, что внутри располагается «Ветеринарная приемная Салена».

– Ветеринарная клиника.

– Позвони им, попроси впустить нас. Расположимся там, – он указал на окна второго этажа, – и обеспечим обзор парковки. Когда появится подозреваемый, мы свяжемся с тем, кто будет ждать внутри, вероятно, это будет Ванья. – Торкель вопросительно взглянул на нее, и она согласно кивнула. Оставшаяся часть плана выглядела совсем просто, думала Ванья. Когда подозреваемый войдет, группа покинет приемную ветеринара и вместе с Карлосом и Билли заблокирует все возможные пути отхода.

Хороший план.

– Как мы его узнаем? – спросила Ванья.

– У нас есть фоторобот.

– Который, если говорить начистоту, показывает нам белого мужчину сорока лет. Не так уж много деталей.

– Он договорился на конкретное время. Тот, кто явится к назначенному времени, и есть преступник, – ответил Билли таким тоном, словно считал, что они создают для себя дополнительные сложности.

– А нельзя ли разместить Стеллу снаружи? – предложил Карлос. – Она сможет указать на него, когда он появится. А сама пусть сидит вместе с нами, у ветеринара.

– Дайте мне пару минут, я кое-что проверю, – сказал Билли, взял телефон и вышел.

До сих пор Анне-Ли хранила молчание. Теперь же она повернулась к Торкелю, и он внутренне приготовился к худшему.

– Я хочу отправить туда больше людей.

– Зачем? – удивился Торкель, хоть ответ и был ему известен заранее. Он сказал, что справится силами своей команды, весь его план строился именно на этом. Она попросту не желала уступать.

– Я хочу быть уверена в том, что мы возьмем его.

– Мы возьмем его.

Они обменялись тяжелыми взглядами, но дискуссия развития не получила. Тут вернулся Билли.

– Окей, поступим таким образом: он заходит в бордель, Стелла его встречает, потом идет в свою комнату готовиться, и через две минуты он входит в ее комнату.

– Значит, снаружи она быть не сможет, – констатировал Карлос, отбрасывая собственную идею.

– Не могла бы она договориться со своими... коллегами, чтобы в это время они не принимали других клиентов? – поинтересовалась Ванья, глядя на Билли.

– Я могу ее спросить.

– Как это нам поможет? – спросил Торкель.

– Если никто, кроме него, не должен будет прийти, мы сможем быть уверены, что человек, появившийся в назначенное время, – наш подозреваемый. Стелла может ожидать на рабочем месте, встретить его, помочь ему расслабиться, а у нас будет чуть больше времени.

Торкель кивнул, прикидывая в уме возможные недостатки плана. Не нашел. Тогда он повернулся к Билли и кивнул ему. Тот снова взял мобильный и пошел к выходу. У самой двери он замешкался.

– Подождите. Сколько нам нужно времени? Когда ей следует назначить встречу?

– Пусть он выберет время сам, но не раньше, чем через час.

Торкель повторил про себя весь план. Да, они должны справиться. Получение разрешения на то, чтобы разместиться в ветеринарной приемной может занять некоторое время. Если им не удастся уговорить владельца клиники, придется остаться в машине поблизости. Не так скрытно, больше риска, но это может сработать. А вот иметь запас времени совсем не помешало бы.

– Если бы она могла обеспечить нам два часа на подготовку, было бы прекрасно.

– Как минимум два, – вмешалась Анне-Ли.

Торкель вновь бросил на нее усталый взгляд. Существует ли на свете что-то, что Анне-Ли могла бы принять безо всяких условий и необходимости всегда оставлять последнее слово за собой?

– Я успею досконально все проработать с командой, – пояснила она свое решение.

– Нам не требуется проработка, – медленно и отчетливо проговорил Торкель, словно объясняя что-то упрямому двухлетнему ребенку. – Мы разберемся с этим сами, впятером.

– Как минимум два часа, – повторила Анне-Ли, глядя на Билли. Он бросил вопросительный взгляд в сторону Торкеля, но тот лишь устало кивнул, и Билли вновь покинул конференц-зал.

– Ты и я у ветеринара. Ванья у Стеллы. Карлос и Билли поблизости, вместе с нами охраняют здание после того, как он войдет.

Этого достаточно. Зачем тебе еще люди? – спросил Торкель с плохо скрываемым раздражением.

– Мы возьмем его.

– Именно. Мы в этом абсолютно уверены.

– Не будем терять времени на споры. Это мое расследование, и мы поступим как я сказала.

* * *

Все это было чересчур.

Их было слишком много.

Сколько людей требовалось на самом деле?

Если бы об этом спросили Анне-Ли, она ответила бы, что не хватает еще с полдюжины. Все – мужчины, все с оружием. Во время *проработки* Торкель сидел со сложенными на груди руками и молча слушал. То, что он думал или делал, не имело никакого значения. Пытаться изменить их рабочие взаимоотношения было все равно что плевать против ветра.

Либо он берет ответственность за расследование на себя, либо они выходят из игры.

Ни один из этих вариантов не казался особенно привлекательным. Продолжение работы с коллегами, которым вынужденно перешел дорогу, – плохая идея в принципе, а прекращение работы над делом для Госкомиссии – серьезный провал. Однако совершенно очевидной представлялась необходимость перемен. Проблема заключалась в том, что время для этого было неподходящее. У них состоялась такая детальная *проработка*, будто в их планы входил разгром организованного, тяжеловооруженного наркокартеля, а не будничное задержание преступника-одиночки, который, сам того не ведая, направлялся прямиком в ловушку. Торкель обшарил взглядом помещение. Карта на стене. Крестики в местах предполагаемой дислокации. Стрелки, указывающие направление и время движения. Инструктаж по радиосвязи.

Торкель был удивлен, что она не придумала кодовое название для операции.

Анне-Ли завершила инструктаж приказом вооружиться и надеть бронежилеты. Отправление группы было назначено через четверть часа.

Торкель встал с места и поплелся на выход.

Четверть часа. Достаточно, чтобы выпить еще чашку кофе и застолбить себе местечко не в машине Анне-Ли и ее «команды А».

Все это было чересчур.

Их было слишком много.

Он не прекращал думать об этом, сидя с биноклем у окна в компании Анне-Ли, в выделенном для полиции помещении на втором этаже ветеринарной приемной. Торкель чувствовал в воздухе смесь запахов хлорки, дезинфицирующих средств и мокрой собачьей шерсти. Преисполненные любопытства владельцы с радостью впустили полицию, они явно не подозревали, какого рода деятельность ведется в здании напротив. Торкель не видел причин просвещать их на этот счет, пояснил только, что у полиции есть основания предполагать, что сегодня здесь может появиться подозреваемый.

Анне-Ли по радиосвязи контролировала дислокацию группы. Торкель всех прекрасно видел: шесть человек попарно разместились в трех точках. Но человеку неискушенному пришлось бы активно искать или попросту знать их местонахождение, чтобы их заметить. Некто, в полном неведении свернувший в сторону парковки, не сможет их обнаружить. Это должно сработать. Вся эта операция была излишне масштабной для такого относительно несложного задания. Хватило бы и Билли с Карлосом, которые сидели в машине у ворот соседнего с борделем владения.

Его мысли были прерваны свернувшим на парковку автомобилем. Темно-зеленый «Хендэ», на первый взгляд – водитель один, без пассажиров. Автомобиль остановился, мотор затих, но никто не вышел.

– Это он? – шепотом спросила Анне-Ли, хотя не было никакого риска, что кто-то их услышит. Перед ними лежал фоторобот. Торкель бросил на изображение беглый взгляд, а затем вновь уставился в бинокль, пытаясь рассмотреть человека, сидевшего в машине.

– Не знаю.

Угол обзора был не самый лучший, а человек, сидевший в машине, отвернулся в сторону двери, к которой, как все они надеялись,

он вскоре должен был подойти.

– Он приехал на пять минут раньше, – оповестила Анне-Ли, сверившись с часами.

Наконец незнакомец вылез из машины и запер ее. Он беспечно огляделся, а потом быстрым шагом направился к входу в бордель.

– Объект на месте. Готовность, – проинформировала по радиосвязи свою группу Анне-Ли.

Незнакомец зашел внутрь и затворил за собой дверь.

– Это он?

– Не знаю, сложно сказать, но, вероятнее всего, да.

Торкель опустил бинокль. До сих пор все шло согласно плану. Сейчас Стелла должна будет его поприветствовать, а затем идти в свою комнату и сообщить Ванье, тот ли это человек. Если это он, Ванья должна подтвердить это по радиосвязи, дождаться, пока он войдет в комнату и задержать его. Если по какой-то причине ему удастся сбежать от Ваньи, здание уже будет оцеплено сотрудниками полиции.

– Какого черта они делают? – воскликнул Торкель, заметив движение. Двое из людей Анне-Ли вышли из своего укрытия и направились к борделю.

– Он внутри.

– Мы еще не получили подтверждения.

– Ты сам сказал. Кто еще это может быть?

Стелла сделала глубокий вдох и распахнула дверь в коридор. Пытаясь совладать с сердцебиением, она направилась в комнату ожидания. Она нервничала. Гораздо сильнее, чем могла себе представить. Но перед Вилльманом придется вести себя, как ни в чем не бывало. Чтобы он ничего не заподозрил.

Попытается ли он взять заложников? Причинить ей вред?

Самое время подумать об этом.

Сделав последний глубокий вдох, Стелла вышла в приемную. Мужчина сидел на самом краю одного из кресел.

Стелла остановилась в замешательстве.

Это был не Вилльман.

– О, добрый день, – выдавила она из себя, одновременно оглядываясь вокруг. Нет ли здесь какой-то ошибки? Может быть, есть другие клиенты?

– Я встречаюсь с Альмой, – сообщил мужчина, подкрепив свои слова нервной улыбкой и кивком в сторону комнаты Альмы в другой части здания.

– Да, прошу вас немного подождать...

Стелла быстрым шагом пошла к Альме, без стука распахнула дверь и зашла внутрь. Альма сидела на кровати и застегивала туфли.

– Какого черта! Ты должна была отменить все встречи! – зашипела Стелла.

– Я не смогла до него дозвониться, что мне было делать?

– Сделай что-нибудь сейчас же! Избавься от него!

– Вот еще! С какой это стати?

Альма встала с кровати и вместе со Стеллой вышла в коридор. Увидев их обеих, мужчина вскочил с места. Альма с приветливой улыбкой проводила его в свою комнату. Стелла дала себе секунду, чтобы собраться, а потом вернулась к себе. Ванья стояла наизготовку.

Когда Стелла закрыла за собой дверь, Ванья немедленно воскликнула:

– Ну, что там?

Она не смогла сразу выбраться из своего укрытия – мешал рабочий инвентарь Стеллы. Ванья не могла понять, что за люди этим занимаются. Она не ханжа, ей нравится секс, она любит им заниматься, но это все слишком... Плетки, перчатки, цепи, зажимы, мячи-кляпы...

– Это не он.

– В каком смысле не он?

– Альма не смогла дозвониться до одного из своих клиентов. Этот мужчина пришел к ней. Он – не Вилльман.

– Дьявол!

Ванья бросилась к радию, оставленной на комод.

– Это не он. Это другой клиент. Повторяю, это не он.

На втором этаже ветеринарной клиники Торкель и Анне-Ли уже были на пути к выходу. Когда они услышали треск радио, оба подумали, что это сигнал готовности. Им потребовалась пара мгновений, чтобы понять, что сказала Ванья. Торкель взглянул на Анне-Ли и ринулся к окну.

– Отзывай всех, отзывай, отбой.

Снаружи двое вооруженных полицейских в форме с противоположных сторон приближались к входу в здание.

– Отзывай их, сейчас же!

Торкель услышал, как Анне-Ли отдает команды по радио. Полицейские снаружи послушно развернулись. Но было поздно.

К зданию подъехал автомобиль. Красный «Форд». Это все, что успел разглядеть Торкель. Водитель автомобиля не мог не увидеть вооруженных полицейских прямо у борделя. На мгновение притормозив, словно чтобы удостовериться в том, что видит, незнакомец выжал газ до упора и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, унесся прочь.

– Черт, это он! Это он! Он уходит!

Торкель схватил рацию и прокричал Карлосу и Билли:

– Он уходит! Это он! Красный «Форд»!

У соседнего здания завелся двигатель машины, и Билли с Карлосом пустились в погоню. Через несколько секунд оба автомобиля уже пропали из виду. Торкель внезапно вскочил и изо всех сил пнул ногой стальную тележку с инструментами, которые тут же разлетелись по полу.

– Дьявол! Дьявол!

* * *

Прошло всего несколько секунд, а Билли уже успел пристроиться в хвост красному автомобилю. Карлос еще даже не пристегнулся.

– Запоминай номер, – предупредил Билли, выжимая газ, и сократил еще на метр расстояние между несущимися машинами. Они подъезжали к шоссе 222. Ни на секунду не снижая скорости, красный «Форд» повернул налево, к городу. Билли не отставал. Правой рукой он попытался нащупать мобильник, который лежал в отсеке под магнитолой.

– Я разберусь, сконцентрируйся на дороге.

Карлос смог немного отодвинуть руку Билли и поставил на приборную доску проблесковый маячок. Билли ударил по нему, и тут же взвыла сирена. На мгновение красный «Форд» зажег тормозные огни, и могло показаться, что он при первой возможности собирается

свернуть направо, однако он, словно пожалев о своем намерении, продолжал двигаться прямо. Но это продлилось недолго. Не снижая скорости, он вписался в следующий правый поворот, какой-то проезд. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, они оказались на широком шоссе.

– Где мы? – спросил Билли, сильнее втапливая педаль газа. Из-за этого поворота он немного отстал, но движение сейчас было неплотным, и Билли вскоре смог сократить отставание.

– В каком смысле «где»? – непонимающе переспросил Карлос.

– Что это за шоссе? – повторил Билли, объезжая белую «Тойоту», которая по какой-то необъяснимой причине оказалась в левой полосе.

– Пятьдесят пятое.

– Попробуй договориться, чтобы перекрыли все выезды с него.

Билли понял, что ничего не выйдет, как только произнес это вслух. Кто-то где-то получит указание, моментальноотреагирует и направит патрульных перекрывать съезды на всем протяжении шоссе? Такому никогда не бывать. Это было бы возможно при адекватном начальстве – то есть только когда автомобиль, за которым они гонятся, покинул бы территорию муниципалитета, а еще лучше – лена^[18].

– Забей на это, – сказал Билли. – Сообщи наше местонахождение и попроси подкрепления, если кто-то есть поблизости.

Карлос кивнул, взял микрофон и начал передавать информацию об их местонахождении, в то время как Билли снова полностью сфокусировался на дороге перед собой и летящем впереди «Форде». Шоссе было двухполосным, но каждый раз, когда Билли предпринимал попытку обогнать «Форд», тот выезжал на середину дороги и тем самым эффективно сдерживал погоню. Билли гасил скорость, заходил в хвост, уходил вправо, но «Форд» упорно повторял его маневры.

Где-то через полтора километра показался съезд. «Форд» воспользовался им. По эстакаде он помчался на круговую развязку. С правой стороны Билли заметил испещренный граффити отбойник, слева же в основном росли кусты. Некоторые из них были достаточно высоки и затрудняли свободный обзор развязки. Вероятно, это было задумано с целью снижения скорости движения. Водитель «Форда», очевидно, снижать скорость не собирался.

«Форд» вылетел прямо на круговую развязку.

Белый автофургон с логотипом фирмы, занимающейся устройством бассейнов, с визгом затормозил и возмущенно засигналил. «Форд» свернул направо, на второстепенную дорогу. Указатели гласили, что дорога ведет к больнице и местечку под названием Свартбекен. Карлос сообщил по радиосвязи, что они свернули на улицу Свартбексгатан и направляются на юг. У них будет шанс, если все службы оперативно отреагируют.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Билли.

– Эта улица заканчивается большим перекрестком прямо у здания полиции.

– Черт побери, там у нас все должно получиться!

Буквально через несколько десятков метров по сторонам дороги замелькали жилые дома. Движение и жизнь. Велосипедные дорожки, пешеходные переходы, дети и детские коляски. Билли немного ослабил давление на педаль газа. Расстояние до «Форда» немедленно выросло. Было очевидно, что незнакомец за рулем «Форда» тормозить не собирался. Даже когда они миновали указатель «Дети» – и в соответствии с законом должны были снизить скорость до тридцати километров в час – Билли не заметил, чтобы у «Форда» зажигались красные тормозные огни. Когда они остановят его, то определенно смогут дополнить список предъявляемых обвинений многочисленными нарушениями правил дорожного движения.

К следующему перекрестку подошла пара с детской коляской. Они уже собирались выйти на переход, но приближающийся вой сирены заставил их остановиться. «Форд» слегка вильнул влево, но скорости не снижал. Если бы семья оказалась на переходе, он бы не успел свернуть.

– Мы должны положить этому конец, – констатировал Билли.

– Или отпустить его, – отозвался Карлос. Билли наскоро оценил альтернативу. В некотором роде неплохая идея, может быть, лучшая из возможных. Если что-то случится, если пострадает ни в чем не повинный пешеход или водитель, или если «Форд» потеряет управление и разобьется, во всех новостях протрубят о том, что это произошло во время полицейской погони. Всегда найдется кто-то, кто объявит виновниками несчастья полицейских, чей здравый рассудок был затуманен азартом погони. Определенно, оно того не стоило. Билли вновь приподнял ногу с педали газа. Расстояние росло.

– Они успели кого-то выставить? – спросил Билли, продолжая снижать скорость. Она все еще превышала семьдесят километров в час.

– Мы приближаемся. Вы на местах? – передал по радиосвязи Карлос.

Билли снова утопил педаль газа.

Глупо было бы сейчас его упустить.

Если они прекратят преследование, Форд сможет свернуть на одну из второстепенных улиц – а их, как предполагал Билли, было множество на всем протяжении пути. К его огромному разочарованию, им сообщили, что пока не смогли найти никого поблизости. Билли громко выругался, слыша, как Карлос объясняет диспетчеру, что у них осталось в запасе меньше минуты.

Машины приближались к очередной круговой развязке. С левой стороны Билли заметил движущийся по велосипедной дорожке мопед. У его владельца, очевидно, и в мыслях не было остановиться. Уверенный в собственной безопасности, охраняемой «законом о зебре», который предписывал автомобилям уступать дорогу на нерегулируемых пешеходных переходах, мопедист вывернул на переход. Хотя закон определенно не касался ситуаций, в которых пешеход не спешивается, и уж точно никак не регламентировал особенности поведения во время полицейской погони.

В последнее мгновение красный «Форд» успел притормозить, и ухитрился взять вправо ровно настолько, что до водителя мопеда оставалось каких-то пара сантиметров. Тот, однако, не справился с управлением и упал, прокатившись вперед, тем самым отняв у Билли возможность повторить маневр красного «Форда». Он ни за что не успел бы затормозить, и у Билли не осталось иного выбора, кроме как вывернуть налево. Он снес знак «пешеходный переход» с островка безопасности, и машину, зацепившую прожектор, понесло дальше, прямо в центр развязки, где в качестве украшения были установлены шесть огромных бетонных сфер. Группами по три сферы разного диаметра. Словно два гигантских снеговика решили прикорнуть на травке.

Автомобиль Билли с грохотом и треском врезался в одну из групп, и на этом погоня закончилась.

Мир на секунду побелел, когда под треск сминаемого металла раскрылись подушки безопасности. У Билли звенело в ушах, когда он, придя в себя через несколько секунд, смог достаточно отодвинуть подушку, чтобы повернуть голову к Карлосу.

– Ты в порядке?

Карлос кивнул. Билли видел, что носом у того идет кровь. Тонкий ручеек сбегал на верхнюю губу и пропадал во рту, когда Карлос стал водить нижней челюстью туда-сюда, словно ее заклинило.

– Я ничего не слышу левым ухом, – пожаловался он, продолжая свою странноватую гимнастику. Подушка безопасности при неблагоприятном стечении обстоятельств могла своим ударом разорвать барабанные перепонки, вспомнил Билли, но слух должен был восстановиться.

Из радиации доносилось, что мимо здания полиции не проезжал никакой красный «Форд». Были виной тому непринятые вовремя меры, или же «Форд» просто куда-то свернул, не доезжая до перекрестка, Билли не знал, да это его и не беспокоило.

У них есть его номера.

Они все равно его возьмут.

* * *

Когда Ванья вернулась, в офисе были только Урсула и Себастиан.

– Все пошло к чертям, – резюмировала она события прошедшего утра.

– Мы уже наслышаны, – отозвалась Урсула. Возможно, Себастиан додумал лишнее, но у него сложилось впечатление, что эту ситуацию Урсула будет впредь использовать в качестве аргумента каждый раз, когда Торкель попросит ее быть терпимее с коллегами из регионов.

– Как себя чувствуют Билли и Карлос? – спросил он. Никогда не помешает продемонстрировать немного заботы. К тому же вопрос был в высшей степени связан с работой.

– Они сейчас в местной поликлинике. У Билли немного болит голова, вероятно, он получил небольшое сотрясение мозга. А у Карлоса предположительно лопнула барабанная перепонка. Машину нашли?

– А где все остальные? – вместо ответа спросила Урсула.

– Торкелю и Анне-Ли нужно обсудить комментарий для прессы. Очевидно, репортеры уже заинтересовались безумной погоней в густонаселенном районе... Что с машиной? – повторила она свой вопрос.

– Машину не обнаружили, но установили владельца.

– Кто он?

Ванья подошла к Урсуле, словно надеялась увидеть ответ на экране ее компьютера.

– Машина зарегистрирована на фирму. «Бруде и Хаммарстен». Вот их адрес.

Она протянула Ванье стикер. Та скользнула взглядом по бумажке, прежде чем спрятать ее в карман, и развернулась к выходу.

– Ты идешь? – через плечо спросила она Урсулу.

– Нет.

Ванья остановилась на полпути к дверям.

– Почему нет?

– Я только что получила отчет о вскрытии Ребекки Альм и полный протокол осмотра ее квартиры. Мне необходимо их изучить.

– Ладно...

– Возьми Себастиана, – предложила Урсула, кивая в его сторону.

Ванья одарила ее взглядом, который без слов мог рассказать, что она думает о таком предложении.

– Нас мало, и четверо сейчас отсутствуют. Если мы работаем вместе, значит, мы работаем вместе, – развила Урсула свою мысль, стараясь, чтобы ее слова не звучали как порицание, но в то же время с таким подтекстом, который единственно мог заставить Ванью изменить свое поведение: ее действия были непрофессиональны. Ванья замаялась, пытаясь найти адекватные аргументы, чтобы ехать одной, но вскоре сдалась.

– Поехали, – произнесла она с таким энтузиазмом, словно ей предложили отмыть блохастую собаку. Себастиан бодро вскочил со стула, схватил со спинки куртку, почти беззвучно шепнул Урсуле «спасибо» и поспешил вслед за Ваньей.

Навигатор подсказывал им кратчайший путь на шоссе Дага Хаммаршельда^[19]. Это был единственный голос, звучащий в машине. Себастиан сидел молча. Он вспоминал первый раз, когда ему довелось

ехать в машине с Ваньей. Он тогда и понятия не имел, кто она для него. Тогда их тоже вел навигатор. К старой школе его отца. Он на секунду представил себе...

Что было бы, не узнай он правды?

Если бы он не увидел тех писем в родительском доме, не стал бы ее разыскивать, не нашел бы ее?

Жизнь Ваньи была бы если не лучше, то уж точно гораздо проще.

Ее никогда не похитил бы Хинде.

Анна и Вальдемар все еще были бы вместе. У них все еще была бы дочь.

Тролле Херманссон, очевидно, был бы жив, если бы только не упился до смерти.

Урсула никогда не лишилась бы глаза.

Его действия сказались на стольких людях, но насколько мог судить Себастиан, это влияние никогда не было позитивным. А что с его собственной жизнью?

Он никогда не стал бы искать возможности вернуться на работу в Госкомиссию. Возможно, он все равно принял бы участие в расследовании, когда объявился Эдвард Хинде, но лишь в качестве консультанта. И сразу покинул бы команду, как только дело было раскрыто. У него не было бы причин держаться за это место. Он вернулся бы к своей одинокой жизни в квартире, которую использовал лишь частично, бесцельно перебиваясь случайной работой и обезличенным сексом. В принципе, это описание соответствовало и его сегодняшнему образу жизни, но не вполне. У него была цель, и он готов был за нее бороться. Себастиан видел путь, вектор, которого ему так не хватало в жизни. Случались взлеты и падения, но Госкомиссия все равно оставалась для Себастиана своеобразной константой. Говоря высоким слогом, Ванья вернула его жизни смысл. Вне зависимости от того, как развивались их отношения, сам факт ее существования и того, что Себастиан знал о нем, стал для него спасением.

Так как же он ухитрился просрать такой невероятный шанс?

Он – Себастиан Бергман.

Это лучший ответ.

– Ты пользуешься секс-услугами?

Себастиана выдернуло из потока мыслей. Он верно расслышал? Он долго пытался угадать, какими же будут первые ее слова, когда она

наконец решит начать с ним разговаривать, но такого и представить не мог.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я размышляла о том, какое отвратительное и унылое место – бордель. И подумала о тебе.

Отвратительное и унылое. И поэтому подумала о нем. Она определенно не собиралась облегчать ему жизнь.

– Так ты делаешь это? – повторила она, когда стало ясно, что Себастиан не намерен отвечать.

– Ты ищешь повод думать обо мне еще хуже? – попытал удачи Себастиан.

– Вряд ли это возможно.

Себастиан взглянул на нее в надежде увидеть улыбку, которая могла бы сгладить остроту сказанного, но тут же понял, что Ванья сказала это намеренно.

– Нет, я этого не делаю, – честно ответил Себастиан. – Я не плачу за секс.

– Потому что это незаконно? Ведь моральных ограничений у тебя нет.

– Потому что это слишком просто, – пояснил Себастиан. – Заплатить и получить услугу. Для меня важнее другое. Собственно секс никогда не стоял на первом месте.

– Ладно, я не хочу об этом знать.

Он уже собирался указать Ванье, что, если она не хочет о чем-то знать, возможно, не стоит и задавать вопросов, но промолчал. Оставил последнее слово за ней.

– Я думал о нас, – кинул он пробный шар, когда навигатор велел свернуть направо, а через восемьсот метров еще раз направо.

– Никаких «нас» нет, – сухо сказала Ванья.

– Окей, я думал о тебе и обо мне. О твоих словах.

Никакого ответа, но и команды замолчать тоже нет. Так что Себастиан продолжил:

– О том, что мне нет дела до того, что нужно тебе.

Все еще никакой реакции. Себастиан смотрел перед собой, опасаясь, что малейшее движение заставит ее велеть ему замолчать.

– Мне есть дело. С самого начала, как только я узнал о том, что ты – моя дочь, мне есть до этого дело. Но я был махровым эгоистом и

иногда забывал, как я должен быть благодарен судьбе, что нашел тебя, и какая ты замечательная. Я надеюсь, что смогу все исправить.

– Замолчи.

Он сделал, как она велела. Умолк. Он успел сказать больше, чем даже смел надеяться. Но говорить – это одно, это просто, это любой дурак может. Сказать, что сожалеет, что признает свои ошибки, что исправится. Чего стоят эти слова? Ничего.

Поступки важнее слов.

Поэтому Себастиану придется совершить благородный поступок – он должен доказать ей, что говорил всерьез. Что, если он не может быть ей отцом, в таком случае он хотел бы стать ей другом. Он сделает все для того, чтобы Ванья смогла воссоединиться с Вальдемаром.

А пока Себастиан послушно молчал.

* * *

Они подъехали к нужному дому на улице Дага Хаммаршельда. Это было ничем не примечательное кирпичное строение, которое могло равно оказаться и детским садом, и каким-нибудь центром дневного пребывания, и многоквартирным домом – чем угодно. Табличка на торце здания гласила, что сейчас в нем размещается фирма «Бруде и Хаммарстен». Ванья припарковала машину, и они вышли наружу.

– Чем они занимаются? – спросила она, оглядываясь вокруг по пути к входу.

– Урсула говорит, контент-маркетингом.

– Что это?

– Я надеялся, ты мне расскажешь.

– Подожди-ка...

Ванья устремилась к одному из автомобилей на стоянке неподалеку. Прямо возле него она достала телефон и быстро нашла искомое. Марку, год выпуска, цвет и регистрационный номер автомобиля, за которым они охотились. Ванья ничего не могла сказать по поводу года выпуска, но остальные параметры совпадали.

Красный «Форд» с правильным номером.

Она обошла «Форд» кругом и попыталась разглядеть салон через боковое стекло, одновременно набирая номер на мобильном.

– Урсула, он здесь. «Форд». На стоянке. – выпалила она, как только произошло соединение. – Приезжай сама или кого-нибудь пришли сюда.

Ванья отключилась. Быстрым шагом вернулась к Себастиану. Если автомобиль здесь, можно предположить, что здесь и его водитель. Или, по крайней мере, они смогут выяснить, кто он. Ванья ощутила, как адреналин начал толчками поступать в кровь.

Если здание и было неприметным снаружи, то внутри оно оказалось полной противоположностью. Сразу у порога внутренней двери начиналось толстое, темное ковровое покрытие, упирившееся в белую стойку рецепции со скрытой подсветкой, которую венчала массивная ваза с крупными белыми лилиями. Стену за стойкой украшал логотип – подсвеченные с обратной стороны металлические буквы в обрамлении двух бордюров с черно-белым узором. На белом потолке точечные светильники, из скрытых динамиков доносится фоновая музыка.

За стойкой рецепции простиралось открытое офисное пространство. По приблизительной оценке Себастиана – человек на тридцать. В основном – молодежь, все за компьютерами, многие – в наушниках.

– Ванья Литнер. Это мой коллега, Себастиан Бергман. Мы хотим поговорить с тем, кто отвечает за автопарк компании, – представилась Ванья, показывая удостоверение. Женщина за стойкой, которую, согласно информации на бэйдже, звали Розой, посмотрела на документы, потом подняла взгляд на Ванью, затем взглянула на Себастиана, который приветственно поднял руку, и снова повернулась к Ванье.

– За что отвечает?

– Снаружи припаркован красный «Форд», который принадлежит компании. – Ванья мотнула головой в направлении парковки. – Я хочу поговорить с тем, кто за него отвечает.

– Я не знаю, кто это. Вы можете поговорить с Кристиной.

– Кто такая Кристина?

– Наш шеф.

– Отлично. Ведите Кристину.

Роза кивнула и набрала короткий номер. Ваня сделала шаг назад и решила оглядеться, пока Роза докладывала начальству о визите полиции.

На стене справа от стойки Ваня заметила встроенную полку с чем-то, больше всего похожим на валик для шеи, только из металла. Разглядев блюдца и чашки рядом, Ваня поняла, что это кофемашина. Графин с водой, в котором плавали огуречные слайсы, ваза с фруктами и блюдо с выпечкой, похожей на кексы, также были в выгодном ракурсе расставлены на полке. Остальную часть стены занимали утопленные прямоугольные ниши, в которых располагались прекрасно подсвеченные дипломы, призы и знаки отличия.

К ним вышла женщина среднего возраста, одетая в голубую джинсовую рубашку, серые брюки и черные матерчатые туфли без каблуков. Ее волосы были убраны в свободный узел.

– Здравствуйте. Я – Кристина, – сказала она, протягивая руку для приветствия. – Чем могу быть вам полезна?

Ваня представилась, снова показала удостоверение, а Себастиан опять поднял руку. Кристина поинтересовалась, не желают ли они что-нибудь выпить. Оба вежливо отказались, и Ваня еще раз пояснила причину их появления. Красный «Форд».

– Это один из автомобилей пула, – кивнула Кристина.

– Что это означает?

– У нас есть три машины, к которым у персонала имеется свободный доступ. Мы сочли это более выгодным вариантом, нежели постоянное пользование такси.

– Как можно отследить, кто пользовался машиной?

– Машину можно заранее бронировать. Но если она в наличии, можно просто записать, на какое время она требуется, и взять ее.

– Где ведутся эти записи?

Кристина указала на другой конец офиса, куда они проследовали мимо полок с наградами. У работавших там сотрудников были отдельные плексигласовые загородки. Здесь также располагалась столовая, главной деталью которой был длинный стол. Он тянулся всей своей рабочей поверхностью вдоль кухни, в которой были два больших холодильника, микроволновые печи, посудомоечные машины, дополнительные кофемашины и кулер с водой.

– Могу я спросить, чем вызван ваш интерес? – поинтересовалась Кристина, остановившись у безымянной белой двери с кодовым замком.

– Сегодня эта машина была замечена на месте преступления.

Не совсем правда, но самый простой и быстрый ответ, который, как надеялась Ванья, не приведет к дополнительным расспросам.

– Вы уверены в том, что это был наш автомобиль? – Она не могла не питать надежды, что полиция допустила ошибку и ее компании не придется фигурировать в расследовании преступления.

– Да, уверены, – подтвердила Ванья, развеяв последние сомнения.

Кристина только покачала головой, словно не могла осознать, что кто-то из ее сотрудников мог оказаться замешан в чем-то преступном. Она набрала код и распахнула дверь. Когда они вошли внутрь, автоматически включился свет, и показались стеллажи, заставленные расходными материалами. Папки и скоросшиватели, рулоны туалетной бумаги, рождественские канделябры, стеариновые свечи в стаканчиках, пакеты с закусками, оставшимися после какого-то праздника, полупустой ящик пива. Внешний вид кладовки резко контрастировал со сдержанностью сияющей витрины компании. Прямо возле двери обнаружился небольшой шкафчик для ключей, к дверце которого был прикреплен спиральный блокнот с ручкой на шнурке.

– Вот он.

Ванья взяла блокнот и в нетерпении его раскрыла.

Последняя страница. Последняя запись.

Надия Азиз.

Разочарование словно холодной водой окатило Ванью. Это не могла быть женщина.

– Такого не может быть, – произнесла Кристина, заглядывая через плечо Ваньи. – Надии всю неделю не было.

Ванья взглянула на дату рядом с последней записью. 12 октября. Дальше – ничего. Она пристально вгляделась в блокнот. Теперь ей было хорошо видно, что из него кто-то вырвал страницу – несколько потрепанных обрывков еще торчали из спирального основания.

– Он вырвал страницу, – сказала она Себастиану, и вновь обратилась к Кристине. – Сколько человек здесь работает?

– У нас сорок шесть сотрудников.

– Сколько женщин?

– Точно не помню. Двадцать, может быть, двадцать две.

– Значит, примерно двадцать пять мужчин...

– Кто из ваших сотрудников может знать, кто сегодня пользовался автомобилем? – подал голос Себастиан.

– Я не знаю, нужно спросить, – предложила Кристина, и Себастиан внезапно обратил внимание, как охотно она с ними сотрудничает. Впервые за долгое время он задумался, что было бы, если бы он еще разок наведился к ней по «делам полиции». Его взгляд скользнул по ее левой руке. Кольца не было. Не то чтобы это играло сколько-нибудь существенную роль, просто исходя из его опыта так было немного проще. Как бы там ни было. Но он дал обещание...

– Подожди, – сказала Ванья, и вновь достала мобильный. Она некоторое время что-то листала на экране.

– Этот человек вам знаком? – спросила она у Кристины, показывая ей фоторобот, составленный с помощью Стеллы. Кристина слегка наклонила голову набок, разглядывая изображение.

– Этот человек похож на Сайласа. Франзена. Он один из наших контент-менеджеров.

– Он сейчас здесь?

– Да.

– Где мы можем с ним переговорить с глазу на глаз?

– Вы можете разместиться в одной из наших переговорных комнат, вон там, – ответила Кристина, указывая на две двери, стилизованные под английские телефонные будки.

– Не могли бы вы привести его сюда?

Сайлас Франзен оказался крупным. Это была первая мысль Ваньи, когда она увидела, как он заходит в небольшую комнату. Качок. На нем была рубашка в голубую клетку, ткань которой обтягивала мускулы. Настоящая бычья шея, квадратное лицо и стрижка ежиком. Ванья моментально увидела сходство с фотороботом. Почему Стелла не упомянула о его сходстве с Халком, оставалось загадкой. Он поздоровался с обоими, вытащил один из стульев и опустился на сиденье, широко расставив ноги. Локти он расположил на бедрах, и всем телом подался вперед.

– Ладно, в чем дело? – вопросительно уставился он на Ванью и Себастиана.

В дверях позади Сайласа Ванья разглядела мелькнувший силуэт Урсулы. Она быстро извинилась и вышла из комнаты.

– Так в чем дело? – повторил Сайлас свой вопрос Себастиану, когда Ванья ушла.

– Она разозлится, если мы начнем без нее, так что лучше немного подождем, – отозвался тот, и стал внимательно изучать свои ногти.

Эта тактика как нельзя лучше подходила Себастиану. Теперь он мог наблюдать, появятся ли в поведении Сайласа признаки нервозности или нетерпения. Начнет ли он расспрашивать Себастиана, попытается ли оценить, как много известно полиции, чтобы выстроить свою стратегию. Но Сайлас только кивнул и откинулся на спинку стула. На первый взгляд – вполне непринужденно.

Снаружи Ванья догнала Урсулу.

– С тобой есть люди?

– Да.

– Пусть займутся машиной, а ты отправляйся к его рабочему месту, пока он с нами.

Ванья кивком указала в сторону комнаты, в которой сидели Сайлас и Себастиан.

– Его имя Сайлас, кто-нибудь тебе покажет, где его рабочее место.

Урсула согласно кивнула и удалилась, Ванья же возвратилась в переговорную комнату.

– Прошу прощения за то, что вам пришлось ждать.

– Ничего страшного, но теперь-то вы можете мне объяснить, в чем дело? – сделал Сайлас третью попытку.

– Где вы были сегодня между 11.00 и 12.30? – задала вопрос Ванья, никак не прояснив для Сайласа причины их интереса.

– В одиннадцать я был здесь, примерно в полдвенадцатого отлучился по поручению, потом пообедал, и вернулся около часу дня. А что?

Ванья и Себастиан быстро переглянулись. Они подумали об одном и том же. Очень информативный, очень емкий ответ, гораздо подробнее, чем в подобных случаях отвечают другие люди. Сайлас даже не задумывался. Словно ответ уже был у него наготове. Отрепетирован.

– Что это было за поручение?

– Я забирал пакет.

– Откуда?

– Из «ІСА». Там стоит автомат.

– Вы ездили туда на машине?

– Нет, это недалеко.

– Значит, сегодня вы не пользовались машинами пула?

– Нет.

– Где вы обедали? – вклинился Себастиан.

– Я ходил в «Севен-Элевен» поблизости, купил шаверму и колу, и съел это в Ботаническом саду.

– На улице мороз, – сообщила Ванья.

Сайлас развел руками с таким выражением лица, которое говорило, что он искренне не понимает, причем здесь мороз.

– Вы с кем-нибудь встречались в обед?

– Нет.

Человек, которого видел перед собой Себастиан, был расслаблен. Он умен. Поручение, которое не требует взаимодействия с кем-либо. Никто в «Севен-Элевен» рядом с университетом не вспомнит мужчину, который покупал еду – там было полно студентов. Один в Ботаническом саду. Стереть отпечатки пальцев в машине не составило бы труда. Если они не найдут никого, кто мог бы подтвердить, что Сайлас брал машину, рассчитывать им особенно не на что. Можно, конечно, попросить Стеллу опознать его в ходе следственного эксперимента, но это будет лишь доказательством того, что он бывал в борделе, а не того, что он удирает от полиции на красном «Форде», и уж точно не того, в чем они его подозревают.

Себастиан без слов встал и вышел из комнаты, направившись к офисному пространству, где сотрудники сбились в небольшие группки и стояли, перешептываясь. Себастиан сразу понял, почему. Урсула в тонких перчатках методично обследовала рабочий стол у окна. Если они с Ваньей явились скрытно, попросили Кристину привести им Сайласа и беседовали с ним с глазу на глаз, то деятельность Урсулы, напротив, способствовала распространению в коллективе слухов и предположений. Особенно учитывая, что женщина с рецепции примкнула к одной из групп, и увлеченно им что-то рассказывала. Себастиан протиснулся мимо них прямо к Урсуле.

– Нашла что-нибудь?

– Пока что нет. Мы заберем компьютер, Билли его проверит. Как у вас прошло?

– Не особенно хорошо. Нам нужно что-то, что можно было бы однозначно связать с ним.

– Я здесь скоро закончу, так что... – Урсула со слегка виноватым видом пожала плечами. Она сняла голубой пиджак со спинки стула и похлопывая прошлась по нему ладонями. – Жди.

Рука Урсулы скользнула во внутренний карман и выудила оттуда мобильник.

– Посмотрим.

– Это телефон, – констатировал Себастиан, явно не впечатленный фокусом. Каких еще находок можно ожидать от внутренних карманов пиджака?

– *Другой* телефон, – Урсула кивком указала на стол, где возле клавиатуры заряжался еще один мобильный. Она провела пальцем по экрану только что найденного телефона, дождалась, пока он включится и констатировала, что он заблокирован.

– Дай его мне.

Урсула достала пакет для вещдоков и вложила туда телефон. Себастиан взял у нее пакет и быстрым шагом вернулся в переговорную комнату, где оставались Ванья с Сайласом.

Себастиан протянул Сайласу телефон.

– Разблокируйте его, будьте добры.

Сайлас взглянул на телефон. Невозможно было не заметить, как он гневно стиснул зубы. Потемневшим взглядом он посмотрел на Ванью.

– Вы рылись в моих вещах?

Ванья ничего не ответила.

– Разблокируйте его, пожалуйста, – повторил Себастиан свою просьбу.

Сайлас откинулся назад, скрестил руки на груди, и еще прежде, чем он открыл рот, они уже знали, каков будет его ответ.

– Нет.

Как он вообще здесь оказался? В больнице он задержался ненадолго: боль в плече объяснялась ушибом от ремня безопасности, а то, что могло быть истолковано как небольшое сотрясение мозга, на проверку оказалось просто головной болью – Билли не тошнило, и в остальном он чувствовал себя сносно. В общем и целом с ним все было в порядке. Ничто не мешало Билли вернуться к работе, если бы он захотел.

Билли поехал сюда.

На Норрфоршгатан.

«Это по работе», – уговаривал себя Билли. Нужно выяснить, как чувствует себя Стелла. Они покидали бордель в спешке, а до того Стелла провела много времени в обществе Ваньи, которая, сказать по правде, никогда не считала нужным из вежливости скрывать свое негативное мнение о людях. Так что самое время выяснить, не пора ли приносить извинения за коллегу. К тому же существует вероятность, что за это время объявился Вильман, разъяренный тем, что угодил в засаду. Должно быть, он понял, что Стелла навела полицию на его след. Возможно, он даже ей угрожал. Или просто поинтересовался, какого черта снаружи делали легавые.

Нашлась масса поводов навестить Стеллу Симонссон. В ее красной комнате.

Эта комната все время стояла перед мысленным взором Билли, который воображал, чем мог бы там заняться.

Он знал, что не должен делать этого.

Он знал, почему не должен.

Но очень скоро отбросил доводы разума. То, что случилось с Йеннифер, никогда не повторится.

Не может повториться.

Это никогда бы не произошло, если бы он не напился.

Когда Билли трезв, он полностью себя контролирует. К тому же в доме есть другие люди. Ему это пойдет на пользу. Это всем пойдет на пользу. Он будет спокоен, умиротворен, и темные мысли, периодически возникающие в его сознании, исчезнут. Змея будет сыта и довольна.

Конечно, то, что Стелла была проституткой, а он – полицейским, создавало некоторые проблемы. В случае, если все откроется, Билли потеряет работу. И Мю. Он потеряет все. Так что уже одно то, что он

сидел здесь и размышлял об этом, само по себе было безумно. Как и то, что ее веб-страница оказалась в закладках на его телефоне.

Но Билли не мог забыть эти ощущения.

То, чем занимались они с Йеннифер, пока не случилась катастрофа. Это были наиболее интенсивные переживания из всех, что Билли когда-либо испытывал. Фактически на втором месте после акта умерщвления кого-либо. Опьяняющее ощущение власти и полного контроля, за которым следует такое мощное сексуальное удовлетворение, о каком раньше он и помыслить не мог. Ни с Мю, ни с кем-либо другим.

Только с Йеннифер.

И все это сейчас находилось на расстоянии вытянутой руки от Билли.

Его размышления были прерваны жужжанием мобильного. Уведомление поверх окошка с открытой страницей Стеллы. Урсула. Нужно возвращаться в реальность. Билли открыл сообщение. Урсула спрашивала, где он и в состоянии ли он продолжить работу. Билли ответил, что с ним все в полном порядке и он уже в пути. Он отключил телефон, завел мотор и поехал прочь.

Потрясенный тем, насколько близок был к тому, чтобы совершить настоящую, непростительную глупость.

* * *

Им пришлось ждать, пока прибудет адвокат. Перерыв пришелся кстати. Появилась возможность подготовиться к допросу, обсудить стратегию. После неудачи в борделе пришлось импровизировать, запустив пробный шар – и это принесло свои плоды, однако настало время вернуть расследованию четкую структуру, разработать подробный план.

Статью под заголовком «Безумная гонка заканчивается жестким столкновением» уже опубликовали. Фотографии черной «Вольво» на развязке, рассказы очевидцев о скоростной езде в густонаселенном районе. С этим нужно было что-то делать. Анне-Ли вместе с пресс-секретарем полиции составляли комментарий для прессы.

Билли изучал телефон Сайласа, а Урсула наведалась к Франзену домой, в поисках чего-то, что могло бы связать его с изнасилованиями и убийством. Им необходимо было отыскать улики.

Когда наконец явилась адвокат, представившаяся как Метте Блумберг, Сайлас немедленно заявил, что телефон не может быть использован в качестве улики, так как был изъят у него незаконным способом. Прежде чем начался допрос, Метте хотела выяснить как можно больше деталей.

– Полиция имеет право на месте принимать решение о досмотре вещей подозреваемого, если за инкриминируемое ему преступление законом предусмотрено более двух лет лишения свободы в качестве наказания, – пояснила Ванья. Невозможно было не распознать в ее тоне гневные нотки.

– Мне это известно.

– Грубые нарушения правил дорожного движения могут караться двумя годами заключения.

– Но вы работаете в Госкомиссии, – возразила Метте. – Вы здесь из-за изнасилований и убийства Ребекки Альм, а не для поимки нарушителей закона о продаже сексуальных услуг или расследования нарушений ПДД.

– У нас есть веские основания подозревать его в этих преступлениях, – перехватил инициативу Торкель, чувствуя, однако, что вступает на зыбкую почву. Метте была очень хороша в своем деле. – Но раз уж он все равно находится здесь, мы хотим допросить его также в связи с другими преступлениями.

– Изнасилованиями и убийством.

– Именно.

– Но он не является подозреваемым?

Торкель на мгновение замялся. Конечно же, Сайлас – подозреваемый, но доказательная база слаба. Привязка Сайласа к делу была чисто юридической, ничтожной.

– Нет, в настоящий момент он не является подозреваемым по этим делам, – был вынужден признать Торкель.

– В таком случае я дам ему совет не отвечать на некоторые вопросы, – заявила Метте. – Начнем?

Торкель нажал на кнопку диктофона, стоявшего на столе в обезличенной комнате. Единственным украшением грязно-белых стен

здесь служили два узких окна, стекла которых были покрыты морозным узором. Присутствующие разместились на простых пластиковых стульях с металлическими ножками. Сайлас и Метте с одной стороны стола, а Ванья и Торкель – напротив. Себастиан в который раз определил себе место слушателя, устроившись у стены поближе к выходу, за спинами коллег.

До появления Метте они надеялись незамедлительно приступить к разговору о тяжких преступлениях. В планы входил опрос Сайласа на предмет наличия у него алиби. Они хотели надавить на него, заведя разговор о жертвах. В том числе предполагалось взять у Сайласа образцы ДНК. Теперь же со всем этим решили подождать.

Сайлас откажется отвечать, Метте выразит протест.

Теперь их целью было вытащить из него достаточно, чтобы прокурор дал согласие на задержание Сайласа. Тогда у них будет время, чтобы спокойно и без спешки найти улики, которых на данный момент так не хватало.

Несмотря на все это, Торкель был очень доволен ходом событий.

Он объявил всем присутствующим в комнате, в чем подозревается Сайлас, и спросил его, согласен ли тот с обвинениями.

– Я ни к чему подобному не имею отношения, – спокойно ответил Сайлас.

– Мы разблокировали телефон, обнаруженный в кармане вашего пиджака, – сказала Ванья, выкладывая на стол мобильник в прозрачном пакете для хранения улик.

– Он не мой.

– Он лежал в кармане вашего пиджака, – повторила Ванья.

– Это неправда. – Сайлас спокойно переводил взгляд с Ваньи на Торкеля и обратно. – Кто-нибудь видел, как вы его обнаружили?

Торкель поднял на него усталый взгляд. Вот что обычно случается, когда у подозреваемого есть слишком много времени перед допросом. Они успевают более или менее продумать линию защиты. В данном случае Торкель сомневался, что Сайлас обсуждал этот вопрос с Метте. Она была слишком умна для такого промаха.

– Вы помните, что мы взяли у вас отпечатки пальцев, когда вас сюда доставили? – спокойно спросил Торкель.

Сайлас понял, к чему тот ведет, и умолк.

– Итак, поговорим о вашем телефоне, – продолжила Ванья. – Мы обнаружили переписку в некоем чате с женщиной. На специализированном сайте для продажи сексуальных услуг. Вы договорились о встрече с ней сегодня.

– Я ни с кем не договаривался о встрече.

– Красный «Форд Мондео» с регистрационным номером KVT 665, к которому у вас имеется беспрепятственный доступ, был замечен именно в том месте и в то время, о котором вы условились с женщиной.

– Я ни с кем ни о чем не договаривался.

– Вы опять забываете о своих отпечатках, – сухо сказала Ванья, ловя на себе неодобрительный взгляд Метте.

– Это мой телефон, но, должно быть, им воспользовался кто-то другой.

– Ваша беседа в чате начата много месяцев назад.

Сайлас просто пожал плечами, словно констатируя, что этого он никак не может объяснить.

– В таком случае, этот человек много раз пользовался телефоном без моего ведома.

– Скольким из ваших коллег известно, что во внутреннем кармане вашего пиджака находится телефон с одноразовым номером?

– Не знаю. Кому-то точно известно. Это очевидно.

– Почему вы носите в кармане телефон с одноразовым номером?

– Это противозаконно?

– Давайте уточним, правильно ли я вас понимаю, – медленно произнес Торкель, наклоняясь вперед. – Вы утверждаете, что кто-то другой, а не вы, в течение многих месяцев назначал встречи работнице сферы интимных услуг с вашего телефона и пользовался одним из автомобилей компании для того, чтобы ездить на эти встречи?

Сайлас утвердительно кивнул, словно объяснение показалось ему еще лучше, когда прозвучало вслух.

– Да, вероятно, так оно и было.

Торкель обменялся взглядом с Ваньей. Очевидно, что ничего из услышанного ими не имело отношения к правде, но даже если бы речь шла о телефоне с абонентским номером, существовала проблема идентификации того, кто фактически пользовался аппаратом. Если им

не удастся пробить дыру в его обороне, прокурор не даст санкции на задержание, в этом они были уверены.

В кармане Торкеля завибрировал мобильник. Он быстро взглянул на экран и встал из-за стола. Вслух сообщил, что должен покинуть комнату – чтобы это зафиксировал диктофон – и вышел. Как только он ушел, Себастиан проскользнул на его место. Ванья взглянула на него с выражением удивленного неодобрения.

– Расскажи о сексе, – предложил Себастиан, и с заинтересованным видом подался поближе к Сайласу, который, наоборот, отпрянул от собеседника. – О сексе со Стеллой Симонссон, – уточнил Себастиан.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, – уверенно произнес Сайлас.

– Я говорю об убийстве, изнасилованиях и попытке изнасилования...

– Подождите! Минуточку! – вмешалась Метте. Сайлас выглядел донельзя обескураженным, он явно не ожидал, что беседа примет такой оборот. Пытаясь понять, что происходит, он повернулся к Метте, но та лишь успокоительно положила руку ему на предплечье. – Это не те преступления, в которых подозревается мой клиент. Он не станет отвечать ни на какие вопросы об этих преступлениях. – Гневный взгляд Метте, вполне соответствовавший жесткости ее голоса, был обращен на Ванью.

Себастиан обернулся к Метте со снисходительной улыбкой. Глаза его, впрочем, оставались колючими.

– Если ты немного прикроешь свою хлебрезку, я смогу произнести монолог, который, обещаю, не завершится никаким вопросом.

Не дожидаясь ответа, Себастиан вновь обратился к Сайласу.

– Хочу, чтобы ты понимал, что ты здесь именно из-за этого. Совершено три преступления. Три действительно тяжких преступления. Вот настолько. – Себастиан поднял руку, демонстрируя воображаемую отметку на высоте около метра от поверхности стола. – Тянет на пожизненное. А здесь у нас покупка сексуальных услуг и создание аварийной ситуации на дороге. Два других преступления. Не особо тяжких. Они где-то здесь, если вообразить шкалу наказаний. –

Себастиан наклонился вбок и показал отметку на уровне пары десятков сантиметров от пола.

– Три – здесь.

Себастиан снова поднял руку и задержал ее высоко в воздухе.

– Два – здесь.

Ни на мгновение не спуская глаз с Сайласа, Себастиан вновь опустил руку к полу.

– У нас есть телефон, у нас есть машина, и мы обязательно отыщем какую-нибудь вредную камеру наблюдения где-то на твоём пути. Но тебе вовсе не обязательно быть заключенным под стражу. Никто не станет судить тебя за покупку секса, это липовый закон. А насчет нарушений ПДД решать будет экспертиза. Ты сможешь свободно уйти отсюда, когда мы закончим.

Себастиан поднялся с места. Ванья проводила его взглядом. Она могла бы многое возразить на эти рассуждения, но сочла за лучшее промолчать – она не вполне понимала, к чему клонит Себастиан, но позволила ему продолжать.

– Но сейчас ты лжешь, а делаешь ты это просто отстойно, – продолжал Себастиан, расхаживая по комнате. – Когда ты лжешь, мы делаем вывод, что тому есть причина. Что ты что-то скрываешь. Нечто более существенное, чем два говнопреступления, в которых ты в принципе можешь прямо сейчас сознаться и идти восвояси. Дождаться, пока письмо счастья упадет в почтовый ящик, потихоньку оплатить штраф, пока не прознала супружница, а уже завтра выйти на работу и рассказать девчонкам во время перерыва, что это была ошибка и тебя ни в чем не подозревают. В общем, сможешь и дальше жить своей уютной жизнью.

Себастиан умолк, давая Сайласу время переварить услышанное. Он остановился за спиной у Сайласа, и, несмотря на то, что лица подозреваемого он видеть не мог, Себастиану показалось, что все могучее тело Сайласа напряглось, пока тот пытался прикинуть, как лучше поступить, не блефует ли Себастиан, и если да, то с какой целью. Сайлас застыл вполоборота, вопросительно глядя на Метте – та энергично покачала головой. Он еще с минуту провел в молчании, а затем сделал глубокий вдох и покорно кивнул. Себастиан покосился на Ванью, которая перехватила его взгляд и сделала крошечный кивок. Сработало.

– Ладно, – тихо произнес Сайлас. – Я назначил встречу с...

– Нет-нет-нет, – прервал Себастиан, стараясь согнать с лица довольную гримасу, прежде чем вновь попадет в поле зрения Сайласа. – Не нужно рассказывать как, мне плевать на это. Я хочу знать почему.

Себастиан вернулся за стол и весь обратился в слух. Отчасти потому, что Сайлас был в шаге от того, чтобы сообщить интересующую их информацию, отчасти для того, чтобы составить для себя портрет преступника, с которым им придется иметь дело. Бесценные сведения для грядущих, более подробных допросов.

– У меня... по-другому не получается.

– Секс?

Сайлас кивнул и опустил взгляд.

– Почему?

– Не знаю. Я... Мне нужно чувствовать себя... не знаю, как сказать. Как будто есть только я. И я просто могу... делать это. Не думая ни о ком другом. – Сайлас поднял глаза и встретился взглядом с Себастианом, ища понимания и пытаюсь подобрать нужные слова. – Просто... трахаться. Жестко.

– Зачем ты накрываешь ее лицо?

– Она же шлюха. Не хочу видеть, что трахаю шлюху.

Позади них распахнулась дверь, и в комнату вошел Торкель с пластиковым пакетом в руках. Себастиан громко вздохнул. Торкель возник как нельзя некстати, но было поздно просить его подождать. Сайлас заерзал на стуле, и нить доверительного разговора оборвалась. Себастиан покинул место у стола, уступая его Торкелю. Тот выглядел до крайности довольным. Что бы он там ни выяснил за дверью, это были хорошие новости.

– Мы побывали у вас дома, – сообщил Торкель, подвигая к себе стул. Сайлас вскочил со своего места. Торкель не на шутку встревожился, Ванья тоже. Он был очень крупным. Сайлас. Действительно крупным мужчиной. Метте уверенно взяла его за локоть.

– Сайлас...

– Моя жена дома, – выдавил Сайлас сквозь сжатые зубы.

– С вашим четвертым ребенком, мы в курсе, – спокойно сказала Ванья. – Сядьте.

Сайлас остался стоять, тяжело дыша, и с ненавистью глядя на них. Он стряхнул руку Метте и сел обратно на стул, откинувшись на спинку и скрестив руки на могучей груди.

– Что вы ей сказали?

– Мы пояснили, что вынуждены произвести в доме обыск, – деловито отозвался Торкель.

– Вы сказали ей почему? Он утверждал, что никто ничего не узнает, – Сайлас указал на Себастиана, и Торкель вопросительно взглянул на Ванью. Что произошло здесь за время его отсутствия? Ванья слегка пожала плечами и Торкель вновь обратился к Сайласу.

– Нет. Но попробуйте угадать, что мы обнаружили у вас в кабинете?

Торкель принялся выкладывать на стол содержимое принесенного пакета. В индивидуальных пакетах для вещдоков покоилось множество коробочек с таблетками, по сто штук в каждой. «Метаксон-10». Новые пакетики, другие коробочки, другие названия. Маленькие пузырьки с жидкостью. Под конец перед ними на столе громоздилась целая аптека. И все это были стероиды.

– Это не мое.

– И это тоже? – поинтересовался Торкель, выкладывая на стол кучу шприцев. Ванья узнала их. Той же марки, что и шприц, найденный на месте преступления после нападения на Клару Вальгрэн. Его определенно арестуют, это даже не обсуждается. Сайлас, однако, упорно продолжал все отрицать.

– Приятель попросил меня за этим присмотреть.

– Что за приятель?

– Я не собираюсь вам это рассказывать.

Меньше агрессии, меньше самоуверенности. Себастиан видел перед собой человека, который осознает, что проиграл.

Он использовал препараты в личных целях?

Предположим, что да. Нет ничего необычного в мужских сексуальных фантазиях на тему власти и доминирования. Если у мужчины к тому же есть сложности в отношениях или проблемы с потенцией, что совсем не редкость, когда принимаешь стероиды, у него возникает растущее чувство утраты контроля над собственной жизнью. И тогда он может решить воплотить фантазии в реальность. Однако у Себастиана не возникло впечатления, что Сайлас смог бы

пойти дальше. Вероятно, он получал свое у Стеллы, и ему было этого достаточно. Из их короткой беседы Себастиан заключил, что Сайлас испытывал стыд. От осознания, что поступает неправильно. Делать то же самое с кем-то незнакомым, с женщиной в бессознательном состоянии, на улице... Конечно, злоупотребление стероидами иногда приводит к проявлениям жестокости, но ничто в характере нападений не указывало на выплеск неконтролируемого гнева преступника. Напротив, все нападения были осуществлены с практически медицинской четкостью.

Себастиан заключил, что сидящий перед ними человек не мог быть одним из предполагаемых преступников.

Он возлагал на это искреннюю надежду.

Отчасти потому что любил, когда подтверждалась его правота, но в основном потому, что, как только дело будет раскрыто, у Ваньи не останется причин с ним видеться. Если они перестанут вместе работать, она приложит все усилия, чтобы больше с ним не пересекаться. Его больше никогда не позовут в Госкомиссию, так что сейчас у Себастиана есть последний шанс, а он еще не успел им воспользоваться.

Манифестом собственного эгоизма для Себастиана стала надежда на то, что истинный преступник все еще гуляет на свободе.

* * *

16 октября Аксель Вебер узнал практически все.

Однако оставалось кое-что, о чем он до сих пор не имел понятия.

К примеру, он так и не выяснил, что означает «Аб Ово», если вообще что-то означает. Вебер задал этот вопрос Ингрид Дрюбер, потому что наткнулся на это слово в одном давным-давно удаленном блоге, где также упоминалось имя Ингрид. Вебер не знал, кто был автором этого блога. Все, что он смог оттуда извлечь – Ингрид Дрюбер являлась руководителем «Аб Ово», больше информации об этом *здесь*. Когда Вебер перешел по ссылке, его ждало разочарование. Ошибка 404. Страницы не существует или она была удалена.

Вебер расспросил наиболее технически подкованных сотрудников редакции, то есть в принципе всех, кроме, может быть, Харриет, не

может ли кто-то из них помочь ему каким-то образом восстановить данные, но услышал однозначное «нет». Айти-отдел ответил ему, что они, возможно, могли бы попробовать, но существует много «но». Что это за «но», они объяснить не удосужились, из чего Вебер сделал вывод, что его просьба вряд ли окажется в их топе задач.

Самостоятельно Вебер выяснил, что «Аб Ово» – это латинское выражение, и означает оно «от яйца» или что-то вроде того, и еще оно как-то связано с поэтическим творчеством, с Гомером и Еленой Троянской, однако эти сведения пока ему никак не пригодились.

Вебер провел за компьютером много часов, выискивая информацию о том, что могло произойти в Уппсале в 2010 году до того, как Ребекка написала ему письмо. Он выяснил, что истекающая кровью беременная женщина была обнаружена на пороге отделения экстренной помощи Академической больницы в ночь на 23 июня. Женщина, которую звали Линда Форш, и ее нерожденный ребенок скончались позже тем же утром. Было инициировано расследование, но полиция пришла к выводу, что в смерти женщины и ребенка не было чьего-то преступного умысла. Очевидно, это было единственное происшествие, которое в искомый период освещалось в прессе. Поэтому Вебер стал копать глубже.

Когда несколько часов спустя Вебер покинул редакцию, он не мог знать, что Дерия Несхат – женщина, с которой он познакомился на вечеринке по поводу пятидесятилетия своего брата и которая поехала к нему домой и там несколько часов кряду с хохотом резалась в пинбол – как раз сняла трубку и набрала номер «Экспрессен». Когда ей ответила телефонистка с коммутатора, Дерия попросила соединить ее с Акселем Вебером.

– Кайса Крунберг, номер Аксея Вебера.

Дерия представилась и попросила Аксея к телефону, но Кайса ответила, что он только что вышел из редакции. Кайса предложила передать Веберу сообщение.

– Благодарю, в этом нет необходимости, я перезвоню позже, – услышала собственный голос Дерия и после краткого обмена любезностями положила трубку. И тут же раскаялась. Конечно же, нужно было оставить сообщение, сказать, что она хотела бы снова встретиться. Или даже попросить номер его мобильного. На мгновение она задумалась, не перезвонить ли сразу, но решила, что это может

показаться странным. Завтра. Она решила позвонить завтра. Тогда уже она так просто не отступит. Теперь, когда Дерия приняла решение сделать первый шаг навстречу мужчине, она преисполнилась ожиданий. Шестое чувство подсказывало ей, что с Акселем Вебером у нее может что-то получиться.

Вебер ничего не знал о том, что до него едва не дозвонилась женщина, с которой, окажись он на месте и возьми трубку, он мог бы прожить до конца своих дней. Он забрал машину с подземной стоянки высотки DN^[20], выехал на Кунгсхольмен и направился на север.

В чем Вебер был точно уверен, так это в том, что время в пути было ему просто необходимо. Вождение помогало Веберу расслабиться. Между сиденьями скопилось множество дисков, и он окинул взглядом свою небольшую коллекцию – сплошь белые мужчины средних лет: Роллинг Стоунз, Брюс Спрингстин, Нил Янг, Джон Фогерти, Ульф Лунделл. Но это ничего, в этом и есть весь Вебер. Он выудил из стопки диск и скормил его проигрывателю. Ульф Лунделл, пластинка «Слаггер» 98-го года. Первые аккорды песни «Om jag hade henne»^[21] вырвались из динамиков, и Вебер прибавил звук и стал подпевать.

Он выяснил, что Линда Форш была на год старше Ребекки Альм и, несмотря на то, что жили они в разных районах, церковь Фугеля для них обеих была ближайшей. Всю вторую половину дня Вебер посвятил поиску любых сведений о Линде. Ему было необходимо разыскать людей, знавших ее. Выяснить, посещала ли она церковь, была ли знакома с Ребеккой, упоминала ли когда-либо имя Ингрид Дрюбер или название «Аб Ово». Один положительный ответ – и *история* у него в кармане. Вебер инстинктивно чувствовал, что на этот раз он на пороге чего-то значительного.

В Уппсале Торкель Хеглунд вернулся на рабочее место, завершив допрос Сайласа Франзена. На своем столе Торкель обнаружил стикер с именем Вебера. Напоминание. Торкель так и не перезвонил ему, чтобы узнать, смог ли Вебер вспомнить, в каком контексте раньше слышал имя Ребекки Альм. В газетах о ней больше не писали, но это не означало, что Аксель отступился. Даже если Аксель не расскажет всего, Торкель надеялся, что тот не откажется поделиться информацией, имеющей прямое отношение к делу. Если он таковой располагает. Торкель рассчитывал, что Вебер будет сотрудничать с

полицией, вместо того чтобы пытаться их обскакать на пути к какому-то воображаемому финишу. Он надеялся, что Вебер все же извлек для себя какие-то уроки из событий прошлого лета.

Если окажется, что Сайлас не тот, кого они ищут, Торкель сам позвонит Веберу и спросит. Через несколько часов они получат предварительный результат анализа ДНК.

Обо всем этом не подозревал Аксель, который, барабаня пальцами по рулю и напевая себе под нос, приближался к цели.

Вебер также не подозревал о том, что имеет повышенную чувствительность к бензодиазепину^[22], который является действующим веществом в таких препаратах, как, например, «Рогипнол».

Он понял, что прибыл в нужное место, когда навигатор объявил, что пункт назначения находится слева от машины. Вебер припарковался, вышел из машины, запер ее и направился к дому. Он не звонил заранее и не предупреждал о визите. Надеялся, что это не потребуется. Что он будет непреклонен и сможет собрать воедино недостающие части этой головоломки. Получит свою *историю*. Вебер надеялся, но, конечно, не мог знать наверняка.

Как не мог он знать и того, что жить ему оставалось чуть менее двадцати минут.

Часть вторая

27 октября

Она одна дома.
Милан уехал повышать квалификацию.
Она так похвалялась этим у себя на Фейсбуке.
Этот шанс выпал неожиданно.
После того, как явился тот журналист.
После его смерти.
Теперь за мной со дня на день должна явиться полиция.
Ингрид, Ида, Тереза и Клара – это одно.
Они постараются это пережить.
Не вспоминать. Быть нормальными. Быть невиновными.
Ида удивила меня.
Но журналист...
Нельзя было позволить ему рассказать людям то, что он раскопал.
Но его смерть была случайностью.
Ты знаешь.
Ты сейчас возненавидела бы меня.
За мои поступки. За то, кто я теперь.
Он заставил меня это понять. Журналист.
Ни в чем не повинный.
Но прошло уже одиннадцать дней.
Я все еще здесь. Никто не явился за мной.
А Тереза сегодня вечером будет одна.
Самое время продолжить.

* * *

Рабочий день завершился в Комнате. Билли отпросился час назад, ему нужно было что-то уладить. Остальные уже бы тоже могли разойтись по домам, но Розмари Фредрикссон настояла на проведении рабочего совещания. Госкомиссия все еще являлась официальным участником расследования. Они постоянно были на связи с Анне-Ли и Карлосом, но за прошедшие десять дней практически не бывали в

Уппсале, за исключением нескольких кратких визитов. На данный момент все, что они могли сделать, они могли делать и на своей территории. Откровенно говоря, сделать они сейчас могли не так уж много. Точка.

В принципе, они до сих пор находились в ожидании того, что один из предполагаемых преступников вновь совершит нападение, и у них появятся новые улики, новые свидетели, новые возможности. Они надеялись, что преступники совершат промах. Нападение на Клару Вальгрэн произошло четырнадцать дней назад, и с тех пор преступники затаились – новых заявлений в полицию не поступало.

Если бы преступники снова перебрались в другой город, в Госкомиссии об этом уже знали бы. Подробности, касающиеся способа совершения преступлений, были переданы во все полицейские округа, и даже Урсула была вынуждена согласиться, что такие нюансы, как мешок и шприц, были в достаточной степени специфичны, чтобы даже самый некомпетентный провинциальный полицейский не смог пройти мимо них.

Если же по какой-либо причине нападения не возобновятся, существует риск, что расследование затянется. До тех пор, пока спустя время эти люди не будут схвачены и задержаны по совершенно другому поводу, и рутинное ДНК-тестирование не выявит совпадения с существующими образцами. Случись так, для полиции это стало бы чистойшей удачей.

Но такого развития событий не желал никто.

А меньше всех – Торкель.

У Госкомиссии был высокий процент раскрываемости. В том числе и благодаря этому факту Торкель мог руководить своим подразделением без излишнего вмешательства внутривластных сил. Нужно было только терпеть Розмари, женщину, которая считала, что главное условие успешной службы – не выходить за рамки бюджета. Время от времени она проявляла интерес к их деятельности. Обычно это случалось, когда речь шла о громком запутанном деле, расследование которого широко освещалось в масс-медиа.

Торкель отлично знал, что информация ей требовалась лишь для того, чтобы на всех возможных уровнях продемонстрировать свою вовлеченность и активность, и в то же время, в случае необходимости,

не раздумывая и секунды, возложить на Торкеля и его команду вину за отсутствие прогресса.

Она являла собой классический пример Ж.П.Л.З.

Жертвы привычки лизать зад.

В этом она преуспела.

К Розмари необходим подход, нужно давать ей то, в чем она нуждается, чего хочет. Торкелю обычно это неплохо удавалось. Он, конечно, мог бы злиться, раздумывая над тем, каким образом Розмари смогла получить эту должность, но этим он все равно ничего бы не изменил; к тому же Торкелю было даже немного жаль Розмари. Все ее поступки можно было объяснить низкой самооценкой. Она плохо справлялась со своей работой и знала об этом. Нужно было благодарить судьбу за то, что Розмари была чересчур неуклюжа, чтобы представлять реальную угрозу в подковерных играх. Сегодня, однако, Торкель никак не мог перестать раздражаться. Розмари заставила Урсулу заново сделать пошаговый обзор технических улик.

Несколько недель назад, еще до Уппсалы и до Анне-Ли, как-то вечером, когда Торкель и Лисе-Лотте уже лежали в постели, он поделился с ней своим намерением уйти со службы.

Не выйти на пенсию, а сделать шаг в другом направлении.

Найти себе иное занятие.

Что-то менее ответственное, с девяти до шести, и поменьше разъездов.

Больше времени посвящать Лисе-Лотте и их отношениям. Торкель и вправду считал, что работа послужила одной из причин того, что два его предыдущих брака развалились. А Лисе-Лотте он потерять не хотел.

Она сказала, что с его стороны это очень мило, но призвала его тщательно обдумать, того ли он на самом деле желает. Ее бывший муж многое поменял в своей жизни, приспособился к тому, что, как ему казалось, было нужно ей, что было лучше для них как пары. В итоге, лишившись слишком многого, он потерял себя, а обвинил в этом жену.

Торкель никак не мог перестать об этом думать.

Желание покинуть Госкомиссию не казалось ему плохой идеей.

Торкель все еще считал свою работу стоящей, захватывающей и интересной, однако она больше не представлялась ему столь значительной, как в былые годы. Торкель занимал эту должность уже

много лет, и если он в принципе желал попробовать чего-то иного, чего-то нового – сейчас как раз настало подходящее время. Он собирается пойти на этот шаг не ради нее, не только ради нее, но для них обоих. Лисе-Лотте распахнула перед ним новую дверь, подарила ему шанс на новую жизнь – на что, по правде говоря, он и надеяться не смел. Так почему не пойти на большее, не изменить вообще все? В самом деле начать все сначала, выстроить нечто прочное на новом фундаменте.

Но все это было до. До того, как Анне-Ли, не скрываясь, бросила ему вызов, стремясь заполучить его должность, и прозрачно намекая, что пользуется поддержкой его непосредственного начальника. Сегодня же вечером, в Комнате, идея уйти из Госкомиссии больше не приходила ему в голову. Теперь Торкель никуда не уйдет. По крайней мере, до тех пор, пока у Анне-Ли Юландер есть шанс занять его кресло, как только оно окажется свободным.

Урсула завершила обзор технических улик: мешок, шприц, снотворное, отпечаток подошвы, ДНК, способ совершения преступления – в общем, все, чем они располагали, ничего нового. Чем, разумеется, осталась недовольна Розмари. Преисполненным разочарования взглядом она заскользила по столу и под конец уперлась в Торкеля.

– И что вы теперь собираетесь делать? Как планируете продвигаться дальше?

Торкель откашлялся в надежде, что голос его обретет профессиональную объективность. Он постоянно держал ее в курсе дела. Ей были известны их дальнейшие планы. Возможно, в Торкеле проснулся конспиролог, но у него вдруг возникло чувство, что Розмари намеренно заставляет его произнести это вслух – ведь то, что он скажет, в действительности прозвучит так, словно они не особенно продвинулись.

– Мы выступили с очередным призывом к общественности, чтобы получить новые свидетельские показания в отношении актуальных дат и мест, повторно проанализировали всю полученную нами в первый раз информацию, а также повторно опросили жителей интересующих нас районов. Однако до сих пор эти меры не дали какого-либо результата.

– Что с этим Сайласом?

И вновь ничего, что могло бы стать для нее новостью. Если, конечно, она вообще знакомилась с информацией, которую ей отправлял Торкель – что, разумеется, было вовсе не обязательно. Или же она хотела услышать отчет об очередной неудаче именно из уст Торкеля.

– Мы больше не рассматриваем его в качестве подозреваемого. Его ДНК совпало с образцами, взятыми в связи с нанесением побоев несколько месяцев назад, но на этом все.

– Таким образом, он арестован за покупку секс-услуг, грубые нарушения ПДД, хранение наркотиков и нанесение тяжкого вреда здоровью, – резюмировала Ванья, и у Торкеля возникло ощущение, что сделала она это из чувства солидарности – с ним и с командой – чтобы доказать, что прогресс в их расследовании – пусть и не совсем в нужной области – очевиден.

– Но не за изнасилования и убийство Ребекки Альм, – констатировала Розмари.

– Нет, он арестован за покупку секс-услуг, грубые нарушения ПДД, хранение наркотиков и нанесение тяжкого вреда здоровью, – повторила Ванья, и в наступившей тишине ее слова прозвучали, как выражение сомнения в дееспособности Розмари.

– Извините, я ведь не совсем полицейский... – вступил в разговор Себастиан, намеренно кивая в сторону Розмари. – Но не кажется ли вам, что, если бы этот человек был арестован за изнасилования и убийство, мы бы об этом сообщили?

Себастиан одарил ее улыбкой, одновременно обезоруживающей и очаровательной, и равно намекающей на полный идиотизм собеседницы.

– В таком случае дело уже было бы раскрыто, а вы могли бы заняться тем, что получается у вас лучше всего – лизать зад начальству и следить за тем, чтобы во время пресс-конференции вас сфотографировали в выгодном ракурсе. А все мы могли бы тогда оказаться подальше от места, где мало-помалу теряется воля к жизни.

Торкель уставился на Себастиана, сидевшего подле Урсулы с противоположной стороны длинного стола. Если бы Торкель не знал его как облупленного, он мог бы подумать, что даже Себастиан принял его сторону. Но изначально враждебно настроенная Розмари в итоге лишь сильнее разозлилась.

Когда часть расследования, находившаяся в ведении Госкомиссии, была перенесена обратно в Стокгольм, они обсуждали, продолжит ли Себастиан принимать в нем участие. Анне-Ли настаивала на том, чтобы принять его, боролась за это. Торкель считал, что, если уж Себастиан остается, ему следовало находиться в Уппсале.

Но вышло иначе.

Как всегда, когда дело касалось Себастиана. Мнение Торкеля не учитывалось.

Вечером, к примеру, Себастиан придет к нему на ужин.

– Какой конкретно вы вносите вклад в расследование? – резко спросила Розмари, стараясь ничем не выдать, как ошарашена оказанным ей отпором. – Вот уже неделю не обновлялся психологический профиль предполагаемого преступника.

– Больше недели, я полагаю, – согласно закивал Себастиан.

– Как такое может быть?

Себастиан совершенно точно знал как, но притворился, что вопрос его озадачил. Он пытался, насколько возможно, быть полезным, но, поскольку чисто полицейская работа более или менее зашла в тупик и Себастиан перестал получать новые сведения для анализа, профиль до сих пор пребывал в своем изначальном, довольно неточном виде. Себастиан и сам был этим недоволен, но в отсутствие новой информации сделать ничего не мог.

– Попытаюсь подобрать слова, чтобы вам было понятно... – наигранно задумчиво произнес он, усилив впечатление картинным почесыванием подбородка. – Вот как-то так. Вы знаете, что это называется «Психологический профиль преступника». Он строится на основе совершенных преступлений. Преступление – это... как бы сказать попроще... противозаконный поступок. Или еще проще... То, что они делают. Преступники. Если они не делают ничего, значит, анализировать тоже нечего, и потому нечего и обновлять.

– Если ему недостаточно сведений для работы, возможно, вам следует пересмотреть его контракт, – заявила Розмари, повернувшись лицом к Торкелю, явно решив полностью игнорировать Себастиана.

– На его присутствии настаивала Анне-Ли, – ответил Торкель. – Формально он является ее подчиненным, и все расходы несет она, а не мы. Если вас это не устраивает, следует поговорить об этом с ней.

Торкель очень надеялся, что так она и поступит. В таком случае, будет хоть какая-то польза от того, что Себастиан довел ее до бешенства. Пусть идет к своей подружке Анне-Ли и попросит ее о дружеской услуге. Избавившись от Себастиана, она одним махом решит всеобщую проблему.

– Так, значит, все, чего вам за две недели удалось достичь, – это нашумевшая погоня в густонаселенном районе, – резюмировала Розмари, явно пытаясь оставить за собой последнее слово. Чтобы никто не вынес из Комнаты ощущение, что действительно чего-то достиг.

– По вине двух подчиненных Юландер, нарушивших приказ, – отозвался Торкель в чуть более оправдательной манере, чем ему бы хотелось.

Казалось, Розмари уже хотела напомнить Торкелю, что вся полнота ответственности лежала на нем, но внезапно осознала, что в данном случае это не так. В первый и, вероятно, в последний раз Торкель был этому рад.

– Как вам известно, не я отвечаю за данное расследование, поэтому я связан по рукам теми решениями, которые принимаются на местном уровне, – пояснил Торкель на тот случай, если неверно истолковал ее намерение что-то сказать.

Розмари бросила взгляд на документы, лежавшие перед ней на столе. Очевидно, список раздражающих-вопросов-для-разговора-с-Госкомиссией был исчерпан, потому что она встала, кратко поблагодарила за встречу, еще раз подчеркнула, как важно постоянно и своевременно информировать ее о ходе расследования, и вышла из Комнаты.

Когда дверь за Розмари закрылась, все как по команде выдохнули. В их глазах без слов читались эмоции, которые они испытывали в течение последних сорока пяти минут. Прежде, чем все разошлись, Урсула еще раз уточнила назначенное время ужина у Торкеля, а остальные выразили свое нетерпение по поводу предстоящего вечера.

Торкель остался один. Он сидел, наслаждаясь одиночеством и относительной тишиной, но не мог избавиться от ощущения неудобства. Отчасти это объяснялось проблемами расследования – он был недоволен отсутствием прогресса. Две недели прошло с тех пор, как Госкомиссию привлекли к этому делу, а они были ровно так же

близки к поимке преступника, как и две недели назад. Существовал немалый риск, что это дело останется нераскрытым.

Отчасти же Торкель волновался по поводу предстоящего ужина. Как бы плохо он ни отзывался о Розмари, у него было ощущение, что она – не самое худшее, что с ним сегодня случилось.

Как показало время, Торкель был чертовски прав.

* * *

Билли лежал нагишом, пребывая в полудреме.

Мю, Конни, Стелла.

Три имени, владельцы которых занимали практически все его время наяву. Они всплывали из его подсознания и погружались обратно, воспоминания перемежались фрагментами сна. До Билли доносился шум воды из душа и басовый рифф из скрытых динамиков по другую сторону стены.

Прошлые выходные он провел с Мю.

Они ездили смотреть летние домики.

Три дома, о просмотре которых договорилась Мю. Три деловитых риелтора. Три здания в разном состоянии, совершенно разные по стилю. Эти дома совершенно не интересовали Билли, однако каким-то непостижимым образом он с нетерпением ждал момента, когда станет владельцем одного из них.

Потому что это нормально.

Иметь летний дом. Недалеко, чтобы можно было уезжать туда по пятницам после работы и проводить там выходные. С друзьями. Праздновать Мидсоммар. Кататься на лодке, которую еще предстоит приобрести, так как у всех трех домов был собственный причал. Ухаживать за домом. Решать, нужно ли перестелить пол на веранде, или он протянет еще годик. Стричь газон. Разжигать огонь в камине, когда они будут наведываться туда осенью.

Нормальная жизнь.

Его жизнь. С Мю.

Вдалеке от этих двоих. От Конни и Стеллы.

Он позвонил отцу Йеннифер. Был вынужден. Если бы Билли не объявился, Конни мог бы обратиться к кому-то другому, а это была

худшая альтернатива. Лучшее, что смог придумать Билли, это сказать отцу Йеннифер, что, судя по всему, тот был прав. Фотографии подделаны. Но Билли теперь понадобится больше времени, чтобы все перепроверить, и подтвердить правоту Конни всеми возможными способами – это поможет дать делу ход. Конни чуть не расплакался слезами благодарности и облегчения. Билли пообещал вскоре снова ему позвонить.

Это было четыре дня назад.

По пути домой от Стеллы.

От красной комнаты и всего, чем можно было там заняться. От всего, чем она позволила ему заняться. Когда Билли впервые договорился с ней о встрече, он уговаривал себя, что это случится только один раз. Он попробует и вне зависимости от результата больше не станет этим заниматься. Первый раз должен был стать и последним.

После этого Билли побывал там уже дважды.

Это было как наркотик. Он точно знал, чего хочет. Как и все жертвы зависимости, Билли убеждал себя, что может прекратить в любой момент. Если ему вообще нужно прекращать. Так ли это было опасно – то, чем он занимался? После визитов к Стелле он становился лучше. Лучшим человеком и лучшим мужем. Когда Билли мог удовлетворить свои инстинкты, он был спокойнее, мыслил яснее, становился внимательнее. Змея была сыта.

Хлопнула дверь ванной, а по ту сторону стены заиграла «Maneater» дуэта «Hall&Oates», сменив «You give love a bad name» «Бон Джови». Кому-то нравились восьмидесятые, и Билли отметил, что плейлист составлен гораздо более продуманно, чем ему показалось вначале.

После разговора с Конни Билли перепроверил каждый пост, отправленный с аккаунта Йеннифер. Буквально под микроскопом их разглядывал. Анализировал риски.

Возникла серьезная проблема.

Как только Билли подтвердит, что все последние посты Йеннифер – фейк, Конни немедленно заявит об этом в полицию. Слово Билли и тот факт, что Йеннифер была их коллегой, станут существенными доводами в пользу решения расследовать ее исчезновение. Первое, что предпримет умный полицейский – черт, тут даже умным быть не

нужно, в наши дни это рутина, – он отследит телефон Йеннифер и весь трафик с него и с компьютера. Очень скоро этот полицейский выяснит, что Йеннифер опубликовала три фотографии из Стокгольма в то время, как ее телефон необъяснимым образом проецировался в Бохуслене. В тех же локациях, где в то время находился Билли. Билли, определенно обладавший необходимыми навыками для осуществления того, в чем теперь кого-то подозревают.

О чем, черт побери, он тогда думал?

Он знает, о чем. Он был вынужден поехать к Мю, чтобы она не решила, что он занят не работой. А недельный перерыв в сетевой активности Йеннифер выглядел бы подозрительно.

Как можно было так облажаться?

Он поступил неосмотрительно.

В данный момент это была единственная сложность, которая возникала в случае, если Билли подтвердит правоту Конни. С другой стороны, проблема была по настоящему серьезной, и нужно было придумать, как ее решить, прежде чем двигаться дальше.

Еще один повод навестить Стеллу. Она могла усмирить его темную жажду, сделать ее выносимой, даже незначительной, так что Билли мог бы сфокусироваться на чем-то ином. Быть здесь.

– Тебе пора. Скоро придет другой клиент.

Ему больше всего понравился дом у озера Ристен – эта мысль промелькнула у Билли в голове последней, прежде чем он открыл глаза и увидел перед собой Стеллу – только что из душа, одетую в белый халатик. Когда Мю попросит его оценить дома, которые они посмотрели – а она попросит, – нужно будет двигаться дальше. Продолжать поиски, если ни один из трех не придется им обоим по душе, либо назначать время в банке, если они уже нашли тот самый дом. Так пусть это будет тот небольшой домик фалунского красного цвета^[23] в шестьдесят квадратов, с газоном, сбегаящим прямо к берегу озера Ристен. Он понравился Билли больше всех.

Билли рывком сел и отогнал остатки сонного тумана, а потом поднялся на ноги и стал одеваться. Он взглянул на Стеллу, которая сидела перед зеркалом в углу комнаты и накладывала легкий макияж. Он не заметил на ее теле каких-нибудь отметин, хотя все было достаточно жестко.

– С тобой все в порядке? – спросил Билли, натягивая футболку.

– Ты не делал ничего, о чем мы не договаривались, – отозвалась Стелла, встретившись с ним взглядом в зеркале. Она не вполне ответила на его вопрос, и Билли задумался, как можно его переформулировать, если это вообще нужно, как вдруг у него зазвонил мобильный. Билли достал телефон из кармана и глянул на дисплей. Конечно, это Мю. Он не стал сбрасывать звонок, и поднял руку на прощание. Стелла молча помахала ему рукой и продолжила приводить себя в порядок. Билли вышел из комнаты и быстрым шагом направился к выходу. Ответил на звонок уже в дверях.

– Привет.

– Привет. Ты где? – никаких подозрений или ревности в голосе. Обыденное любопытство – куда его занесло.

– В Уппсале, – честно ответил Билли, подходя к машине.

– Ты не забыл, что нас ждут вечером?

– Нет, конечно. Я уже еду домой.

– Нужно что-то с собой принести.

– Хорошо.

– Не заедешь в «Систем»?^[24] Можно купить бутылку вина или шампанского.

– Так и сделаю.

– Отлично, скоро увидимся.

Билли подошел к машине и увидел свое отражение в боковом стекле. Он улыбался. Он был доволен. Не из-за того, что побывал там, откуда только что вышел, а потому, что направлялся домой. К тому, что ему принадлежало. К жизни с женой, которая позвонила, чтобы попросить его купить вина к ужину, на который они пойдут вдвоем.

– Послушай, Мю, – сказал он, останавливаясь.

– Да.

– Мне больше всего понравился тот дом у озера Ристен. Маленький, красный.

– Мне тоже.

Билли почти увидел, как на другом конце улыбнулась Мю. Он ясно представлял, как она уже планирует следующий шаг, и вдруг ощутил, как сильно ее любит, и понял, что должен немедленно об этом сказать ей.

– Я тебя люблю.

– И я тебя. Осторожнее на дороге.

Она отключилась. Билли остался стоять с телефоном в руках, широко улыбаясь, словно герой какой-нибудь романтической комедии, который только что понял – несмотря на все препятствия, он приедет на свадьбу вовремя.

Проблема с Конни никуда не делась, но Билли найдет решение.
Он найдет решение любой проблемы.

* * *

Она так и не смогла привыкнуть.

Пустая глазница, темный провал прямо внутрь головы. После промывания полости она взяла чистое полотенце, промокнула щеку и обсушила глазной протез, лежавший на пропитанной антисептиком салфетке на краю раковины. Из гостиной доносился голос Беллы, но Урсула не могла ничего разобрать, поэтому немного приоткрыла дверь ванной.

– Что ты говоришь?

– Я спрашиваю, почему на твоём почтовом ящике до сих пор стоят инициалы Б. и М.? Мы же здесь больше не живем.

– У меня просто не дошли руки до этого, – отозвалась Урсула, натягивая тонкие перчатки на тщательно продезинфицированные руки.

– Почему? – донеслось из гостиной.

– Просто нет времени.

Урсула старалась не отвлекаться от процесса. Нужно было поднять верхнее веко, вставить протез, затем оттянуть нижнее веко, чтобы искусственный глаз занял положенное место. Она несколько раз моргнула, и взглянула на свое отражение. Так гораздо лучше.

– Никто из нас сюда больше не вернется, ты же в курсе?

В общении с Беллой никогда не может быть полной уверенности, не пытается ли она в очередной раз побольнее уколоть. Но сейчас Урсула в прекрасном настроении и анализировать поведение дочери не намерена.

– Не пойми меня превратно, но мне бы и не хотелось, чтобы кто-то из вас вернулся, – непринужденно отозвалась Урсула, так что Белла, даже не видя мать, могла догадаться, что та улыбается.

Урсула вышла из ванной, расправляя плиссированный подол темно-зеленого платья без рукавов, выбрать которое ей помогла Белла.

Услышав звонок в дверь, Урсула удивилась. В последнее время у нее редко бывали гости. Она оказалась тем более обескуражена, увидев на своем пороге Беллу. Дочь собиралась на праздник на Седере^[25] и хотела подготовить на завтра кое-какие вещи, а после праздника планировала переночевать у матери, если та не возражает.

Урсула не возражала.

Совершенно.

Белла решила остаться у нее, а не у Микке с Амандой. Урсула даже любопытствовала на эту тему – позже, на кухне, за бутылочкой вина. По словам Беллы, у матери было больше места, да и Беллина комната здесь оставалась в неприкосновенности. Аманда же все еще неважно себя чувствовала, а Белле совершенно не хотелось просыпаться под звуки рвоты.

К тому же Аманда практически все время пребывала в отвратительном настроении. Белла не могла ее в этом винить. Должно быть, совершенно невыносимо чувствовать себя развалиной несколько месяцев кряду.

– У этого малыша никогда не будет братьев и сестер... по крайней мере, родных, – поправила она сама себя. Урсула вдруг поняла, что ее охватило злорадство по поводу Аманды. По крайней мере, та не излучает сияние из-под белых льняных одеяний, грациозно ступая босыми ногами по деревянным половицам, попивая травяной чай и поглаживая свой беременный живот. Вот такую картину мысленно нарисовала себе Урсула, когда Белла рассказала ей о беременности Аманды.

– Ну что, ты уже вставила глаз, страшно не будет? – спросила Белла, прикрывая ладонью глаза, словно предвидя жуткую картину, как в фильме ужасов. Урсула вошла в комнату и с улыбкой продемонстрировала, что оба ее глаза находятся на своих местах.

– Извини, но мне кажется, это ужасно, – пробормотала Белла.

– Мне тоже, – согласилась Урсула, направляясь в кухню. Там она прихватила из холодильника бутылку вина, и вопросительно взглянула на Беллу. Та кивнула, протягивая матери бокал. Наполнив бокалы, Урсула устроилась в кресле напротив дочери. Еще было время немного посидеть.

– А кто еще идет на этот ужин? – спросила Белла, отпивая из бокала.

– Билли с женой, Ванья со своим бойфрендом, я и Себастиан.

– Это у него дома тебя подстрелили?

– Да.

– Ты из-за него перебралась в Стокгольм?

Урсула застыла. Она ожидала, что последует вопрос о том, при каких обстоятельствах она была ранена. Они с Беллой не так уж много об этом говорили. Но это? Откуда она взяла? Урсула прекрасно понимала, что имеет в виду дочь. Но когда она все поняла? Как? Урсула решила для начала изобразить непонимание, а дальше действовать по ситуации.

– Когда?

– Когда бросила нас с папой. Мне было семь, кажется.

В голосе Беллы Урсула не услышала осуждения. Только деловитое любопытство. Взрослая дочь желает лучше понимать, что происходило в период ее взросления. Ничего странного. Но Урсуле пришлось выбрать стратегию.

Солгать ради спасения собственной шкуры? Или ответить честно, что оставила семью, чтобы быть с другим человеком.

Какой бы вариант она ни предпочла, все равно останется эгоисткой. Но лучше уж пусть она будет эгоисткой в прошлом, чем сейчас. Признает свои прежние ошибки вместо того, чтобы наделать новых. Может быть, получится избежать ответа? Нужно выяснить, что известно Белле, и исходить из этого.

– С чего ты это взяла?

– Мне рассказала Барбра.

Вот этого Урсула не ожидала. Совсем. Она думала, это был Микке. Он явно знал больше, чем показывал. Так было всегда. Но Барбра... Урсула была знакома лишь с одной Барброй, так что ошибки быть не могло. Однако Урсула все же решила убедиться.

– Моя сестра?

– Именно.

Урсула уже много лет не вспоминала о Барбре. Общение между ними прекратилось после ссоры, когда однажды вечером Урсула разрушила брак сестры.

– Почему ты с ней разговаривала? – в голосе Урсулы зазвучали прохлада и недовольство, как бы она ни хотела их сдержать. Становилось очевидно, что именно она думает о сестре, а также о самом факте общения тетки с племянницей.

– Она позвонила, когда узнала, что в тебя стреляли. Спрашивала о тебе, переживала.

Урсула фыркнула, давая понять, что ни на секунду не поверила.

– Скорее, она хотела бы услышать, что я при смерти.

– Этого я не знаю. В любом случае, я обещала ей, что ничего не скажу об этом разговоре тебе.

– Но теперь ты рассказала.

– Ты же хотела, чтобы я с тобой делилась всяким.

Урсула кивнула. И правда. У нее было чувство, что Белла сейчас сидит на диване напротив нее лишь потому, что несколько недель назад мать протянула ей руку. Это – начало, это шанс начать все заново. Урсула не хотела все разрушить собственной неблагодарностью.

– Так это буду делать только я, или ты тоже мне что-нибудь расскажешь? – спросила Белла, отпивая еще глоток вина и требовательно глядя на мать поверх бокала. Урсула сделала глубокий вдох, словно в буквальном смысле собиралась погрузиться в омут памяти.

– Себастиан был одной из причин моего переезда. Я хотела сменить работу, а Госкомиссия представлялась мне гораздо лучшим вариантом, чем моя прежняя работа.

– Лучшим вариантом, чем мы?

Немного упрощенно и несправедливо, подумала Урсула, но решила держаться испытанного рецепта. Не вступать в конфронтацию, не искать конфликта. Сделать все, чтобы беседа была приятной.

– Мы обсуждали переезд на семейном совете. Микке был против. Фактически это он предложил какое-то время пожить отдельно.

– Вы не обсуждали это со мной.

– Ты была маленькой.

– Если бы я попросила тебя остаться, ты бы осталась?

– Ты не просила.

– Ну а если бы?

Вопрос был чисто гипотетический. Если бы да кабы... можно только гадать. По факту же Белла никогда не просила Урсулу остаться. Конечно, ей было грустно, но в то же время она явно предпочла бы, чтобы уехала мать, а не отец. Даже в то далекое время между ними уже существовал некий эмоциональный барьер. А теперь Урсула получила шанс возвести мост над этой пропастью. Хотя бы попытаться.

– Я не знаю. Вероятно, я бы не уехала.

Белла молча кивнула, по-видимому, удовлетворенная ответом. Для нее не было откровением, что Урсула всегда ставила собственные потребности и желания превыше дочкиных, но сейчас, по крайней мере, мать была с ней честна.

– Что произошло между тобой и Барброй? – меняя тему, поинтересовалась Белла.

– А она не сказала?

– Нет.

– О чем же тогда вы говорили?

Белла глубоко вздохнула, отставила бокал и выпрямилась.

– Она позвонила чтобы узнать, что с тобой произошло. Я рассказала ей, что в тебя стреляли дома у какого-то Себастиана. Она переспросила – у того самого Себастиана? Я не поняла, что она имела в виду, и Барбра пояснила – «у того, ради которого Урсула перебралась в Стокгольм». Я сказала ей, что ничего об этом не знаю, и она повторила: «Должно быть, это все-таки он». А потом она снова спрашивала о тебе и эту тему мы больше не поднимали.

Молчание.

Очередной требовательный взгляд Беллы.

Урсула размышляла. Что она, в сущности, теряет, если расскажет все? Напрашивается вывод, что ничего. Конкретно в этой части истории Урсула предстает жертвой.

– Она спала с ним. Или он с ней, той осенью, когда я вернулась в Линчепинг из-за папиной болезни.

– Ты имеешь в виду папин запой?

Урсула так привыкла защищать Микке, оправдывать его, оберегать, что это получалось у нее уже неосознанно. Она и думать забыла о том, что Белла давным-давно узнала о проблемах отца с алкоголем во времена своей юности. Поэтому сейчас Урсула просто кивнула.

– Я не любила Микаэля. Вероятно, никогда не любила. А Себастиана я смогла полюбить.

– Ты же только что сказала, что уехала не ради него.

– Так и есть. Не только ради него. Я поняла, что люблю его, уже в Стокгольме. Когда мы стали проводить вместе больше времени... Но потом он переспал с Барброй.

В комнате вновь наступила тишина. Впервые между ними состоялся такой откровенный разговор, и Белла так много узнала о матери за последние несколько минут, что раньше и представить было невозможно. Это было просто ошеломительно. Сразу возникли новые вопросы. Очень много новых вопросов. О взрослении Беллы, о Микке, о выборе, который сделала Урсула, о ее взаимоотношениях с Себастианом, с которым мать снова работала вместе вот уже несколько лет. Но для этого еще будет время.

– А теперь вы вместе идете на ужин, – констатировала Белла.

– Да, мы идем на ужин.

Кажется, на этом месте сегодня неплохо было бы поставить точку.

Урсула бросила взгляд на часы, отнесла в кухню бокал и поставила в раковину. Белла осталась на диване. До праздника оставалось еще несколько часов. Урсула вызвала такси, оделась, проверила, все ли при ней, и крикнула «пока!» вглубь квартиры. Белла вышла в прихожую.

– Увидимся завтра, – сказала она и обняла мать.

Насколько могла вспомнить Урсула, такое случилось впервые.

Ей подумалось, что к подобному выражению чувств она вполне могла бы привыкнуть.

* * *

– Здорово! Заходи.

С видом человека, который хотел бы, чтобы вечер уже закончился, Торкель посторонился, пропуская Себастиана. Так тот и подумал, вешая свою одежду.

– Я что, первый?

– Как видишь.

Лисе-Лотте показалась в дверях кухни, поздоровалась и выразила радость по поводу долгожданной встречи. Она ведь так много слышала о Себастиане! «Однозначно, не только хорошее», – подумал Себастиан.

– Так, значит, вы и есть причина хорошего настроения Торкеля, – сказал Себастиан, вручая хозяйке купленный по пути цветок.

– Надеюсь, что это так.

– Я в этом абсолютно уверен, – с улыбкой повторил Себастиан.

– Не хотите что-нибудь выпить?

– Что-нибудь безалкогольное.

– Безалкогольное пиво подойдет?

– Супер, спасибо.

Торкель стоял поодаль и наблюдал за гостем. Себастиан Бергман. Ведет себя, словно обычный человек. Легко было поддаваться искушению и забыть, каким очаровательным манипулятором мог стать Себастиан, если ему что-то было от вас нужно. Торкель решил, что нужно радоваться уже хотя бы тому, что Себастиан делает над собой определенное усилие. Они прошли в гостиную. Себастиан огляделся.

– Я ведь здесь еще не был, верно?

– Ты знаешь, что не был.

– Красиво. Уютно. Давно ты здесь живешь?

– С тех пор, как развелся с Ивонн.

Себастиан с заинтересованным видом закивал и отошел в сторону, где стал рассматривать ближайшую книжную полку.

– Это твои девочки? – спросил он, кивком указывая на фото Вильмы и Эллин, а потом взял рамку в руки, чтобы рассмотреть поближе.

Он строго придерживался своего плана.

Болтать о ерунде.

О чем-то, что может понравиться такому скучному, лишенному фантазии типу, как Торкель. Потому что даже если Себастиану удастся уговорить Ванью хотя бы терпеть свое присутствие поблизости, этого будет недостаточно, чтобы остаться в Госкомиссии. Вот для чего ему пригодится Торкель.

– Какие взрослые.

– Что у тебя на уме? – резко спросил Торкель, отбирая у Себастиана фото и возвращая на полку.

– В каком смысле?

– Что тебе нужно? Ты ведешь себя как нормальный человек только в одном случае – если тебе что-то нужно.

Ладно, кажется, он перегнул палку. Сейчас лучше согласиться с Торкелем. Так можно будет продолжать двигаться вперед вместо того, чтобы сдавать назад.

– Я хочу... Вернуть обратно хотя бы часть своей прежней жизни. – Себастиан умолк, словно подбирая нужные слова. – Ты знаешь, что мы сблизились с Урсулой. И тогда я понял, что уже много лет очень, очень одинок. А с тобой мы когда-то были друзьями.

Торкель молча глядел на Себастиана, а тот смотрел на него самым честным и открытым взглядом, какой мог изобразить. Чересчур? Слишком поспешно? Лучше дождаться ответа и действовать по ситуации.

Торкель ничего не успел сказать в ответ, как вновь раздался звонок. Торкель направился к дверям, а в гостиную как раз вернулась Лисе-Лотте с бокалом пива. Минутой позже появилась Урсула. На мгновение замешкалась, увидев, что из гостей пока только Себастиан. Рассказать ему, что его имя они с дочерью только что упоминали в беседе? Окунулись в омут памяти. Но стоит ли? Себастиан ведь о случившемся тогда ни разу и не вспомнил. Он никогда бы не попросил прощения. Урсула даже не была уверена, понимал ли Себастиан причину ее многолетней ненависти.

Лисе-Лотте покинула Себастиана и подошла поприветствовать гостью.

– Мы ведь с вами уже встречались, – сказала она, пожимая протянутую Урсулой руку.

– Так и есть, – с улыбкой согласилась Урсула. Даже в тот раз, когда Лисе-Лотте была не накрашена и не прибрана, Урсулу поразила ее красота. Теперь же, с уложенными волосами и незаметным макияжем, в простом платье от Карен Миллен, она выглядела просто потрясающе.

Урсула вежливо поинтересовалась, не нужна ли Лисе-Лотте помощь на кухне, но все было почти готово. Основные блюда Лисе-Лотте приготовила вчера, а с остальным справилась сегодня после обеда. Не желает ли Урсула выпить? Вина – красного, белого? Пива, газировки, колы?

– Я предпочла бы бокал белого вина, спасибо. – Урсула посмотрела вслед Лисе-Лотте, которая отправилась на кухню. Конечно, она еще и прекрасная хозяйка.

Урсула подошла к Себастиану, прекрасно осознавая, что теперь должна быть настороже – она выпила уже два бокала вина.

– Красивое платье, – поприветствовал ее Себастиан.

– Благодарю.

– А твой приятель из Тиндера не придет?

– Он не из Тиндера, и нет, он не придет. Мы встречались всего один раз.

– Однажды я пригласил женщину, с которой только что познакомился в метро, на свой выпускной.

– К несчастью, меня это не удивляет.

Снова прозвучал звонок, и к ним присоединились Ванья с Юнатаном. Они вошли, поздоровались и тоже получили напитки. Ванья отказалась от выпивки, пояснив, что ей нужно будет вести машину. По правде говоря, она подозревала, что беременна. А если и не была, то не потому, что они не старались. Они с Юнатаном и опоздали как раз по этой причине.

Себастиан пожал Юнатану руку и представился, назвав имя и фамилию. Ни слова о том, что они уже встречались. Вот и прекрасный повод продемонстрировать новую, улучшенную версию себя. В такой вечер Ванья не сможет настаивать на том, чтобы они обсуждали только работу. В особенности после того, как Торкель и Лисе-Лотте попросили всех свести обсуждение рабочих вопросов к минимуму. Себастиану это было на руку. Не считая Торкеля и Лисе-Лотте, которые были вынуждены посвящать свое внимание не только гостям, но и происходившим на кухне процессам, их было всего четверо.

Придерживайся плана.

Сделай над собой усилие!

Болтай о ерунде.

Мю и Билли появились последними, и вся процедура повторилась в последний раз: гости разделась в прихожей, вошли в гостиную, поприветствовали собравшихся и получили свои напитки.

– Простите нас за опоздание, Билли же был в Уппсале, – поспешила оправдаться Мю, как только поздоровалась со всеми.

– Что ты там забыл? – самым светским тоном поинтересовался Себастиан.

– Просто кое-что проверял.

– Кое-что?

– Ну прекратите же говорить о работе, – с улыбкой вмешалась Лисе-Лотте, – и пойдёмте к столу, все готово. Гости послушно стали собираться в кухне. Себастиан не отводил взгляда от Билли. Он и сам большую часть дня провел в Уппсале, но не заметил Билли в офисе, да и Анне-Ли с Карлосом не упоминали о нем.

– Рассадка свободная, – объявила Лисе-Лотте, когда все собрались вокруг накрытого на восемь персон стола.

Себастиан взглянул на Ванью. Она явно ждала, чтобы тот первым выбрал себе место, тогда она смогла бы сесть как можно дальше от него.

Ужин начался.

Оладьи из цветной капусты с пармезаном.

Вино полилось в бокалы, плавно потекла беседа. В центре внимания оказались Юнатан, Лисе-Лотте и Мю – новые люди, новые истории, интересные профессии. Эти люди знали троих членов команды с той стороны, которая их коллегам была неизвестна, поэтому всех ждали неожиданные открытия и оригинальные мнения о старых знакомых.

Треска слабой соли с креветочным соусом и вкуснейший картофель, посыпанный укропом.

Доедая горячее, Себастиан внезапно осознал, что ему приятно. Темы разговора плавно перетекали одна в другую. Работа, музыка, телесериалы, родные места, сплетни, политика. Даже Ванья в обществе других людей, похоже, немного оттаяла к Себастиану.

А завтра все станет еще лучше.

Себастиан успел пообщаться с Вальдемаром и договорился с ним о встрече. Вальдемар отлично знал, что Себастиан – коллега его дочери – он продолжал так ее называть – но в ходе беседы ни разу не упомянул тему отцовства, из чего Себастиан сделал вывод, что тот попросту не владел информацией. Ванья ему не рассказала.

Себастиан пояснил, что дело касается Ваньи. Что он видит, как ей чего-то отчаянно недостает. И это что-то – он, Вальдемар.

Когда бедняга услышал, что Ванья по нему скучает, то едва не заплакал. Его не пришлось долго уговаривать сделать ей сюрприз своим неожиданным появлением. Если Ванья узнает заранее, если ее предупредить, она обязательно найдет повод все отменить.

Сохранять статус-кво – всегда самое простое решение.

Сложнее отважиться на перемены.

И сделать шаг к примирению.

Лимонное суфле, маракуйя и традиционное овсяное печенье.

После ужина все стали наперебой благодарить хозяев и старались превзойти друг друга, нахваливая вкусную еду. Урсула настаивала на том, чтобы помочь Лисе-Лотте на кухне. Лисе-Лотте хотела оставить все на завтра – они бы все могли убрать позже, вдвоем с Торкелем. Но вышло как хотела Урсула. Остальные отправились в гостиную. Себастиан уже не мог вспомнить, когда в последний раз, находясь в подобной обстановке, в обществе, он не пытался кого-то снять. Когда он в последний раз просто общался с людьми. Вероятно, это было еще при Лили. Давно. Он оглядел комнату.

Билли и Юнатан что-то оживленно обсуждали, склонившись голова к голове, но Себастиан даже не хотел притворяться, что ему это интересно. Ваньи в комнате не было. Может, она пошла в кухню? Может, там у него будет шанс с ней поговорить. Вечер прошел замечательно. Даже Ванья должна с этим согласиться. По пути в кухню Себастиан обратил внимание, как Мю отзывает Торкеля в сторону. Себастиан замедлил шаг и весь обратился в слух – все, что имело отношение к Билли, было ему сверхинтересно.

– Могу я вас кое о чем попросить? – услышал Себастиан голос Мю.

– Конечно.

– Если ничего экстраординарного не произойдет, вы сможете справиться без Билли недельку в ноябре, как вам кажется?

– Посмотрим, сейчас сказать сложно. А что?

– Мы хотим уехать ненадолго. Взять небольшой отпуск.

– Как я и сказал, посмотрим. У него остались еще неиспользованные дни?

– Конечно. После праздника Мидсоммар ему пришлось работать целую неделю в собственном отпуске.

– Правда?

– Ну да, ко мне в Бохуслен он приехал только в начале июля.

– Хорошо, – кивнул Торкель. – Мы все выясним.

Услышанное не заинтересовало Себастиана, к тому же тема, судя по всему, была исчерпана. Себастиан продолжил свой путь в кухню, где Урсула с Лисе-Лотте уже вытирали последние тарелки. Там Ваньи тоже не оказалось. Вероятно, она была в туалете. Но не мог же Себастиан встать под дверь уборной и ждать ее там! Лисе-Лотте обернулась на звук его шагов. Себастиан взял для себя стул и устроился в кухне.

– Хотите еще чего-нибудь? – спросила Лисе-Лотте.

– Нет, спасибо, все отлично. Вообще все было прекрасно, и я подозреваю, что заслуги Торкеля в этом нет.

– Он помогал.

– Ну, в таком случае, все было прекрасно несмотря на помощь Торкеля, – с теплой улыбкой отозвался Себастиан. – Чертовски хорошая идея – собрать нас всех. Приятно было познакомиться.

– И я очень рада познакомиться со всеми вами. Торкель рассказывает о вас постоянно.

– В таком случае, будем надеяться, что наши встречи станут чаще.

Урсула пристально поглядела на Себастиана, словно желая убедиться, что все расслышала верно. Он что, флиртует с Лисе-Лотте?

Внимательный, вежливый, остроумный.

Себастиан никогда не бывал таким, за исключением тех случаев, когда ему что-то было нужно. А нужно ему всегда было только одно – затащить кого-нибудь в постель. Но даже наиболее саморазрушительная ипостась его личности не стала бы всерьез пытаться проделать это с вновь обретенной любовью Торкеля. Тогда, может быть, это какая-то психологическая игра? Уловка, чтобы вызвать ревность Урсулы? Заставить ее пожалеть об утраченном. Смотри, Урсула, какого мужчину ты упустила...

– И что вам двоим удастся найти общий язык, – продолжал Себастиан. На ум Урсуле тут же пришло, что сейчас может возникнуть проблема посерьезнее невинного флирта. – Не каждая смогла бы через это переступить.

Улыбка Лисе-Лотте превратилась в гримасу непонимания.

– Переступить? Через что нам нужно переступить?

– Себастиан... – позвала Урсула, пытаясь переключить на себя внимание.

Эффект, однако, получился обратный. Лисе-Лотте перевела взгляд с Себастиана на Урсулу, и морщинка у нее на лбу, придававшая всему лицу вопросительное выражение, углубилась, когда она снова посмотрела на примолкшего Себастиана. Его только что озарило: Торкель ничего не рассказывал Лисе-Лотте об Урсуле.

– Так через что нам нужно переступить? – повторила свой вопрос Лисе-Лотте, и по голосу ее уже было ясно, что она подозревает, каков будет ответ. Однако она продолжала сверлить Себастиана требовательным взглядом в ожидании его слов.

– Через... через... – пытался что-то сказать Себастиан, чувствуя себя провинившимся учеником, которого вызвали на ковер к директору. Он ведь не хотел ничего разрушать, ничего портить – никому, и себе в том числе, он просто пытался быть милым. Если бы он смог понравиться Лисе-Лотте, это увеличило бы его шансы на возвращение в Госкомиссию. Себастиан лихорадочно пытался сочинить подходящий ответ, но в голове было пусто. В голове Себастиана Бергмана, который умел лгать даже во сне! Но Лисе-Лотте ждала ответа.

– Ладно, я на самом деле не имел в виду... я думал, что Торкель рассказал.

– Что рассказал?

– Себастиан, – снова попыталась вмешаться Урсула, как будто завершение этого разговора могло как-то спасти ситуацию.

– Что рассказал? – повторила Лисе-Лотте, в голосе которой отчетливо проступали гневные нотки.

– Торкель с Урсулой раньше, ну...

– Что ну?

– Ну, вроде... Они были парой, – сдался Себастиан, опустив плечи. То, что он сказал, и без дополнительных подробностей было достаточно жестоко.

– Когда?

– Не могу сказать... Он взглянул на Урсулу, ища поддержки. – Вероятно, полгода назад или чуть больше...

За каких-то пару месяцев до их встречи. Лисе-Лотте молча стояла, пытаясь осознать услышанное. Тишину разорвал голос Торкеля.

– Юландер только что звонила. Нужно ехать. Он снова объявился.

* * *

В небольшой приемной горел приглушенный свет, а обстановка была выдержана в желто-зеленых тонах. С этими цветами у большинства людей ассоциируются тепло, покой, уверенность и дружелюбие. У стены – большой аквариум, с противоположной стороны – крупные растения в горшках, на журнальном столике между желтым диваном и зелеными креслами – газеты. Незнакомая инструментальная музыка ненавязчиво лилась из скрытых динамиков. Какой-то дизайнер интерьеров справился с домашним заданием на пятерку, если оценивать воздействие окружающей обстановки и цветовой палитры помещения на пациентов.

Тереза, одетая в футболку и спортивные штаны, с ногами сидела на диване. Она обнимала колени, словно хотела казаться меньше, стать невидимой. Покрасневшие глаза ее опухли от слез, темные волосы выбились из пучка и свисали прямо на лицо.

– Я была с друзьями. Собралась домой в половину одиннадцатого, – произнесла она до того слабым голосом, что Анне-Ли пришлось наклониться к ней поближе, чтобы расслышать. – Я вызвала Безопасное Такси.

– Что это?

– Такси для одиноких женщин. Бесплатное. Вначале они возили только студенток...

Анне-Ли кивнула, припоминая, что читала о чем-то таком на прошлой неделе. Что в последнее время, к сожалению, отмечается рост популярности подобных услуг.

– Когда вы вызывали такси...

– Да?

– Вы упоминали о том, что дома никого нет?

Так как преступник поджидал ее дома, Анне-Ли предположила, что кто-то мог знать о том, что квартира была пуста. Несколько лет назад в Гетеборге накрыли банду взломщиков, членами которой были водители такси. Таксисты сообщали троим фактически осуществлявшим взлом сообщникам адреса квартир и домов, которые

они примечали, когда отвозили клиентов в аэропорт Ландветтер, делая справедливый вывод о том, что жилища путешественников остаются пустовать. Они даже заводили с клиентами беседу, чтобы невзначай выведать сроки их отсутствия. В данном случае, конечно, временные рамки были более сжаты, но исключить такую возможность было непозволительно.

– Нет, не упоминала, – ответила Тереза.

– Вы в этом уверены?

– Да.

Анне-Ли сделала пометку. Такси, которое развозит одиноких женщин ночью по домам. С этой организацией нужно познакомиться поближе.

Дверь в приемную открылась, и вошла Габриэлла, младшая сестра Терезы. Она вернулась с кружкой теплого чая для Терезы и опустилась на диван подле нее.

– Я говорила с Миланом, он возвращается. Через несколько часов будет дома.

Тереза благодарно кивнула, продолжая обнимать колени. Она словно не замечала заботливо поставленную перед ней кружку. Габриэлла взяла ее за руку и нежно сжала.

– Милан уехал на курсы, – пояснила она для Анне-Ли.

– Кому об этом было известно? Что вы остались одна?

Габриэлла взглянула на сестру. На этот вопрос ей нужно было ответить самостоятельно.

– Нашим друзьям, его коллегам, нашим родителям... – Тереза взглянула на сестру, отчасти ища поддержки, отчасти в надежде, что та сможет вспомнить кого-то еще. Габриэлла молчала.

– Вы писали об этом у себя в социальных сетях? – задала следующий вопрос Анне-Ли. Она никоим образом не желала заставить Терезу винить себя в случившемся. Краеугольный камень в расследовании сексуальных посягательств – понимание того, что вся полнота ответственности за них лежит на преступнике, и только на нем. Однако Анне-Ли обязана была выяснить, не вхож ли нападавший в ближний круг жертвы и не была ли общедоступной посредством интернета необходимая ему информация. Тот факт, что он совершил нападение в доме, устроил засаду в квартире жертвы, ясно указывал на то, что преступник заранее знал – она придет одна.

– Да, я писала об этом на Фейсбуке, – подтвердила Тереза.

– А Милан со вчерашнего вечера постил фото в Инсте, – добавила Габриэлла.

– Мы с ним это обсуждали, – всхлипывая, произнесла Тереза, и впервые за все время взглянула в глаза Анне-Ли. – То, что он уезжает так быстро после... Вы знаете. После первого случая.

Голос ее задрожал и глаза наполнились слезами. Габриэлла обняла сестру за плечи.

– Я сказала, что все хорошо. То, что произошло, не должно влиять на нашу жизнь. Я хотела просто забыть об этом и жить дальше.

Достойная восхищения позиция, но Анне-Ли по опыту знала: большинство женщин, переживших подобное, испытывают трудности, пытаясь оставить травмирующий опыт позади. Пережитый страх проявляет себя в разных ипостасях. Депрессия, чувство вины, проблемы со сном, отчаяние, попытки причинить себе вред, даже суицидальные мысли. Каждая женщина реагирует по-своему. Некоторые встречаются с последствиями травмы сразу, у других после нападения успевают пройти годы, когда внезапно срабатывает триггерный механизм. Лишь немногим удается выбраться из этого и продолжать жить, словно ничего не случилось.

– Я не понимаю. Почему снова я? – произнесла Тереза словно бы в пространство.

– Я не знаю. – Анне-Ли действительно ей сочувствовала. Если эта женщина более или менее успешно смогла восстановиться после первого случая, то теперь это будет гораздо сложнее, если вообще возможно. Даже когда его поймают, Терезе не станет легче.

Анне-Ли ненавидела этого мужчину.

Они должны его поймать.

– Есть ли у вас соображения, почему кто-то мог это задумать? – спокойно спросила Анне-Ли. Опять-таки, она не желала сеять в душе Терезы семена сомнений в собственной невинности. Но та только медленно покачала головой.

Зажужжал мобильник Анне-Ли. Она взглянула на экран. Прибыла Госкомиссия.

– Нам с вами необходимо будет еще раз побеседовать, но не сейчас. – Анне-Ли захлопнула блокнот и поднялась с места. Она наклонилась к Терезе и мягко положила руку ей на плечо. – Вы

должны мне пообещать, что будете очень внимательны к своему состоянию.

Тереза кивнула. По ее лицу беззвучно катились слезы. Анне-Ли перевела взгляд на ее сестру.

– Приглядывайте за ней.

Габриэлла тоже кивнула, и притянула сестру к себе.

Торкель, Ванья и Себастиан ожидали в пустынном коридоре. Себастиан уселся на больничную каталку и болтал ногами. Ванья обеспокоенно ходила взад-вперед, а Торкель где-то раздобыл для себя стул и журнал «Рыбалка» и теперь, листая его, пытался изобразить интерес. Никто из них не произносил ни слова.

Они приехали на двух машинах – Торкеля и Билли. За рулем были Ванья и Билли, потому что Торкель и Урсула пили алкоголь. Торкель выпил меньше Урсулы, но все же достаточно много, чтобы воздержаться от вождения. Себастиан настоял на том, чтобы ехать с Торкелем. Он хотел объясниться, попытаться все исправить. Торкель согласился только потому, что это был самый простой выход. Урсула и Билли должны были ехать прямо на место преступления, соответственно, ехали они вместе, а он, Ванья и Себастиан на второй машине направились в больницу. Они еще не успели покинуть Кунгсхольмен, как Себастиан честно и искренне попросил прощения.

– Я правда думал, что ты ей рассказал, – оправдывался он, выглядывая с заднего сиденья. – Вы же каждый день с Урсулой встречаетесь на работе.

– Именно поэтому, – коротко ответил Торкель. Ванья решила не участвовать в дискуссии. Даже она считала, что Торкель рассказал Лисе-Лотте о своих прошлых отношениях с Урсулой. Здесь она вынуждена была согласиться с Себастианом – люди обычно ставят своих партнеров в известность о том, что продолжают работать бок о бок с бывшими. Однако своими мыслями Ванья не собиралась ни с кем делиться. Она сконцентрировалась на том, чтобы не отставать от Билли, когда они вырулили на шоссе Е 6 и помчались на север.

– Я не хотел ничего портить. Если хочешь, я объясню это ей.

– Нет, я этого не хочу.

– Спроси Урсулу, – сделал Себастиан еще одну попытку. Ему было важно, чтобы Торкель ему поверил. Себастиан не хотел выглядеть таким говнюком. В особенности в присутствии Ваньи. –

Она была там, она знает, что я сказал это без всякой задней мысли. Это была ошибка.

– Ошибкой было приглашать тебя на ужин, – сквозь стиснутые зубы пробормотал Торкель, и до конца пути они больше об этом не говорили. Они вообще не разговаривали.

В молчании они припарковались, в молчании вошли в здание больницы, в молчании же ожидали Анне-Ли в коридоре.

– Вас всего трое? – спросила она, подходя к ним.

– Урсула с Билли отправились прямо в квартиру, – ответил Торкель, избавляясь от журнала.

– Карлос уже там, – сообщила Анне-Ли.

– Отлично, значит, он возьмет командование на себя. Мы были на ужине. Урсула выпила пару бокалов вина.

– Почему же она поехала с вами? – Анне-Ли выглядела совершенно обескураженной. Почему? Торкелю никогда не приходило в голову, что она могла бы куда-то *не* ехать. Урсула не была пьяна, она знала, что может, а чего не может делать, знала, как следует себя вести. Но Торкель успел пожалеть о том, что рассказал Анне-Ли. Он догадывался, что в следующий раз Розмари обязательно задаст ему вопрос о том, что он как начальник думает о своих подвыпивших подчиненных. Торкель благоразумно решил умолчать о двух выпитых за ужином бутылках пива.

– Что она рассказала? – спросил он, меняя тему.

– Она вернулась домой в четверть двенадцатого. Кто-то подждал ее в квартире, подкрался со спины и усыпил ее. Она очнулась с мешком на голове. Еще одно изнасилование. Врачебный осмотр зафиксировал следы спермы.

– Несчастливая женщина, как она себя сейчас чувствует? – спросила Ванья.

– Физиологически – у нее взяли анализы на половые инфекции и дали средство экстренной контрацепции. В прошлый раз ей сделали прививку от гепатита В. Психологически – плохо. И вероятно, ее состояние еще ухудшится.

– У нее есть сожитель, – сказал Торкель, возвращаясь к расследованию. – Откуда преступник мог знать, что она будет одна?

– Из социальных сетей. Если, конечно, они не знакомы лично.

Себастиан кивнул, словно соглашаясь со своими мыслями. В который раз такое случалось. Он не переставал удивляться, каким количеством личной информации люди добровольно делятся в социальных сетях, тем самым подставляя любопытным взорам свою жизнь и делая себя уязвимыми.

– Она поехала домой на Безопасном Такси. Это общественная организация, которая занимается бесплатным развозом одиноких женщин.

– Что нам известно об этой организации?

– Что она существует. Детали мы сможем выяснить завтра.

– Он опять действует в помещении, в доме жертвы, – констатировал Себастиан. Этого они одновременно ждали и боялись. Новое нападение. На этот раз картина еще более усложнилась. – И самое важное: он вновь выбрал Терезу.

– Этот факт, безусловно, важен, но не может ли он оказаться просто случайностью?

Вопрос был не так глуп, как могло показаться. Самое худшее, что они могли сейчас сделать – это поспешные выводы. Поиски доказательств, подтверждающих уже готовую версию, вместо непредвзятого анализа.

– В таком случае он должен был бы пролистать Фейсбук в поисках одиноких женщин, обнаружить Терезу и не узнать ее, – обрисовал положение Себастиан и, взглянув на остальных, озвучил то, что они уже и так знали:

– Он выбрал именно ее. Это что-то личное.

– В таком случае он может объявиться также у Иды и Клары, – сказала Ваня.

Они переглянулись. Спорить с этим выводом было бесполезно. Было поздно, но им хотелось верить, что еще не стало слишком поздно для этих женщин. Себастиан спрыгнул с каталки и поспешил вслед за остальными.

* * *

Он не забыл, какой Ида предстала перед ними в прошлый раз. Испуганной. Одинокой. Раненой.

Поэтому, когда они уже были в пути, Себастиан отыскал у себя в контактах номер Иды и послал ей смс. Если они среди ночи без предупреждения станут звонить к ней в дверь, Ида может испугаться до полусмерти.

Ответа Себастиан не дождался, поэтому отправил еще одно сообщение. Когда они уже стояли на крыльце дома, в котором жила Ида, Себастиан набрал ее номер. Его звонок был сразу же переадресован на голосовую почту, и Себастиан без слов отключился. Что тут скажешь? Оставалось меньше минуты до того, как кто-то из них нажмет на кнопку звонка.

Анне-Ли и Себастиан взбежали по лестнице на второй этаж. Позвонили. Здание было довольно старое, давно не ремонтировалось, так что вместо современных почтовых ящиков, которые обычно располагались в общем холле у входа, здешние жильцы все еще пользовались почтовыми окошками в дверях. Себастиан опустил на корточки и приоткрыл узкую заслонку. В прихожей горел свет.

– Ида, это Себастиан Бергман из Госкомиссии, – позвал он достаточно громко, чтобы Ида услышала из глубины квартиры, но при этом довольно спокойным тоном, чтобы избежать излишнего любопытства со стороны соседей по лестничной клетке.

Ничего не произошло.

Анне-Ли снова позвонила в дверь. На этот раз она долго не отпускала кнопку. Себастиан попытался заглянуть в щель для писем. Угол обзора был весьма ограничен, но Себастиан смог разглядеть пол – на полу ничего не было.

– Ида, ты нас слышишь? Это Себастиан! Из Госкомиссии! Нам нужно с тобой поговорить!

Снова ничего.

Себастиан поднялся и взглянул на Анне-Ли, которая уже доставала телефон.

– Как поступим?

– Нам нужно попасть внутрь, – приняла решение Анне-Ли. Она спустилась на несколько ступенек, набирая номер, а Себастиан так и остался стоять в нерешительности у Идиной двери.

Менее чем через десять минут прибыли патрульные с необходимым оборудованием для вскрытия двери. Несмотря на собственную уверенность в том, что в квартире пусто, Себастиан

вновь сел на корточки и прокричал в почтовую щель предупреждение. Оставался призрачный шанс, что Ида всего лишь спит, и если она проснется, решив, что кто-то пытается проникнуть в квартиру, то будет в панике.

Дверь поддалась, и вскрывший ее полицейский в форме отступил в сторону. Себастиан сделал шаг внутрь.

– Ида...

Тишина. Одинокое письмо на полу у двери. В квартире ни шороха. Воздух спертый, затхлый, неплохо бы проветрить. Они двинулись дальше. Свет оказался зажженным и в гостиной, и в кухне. Себастиан зашел в кухню. Как и в первый раз, когда он здесь был, везде царили чистота и порядок. Исключение составляли бумажный пакет, брошенный на полу, и кое-какие продукты, оставленные на столешнице у мойки. Один из ящиков был выдвинут. Себастиан заглянул туда. Кухонная утварь. Ножи, ситечки, деревянная вилка, лопатка, венчик и прочее. Взгляд Себастиана скользнул по столешнице. Какие-то консервы, кусок сыра, пачка масла, яйца, упаковка замороженных тефтелей, туалетная бумага. Некоторые из этих товаров совершенно точно чувствовали бы себя лучше в холодильнике, если не в морозилке. Себастиан поднял пакет с пола и заглянул внутрь. Там обнаружился чек. Датирован двадцать первым октября. Шесть дней назад.

Внезапно с другого конца квартиры донеслись ругательства Анне-Ли, и Себастиан поспешил туда.

– Что такое?

Не говоря ни слова, она кивком указала на спальню. Себастиан заглянул внутрь. На полу валялся уже знакомый джутовый мешок, а одежда и белье Иды были брошены у изголовья кровати.

– Черт побери. Мы опоздали.

Почти одновременно они оба обернулись к двери в ванную. Это было единственное помещение в квартире, которое они пока не осмотрели. Дверная ручка подсвечивалась красным – ванная была занята. Обуреваемый нехорошими предчувствиями, Себастиан застучал в дверь.

– Ида, это Себастиан, из Госкомиссии!

Не отвечает. Из-за закрытой двери не доносится ни звука. Вновь обмен взглядами с Анне-Ли, вновь полицейский в форме. Замок

вскрыт.

Себастиан сделал глубокий вдох и распахнул дверь. Он надеялся, что обнаружит Иду, скрюченную на полу, не в силах пошевелиться, парализованную ужасом.

То, что увидел Себастиан, повергло его в глубокую печаль.

Ида лежала в ванне.

Вода в ней была красной от крови.

На полу – нож для фруктов.

Глубокие открытые раны вдоль одного предплечья. Открытые глаза застыли, уставившись в пустоту. Тело распухло, пробыв в воде... с 21 октября, догадался Себастиан. Шесть дней.

Себастиан словно собственными глазами увидел, как Ида решилась на это – одна или с чьей-то помощью. Она пришла домой, начала разбирать пакет с покупками, сзади к ней подкрался тот, кто дожидался ее. Он усыпил ее и затащил в спальню. Потом она очнулась с мешком на голове.

Если повторное нападение смогло сломить Терезу, что говорить об Иде? Она уже была раздавлена. Недели, проведенные в изоляции, лишь усугубили проблему, Себастиан был убежден в этом. Так много времени... для размышлений, самокопаний, раскаяния. И никого рядом, кто протянул бы ей руку.

Никто ей не помог.

Себастиан попятился из открытой двери, снедаемый угрызениями совести. Он тоже не помог ей. Ничего не сделал. Когда Ида очнулась с мешком на голове, она, вероятно, сразу решила, что больше не в силах терпеть эту муку. То, что было в ее душе надломлено, сломалось окончательно, и самые ужасные мысли вырвались наружу, затопив ее сознание, заставив захлебнуться слабый голосок, призывавший найти выход, найти способ выстоять и идти дальше, несмотря ни на что. Волна чистого отчаяния, противостоять которой оказалось невозможно.

И вот она идет в кухню, достает фруктовый нож и возвращается в ванную, чтобы уже оттуда не выйти...

Угрызения совести – эмоция, которой Себастиан давно не испытывал и, по правде говоря, даже не был уверен, что способен испытывать – сменились гневом. Этим людям за многое придется ответить. Однако (в этом Себастиан даже сам себе не хотел

признаться) дело становилось все более интересным. Группа лиц, или как минимум два человека, прекрасно владеющие собой, что весьма необычно в контексте преступлений против половой неприкосновенности. Они не допускают случайностей.

Они действуют в соответствии с планом, хладнокровно, эффективно, осознанно.

Они сознательно выбирают жертв.

Теперь профили предполагаемых преступников можно было составлять заново. Они избрали первую жертву не по признаку территориальности. Их мотив не имел ничего общего ни с властью, ни с контролем, ни с женоненавистничеством, ни с сексом – ни с чем из того, на чем изначально строилась версия полиции. Мешки и шприцы нельзя списывать со счетов, но их роль заключалась не в расчеловечивании жертвы и не в обеспечении тотального контроля. Теперь даже нельзя утверждать, что преступники в прошлом могли экспериментировать с БДСМ.

После повторного нападения на Терезу и гибели Иды придется заново все обдумать.

Себастиан достал мобильный и набрал номер Торкеля. Коротко рассказал о том, что случилось дома у Иды. Поинтересовался, добрались ли Торкель с Ваньей до Клары.

С Klarой необходимо поговорить.

Она даст им ключ к разгадке, в этом Себастиан был уверен.

* * *

– Ида умерла?

Клара выглядела совершенно потерянной. Они настояли, чтобы она поехала с ними в участок, несмотря на то, что стояла уже глубокая ночь. Клара хотела остаться у себя дома, но Торкель с Ваньей пояснили, что разговор лучше будет продолжить на их территории, и та не стала протестовать. У Ваньи промелькнула мысль, что Клара так или иначе понимала, о чем пойдет речь.

Она не была обескуражена.

Рано или поздно она ожидала чего-то подобного.

Она утаила от полиции какую-то информацию.

Их звонок разбудил ее. Дверь открыл муж. Когда они попросили позвать Клару, он спросил, нельзя ли отложить разговор до утра. Они ответили отказом и несколько минут спустя все четверо уже сидели в кухне. Приглушенными голосами Торкель и Ванья поведали о случившемся с Терезой. Им было известно, что Клара и Тереза не знакомы, однако все указывало на то, что жертвы выбраны не случайно и Кларе может вновь грозить опасность. Не появилось ли у Клары каких-либо догадок по этому поводу?

Клара избегала отвечать прямо. Она больше упирала на то, что не была знакома с Терезой, а значит, у них не было ничего общего. Однако вопрос о том, почему жертвой нападения чуть не стала сама Клара, остался без ответа.

Позвонил Себастиан и подкрепил их теорию сообщением о смерти Иды. Теперь им необходимы были ответы. Без промедления.

По этой причине все они и оказались посреди ночи в конференц-зале: Клара, Анне-Ли, Торкель, Ванья и Себастиан. Анне-Ли закрыла интерактивную доску ставнями, чтобы исключить утечку. Они разошлись по комнате, чтобы у Клары не создавалось впечатление, что они здесь вчетвером против нее одной. Тем не менее присутствие стольких лиц лишь подчеркивало серьезность ситуации.

– Да, похоже на то, что она вновь подверглась нападению и впоследствии свела счеты с жизнью, – предметно ответила Анне-Ли. Клара была подавлена и сбита с толку. Ее разбудили среди ночи, привезли в полицию, где сообщили о смерти знакомой. Анне-Ли прекрасно понимала, что в сложившихся обстоятельствах гуманнее было бы отложить разговор до утра, но она не могла позволить себе терять время. Действовать нужно быстро и профессионально, так что если сидящая перед ней женщина владеет какой-то информацией, эту информацию необходимо получить.

– Боже мой... – Глаза Клары наполнились слезами, и она спрятала лицо в ладонях.

– Нападения на Иду и Терезу были совершены повторно.

– Вы знали Иду, – констатировал Торкель, вставая. Клара кивнула. Торкель направился к шкафу с расходными материалами. Возле фруктовой вазы, стоявшей на нем, лежала стопка бумажных салфеток. Торкель взял оттуда несколько штук и вручил Кларе. – Но при этом не были знакомы с Терезой?

Клара отрицательно замотала головой и с благодарностью взяла салфетки.

– А с Ребеккой?

Секундное колебание. Затем еле заметный кивок. Ванья вся подалась вперед. Вот и оно, промелькнула у нее мысль. В прошлый раз Клара утверждала, что не знакома с Ребеккой Альм. Это была ложь, но теперь они доберутся до истины. Даже Себастиан, который стоял у входа, прислонившись к стене, напрягся в ожидании ответа.

– Ее я тоже знала, – не поднимая взгляда, еле слышно призналась Клара. – Мы были... мы состояли в группе, можно так сказать. Восемь-десять лет назад.

– Что это была за группа? – спросила Ванья.

– Мы называли себя «Аб Ово». Мы собирались в церкви.

– И чем занималась ваша «Аб Ово»?

Клара глубоко вздохнула, оторвала взгляд от стола и посмотрела на Ванью. Себастиану показалось, что эти воспоминания Клары не хотела бы ворошить.

– Наша группа была создана для оказания поддержки беременным женщинам. Чтобы те смогли сохранить ребенка, не делать аборт.

– Значит, противники абортов.

– Мы считали себя не противниками чего-то, а сторонниками. Сторонниками жизни.

– Пролайферы, все понятно, – отрезала Ванья, и тон, которым она это сказала, не оставлял сомнений в том, как лично она была настроена по отношению к подобным организациям. Себастиан знал ее достаточно хорошо, чтобы представлять себе, что думает Ванья о людях, которые считают, что могут решать за женщину, как ей распоряжаться своим телом. И уж подавно о древней книге, которая ссылается на волю какого-то бога.

– Кто еще состоял в этой группе? – задала вопрос Анне-Ли, стремясь скорее получить полную картину.

– Группу создала Ингрид Дрюбер. Нас было четверо – Ида, Ребекка, я и еще Ульрика.

– Что за Ульрика?

– Ее фамилия Монсдоттер. Она была старше нас, примерно ровесница Ингрид.

Анне-Ли выразительно взглянула на Торкеля, который, коротко кивнув в ответ, отправился звонить Билли и Карлосу, чтобы те пробили Дрюбер и Монсдоттер по имеющимся регистрам.

– Значит, вы, Ида и Ребекка все состояли в одной группе. Но не Тереза, – резюмировал Себастиан. Три из четырех уже вполне достаточно, чтобы они были уверены, что находятся на верном пути. Они смогут позже выяснить причину, по которой Терезу тоже включили в список. Связь явно существует, и они ее отыщут.

– Нет.

– Если нападения связаны с вашей группой, что такого произошло, что кто-то решил так с вами поступить?

Клара снова замялась. На этот раз молчание продлилось дольше. Когда она в первый раз общалась с полицией, после того как на нее напали возле машины, эта мысль уже ее посещала. Когда Клара узнала о смерти Ребекки, она должна была все понять, но смогла сама себя убедить в том, что это была случайность, простое совпадение. В том, что она ошиблась.

Она хотела бы ошибиться.

Ведь ее правота могла стоить очень дорого.

Тем вечером Клары с ними не было, но она все знала.

О том, что случилось. Что они сделали.

Она знала и молчала. Но больше это продолжаться не может.

– Единственное, что приходит мне на ум, это то, что произошло с Линдой.

– Что за Линда, и что с ней случилось? – сделала стойку Ванья. Мотив. Наконец у них будет мотив.

– Линда Форш. Она обратилась к нам. Врачи предупреждали ее, что сохранение беременности может быть опасным, но она на самом деле хотела этого ребенка. И мы поддержали ее в этом решении.

– Поддержали или уговорили?

Клара вскинула взгляд на Ванью, уловив в ее вопросе обвинительную интонацию. Но ей уже было все равно, она слишком устала, чтобы защищаться.

– Мы поддержали ее. Решение она уже приняла, но ей приходилось сложно.

– Что произошло?

– Она умерла. Меня не было с ними тем вечером, я только что родила Виктора, и мы были дома. Я точно не знаю, что случилось, но она скончалась, и после этого я больше с ними не виделась. Группа была распущена, Ингрид и Ребекка разъехались в другие города, а я перестала ходить в церковь.

– Когда это случилось?

– В 2010-м. Виктору сейчас восемь.

– Церкви было об этом известно? – поинтересовался Себастиан, который с превеликим удовольствием раскрыл бы эту информацию общественности, окажись это и в самом деле так. Себастиан рассматривал бы это как акт символического отмщения своему ортодоксально религиозному отцу, которого ненавидел. Но такая идея и сама по себе была вполне стоящей.

– Не думаю. Это был целиком и полностью проект Ингрид, а она ясно дала понять, что не хотела бы, чтобы мы обсуждали случившееся с другими прихожанами.

– Ингрид Дрюбер?

– Да.

– Вы говорите, она переехала. Куда?

– Насколько я помню, в Вестерос.

Его родной город. Место, куда он поклялся больше не возвращаться, после того как побывал там в последний раз.

Они остались в конференц-зале.

Пытались еще раз все осмыслить. Тьма за окном была по-осеннему плотная, яркий свет с потолка не мог скрыть следы усталости на бледных лицах. Бодрящий эффект кофе иссяк, и теперь напиток стоял кислым комом в желудке.

День выдался действительно долгий.

Клару доставили домой на полицейской машине. Нужно было убедиться, что кто-то сможет побыть с ней рядом, пока разрабатывается план действий. Возможно, в отношении Клары им придется предпринять особые меры для обеспечения безопасности.

Билли и Карлос присоединились к команде и изложили добытую информацию, которой, увы, было совсем немного. В отношении «Аб Ово» – фактически ничего. По-видимому, проект был сугубо неофициальным, и церковь не принимала в нем никакого участия.

Единственное упоминание «Аб Ово» в Сети было недоступно – браузер выдавал сообщение об ошибке.

Отыскать информацию о Линде Форш оказалось проще. Она была обнаружена истекающей кровью на пороге Академической больницы, в ночь на 23 июня 2010 года. Несмотря на все усилия врачей, спасти не удалось ни женщину, ни ребенка. Была инициирована доследственная проверка, которая довольно быстро смогла восстановить вероятный ход событий. В результате был сделан вывод об отсутствии преступного умысла у участников событий, и дело было закрыто.

– Каков же был этот вероятный ход событий? – спросил Торкель.

– Линда встречалась с подругами, уже по пути домой почувствовала схватки, у нее открылось кровотечение. Она попыталась дойти до больницы, но потеряла сознание практически на ее пороге.

– Ей это было по пути?

– По крайней мере, крюк нужно было сделать совсем небольшой, – отозвался Карлос, подойдя к карте. – Она жила вот здесь... – Он поставил зеленую отметку специальным маркером. – А больница – здесь. – Новая отметка появилась в паре сантиметров от первой. – Ее подруги сказали, что расстались с ней здесь. – Очередная отметка. На одной прямой с первой и немного правее второй.

– Где они были? – спросила Ванья, вглядываясь в точки на карте, словно они могли подсказать ей ответ.

– Дома у Ульрики. Общались, ужинали. Линда хотела прогуляться домой пешком, была хорошая погода, – ответил Билли, сверившись с распечаткой, взятой из старого дела.

– Чьи это показания?

– Сотрудник, которому было поручено проведение проверки, разговаривал только с одной из женщин: Ингрид Дрюбер.

– А что с телефоном Линды? – все еще не отрывая взгляда от карты, спросила Ванья, явно не вполне уверенная в аутентичности восстановленного усилиями коллег хода событий. – Она не пыталась вызвать скорую, позвонить в больницу, или мужу, если он у нее был?

– Нет, никаких исходящих звонков за весь вечер, если верить биллингу.

– Разве это не странно? – Ванья обернулась к остальным, явно рассчитывая на поддержку. – Ты ждешь ребенка, по пути домой тебе

становится плохо, начинается кровотечение... и ты решаешь прогуляться до больницы пешком? Никому не сказав ни слова?

– Возможно, вначале она не придавала этому большого значения, а потом ее состояние внезапно ухудшилось, – предположил Торкель, но тут же понял, насколько неправдоподобно это прозвучало.

– Что нам известно о Дрюбер? – перевела тему Анне-Ли, не имея ни малейшего желания тратить время на абстрактные рассуждения и стремясь завершить собрание как можно скорее.

– Родилась в 1970 году в Йончепинге, получила магистерскую степень по теологии в Гетеборгском Университете, была принята на работу в качестве кандидата в священники в Вестеросской епархии, где ее и рукоположили в 1998 году. С 2003 года жила в Уппсале, а в 2011 вернулась в Вестерос, где в данный момент является кандидатом на пост епископа. Поддерживает консервативное христианство, ранее являлась членом Евангелическо-лютеранской миссии «Друзья, верные Библии»^[26]. Не замужем, детей нет, данные в полицейском регистре отсутствуют. О нападениях либо изнасиловании не сообщала, – резюмировал Карлос. – Есть еще информация, но я подумал, что сейчас слишком поздно, – извиняющимся тоном произнес Карлос, бросив взгляд в сторону Анне-Ли, и выложил на стол пачку распечаток, чтобы все могли ознакомиться.

– Мы должны поговорить с ней. Предупредить, – протягивая руку за распечаткой заявила Ванья.

– А пятая женщина, Монсдоттер, что о ней известно? – вмешалась Урсула. Она явно из последних сил держала глаза открытыми, а в последние пятнадцать минут и вовсе выпала из обсуждения. Торкель рассказал ей, что имел неосторожность упомянуть об ужине в присутствии Анне-Ли, и поэтому Урсула была намерена не дать той ни малейшего повода для жалоб в адрес Госкомиссии.

– Она мертва, – сообщил Билли. – Скончалась в апреле. Рак груди.

– Но что с Дрюбер? Если это еще не произошло, то скоро произойдет, а если уже случилось, то скоро повторится! Ведь по словам Клары, она руководила группой. – Ванья продолжала гнуть свою линию.

– Возможно, она каким-то образом замешана в этом деле, – наудачу бросил Себастиан.

– Каким образом?

– Не знаю, но как ты и сказала: она руководила группой, и на данный момент из всех участниц «Аб Ово» одна она еще не подверглась нападению.

– Или же она попросту о нем не сообщила, – не сдавалась Ванья.

– Вне зависимости от того, так это или нет, сегодня с ней ничего не случится, – произнес Себастиан, слегка пожимая плечами. Он не хотел спорить. – Эти нападения никогда не происходят по два раза за день.

– Кто-то из них уже может быть в Вестеросе. Он ведь не один.

Очевидно, Ванья не собиралась сдаваться, невзирая на время суток. Себастиан тихонько вздохнул и оттолкнулся от стены, которую все это время подпирал. Он направился к интерактивной доске, на которой были обозначены все даты и места совершенных нападений.

– Итак, даты и порядок, в котором совершались нападения, – начал Себастиан, указывая на доску. – Сначала Ида, затем Тереза, Ребекка, Клара. Потом снова Ида, снова Тереза, Ребекка мертва, так что следующая на очереди – Клара.

– Как можно это утверждать? Мы не знаем места Ингрид в этой схеме. Что, если она не обратилась в полицию? Сколько еще раз я должна это повторить?

Себастиан не ответил.

Конечно, она была права.

Им было ничего не известно об Ингрид Дрюбер, она могла оказаться такой же жертвой, как и остальные, и даже могла стать следующей на очереди. Предположение о том, что она могла быть замешана в деле – не более чем предположение с его стороны, не подкрепленное никакими фактами.

Но Себастиан тоже был прав.

На Ингрид в ближайшие часы никто не станет нападать, а значит, можно позволить себе выждать время и собрать больше информации перед завтрашней встречей с ней.

Но не об этом задумался Себастиан, молча изучая карту. Идея возникла у него в голове, когда он сопоставлял имена и даты. Он обратился к Карлосу и Билли, которые занимались поиском информации по новым фигурантам, имена которых сообщила Клара.

– У ребенка был отец? У Линды был муж или партнер?

– Партнер, – отозвался Карлос, порывшись в бумагах. – Хампус Бугрен. Учитель в коррекционной школе, сейчас проживает в Худиксвалле. А что?

– Мне кажется, мы ищем человека, – медленно проговорил Себастиан, словно озвучивая свои мысли в том порядке, в каком они возникали в его голове, – или людей, которые что-то потеряли... они все потеряли со смертью Линды.

– Почему?

– Это будто график. Повторяющиеся завершённые изнасилования с промежутком в несколько недель.

Идея Себастиана еще не оформилась окончательно, и он продолжал формулировать свои мысли вслух. Однако внезапно он замолчал и обернулся к измотанным коллегам, явно удовлетворенный собственным заключением.

– Он хочет их оплодотворить.

– Что?

– Медики предупреждали Линду, что вынашивание беременности для нее небезопасно. – Себастиан сам себе кивнул, и уверенно продолжил, быстро подбирая слова:

– Участницы «Аб Ово» уговорили ее оставить ребенка, и она умерла. Теперь им, ответственным за ее гибель, придется выбирать между двумя в принципе невыносимыми вещами: родить дитя, зачатое в акте насилия, либо сделать аборт. Молот и наковальня восьмидесятого уровня.

Эта версия была встречена всеобщим молчанием. Серийные насильники – это зло, но с таким злом полиция время от времени сталкивается. Когда преступник – или в данном случае преступники – к тому же нападает на одних и тех же женщин по нескольку раз – это гораздо хуже, это более глубокая патология, с которой раньше никто не имел дела. Но версия Себастиана в своей невыразимой порочности превзошла все мыслимые пределы.

В то же время найти в этой версии изъян оказалось непросто. Все сказанное Себастианом вполне могло соответствовать действительности. Объективно оценив все произошедшее в привязке ко времени, они все яснее осознавали мотив. К сожалению.

– Тогда у нас тем более есть причина предупредить Ингрид Дрюбер, – негромко сказала Ванья.

– К ней у нас имеются некоторые вопросы, – вмешалась Анне-Ли. – Как Линда оказалась на пороге больницы? Ингрид была последней, кто ее видел. И только она общалась с полицией.

– И поэтому ее должны изнасиловать, ты к этому ведешь? – возбужденно воскликнула Ванья.

В другом случае Себастиан выразил бы ей максимальную поддержку, но сейчас он был уверен, что им следует выждать. Получить более полную картину до разговора с Ингрид Дрюбер.

– Я обещаю, что сегодня с ней ничего не случится, – убежденно произнес он. – До завтра она в полной безопасности, а может, и дольше.

– Ты обещаешь? Ха-ха, тогда проблем нет, – саркастически отозвалась Ванья, не пытаясь скрыть своего отношения к его идеям. Если у остальных и были собственные взгляды на то, что следует предпринять в ближайшее время, они предпочли их не озвучивать. Ночь уже практически перешагнула в следующее утро, и никто не стремился начинать дискуссию о плане действий, тем более что последнее слово все равно оставалось за Анне-Ли.

Поэтому все как по команде обернулись к ней.

– Мы поступим как предлагает Себастиан, – отрезала она, кивком указывая в его сторону. Ванья вскочила и без промедления покинула конференц-зал. Себастиану даже не нужно было смотреть в ее сторону, чтобы ощутить всю тяжесть брошенного на него недоброго взгляда Ваньи.

Завтра все наладится, утешал он себя.

Вальдемар взойдет на свой пьедестал.

А у него самого прибавится очков.

Оставались считанные часы.

* * *

Время приближалось к четырем часам утра, когда Билли наконец повернул ключ в замке собственной входной двери. Они обсуждали возможность остаться в Уппсале, в отеле, но ни у кого не было с собой сменной одежды, к тому же на ужин к Торкелю и Лисе-Лотте все пришли принарядившись. Поиск отеля и свободных номеров в

Уппсале занял бы примерно столько же времени, сколько дорога домой, в Стокгольм, поэтому все единодушно выбрали второе.

Торкель дал понять, что не желает видеть в своей машине никого, кроме Ваньи, поэтому Билли поехал домой в обществе Себастиана и Урсулы. Никто не хотел разговаривать. В этот час дороги были пустынные, и Билли гнал быстрее обычного. Почти восемьдесят километров пути до Стокгольма уместились в каких-то полчаса. Уже в городе Билли решительно высадил Себастиана первым. Таким образом Билли хотел избежать лишних вопросов.

О том, как он себя чувствует.

Как складываются его отношения с Мю.

Не было ли у него рецидива.

Себастиан считает себя таким офигенски умным. Только потому, что он видел, как Билли наделал глупостей, Себастиан решил, что знает его. Знает, кто такой Билли.

Только он ничего не знает.

Никто не знает.

Дома Билли стащил с себя куртку и ботинки, аккуратно положил ключи в вазу, стоявшую на маленьком комодике в прихожей, и без промедления направился в кухню. Ему необходимо было поесть – во рту не было ни крошки с самого ужина. Несмотря на то, что угощение у Торкеля было обильным, с тех пор миновало уже почти девять часов. Билли достал из холодильника сыр, масло и тубик с икрой, достал два куска хлеба и соорудил два бутерброда. Убирая продукты обратно в холодильник, он заметил там пачку сока. Билли встряхнул ее – в пачке оставалось не так уж много содержимого, так что можно было обойтись и без стакана. Билли уселся за стол, впившись зубами в бутерброд, и сделал несколько глотков сока прямо из пачки. На столе лежал свежий номер «Mitt I Stockholm»^[27], и Билли, с жадностью приканчивая первый бутерброд, потянулся за газетой.

Под газетой обнаружился белый конверт, на котором печатными буквами от руки были надписаны имя Билли и его адрес. Билли повертел его в руках – имя отправителя отсутствовало. Недоуменно наморщив лоб, Билли вскрыл конверт. Он не мог вспомнить, когда в последний раз получал настоящее письмо. Кто вообще сейчас пишет от руки, покупает конверты и отправляет письма по почте, с доставкой через один-три дня?

Когда Билли разворачивал письмо, что-то похожее на распечатанное фото выпало на стол картинкой вниз. С внутренней стороны листа А4 обнаружили те же рукописные печатные буквы:

5000 крон или твоя жена узнает

Коротко и ясно.

Под этой надписью очень маленькими буквами был указан адрес какой-то веб-страницы. Что-то типа игрового форума. Билли поднял со стола фотографию, уже примерно представляя, что на ней изображено. Перевернув фото картинкой вверх, он убедился в собственной правоте.

Билли выходит из дома на Норрфоршгатан.

Из Красной Комнаты.

От Стеллы.

Билли сидел, тупо уставившись на фотографию, не в силах распознать чувство, которое им сейчас владело. Логично было бы огорчиться, или разозлиться, или испытать обе эмоции разом. Комом в желудке могли бы встать отчаяние и страх, и гнев на анонимного отправителя, который только что усложнил и без того чертовски запутанную жизнь Билли. Но вероятно, предел этих эмоций уже был достигнут. Поэтому Билли взглянул на фото внимательно. Там не было ничего компрометирующего. Конечно, можно выяснить, что за заведение находится по указанному адресу, но, с другой стороны, Билли бывал там по служебной необходимости не один раз, и ничего на этом фото не указывало на то, что это не был рабочий визит.

Этого будет достаточно, чтобы объясниться.

Если Билли решит ничего не предпринимать.

Но могут возникнуть ненужные вопросы. Особенно теперь. Билли задумался, как шантажист смог найти его адрес, и пришел к выводу, что это из-за того, что он ездил на личном авто. Шантажист пробил номер, нашел Билли, выяснил, что он женат, сочинил письмо. Может быть, шантажисту не известно, что Билли – полицейский? Получится ли теперь обернуть этот факт в свою пользу?

Сейчас для Билли эта история совсем некстати. Когда он ехал домой из Уппсалы, от Стеллы, ему снова перезвонил Конни. Спрашивал, удалось ли Билли обнаружить дополнительные доказательства. Желал убедиться, что Билли действительно считает фотографии сфальсифицированными. Билли успокоил его. Да, он абсолютно уверен, но расследование в Уппсале снова

активизировалось, и Билли потребуется еще время, чтобы собрать воедино все улики. Сколько времени? Еще день, возможно, два, максимум – три. Конни распрощался на том, что будет ждать звонка от Билли, чтобы успеть отнести в полицию заявление до выходных.

Так что в понедельник исчезновение Йеннифер будет официально переквалифицировано в преступление, и начнется полноценное расследование. А экспертное мнение Билли окажется решающим для инициирования предварительного следствия. И поделаться с этим Билли уже ничего не сможет. Теперь придется вести игру на опережение. Единственное, что ему сейчас угрожает – фотографии Йеннифер, опубликованные из Бохуслена. Билли было далеко до уверенности в том, что его имя никто не сможет связать с этими фотографиями.

Тихие шлепки босых ног по полу заставили Билли вздрогнуть. Он судорожно похватал письмо, конверт и фото и едва успел спрятать их между страницами газеты и отложить ее в сторону, как на пороге кухни возникла Мю. Она спросонья никак не могла завязать пояс халата. Глаза у нее еще не полностью открылись, волосы были в беспорядке. У Билли мелькнула мысль, что Мю выглядит потрясюще. Именно поэтому он и должен разобраться со своими проблемами, напомнил он сам себе.

Чтобы иметь возможность возвращаться домой. К ней.

Каждый вечер до конца дней своих.

– Бедолага, ты только пришел?

– Да.

– Ну что там, в Уппсале?

– Еще два изнасилования и самоубийство.

Мю подошла ближе и заключила его в объятия. Билли зарылся лицом в ее живот. Сквозь тонкую ткань ощутил сонное тепло ее тела. Мю нежно провела рукой по его волосам.

– Тебе пришло письмо.

– Я видел.

– Что это?

– Ерунда. Предлагают взять ссуду под выгодный процент.

Мю угнездилась у него на коленях, обняла его и положила голову на плечо Билли. Он чувствовал ее теплое дыхание у себя на шее. Билли закрыл глаза. Позволил себе насладиться близостью. Нежностью. Любовью. На мгновение ему показалось, что Мю уснула.

– Ванья пытается зачать ребенка, – полусонным голосом пробормотала она. Билли мог бы поклясться, что глаза ее закрыты.

– Ммм.

– Она рассказала за ужином. Что они с Юнатаном так решили.

Странно, подумалось Билли. Ванья не имеет привычки посвящать людей в личные дела. Но Мю умеет к себе расположить, заставить человека открыться. Еще она очень хорошо умеет планировать будущее. Съехаться, пожениться, купить летний дом...

– Я не хочу детей.

Билли хотел поскорее захлопнуть эту дверь, чтобы вообще не вступать в дискуссию.

Не сегодня. Не сейчас.

– Никогда? – Он почувствовал, как она застыла и, все еще не видя ее лица, понял, что Мю открыла глаза.

– Не знаю, возможно. Но точно не сейчас.

В особенности не сейчас, добавил он про себя.

– Ладно.

Наступила тишина, в которой Билли чутко осознавал охватившее Мю легкое недоуменное разочарование. Он чувствовал необходимость объясниться.

– Мы ищем летний дом, мы поженились меньше полугода назад, мы с тобой знакомы меньше двух лет. Нельзя ли немного притормозить? Неужели мы не можем просто быть? Почему нам постоянно необходим очередной мегапроект на горизонте?

Мю выпрямилась, положила ладони ему на плечи и с серьезным выражением лица заглянула ему в глаза.

– Ты о чем-то сожалеешь?

Билли сделал глубокий вдох и, покачав головой, улыбнулся жене искренне и ободряюще.

– Ты знаешь, что нет. Но все так быстро.

– Слишком быстро для тебя?

– Временами. Я хочу, чтобы ты просто была. Здесь и сейчас. И мне этого будет достаточно. Я не хочу девяносто процентов времени посвящать разговорам о будущем и планировать, что мы будем делать потом.

Хоть сейчас Билли и сам был всерьез обеспокоен перспективами этого «потом». После того как все, во что он сейчас вляпался, будет

кончено.

– Я не знала, что ты так к этому относишься.

– Теперь знаешь.

– Жаль, что ты раньше молчал. О таких вещах нужно говорить.

Это важно.

– Я исправлюсь.

– Ты и так лучше всех, – заверила Мю, нежно обхватив ладонями его лицо.

– Ты тоже, – успел ответить Билли прежде, чем Мю его поцеловала. Он одновременно надеялся на то, что Мю настроена на секс, и противился этому. Билли понимал, что близость пойдет ему на пользу, он нуждался в ней, но в то же время он знал заранее, какой скучной и ванильной будет эта любовь и какое разочарование ожидает его вместо удовлетворения.

– Я пойду лягу, мне вставать через три часа, – сказала Мю, и вопрос сам собой отпал. Она еще раз поцеловала его в губы. – Мы поговорим завтра.

С этим Мю поднялась и ушла в спальню.

Билли выждал какое-то время, чтобы убедиться в том, что она уже не вернется, а потом развернул газету и вынул письмо.

Он достал мобильник, открыл браузер и набрал адрес из письма. Это и правда оказался форум. Билли попал прямо на ветку, созданную пользователем WoLf232. «Заплатит ли Билли?» гласил заголовок. Некоторые участники форума уже успели оставить комментарии. В основном – «WTF^[28]» и куча вопросительных знаков. Кто-то пытался выяснить, о какой игре шла речь. Билли понял, что должен будет написать свой ответ прямо на форуме, и дальнейшее общение с шантажистом будет организовано таким же образом.

Только не сейчас. Он свернул окошко, почистил историю браузера и кэш. Письмо отследить не удастся, а вот пользователя WoLf232... возможно.

Но не сейчас. Не этой ночью.

Билли был на нуле. А от усталости люди совершают ошибки.

Но у Билли больше не было права на ошибку.

Речь шла о его будущем.

Оказавшись наконец дома, Торкель облегченно вздохнул. Он аккуратно повесил верхнюю одежду и направился напрямиком в ванную, где тщательно умылся, а потом случайно взглянул на свое отражение в зеркале. Из зеркала на Торкеля печально глядел мужчина с усталым лицом. Он устал. Возможно, все же стоит отступить. Он ведь не молодеет. В такие дни, как сегодня, это ощущается особенно остро. Торкель отогнал мысли прочь. Такие решения не принимаются в пятом часу утра, после того, как ты пробыл на ногах больше двадцати часов. Торкель посвятил чистке зубов на минуту двадцать две секунды меньше времени, чем было положено – он с детства усвоил, что этот процесс должен занимать не менее двух минут – затем опорожнил мочевой пузырь, вымыл руки, и поплелся в спальню.

Он прилег на свою сторону кровати, и со вздохом сожаления включил будильник на мобильнике – тот должен был разбудить Торкеля уже через четыре часа одиннадцать минут.

– Я не сплю, – услышал он голос Лисе-Лотте и повернулся к ней. Она лежала на боку, глядя на Торкеля. – Я не знала, останешься ты в Уппсале или вернешься. – Возможно, ему просто показалась, но в ее голосе звучала легкая обида.

– Прости, что не позвонил, не было свободной минуты. Два изнасилования и самоубийство.

Лисе-Лотте не ответила. Просто скользнула к Торкелю под одеяло, положила руку ему на грудь, а лбом прижалась к его щеке. Он осторожно выпростал руку – так, чтобы голова Лисе-Лотте оказалась на его плече.

– По поводу Урсулы... – начал Торкель.

– Не стоит об этом говорить...

– Не знаю, почему я тебе не рассказал, – продолжал Торкель, словно не слыша ее. – Я подумал, что если расскажу тебе, то тебе может не понравиться, что я живу с ней каждый день...

– Я похожа на ревнивицу?

– Тогда, в начале, я еще не мог этого знать, а потом... потом мне стало казаться, что до тебя в моей жизни вообще ничего не было, и это перестало иметь какое-то значение.

– Так и есть.

Торкель повернул голову, насколько было возможно, чтобы взглянуть в глаза Лисе-Лотте. Неужто он так легко отделался?

– Не имеет никакого значения, были ли вы раньше вместе и работаете ли вместе сейчас. Просто лучше бы мне было узнать об этом от тебя.

Торкель подумал, что действительно ее не заслуживает.

– Но теперь я понимаю, что ты имел в виду, говоря о Себастиане, – добавила Лисе-Лотте, и Торкель по голосу понял, что она улыбается.

– Тогда ты должна знать, что в этот раз он на самом деле старался вести себя достойно.

– Спи, – пробормотала Лисе-Лотте, и погладила Торкеля по щеке.

– Я тебя люблю.

Он старался говорить это как можно чаще. Каждый день. Не только говорить, но и доказывать. Всеми силами. Чтобы у нее никогда не возникло сомнений.

– Я знаю. Ты молодец, – пошутила Лисе-Лотте, вытянула шею и дотронулась губами до его колючей щеки. – Я тоже тебя люблю.

Но Торкель уже спал.

28 октября

Три человека мертвы.

Это справедливо? Стоит ли оно того?

Все это происходит, потому что ты не желала чьей-либо смерти.

У нас просто разные взгляды на жизнь.

Нельзя отбирать жизнь.

Ни при каких обстоятельствах.

Так ты говорила.

Так записано.

Так и есть.

Временами, когда меня одолевают сомнения, это меня утешает.

Потому что также записано:

Если кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему.

Руку за руку, ногу за ногу, око за око, зуб за зуб.

Тогда, возможно, они смогут спастись.

Другие.

Те, кто выжил.

Мы это обсуждали.

Как и все остальное.

Мы не всегда соглашались.

Но уважали друг друга.

И наши взгляды.

Даже когда они оказывались безумны. Опасны.

Если бы только вернуть это время!

Я много об этом думаю. О тебе. О нас.

Все чаще вспоминаю прошлое.

Все реже задумываюсь о будущем.

Может быть, потому, что понимаю – у меня его нет.

Вальдемар уже переминался с ноги на ногу на тротуаре, ожидая появления Себастиана. Себастиан был поражен, насколько тот выглядел хрупким и ссохшимся. Возможно, ничего странного в этом не было – все-таки за последнее время на него столько свалилось.

Рак. Два рецидива.

Попытка самоубийства. Расследование, фигурантом которого он все еще являлся.

Себастиан попытался вспомнить, когда в последний раз видел Вальдемара. Должно быть, в то время, когда Себастиан только узнал о том, что Ванья – его дочь и испытывал непреодолимое желание находиться рядом с ней. Когда он – Себастиан не испытывал гордости по этому поводу – устроил за Ваньей настоящую слежку. Тогда он видел Вальдемара каждый четверг – по четвергам после ужина тот провожал Ванью домой, на Сандхамнsgатан.

После ужина у них с Анной. У родителей.

Тогда они еще были парой. Были семьей.

Пока все не рухнуло.

Пока Себастиан Бергман не вломился в их жизнь.

Себастиан отлично помнил, как отчаянно жаждал стать таким же близким человеком для Ваньи, каким для нее был Вальдемар. Он тогда мог бы все отдать, чтобы оказаться на месте того, кого она обнимает на прощание, того, кто нежно целует ее в лоб.

Как он ревновал.

Как завидовал.

Как предпринял все возможное, чтобы только разрушить их отношения. Сложно представить себе, что с тех пор прошло всего чуть больше года, но теперь Себастиан готов был приложить едва ли не больше сил, лишь бы вернуть все на свои места.

Пристегнувшись, Себастиан указал Вальдемару на пакет из «Севен-элевен», стоявший на полу у пассажирского кресла. В пакете были два стакана с кофе, сырны рулетики и две булочки с корицей. Вальдемар отрицательно покачал головой. Он явно нервничал: вытирая вспотевшие ладони о колени, с преувеличенным вниманием глядел в окно. Себастиан включил радио. Дальше ехали молча.

– Она все еще не в курсе? – наконец подал голос Вальдемар, когда они уже сворачивали на улицу Юнатана в Сьундбуберге.

– Нет.

– А что, если она не захочет меня видеть?

– Я думаю, захочет.

– А если нет?

Себастиан понимал его тревогу. Избегание контакта под разными предложениями – у нее нет времени, она влюблена, она работает в другом городе, у нее есть другие дела – это одно. А вот активное отмежевывание, отказ, захлопнутая перед носом дверь – это совсем другое. Себастиан знал об этом не понаслышке.

– Ей не хватает тебя.

– Да, ты так говоришь.

Более того, Себастиан на это действительно надеется. От этого слишком многое зависит. Не только в отношениях Ваньи и Вальдемара. По правде говоря, их отношения волновали его в этой ситуации меньше, чем собственные отношения с дочерью.

Он поставил машину возле грязно-желтого четырехэтажного дома, фасад которого был покрыт бетонной шубкой. Оконные рамы и балконы были выкрашены в интенсивно красный цвет. Такой контраст между самим зданием и деталями создавал ощущение, будто кто-то решил нарядить отталкивающую старость в яркие одежды, тем самым отвлекая внимание от возраста. Себастиан взглянул на часы. Они все договорились, что утром будут отсыпаться. Он внезапно почувствовал неуверенность в своем плане. Проще говоря, Себастиан понял, что никакого плана у него на самом деле нет.

Может быть, она спит?

Может быть, ее вообще там нет?

Обрадуется ли она появлению обоих своих отцов, от которых предпочитает держаться подальше?

Его ответами были «не знаю», снова «не знаю» и «нет», но отступить было некуда. Уже вылезая из машины, он обернулся к Вальдемару.

– Пойдем, – поторопил его Себастиан с таким ободряющим выражением лица, на какое только был способен. – Все будет хорошо.

Они вышли из машины и уже направлялись к крыльцу, как вдруг их настиг возглас:

– Какого черта вы тут делаете?

Оба одновременно обернулись на голос и увидели позади себя Ванью, мокрую после пробежки, несмотря на мороз. Она, запыхавшись, переводила требовательный взгляд с одного на другого, не проявляя никаких признаков радости от их внезапного появления.

– Привет, Ванья, – услышал Себастиан голос Вальдемара. Всего в двух словах тот ухитрился уместить столько радости от встречи с дочерью, что даже Себастиан оказался тронут. Ванья, однако, не разделяла восторга.

– Какого черта вы тут делаете? – повторила она в этот раз чуть медленнее, словно решив, что они ее плохо расслышали.

– Это была моя идея, – признался Себастиан, делая навстречу ей несколько шагов. Вальдемар остался стоять на месте, словно опасаясь, что Ванья может развернуться и убежать прочь, подойди он к ней чуть ближе.

– Кто бы сомневался.

– Если бы ты уделила мне пару минут...

– Даже не надейся.

– Пожалуйста. Две минуты, и мы уедем.

Она поглядела на Вальдемара, который потерянно опустил плечи и потупил взгляд. Ванья кивнула Себастиану.

– Это я виноват. Во всем виноват я, – начал Себастиан, решив говорить правду. Это его последний шанс, пан или пропал. – Я разрушил вашу семью. Если бы я не появился, вы все еще были бы вместе. Я понимаю, что, возможно, в случае с Анной это не совсем верно... но Вальдемар... – Себастиан кивнул в сторону жалкого существа, переминавшегося с ноги на ногу на тропинке. – Тебе его не хватает. Я это знаю.

– Откуда? Ты говорил с Юнатаном?

Черт, она догадлива. Быстро. Очевидно, она не так уж часто озвучивает свои желания и потребности. В том, что касается чувств, душа Ваньи не была открытой книгой. Но Себастиан не собирался сдавать своего невольного союзника и не желал излишне ее возбуждать.

– В этом не было необходимости. Я думал над твоими словами. О том, что я понятия не имею, что тебе нужно. Я размышлял, чего бы ты могла желать. И я знаю, как близки вы были раньше с Вальдемаром.

Себастиан смотрел ей в глаза честным, искренним взглядом – это выражение лица он когда-то безукоризненно отработал, – но сейчас, когда он действительно был искренен, оно далось ему гораздо тяжелее.

– Такая близость. Такая любовь. Мне бы ее не хватало.

Краткая пауза. Лили и Сабина. Стоит ли разыгрывать эту карту? Почему нет? Ему понадобятся все возможные аргументы.

А это правда.

Все, что он до сих пор говорил – правда.

Возможно, именно поэтому она совсем неплохо сработала.

– Я знаю, о чем говорю. Мне самому этого не хватает. Я скучаю по этому. Каждый день.

Себастиан осознавал, что его слова будто взяты из дурной мелодрамы, где в качестве звукового сопровождения на заднем плане прямо сейчас зазвучат скрипки.

Ванья ничего не говорила, и ее молчание Себастиан воспринимал, как свой успех. Она смотрела на Вальдемара, который так и мялся там, где оставил его Себастиан, явно не понимая, что он вообще здесь делает.

– Нам нужно ехать в Вестерос, – проговорила она, но в ее голосе не было раздражения.

– Поедем прямо туда.

Очередной взгляд, внутренняя борьба, затем вздох и кивок головой.

– Хорошо, мне все равно еще нужно позавтракать, он может пойти со мной.

– Я подожду в машине.

Себастиан остался стоять, наблюдая за тем, как Ванья подошла к Вальдемару, и после краткого, неуклюжего объятия тот последовал за ней в дом. Теплое чувство родилось у Себастиана внутри. У него получилось.

Он на один шаг приблизился к дочери. К тому, чтобы она его приняла.

Вокруг все как будто посветлело.

Благородный поступок был вознагражден.

* * *

В машине становилось холодно. Себастиан уже подумывал завести мотор, чтобы прогреть салон и самому согреться, как из дверей дома показались Ванья с Вальдемаром. Прощальное объятие

указывало на то, что пятьдесят пять минут общения помогли им сблизиться. Пока неясно насколько. Они обменялись несколькими фразами на прощание, и Вальдемар бодро зашагал прочь, Ванья же направилась к машине.

– Его не нужно подбросить домой? – спросил Себастиан, глядя в спину удаляющегося Вальдемара.

– Он поедет на метро. Я объяснила, что нам нужно работать.

– Ясно.

Ванья пристегнула ремень, и Себастиан тронулся. Когда они проезжали мимо Вальдемара, Ванья с улыбкой помахала ему рукой. Еще одно доказательство, что план Себастиана удался. Но лучше все-таки удостовериться.

– Как все прошло? – спросил Себастиан самым нейтральным тоном.

– Хорошо. На самом деле.

– Меня это радует.

Ванья повернулась к Себастиану и, глядя на него без злобы и раздражения, просто сказала:

– Спасибо.

Себастиан вместо ответа лишь кивнул, но в душе он просто сиял. Он не собирался сейчас давить на нее, выпрашивать о деталях, понуждая рассказывать больше, чем она бы того хотела. Он прибавил газу, сделал радио погромче, и дальше они поехали молча.

Ванья откинулась на спинку кресла. Они покидали Сьондбуберг, направляясь на север – на шоссе E-18. Небо было затянуто облаками, а утро словно бы и не наступало, как частенько случается поздней осенью. Фасады домов выглядели мрачно. Для рождественской иллюминации еще рановато, но примерно через месяц мерцание гирлянд оживит их унылый облик. Деревья из-за ранних морозов уже сбросили всю листву, а снег еще не лег. Люди кутались в теплую одежду, всю как на подбор в темных тонах. Мир за стеклами машины казался выцветшим и серым.

Однако утро выдалось совершенно особенное.

Вальдемар поднялся с ней в квартиру и остался в кухне с Юнатаном, пока Ванья принимала душ и приводила себя в порядок. Когда она одевалась в спальне, из кухни донесся смех Вальдемара. Ей было приятно, что он рад. Она вышла в кухню, и Юнатан извинился,

что должен их покинуть. Пришло время ехать на работу. Юнатан тепло пожал руку Вальдемара, сказав, что рад был снова повидаться.

Вальдемар ответил тем же.

Ванья видела, что им обоим было искренне приятно.

Когда они остались наедине, беседа опять потекла вяло. Ванья приготовила себе завтрак, предложив Вальдемару присоединиться, но он отказался, ограничившись одним кофе. Он словно не решался взять на себя инициативу, когда они были вдвоем.

Такой же беззащитный, слабый, виноватый.

Но все же честный.

Вальдемар хотел объяснить Ванье, что причина, по которой он держался от нее на расстоянии, заключалась в том, что он не хотел давить. Не хотел вмешиваться. Хотел дать ей то время, в котором Ванья нуждалась, чтобы понять, как она видит свою дальнейшую жизнь. А он бы уже подстроился под ее решение.

Он без утайки рассказал ей о рецидиве рака, о приговоре, об отношениях с Анной и с самой Ваньей. Обо всем, что выбило почву у него из-под ног. Ему казалось, что пути назад нет и продолжать незачем. Он ошибался, теперь он это знает. Он чувствует себя лучше. Ванья никогда, ни при каких обстоятельствах не должна принимать его обратно в свою жизнь из ложного чувства вины или из страха, что Вальдемар может себе навредить.

Если они смогут найти способ восстановить отношения, это будет исключительно по доброй воле Ваньи.

Она спросила его о приговоре. Вальдемар лишь пожал плечами. Что он мог сказать?

Он совершил ошибку.

Принял неверное решение.

Преступил закон.

История с компанией «Daktea» оказалась весьма запутанной. Гораздо сложнее и масштабнее, чем знаменитое дело компании «Trustor»^[29]. В случае с «Daktea» были замешаны несколько предприятий. Подставные лица, банкротства, фирмы-однодневки. Только предварительное следствие насчитывало тысячи страниц дела, и оно все еще не было завершено. Вальдемара до сих пор подозревали в соучастии, однако обошлось без ограничения свободы.

Куда бы он делся?

Следствию было ясно, что не Вальдемар – вершина преступной пирамиды. У Вальдемара не было припрятанных миллионов, на которые он смог бы жить в случае бегства из страны. Вероятность того, что Вальдемар сможет уничтожить какие-либо улики, также равнялась нулю. Поэтому он остался на свободе.

Без Анны. Без дочери.

Один.

Может быть, сегодняшняя встреча заставила Ваню так глубоко задуматься из-за того, что в последнее время она всерьез занималась созданием собственной семьи. Общей с Юнатаном истории. Она ведь всегда знала, что Вальдемар пострадал больше всех, притом что натворил меньше других. Ваня уже примерно представляла себе, чем обернется для них сегодняшняя встреча, но не хотела спешить, принимая решение, чтобы быть полностью уверенной.

Особенное утро. Ей было хорошо. Ей легко дышалось. Встреча с Вальдемаром пошла ей на пользу. И это была заслуга Себастиана. Вот бы никогда не подумала. Возможно, он и впрямь изменился.

Верится ли ей в это?

Неважно.

Она знала, что Себастиан не станет заводить разговоры – она ведь его сама об этом просила. Но сейчас он заслуживает небольшого поощрения. Ваня повернулась к Себастиану.

– Как тебе подруга Торкеля?

Себастиан был крайне удивлен – он не ожидал, что Ваня нарушит собственное правило разговаривать только о работе, но тут же убавил громкость радио до минимума.

– Понравилась. Она показалась мне милой... Я правда не хотел ничего плохого... по поводу Урсулы. Я был абсолютно уверен, что она знает. Торкель ведь, кажется, из тех, кто ничего не скрывает.

– Верно, – согласилась Ваня.

– Я надеюсь, что ничего не испортил, – искренне сказал Себастиан. – Он счастлив, это видно.

– Да. А что ты думаешь о жене Билли?

– Я еще не понял. Кто она? Персональный коуч?

– Личностный и карьерный коуч, – со смехом поправила его Ваня. Ее улыбка согрела Себастиана быстрее, чем автомобильный климат-контроль, установленный на двадцать четыре градуса.

– А чем эти коучи занимаются? Я знаю, что она рассказывала, но я пропустил.

– Помогают людям эффективнее использовать свой внутренний потенциал, – улыбка Ваньи все ширилась. – Ты же психолог, у вас есть что-то общее.

Да она дразнит его! Себастиан пришел в восторг.

– У нас нет ничего общего, – отозвался Себастиан, сделав упор на слове «ничего». Он пять лет учился в университете, а потом еще проходил специализацию. А Мю, вероятнее всего, получила свою лицензию или диплом после прохождения какого-нибудь мастер-класса по Сети и теперь пишет на своей страничке, если она у нее есть, что-то типа «я верю в ваш потенциал» и «вы должны отыскать свою внутреннюю силу» или «все ответы – уже внутри вас». А чтобы скрыть недостаток фактических знаний – «мой собственный жизненный путь и опыт, который я получаю, – мои лучшие учителя».

– Но Билли, кажется, счастлив с ней, – пожимая плечами, заключил он.

– Я в этом не уверена.

Ванья замаялась, осознав, что сказала лишнее. Но у Себастиана осталось ощущение, что ей хочется рассказать больше. Он не стал спрашивать.

– Он ей изменил, – через некоторое время все же пояснила Ванья.

– Когда?

– Летом. Когда мы охотились за Лагергреном.

– С кем?

– Не знаю.

– А откуда ты это вообще взяла?

– Он сам мне рассказал.

– И он хотел бы, чтобы ты рассказала об этом мне?

Справедливый вопрос. Конечно же, он бы этого не хотел. Билли был ее другом. Одним из немногих. Так почему она сейчас сидит в машине и сплетничает о нем?

Это все вина Мю.

Вечером у Торкеля и Лисе-Лотте получилось так, что Ванья и Мю остались в комнате одни. И совершенно неожиданно Ванья поделилась с ней своими планами зачать ребенка. Поделилась тем, что вообще никого не касается. В особенности Мю, которая удачно изображала

смесь интереса и любопытства, попутно сыпя рассказами о Билли, своей работе, их браке, поиске летнего дома, и все в ее рассказах было так чудесно и совершенно, что Ванья не смогла удержаться от того, чтобы добавить ложку дегтя в эту бочку меда. Но если Мю удалось узнать то, что не предназначалось для широкого круга, это еще не давало Ванье права выбалтывать чужие секреты.

Это была чудовищная ошибка.

Она повела себя мелочно, недостойно, по-детски.

Но что сделано, то сделано.

– Ты не должен об этом никому говорить, – раскаиваясь в собственной несдержанности, с нажимом произнесла Ванья. – В особенности Билли.

– Конечно, я не буду.

– Обещай.

– Мои обещания ведь ничего не значат, – наигранно возмутился Себастиан, однако тут же понял, что шутка не прошла. – Обещаю. Если я захочу поговорить с Билли, у нас найдутся другие темы.

Он явно не собирался распространяться об этом, и Ванья не стала спрашивать. Они все еще были в пути. У Ваньи завибрировал телефон. Она взглянула на экран.

– Билли и Карлос прислали все, что смогли найти об Ингрид Дрюбер.

Ванья погрузилась в чтение, и дальнейший их путь продолжался в уютной тишине. Это была одна из лучших поездок на памяти Себастиана.

Даже возвещающий о прибытии в Вестерос указатель на въезде в город не смог испортить ему настроение.

* * *

Иногда приходится признать поражение. Потому что ничего другого не остается.

Разговор с Идой, оба нападения, этот журналист, подкарауливший ее на парковке... Все это она смогла преодолеть и пережить. Потому что у нее была цель, более важная, чем мирские заботы. И еще у нее

был Бог, который стоял у нее за спиной и чью поддержку она ощущала на каждом шагу своего пути.

Сегодня она проснулась около шести. Она снова относительно неплохо спала по ночам. Возвращаясь в одиночестве домой, она каждый раз чувствовала себя неуютно, и теперь была крайне осторожна. Однако в целом день ото дня она чувствовала себя все лучше. Как и до лжно. С Божьей помощью. Она вновь чувствовала себя сильной.

После получасовой молитвы она вышла на короткую пробежку, потом приняла душ, позавтракала и поехала в церковь.

Там после утренней планерки она отправилась в свой небольшой, просто обставленный кабинет. Письменный стол, маленький диванчик, одинокое кресло в углу для разговоров с глазу на глаз, книжная полка на стене – различных брошюр на ней было едва ли не больше, чем книг. Христианские сюжеты украшали собой темно-зеленые стены. На стене у нее за спиной висела любимая репродукция – «Спаситель мира»^[30], авторство которой приписывают Леонардо да Винчи.

Ингрид посвятила утро целиком административным вопросам и подготовке к воскресной службе. Сегодня ничего незапланированного в связи с выборами, никаких душевительных бесед, никакой подготовки к крестинам, свадьбам или похоронам.

В корзине на столе было полно непрочитанных писем, которые ожидали ответа, и в планы Ингрид входило пробежать их глазами. Это оказались профсоюзные вопросы, касающиеся церковных музыкантов, и Ингрид пришлось вчитаться. Обычный день, обычные хлопоты.

Тогда-то и появились эти двое.

Полицейские. Госкомиссия.

Женщина помоложе, мужчина постарше. Ваня Литнер и Себастиан Бергман. Им было многое известно. Больше, чем тому журналисту. Похоже, им было известно все.

Иногда приходится признать поражение. Потому что ничего другого не остается.

Молодая женщина не отрываясь смотрела на нее, словно считывая и интерпретируя каждое произнесенное Ингрид слово.

– «Аб Ово». Нам известно, что это, – произнесла она и сделала паузу, очевидно, ожидая реакции Ингрид. Та уже было решила солгать, или хотя бы изобразить полное непонимание, но быстро сообразила,

что, раз полиция вышла на нее, значит, Клара или Ида уже все рассказали.

– Группа пролайф-активистов в Уппсале, лидером которой были вы, – продолжила Ванья, не дождавшись ответа.

– Да.

– Линда Форш была одной из участниц.

У Ингрид снова мелькнула мысль об обмане. Клары не было среди них той ночью, так что она не могла рассказать. Но что рассказала Ида? Вероятно, все. Ингрид не могла забыть голос, каким говорила с ней Ида, когда позвонила. Она была на грани помешательства.

Прошло восемь лет.

Воспоминания блекнут.

Что-то мы забываем, что-то домысливаем, от чего-то отрециваемся.

Возможно, ей снова удастся заставить эти воспоминания исчезнуть. Но вначале нужно все выяснить.

– Почему вы спрашиваете об этом?

– Мы считаем, что целый ряд нападения, изнасилования и гибель женщин могут быть связаны с вашей группой и с тем, что произошло с Линдой Форш, – предметно ответила Ванья, все еще не сводя взгляда с женщины в кресле напротив.

– Это правда?

– Да. Вы подвергались нападениям? – вступил в разговор Себастиан.

– Нет.

Быстрый ответ, заготовленная ложь. Себастиан раскусил ее и не сомневался, что и Ванья тоже.

– В самом деле?

Ингрид наскоро перебрала в уме возможные варианты. Если она признается, что была еще одной жертвой, чем это ей поможет? Она ведь уже наказана. Пусть и не в юридическом смысле. В любом случае вреда быть не должно.

– Я не хотела бы, чтобы кто-то об этом узнал, – тихо проговорила она, опустив глаза.

– У нас нет необходимости кому-то об этом рассказывать.

Ингрид глубоко вздохнула, подняла голову и, глядя Ванье в глаза, поведала им все. Оба случая. Как это было. В первый раз, когда она шла к своей машине после встречи в церкви. Второй раз – дома.

Шприц.

Этот кошмарный мешок.

Облекая произошедшее в слова, Ингрид внезапно осознала, до какой степени это ее потрясло. Какие корни успели пустить эти ужасные события в ее душе. Она убедила себя, что ей намного лучше, чем это было на самом деле. В то же время она была благодарна, что вера помогла ей пройти через испытания и двигаться дальше.

Они хотели знать, видела ли Ингрид нападавшего.

Она не видела. Оба раза он подкрался к ней сзади. Она рассказала, когда это случилось. Согласно схеме получалось, что оба раза на нее напали раньше, чем на Иду. Ингрид была первой жертвой. Это звучало вполне правдоподобно. Она ведь все-таки была лидером группы.

Ингрид, пребывая в потрясении после собственного рассказа, замолчала. Ей пришлось выпустить наружу те воспоминания, которые она изо всех сил подавляла.

Ингрид нужно было собраться. Она ненадолго вышла, чтобы выпить воды.

– Расскажите о Линде, – попросила Ванья, когда Ингрид вернулась в кабинет.

– Не знаю, что сказать.

– Как она попала к вам?

– Она была беременна, врачи рекомендовали сделать аборт, и ей требовались поддержка и забота. О нас она услышала от подруги.

– Почему ей рекомендовали прервать беременность?

– Врачи считали, что существовал риск как для нее, так и для ребенка.

– Значит, вы убедили ее сохранить ребенка, несмотря на то, что знали, что для нее это было опасно, – резюмировала Ванья, по возможности нейтральным тоном. Она пыталась действовать профессионально.

– Мы ее не убеждали, – поправила Ингрид. – Она пришла к нам потому, что хотела сохранить ребенка. И никто, кроме Господа, не ведал о грозившей ей опасности.

– Мнение врачей в данном случае не могло быть аргументом, как я понимаю, – вставил Себастиан. Ему хуже, чем Ванье, удавалось контролировать свой тон.

– Пожелай Господь их спасти, так бы и произошло, – пояснила Ингрид, как нечто само собой разумеющееся.

– Очевидно, Господь не пожелал, – констатировал Себастиан. – Бородатый мужик с облаков согласился с медицинской наукой...

Ингрид уже столько раз с этим сталкивалась. Критика из уст либеральных толкователей Библии, которые хотели бы трансформировать веру в угоду секулярной современности, и преуменьшали значение Писания – это одно. С ними она могла бы подискутировать. Но такой прожженный атеист, каким, по убеждению Ингрид, являлся Себастиан, не достоин был даже ответа. Ингрид молча смирала его почти сочувственным взглядом.

– Итак, Линда обратилась к вам... – Ванья сделала попытку вернуть разговор в конструктивное русло. Уже не впервые личные взгляды Себастиана и его способ их выражения приводили к тому, что свидетель или подозреваемый решали прекратить сотрудничество.

– Она нуждалась в поддержке, – согласно кивнула Ингрид. – Мужчина, отец ребенка – самоустранился. Держался от нее на расстоянии, как я понимаю.

– А что насчет родителей? Братья, сестры, друзья?

– Родители ничего не знали о прогнозе врачей. Она не хотела им рассказывать. Они бы не поняли, так она говорила.

Ингрид сделала небольшую паузу, подалась вперед и посмотрела Ванье прямо в глаза, словно подчеркивая важность того, что собиралась сказать.

– Она оказалась совсем одна. В такой сложной ситуации у нее были только мы.

– Что произошло 22 июня 2010 года?

Линда позвонила ранним вечером, она хотела встретиться. Она попыталась вывести своего парня на разговор. О них, о ребенке, о будущем. Что будет, если случится самое страшное. Но он не захотел говорить, устранился от этого. Она оказалась предоставлена сама себе, покинута в одиночестве. Да и самочувствие Линды оставляло желать лучшего.

Они собрались. Все, кроме Клары Вальгрэн. Та сама только что родила ребенка. Сына. Их дети должны были стать практически ровесниками. Они думали, дети подружатся. Сын Клары и ребенок Линды.

Когда Линда пришла, все отметили, что та выглядела бледнее, чем всегда, но это не показалось им странным – ей ведь столько пришлось вынести. И морально, и физически. Они поинтересовались, как она, и Линда ответила, что впервые за все время беременности чувствует, что что-то на самом деле не так. Она была напугана, ее одолевали сомнения и тревога. Ей могло бы быть легче, если бы отец ребенка не отказался ее поддержать, если бы хоть кто-то был с ней рядом. У нее была подруга, Тереза, но та не оказывала ей особой поддержки. Она не понимала Линду. Только говорила, что поддержит любое решение, и что принимать такие решения Линда должна самостоятельно. Но Линда отлично понимала, что на самом деле подруга считала ее поступок ошибкой.

Так что у нее никого не было.

Кроме «Аб Ово».

Они говорили. Обо всем, не только о беременности и связанных с ней тревогах. Она расслабилась, успокоилась, стала лучше себя чувствовать. Они пытались помочь ей отпустить свои страхи, положиться на Господа, который всегда знает, как лучше. Пытались помочь ей почувствовать радость оттого, что внутри нее растет маленькая жизнь. Насладиться чудом творения.

Потом они вместе молились. О ней, ее ребенке, об отце ребенка. Просили о том, чтобы все наладилось, чтобы в это сложное время у Линды хватило сил, чтобы ее оставили тревоги, чтобы она смогла воссоединиться со своим партнером в любви и согласии.

Им показалось, что она почувствовала себя лучше. Ей стало спокойнее, она улыбалась. Благодарила. Сказала, что не знает, что стала бы делать, если бы не было «Аб Ово». Не было веры. Не было Бога. Они собрались расходиться. Линда хотела только зайти в туалет перед выходом. Они ждали ее, болтали, конечно же, о ней и о ребенке, и вообще о разном.

Первой опомнилась Ульрика.

– Сколько мы уже ее ждем?

Они помедлили еще минуту, а потом все вместе пошли к туалетам, которые располагались на цокольном этаже. Только один был занят, дверь была заперта. Они постучались.

– Линда!

Она не отвечала.

– Линда, с тобой все хорошо?

Снова тишина. Несколько секунд прошло в замешательстве, а потом они решили вскрыть дверь. К счастью, замок был старый, такой, который можно открыть снаружи, с помощью проволочки или монетки. Так они и сделали.

Линда лежала на полу. Без сознания. В луже крови.

Все впали в ступор, не зная, что предпринять. Ида начала тихо молиться. Ульрика забралась в кабинку, попыталась привести Линду в чувство, прощупала пульс. Сердце билось. С перебойми, но все же. Линде была необходима помощь, ее нужно было доставить в больницу.

– Звоните в скорую!

Естественная реакция, правильная, вот только так поступить они не могли. Они не могли вызвать скорую. Участники «Аб Ово» ведь собирались в здании церкви. А это происшествие ни при каких обстоятельствах не должно было бросить тень на их деятельность, на их группу.

– Вы понимаете, насколько это абсурдно? – прервала Ингрид собственный рассказ, и от внимания Ваньи и Себастиана не укрылось, насколько ее волновало то, что она собиралась сказать. – Участники группы, которая стояла за святость Библии, за неопровержимость и неоспоримость слова Божьего, не могли позволить себе признать свою принадлежность церкви.

– Почему же? – удивилась Ванья. Ей казалось, что ответ она уже знает, но все равно решила спросить.

– Почему? Потому что церковь напрочь утратила ориентиры. Они бы сделали все, чтобы дистанцироваться, убедить всех в собственной непричастности. Они бы заявили, что все происходило без их ведома, и приняли бы меры.

– Например, выпнули бы фундаменталистов вон из церкви? – предположил Себастиан.

– Приняли бы меры, потому что мы верим и живем в соответствии со словом Божьим, – продолжала Ингрид, словно не услышав пассаж Себастиана. Они с Ваньей оба заметили, как цвет вернулся к щекам Ингрид. – Потому что мы стоим за святость жизни. А они пали так низко, что запросто избавились бы от тех, кто преданно отстаивал постулаты, которые в принципе должна отстаивать церковь. Вот потому-то шведскую церковь и поразил этот кризис.

– Так, значит, вы отказались от идеи звонить в скорую, потому что боялись увольнения?

Ингрид повернулась к Себастиану, и Ванья отметила, что терпение женщины явно уже на исходе. Она выругалась про себя. Им необходимо было получить как можно больше информации, а постоянные нападки в этом контексте были не лучшей стратегией.

– Я не жду, что вы сможете это понять, – произнесла Ингрид совершенно спокойно. Ее поведение импонировало Ванье.

– Отлично, потому что я действительно не могу, – отозвался Себастиан.

– Если бы от меня и не избавилось начальство любого уровня, то изгнать меня потребовала бы общественность. Народное судилище в социальных сетях. Пусть даже в те дни социальные сети еще не обрели такой власти, как сегодня, когда какой-нибудь пост в Твиттере может разрушить вашу жизнь, но все же.

– Я уверен, что где-то нашлась бы какая-нибудь безумная независимая церковь, которая приняла бы вас с распростертыми объятиями.

– Себастиан, – зловещим тоном перебила его Ванья. – Заткнись.

Он послушался. Себастиан понимал, чего хотела Ванья, и не желал саботировать ее старания. Ванья вновь обратилась к Ингрид.

– Я прошу прощения за своего коллегу. Пожалуйста, продолжайте. Что произошло потом?

Общими усилиями они смогли донести Линду до машины и усадили ее на заднее сиденье. У нее не прекращалось кровотечение, но временами она приходила в себя. Она была совершенно сбита с толку и очень напугана. Ингрид села за руль. Ребекка с Идой устроились по обеим сторонам от Линды. Они в общем-то ничем не могли ей помочь. Обеих охватила паника. Ульрика заняла место впереди.

Ингрид пыталась сосредоточиться на дороге, время от времени бросая озабоченный взгляд в зеркало заднего вида.

Сзади на нее напирал поток восклицаний и вопросов, голоса женщин звучали испуганно.

– Кровотечение не останавливается!

– Мы скоро приедем?

– Она без сознания!

– Она поправится?

– Мне кажется, она не дышит. Она дышит?!

Ингрид в замешательстве просит их помолчать. Она ничего не знает, она не может отвечать на их вопросы. Еще один взгляд в зеркало. Линда на краткий миг в сознании. В глазах мольба и страх. Она понимает, происходит что-то серьезное, и без слов взывает к Ингрид с просьбой спасти ее. Тем не менее, когда до больницы остается меньше минуты езды, Ингрид резко тормозит. До нее внезапно доходит. Если они сами привезут Линду в больницу, это повлечет за собой последствия.

Возникнут вопросы, на которые придется отвечать. Будут сделаны выводы.

Сбавив скорость, они приближаются к больнице, пытаясь прийти к согласию о том, как им поступить. Наконец они находят укромное место неподалеку от отделения неотложной помощи, и там вытаскивают из машины Линду. Они осторожно укладывают ее на землю, пока Ульрика, самая собранная из всех, бежит в больницу, где в приемном покое наскоро обрисовывает ситуацию: на пороге больницы лежит истекающая кровью женщина, ей явно плохо. Ульрика исчезает еще до того, как кто-то успевает задать ей уточняющие вопросы, и находит остальных в условленном месте. Они дожидаются, пока персонал больницы обнаружит Линду, и затем в молчании уезжают.

Они возвращаются в церковь, наводят порядок в туалете, вместе с пятнами крови смывая память о событиях прошедшего вечера. Они придумывают историю и договариваются придергиваться ее, коль скоро у кого-то возникнут вопросы. Они были дома у Ульрики. Ужинали, разговаривали. Ингрид и Ребекка ушли вместе с Линдой. Расстались они на том месте, откуда до больницы можно было дойти пешком.

Они сделали для Линды все, что было в их силах. Невзирая на исход, не было причин вмешивать «Аб Ово» в это дело. От этого никто бы уже не выиграл.

С тяжелым сердцем расстались они на пороге церкви. Никто из них не мог гордиться своим поступком. Но им пришлось поступить так.

– А что бы вы стали делать, если бы она выжила? – спросил Себастиан, не скрывая любопытства. Их наскоро слепленный план рухнул бы в тот же миг, как только к Линде вернулось бы сознание.

– Мы не думали об этом, – без обиняков призналась Ингрид. Затем она вновь обернулась к Ванье и, меняя тему, спросила:

– Почему вы считаете, что нападения как-то связаны с судьбой Линды?

Ванья взглянула на Себастиана, который определенно решил предоставить право ответа ей. Она на мгновение замялась, но все же предпочла сказать правду:

– Мы считаем, преступник хочет, чтобы все вы зачали детей. Хочет поставить вас перед необходимостью выбора, сделать который невозможно. Он придумал для вас такое наказание.

– Не должно одним людям судить других, это задача Господа.

– Не все верят в Господа, – фыркнул Себастиан. – К большому счастью.

Он поднялся с явным намерением уходить. От Ингрид Дрюбер он услышал достаточно. Да и сам постарался. К тому же цель визита была достигнута. Себастиан остановился у двери, дожидаясь Ванью.

– Почему это происходит сейчас? – спросила Ингрид, когда Ванья уже встала с дивана. – Прошло восемь лет. Почему именно сейчас?

Они и сами не прекращали задаваться этим вопросом с тех пор, как пришли к выводу, что все нападения связаны со смертью Линды. Ответа, однако, у них не было.

– Мы не знаем. В последнее время не происходило ничего, что может быть связано с этими событиями?

– Приходил журналист. Он что-то раскопал про «Аб Ово».

– Аксель Вебер?

– Да, он так назвался. Он был здесь, а больше ничего не произошло, и он не возвращался.

– Когда это было?

– Около двух недель назад.

После того, как Госкомиссия присоединилась к расследованию. После пресс-конференции. Не то. Ванья хотела выяснить, не проявлял ли кто-то другой интереса к событиям восьмилетней давности. До того, как начались нападения.

Но в запасе у них были еще несколько имен, которые добыли Билли с Карлосом, изучая прошлое Линды. С ними можно поработать. Люди из ее ближайшего круга, которые с ее смертью потеряли все, как сказал Себастиан. Подходящих под эти критерии не может быть слишком много.

Ванья вновь собралась уходить, но на этот раз вопрос Ингрид настиг ее уже возле двери, которую Себастиан все еще придерживал для Ваньи.

– Я участвую в выборах епископа.

– Нам это известно.

– Это не станет достоянием гласности? Я ведь сделала все, чтобы вам помочь.

– Вероятно, расследование смерти Линды Форш будет возобновлено, – сказала Ванья. – Так что все будет зависеть от его выводов.

Ванья предполагала, что расследование установит виновность всех участников событий того вечера (из которых в живых оставалась одна Ингрид) в преступном бездействии, повлекшем смерть человека. Но в любом случае, срок давности уже вышел. Маловероятно, что прокурор станет требовать переквалификации дела по статье «убийство». Так что, скорее всего, эта история так никогда и не станет предметом обсуждения общественности.

– *Группа пролайф-активисток под эгидой церкви становится причиной смерти молодой женщины и ее нерожденного ребенка, а затем пытается скрыть улики,* – услышала Ванья голос Себастиана. – Вам следует уповать на то, что ваш Бог пожелает сохранить все это в тайне, иначе будет жуть, так я вам скажу.

Себастиан распахнул дверь настежь и зашагал прочь. Ванья послала Ингрид еще один извиняющийся взгляд, и последовала за ним. Ей пришлось прибавить шагу, и она поравнялась с Себастианом уже на полпути к выходу, на ходу набирая номер Торкеля, чтобы отчитаться о проведенной беседе и узнать, нет ли новостей.

– Иногда я совершенно не понимаю твоих поступков, – сказала Ванья Себастиану, пока в трубке шли гудки.

– Конечно. Я – загадка.

– Ты идиот, – припечатала Ванья, закрывая эту тему, а заодно и дверь церкви.

* * *

В конференц-зале было тепло. Торкель уже и так слегка вспотел по дороге из Стокгольма и, зайдя в помещение с улицы, сразу ощутил духоту. Он бросил взгляд на табло термостата. Двадцать шесть градусов. Потом перевел взгляд на Карлоса. Тот сидел за столом, повернувшись к остальным правым боком. После аварии он все еще не слышал левым ухом. Из-под рубашки у Карлоса выглядывал ворот футболки, а поверх, несмотря на то, что на улице температура в целом вернулась к норме конца октября, и даже временами ее превышала, он натянул пуховый жилет. Противный мелкий дождь начал моросить еще в обед и, судя по всему, прекращаться не собирался. Небо и город стали монохромно серыми. До прихода ноября оставалось еще три дня, но погода, похоже, взяла фальстарт, успев окутать страну в самые унылые, депрессивные тона. Они как нельзя лучше соответствовали всеобщему настроению. У них появился возможный, весьма вероятный мотив, но к поимке преступника они приблизились не более, чем в первый день работы над делом.

Если только один из мужчин, чьи фотографии были размещены на интерактивной доске, не был тем, кого они разыскивали.

Первый – цветное фото, на вид около тридцати – карие глаза, темные волосы, гладкое круглое лицо излучает добродушие. Это Хампус Бугрен, партнер Линды и отец их нерожденного ребенка.

Рядом с ним фото ровесника. Черно-белое, из паспортного регистра. Темные глаза прожигающе глядят из-под бритого лба, никакого намека на улыбку. Такая внешность заставит большинство граждан поверить в его виновность, если разместить это фото на первой полосе какой-нибудь газеты. Что его объединяло с большей частью населения, так это неудачное фото на паспорт. Очень немногим удастся на нем выглядеть приятно и благонадежно.

На третьем фото был мужчина возраста Торкеля и Себастиана, и он тоже не стал исключением. Те же темные глаза, как у молодого человека, но при этом вьющиеся темные волосы и борода. В ухе крупное кольцо.

Родриго и Даниэль Вальбуэна.

Отец и единокровный брат Линды.

И еще один мужчина, фотографий которого Торкель раньше не видел. Примерно ровесник Хампуса – около тридцати, глубокие залысины, зачесанные назад длинные светлые волосы спадают на плечи, светлые глаза за стеклами очков, довольно выдающийся нос, тонкие губы и, в довершение всего, усы, которым позавидовал бы любой порноактер семидесятых.

– Это Борис Хольт? – поинтересовался Торкель, кивком указывая на новую фотографию на доске. Воровато озираясь, он повернул регулятор термостата, убавляя температуру до комфортных двадцати трех градусов, и стащил с себя куртку.

– Друг Линды. Если верить Терезе, лучший друг. Во всяком случае, до 2010 года, – отозвалась Анне-Ли, пока Торкель устраивался на одном из свободных мест. – Сегодня у всех нас было много работы. Я могу начать со своего визита на Альмквистгатан.

Дверь открыл Милан Павич. Анне-Ли объяснила, кто она такая. Ей необходимо было поговорить с Терезой. Милан поинтересовался, нельзя ли это отложить. Нет, отложить было нельзя. Он посторонился, пропуская ее в трехкомнатную квартиру. В гостиной сидела Габриэлла, младшая сестра Терезы. Эта гостиная словно сошла с черно-белой фотографии. Серый диван с серыми и белыми подушками. Обитое белой тканью кресло с серым пледом. Черно-белые картины на стенах. Бледно-серый ковер, на котором стоял белый журнальный стол. Абажуры, вазы, все прочие интерьерные решения – белые либо серые. Единственное, что выбивалось из этой гаммы – коричневый паркетный пол.

Габриэлла спросила Анне-Ли, не принести ли ей чего-нибудь. Анне-Ли вежливо отказалась, и устроилась в кресле. С некоторой опаской, надо сказать, словно ее красное платье могло полинять и оставить на белой ткани пятна.

– Как она? – спросила Анне-Ли.

– В основном спит.

Тоже не слишком хорошо, подумала Анне-Ли. Через полминуты в комнату вошла Тереза, всем своим видом подтверждая ее опасения. Она накинула халат прямо поверх белья и ночной сорочки. Женщина выглядела очень уставшей: под глазами темные круги, кожа бледная и безжизненная, почти прозрачная. Словно она вовсе не спала. Даже глаза у Терезы были полузакрыты – как будто для того, чтобы держать их открытыми, ей требовалось неимоверное усилие. Тереза опустилась на диван, и Милан осторожно положил руку ей на плечо. У Анне-Ли возникло впечатление, что молодой человек теперь не выпустит Терезу из поля зрения.

– Как вы? – поинтересовалась Анне-Ли.

– Не очень.

– В состоянии ли вы ответить на несколько вопросов? – самым сочувственным тоном, на какой была способна, спросила Анне-Ли. Тереза кивнула, одернула халат и скрестила руки на груди, словно обнимая саму себя.

Анне-Ли сделала глубокий вдох, прежде чем рассказать Терезе о том, что на данный момент полиция знала наверняка, и о том, что пока лишь предполагалось. О пролайф-активистках «Аб Ово», о смерти Линды, о том, что кто-то решил за нее отомстить. После недолгого колебания Анне-Ли поведала Терезе и о вероятном стремлении преступника оплодотворить своих жертв, чтобы те зачали детей.

– Поэтому вам в больнице и назначили таблетки для экстренной контрацепции. Вы приняли их?

Тереза молча кивнула. В ее глазах стояли слезы. Словно было недостаточно самого факта нападения, насилия над ее телом, над всем существом, у преступника оказались еще и далеко идущие намерения. Отвратительный, мерзкий план извратить то, что должно было стать желанным результатом любовного соития, перевернуть с ног на голову, обезобразить и надсмеяться.

– Вы не состояли в «Аб Ово».

Самое время перейти к делу. Неизвестно, как долго Тереза сможет отвечать на вопросы.

– Нет.

– Вам было известно о рисках, связанных с беременностью Линды?

Молчаливый кивок.

– Но вы не пытались уговорить ее прервать беременность.

Больше утверждение, чем вопрос. Если бы это было не так, сейчас на Терезу никто бы не нападал.

– Она не хотела этого. Ни в коем случае, – обливаясь беззвучными слезами, проговорила Тереза. Милан притянул ее поближе к себе, словно хотел ее закутать, защитить – от всего. – Она была моей лучшей подругой. Я поддержала ее.

– Конечно, поддержали.

– Помимо церкви, у нее никого не было.

– А что насчет родителей и брата?

– Они ни о чем не знали. Она была одна. Я ее поддерживала.

Преступники, однако, видели эту ситуацию иначе. Те, кто не сделал все возможное, чтобы предотвратить то, что случилось, в их глазах были соучастниками.

– Есть ли у вас догадки, кто мог бы мстить за Линду? Помимо отца, брата и бывшего партнера.

– Борис, – сразу, без раздумий ответила Тереза.

– Что за Борис?

– Хольт. Они жили по соседству, на Юмшильсгатан, знаете, где это?

Анне-Ли знала.

– Они были неразлучны, я даже немного ревновала. Понимаете, она была моей лучшей подругой, но я не была таковой для нее.

Это Анне-Ли вполне могла понять. Она узнавала себя. Анне-Ли имела опыт подобных отношений. Для людей, которые были ей дороги, сама она значила неизмеримо меньше. Осознавать такое всегда непросто.

– Но Линда разорвала отношения с ним, когда он не поддержал ее решение сохранить ребенка. Думаю, он ее любил.

– Когда они были совсем юными, они любили ночью сидеть на крыше. Наблюдать за восходом солнца, болтать обо всем на свете. Он был ей роднее, чем собственный брат, – завершила Анне-Ли свой рассказ о визите к Терезе.

– Что нам известно об этом Борисе Хольте? – спросил Торкель, глядя на Билли с Карлосом. Человек, потерявший свою любовь. Как раз такого они искали.

– Работает начальником отдела логистики в фирме, которая торгует фермерской продукцией. С 2013 года живет в предместье Норртелье, женат на женщине с двумя детьми с 2015 года, – отчитался Карлос.

– Туда кого-нибудь отправили?

– Бесплезно, вчера они улетели на Кипр. Осенние каникулы. Вернутся обратно в воскресенье.

Торкель понял, что придется просто ждать. По целому ряду причин у них нет возможности просить полицию Кипра провести допрос на месте. А звонить подозреваемому с сообщением, что полиция идет по следу, было бы по меньшей мере глупо, учитывая тот факт, что Хольт уже находится в другой стране. Некоторое время Торкель обдумывал вариант послать технический персонал в дом Хольта в предместье Норртелье, чтобы собрать образцы ДНК – тогда к моменту его возвращения они уже могли бы быть доподлинно уверены в том, что он – один из преступников. Однако, исходя из имеющейся у них информации, на данный момент Хольта нельзя было считать подозреваемым. Ему нравилась Линда. Это все. Недостаточная аргументация для проведения обыска.

– Я почему-то раньше об этом не подумала, – внезапно сказала Ванья. – Об этом плане оплодотворения женщин. Но сейчас мне пришло в голову... На дворе 2018 год. Нужно всего лишь принять таблетки для экстренной контрацепции.

– Тереза – единственная, для кого возможен этот вариант, – возразил Себастиан. – Для участниц «Аб Ово» такой поступок равносителен аборту.

– Тереза поехала домой на одном из этих Безопасных Такси. Что у нас по этой теме? – Анне-Ли направила обсуждение в другое русло и выжидательно посмотрела на Карлоса. Тот выпрямился и заглянул в блокнот.

– Пять лет назад они начинали как служба помощи студенткам, но с тех пор расширились. Теперь у них в активе пять автомобилей. Руководит организацией ее основатель, Феликс Хоекстра.

– Что он говорит по этому поводу?

– Его нет на месте.

– Где же он?

– Он был в Линчепинге, Векше, а потом поехал в Бурос – небольшое турне по университетским городам, где муниципальные власти заинтересовались нашим проектом, – пояснила молодая женщина, которая открыла Карлосу дверь офиса Безопасных Такси в центре Уппсалы. Когда он предъявил удостоверение и вкратце изложил цель визита, она впустила его внутрь. Женщина – ее звали Саманта – на тот момент находилась в офисе одна.

– Муниципалитеты обычно не занимаются подобными вопросами, – отказавшись от предложения повесить верхнюю одежду, удивился Карлос, следуя за Самантой вглубь помещения.

– Обычно нет, но вопросы безопасности становятся все более актуальными, и приходится искать точки взаимодействия с экономикой региона. Чем мы и заняты.

Саманта развела руками, стоя посреди пустого офиса, словно желая умозрительно охватить всю деятельность организации. Это, однако, было не так уж сложно. Три письменных стола и пять компьютеров. В углу – импровизированная кухня. На стенах – доска объявлений, несколько постеров и карта Уппсалы.

Саманта пояснила, что кроме нее в офисе никого не бывает примерно до четырех часов, когда на улице начинает темнеть. В это время как раз и становятся востребованными услуги Безопасных Такси. Практически у всех сотрудников есть и другая работа, и они могут посвящать Безопасным Такси лишь несколько часов по вечерам, пару раз в неделю.

– Сколько вас? – уточнил Карлос.

– Всего больше двадцати, но в обычный вечер выходят по три-четыре человека в офис плюс водители. В выходные немного больше.

– Мне потребуется список ваших сотрудников.

– Они не сотрудники, а волонтеры. Они не получают зарплату.

– Мне нужен список работающих здесь людей, – переформулировал свою просьбу Карлос без малейшего намека на раздражение в голосе, несмотря на то, что Саманта явно прекрасно уловила смысл с первого раза, а ее замечание придавало ей сходства с вьедливым регулировщиком.

– На всех имеются выписки из полицейского регистра, – сообщила Саманта, словно эта информация могла каким-то образом повлиять на намерения Карлоса.

– Я в этом не сомневаюсь, однако мне в любом случае необходим список.

В самом лучшем случае в этом списке появится имя, которое уже известно полиции. Кто-то связанный с Линдой Форш или с кем-либо из жертв.

Однако в этом офисе творилось что-то странное.

– Я не знаю, где он. Феликс этим занимается. Или Реми, она делает много административной работы. Но ее тоже сейчас нет.

– Позвоните кому-то из них, – попросил Карлос, и его предложение было воспринято позитивно. Саманта взяла телефон, набрала номер, и через несколько секунд ей ответили. Она пояснила, что полицейскому требуется помощь. Потом прошла к одному из компьютеров, ввела пароль и, следуя инструкциям по телефону, разыскала и отправила на печать искомый файл.

– Что-нибудь еще? – спросила она, отнеся трубку подальше. – Пока она на проводе.

– Вызовы. Вы храните информацию о вызовах?

– Мы храним информацию о вызовах? – повторила в трубку Саманта. Ей что-то ответили, и Саманта, напевая себе под нос, снова застучала по клавишам.

Больше всего Карлоса интересовало фактическое время, отсчитываемое от приема вызова и до того момента, как клиентка попадает домой. Не то чтобы Карлос считал, что такая информация может оказаться очень полезной – скорее он искал сведения, которые могли бы доказать отсутствие связи Безопасных такси с нападениями. Ему представлялся неправдоподобно затянутым такой сценарий, при котором один из сообщников принимал вызов в офисе, затем выяснял, не ждет ли звонившую женщину кто-то дома, сообщал своему подельнику адрес, тот заранее туда подъезжал и прятался дома у жертвы, ожидая, пока она прибудет на одном из Безопасных Такси...

– ...и в принципе невозможно в тех временных рамках, о которых идет речь, – окончил Карлос свой отчет о посещении офиса Безопасных Такси.

– Пользовался ли еще кто-то из жертв их услугами?

– Клара никогда им не звонила, это нам известно. В Евле, где жила Ребекка, у них нет представительства. Что касается Иды, я сверился с чеком, который мы обнаружили в ее кухне. Двадцать

первого числа днем она ходила за покупками. Вызовов на адрес магазина, да и вообще куда-либо в это время не поступало.

– Отличная работа, – похвалил Торкель Карлоса, когда тот поднял глаза от записей. Ему нравился этот мерзляка. Идея с чеком была очень неплоха. Торкелю нравилось, когда в его окружении появлялись такие сообразительные люди. Если бы Карлос вдруг решил сменить работу, Торкель принял бы его с распростертыми объятиями. Он стал бы отличным пополнением в их команде – спокойный, методичный, приятный в общении. А тот факт, что Торкель увел бы у Анне-Ли ее ближайшего соратника, был бы лишь приятным бонусом.

– Ты не спросил, приходил ли к ним Вебер? – поинтересовался Торкель, будучи уверен в том, что услышит положительный ответ. В том смысле, что Карлос спрашивал, а не в том, что Вебер был там. Он как сквозь землю провалился, не ответил ни на один из звонков Торкеля, и ни разу не перезвонил.

– Его там не было. Во всяком случае, по словам этой Реми, с которой Саманта говорила по телефону. А она, как мне показалось, в курсе всего, что происходит в их офисе.

– Он выходил на связь? – спросила Урсула. Она встречалась с Вебером лишь однажды, но знала, что к этому репортеру Торкель испытывал определенное уважение, как к профессионалу. К тому же Вебер время от времени оказывался очень полезен для Госкомиссии и фактически им помогал.

– Нет.

– А что говорят в «Экспрессен»?

– Ничего.

Торкель сидел за полированным столом из темного дуба в стильном конференц-зале, по стенам которого были развешаны исторически ценные номера газеты в рамках. Он хорошо помнил, как приходил сюда в прошлый раз вместе с Себастианом, чтобы убедить бывшего главного редактора, Леннарта Челльмана, опубликовать интервью с Себастианом, что в итоге послужило косвенной причиной его убийства Давидом Лагергреном. Челльмана, конечно, не Себастиана. *К сожалению*, мелькнула у Торкеля мысль, которой он, однако, тут же устыдился.

Торкель еще помнил, что был почти так же зол на Челльмана, как сейчас зол на его преемницу.

– Вы ничего не можете мне рассказать?

– О том, над чем он работал? Нет.

Торкель внутренне собрался, и сделал глубокий вдох. Он пришел сюда потому, что от Ингрид Дрюбер они узнали – Вебер приходил к ней с вопросами. Очевидно, он обнаружил связь между Линдой Форш и «Аб Ово».

Он умен, этот Вебер.

Помимо воли Торкель вынужден был признать существование такой возможности, что Вебер в собственном расследовании продвинулся дальше полиции. То, что на данный момент было известно полиции, вполне могло на это указывать. И уж точно Вебер знал не меньше их, а к похожим выводам пришел раньше.

Торкель выяснил, что Вебера никто не видел уже больше недели, а скорее, почти две. Ценный сотрудник с многолетним опытом исчезает, расследуя тяжкое преступление. Наверняка его руководство станет добровольно сотрудничать с полицией, чтобы выяснить, что произошло. Так это видел Торкель.

Однако вскоре стало очевидно, что руководство Вебера смотрело на ситуацию иначе.

– Разве вы только что не сказали, что уже больше недели не имеете о нем никакой информации? – скептическим тоном поинтересовался Торкель, все еще надеясь, что неправильно понял слова главного редактора.

– Двенадцать дней, – подтвердила Соня.

– Такие внезапные исчезновения в стиле Вебера?

– Нет, по словам коллег, такого раньше никогда не случалось.

– И тем не менее вы не хотите рассказать мне о журналистском расследовании, которое вполне могло послужить причиной его исчезновения?

– Я, возможно, и хотела бы, но не могу.

Торкель прекрасно понял, что она имела в виду. Об этом он уже слышал. Защита источников. Совершенно фантастический закон, обязывающий журналиста скрывать личные данные своих источников информации. Естественно, главный редактор не может рисковать, нарушая этот закон. Торкель и не ожидал приглашения пошарить в компьютере Вебера, но тем не менее был уверен, что кто-то захочет ему помочь.

– Чушь какая-то, – пробормотал он, подался вперед и повысил голос. – Если вы прочитаете его записи, просмотрите историю его браузера, вы сможете помочь мне, не нарушая закон.

Ощущение дежа-вю не отступало. То же чувство разочарования возникло у него во время спора с Челльманом, но на этот раз стремление выйти победителем, продавить свою позицию оказалось сильнее. Торкелем овладело гнетущее чувство, что исчезновение Вебера обусловлено тем, что тот подобрался слишком близко к преступникам. Оказался в опасной близости к ним. Если не в смертельной.

Однако дальше Торкель так и не продвинулся.

Соня вежливо объяснила, что понимает его аргументы, что если бы полиции уже не было известно об исчезновении Вебера, заявить об этом могла бы она. Но она не станет брать на себя ответственность за передачу информации полиции. Это поставит под сомнение репутацию издания. Во времена фейковых новостей и общего падения доверия к серьезным изданиям было крайне важно удержаться на плаву, не давая недоброжелателям пищи для пересудов.

У Торкеля оставалась масса аргументов, которые основывались на журналистской этике, морали, фактах, но он понял, что в данном случае все они бесполезны. Соня приняла решение. Он поблагодарил ее за потраченное время и направился к лифтам и через пару минут, оставив запись в журнале посещений в приемной, уже был на улице. Оказавшись на открытом пространстве возле здания газеты, Торкель почувствовал, как ледяной ветер пронизывает его насквозь, и остановился, чтобы застегнуть куртку.

– Вы из полиции? – услышал он голос у себя за спиной. К нему бежала женщина, на вид около тридцати лет. Она сразу представилась. Кайса Крунберг. Торкелю показалось, что он ее уже где-то видел. Наверху, в газете?

– Вы знакомы с Акселем? – спросила она, подтверждая его выводы. – Вы поэтому приходили?

– Да. А вы его знаете? – с надеждой спросил Торкель. Она ведь побежала за ним, наверняка сделать это ее побудило нечто большее, чем банальное любопытство. – Вам известно, чем он занимался в последнее время?

Словно в старом шпионском кино, Кайса огляделась по сторонам. Торкель бессознательно и сам сделал несколько шагов в сторону от входа, поближе к стене здания.

– Он расследовал что-то под названием «Аб Ово». Она сделала небольшую паузу между звуками «б» и «О», очевидно, чтобы подчеркнуть важность того факта, что это два слова, а не одно. – А еще он интересовался, как можно восстановить доступ к удаленной веб-странице, но мне кажется, ему никто так и не смог помочь.

По лицу Кайсы Торкель понял, что ему не удалось скрыть собственное разочарование.

– Вам это уже и так известно, – констатировала Кайса.

– Да. А он не называл каких-нибудь имен, не упоминал, куда собирается поехать?

– Нет, к сожалению.

– В любом случае, спасибо вам, – поблагодарил Торкель и уже развернулся, чтобы идти к машине. Нужно было возвращаться в Уппсалу.

– Он мне нравится, – снова услышал Торкель голос Кайсы у себя за спиной. – Что вы теперь станете делать?

– Нужно найти его машину, попробуем отследить телефон, – постановил Торкель, закончив излагать свои впечатления от встречи с представительницей третьей власти в столице. – Справишься, Билли?

Билли поднял взгляд от ноутбука. Он снова сидел на этом игровом форуме. Рано утром он уже заходил туда, чтобы написать ответ. Он заплатит. Не потому, что считает это правильным, а потому, что нужно выиграть время. В последнее время он как будто только этим и занимается. Выкраивает себе дополнительное время. Откладывает проблемы на будущее, надеясь, что там они каким-то чудесным образом рассосутся. Теперь он ждал ответа от WoLf 232, но комментарий Билли до сих пор оставался последним в тред. До обеда Билли посвятил некоторое время попыткам отследить отправителя, но тщетно, а потом ему пришлось заняться другими делами. В частности, работой. Тем, чем он должен был заниматься с полной отдачей, но все чаще замечал, что не может сконцентрироваться, предоставляя Карлосу доделывать все за себя.

Станет ли ему лучше, если он наведается к Стелле?

Он отбросил эту мысль. Это ему не нужно. Он не должен оправдывать трудностями на работе свое стремление оказаться в красной комнате. Это не было одно из тех технически запутанных расследований, где требовались его особые навыки и знания. Он несколько раз проанализировал записи с актуальных камер наблюдения, изучил содержимое мобильного Сайласа Франзена, насколько было возможно тщательно отследил трафик Дана Тилльмана в Сети, составил досье на Ингрид Дрюбер, и теперь формировал аналогичные на четырех мужчин, чьи фото разместились у них на доске. А сейчас нужно еще и постараться разыскать Акселя Вебера по сигналу его мобильного.

– Нет проблем, отозвался Билли, и захлопнул ноутбук. – Но если телефоном не пользовались уже двенадцать дней, велика вероятность того, что он разрядился, – добавил Билли в надежде, что всем станет ясно – телефон отследить не получится.

– У нас есть еще компьютер и планшет Ульрики, – напомнила Урсула, и Билли кивнул.

– Я уже начал их изучать.

– Что сказал вдовец? – спросила Анне-Ли.

– Йоста? Не так уж много. Вернее, он очень много говорил, но толку от этого оказалось чуть.

Седовласый мужчина вышел им навстречу еще прежде, чем Билли с Урсулой успели ступить на лужайку перед домом. Они припарковались в сонном предместье возле одноэтажного дома из красного кирпича. Улица носила вполне подходящее название – Люнвеген. Спокойная. Сад все еще был зелен за счет трех больших елей, прикрывающих торец дома. За коричневым забором росла живая изгородь из туи. Кусты можжевельника различных форм и размеров расположились между клумбами.

– Вы приехали посмотреть дом? – Мужчина кивком указал на небольшую оранжевую табличку с логотипом риелторской конторы, висевшую на невысоком кусте самшита.

– Нет.

– Это хороший дом, но теперь для меня он чересчур велик, – продолжал мужчина, словно пропустив ответ визитеров мимо ушей. – Участок тоже большой, а я не слишком-то жалую садовую работу, это была забава Ульрики. Она любила тут все подстригать.

– Мы из полиции, – перебила его Урсула, пояснив, что они приехали поговорить об Ульрике и о несчастном случае, который произошел восемь лет назад.

– С Линдой? – уточнил мужчина, приглашая их следовать за собой. – Хотите кофе? Я как раз собирался ставить кофейник.

Урсула и Билли отказались, но при этом у обоих возникло ощущение, что пить кофе придется все равно. Они последовали за хозяином, который уже на пороге внезапно обернулся к ним и сказал:

– Кстати, меня зовут Йоста.

Билли с Урсулой представились в ответ, и все вошли в дом.

– Не разувайтесь, прошу вас, – гостеприимно предложил Йоста, и они прошли за ним прямо в кухню, на ходу стаскивая с себя верхнюю одежду.

– Садитесь, садитесь! – Йоста указал на стулья вокруг кухонного стола, а сам повернулся лицом к белым лакированным шкафчикам, собираясь молоть кофе.

Урсула и Билли повесили куртки на спинки стульев и уселись. На столе лежала свежая утренняя газета, раскрытая на странице с кроссвордами, рядом лежали карандаш, резинка и очки. На ближайшем подоконнике, украшенном двумя горшками с красными цветущими растениями – даже Билли знал, что это герань, – стояла таблетница с кучкой пилюль в каждой ячейке – по три на день, несколько рекламных брошюр, и целая стопка конвертов с окошечком из Центральной больницы Готтсунда – так подсказывал адрес на верхнем конверте.

– Мы слышали, что ваша супруга скончалась этой весной, – Урсула хотела поскорее перейти к теме. Йоста уже смолот кофе и как раз доставал из шкафчика три чашки.

– Да. 18 апреля. Не выдержала... Никто не мог подумать, что из нас двоих именно она уйдет первой. Я ведь на двадцать с лишком лет старше. Когда мы познакомились, ей было всего двадцать два, так что все были немного в шоке, особенно ее родители. Но мы остались вместе. Двадцать девять лет прожили. Двое детей... Он махнул рукой в сторону холодильника, на котором висели две фотографии. На одной был парень лет двадцати пяти с младенцем на руках. Рядом стоял малыш двух-трех лет от роду. С другой фотографии улыбалась очень

молодая женщина с темными волосами. Судя по всему, снимок был сделан где-то в юго-восточной Азии.

– Юханнес и Эмели, и двое наших внуков. Младшая, Майя, родилась в марте, и Ульрика успела с ней познакомиться.

– Вы упомянули Линду, когда мы объяснили, зачем приехали к вам.

Урсула сделала очередную попытку направить разговор в нужное русло.

– Да.

– Что вы можете о ней рассказать?

Йоста открыл холодильник, достал оттуда открытую упаковку с тортом «Балерина» и поставил на стол.

– Она была приятельницей Ульрики, из церкви. Несколько женщин объединились в группу, иногда встречались. Молока?

– Нет, спасибо. Вам известно, чем они занимались?

– Ну, встречались, общались, – пожимая плечами, ответил Йоста, одновременно закрывая холодильник. – Как швейный кружок, только ничего не шили, – добавил он.

Значит, ему ничего не известно про «Аб Ово», их цели и их деятельность. Или же он знает, но думает, что не знают они, и считает, что незачем просвещать полицию на этот счет.

В целом, это не имело никакого значения. Йоста был более чем настроен на разговор, а это главное.

– Что Ульрика рассказывала вам о Линде?

– Что та умерла. Она ждала ребенка, и они оба умерли. Тем вечером она была здесь. Они ужинали вместе с другими женщинами. Меня не было дома, но Ульрика мне потом все рассказала. Я много лет работал на техническом предприятии. Постоянно был в разъездах. Было здорово, я повстречал много прекрасных людей, но в то же время было и сложно, особенно пока дети были маленькими. Много пропускаешь. Со временем я стал ездить реже, но подолгу отсутствовал. Мы много сотрудничали с Китаем. Волшебная страна. Вы бывали в Китае?

– Нет.

– Я работал до шестидесяти девяти лет, несмотря на то, что уже намного медленнее со всем справлялся. Я и мысли не мог допустить о том, чтобы целыми днями просиживать дома. К тому же Ульрика

работала. Так что на пенсию я вышел только пять лет назад. В будущем году мне стукнет семьдесят пять, и теперь пришло время продавать дом. Нужно подыскать что-то поменьше и попроще. Я думаю перебраться ближе к детям, они оба живут на юге. Юханнес с семьей обосновался в Кальмаре, а Эмели только что купила квартиру в Хельсингборге.

– Линда, – с вопросительной интонацией повторила Урсула. Ей было почти совестно. Очевидно, седовласый хозяин дома уже давно не имел возможности пообщаться с людьми.

– Да, ее смерть сильно повлияла на Ульрику. Точно не знаю, но я чувствовал – что-то ее гнетет.

– Вы никогда это не обсуждали?

– Она не хотела об этом говорить, но я видел, что-то не так. Какой-то груз висел на ней.

– А с кем-нибудь другим она об этом говорила? Не знаете?

Йоста отвернулся к кофейнику, наполнил чашки и поставил перед гостями.

– Она поддерживала связь с церковью. Там появился какой-то новый священник, он ей нравился. Корнелис какой-то. Так что она общалась с ним, да еще с какой-то дьякониссой, не знаю ее имени.

Билли и Урсула обменялись взглядами. Им одновременно пришла на ум одна и та же мысль. Если смерть Линды так тяготила совесть Ульрики, не пожелала ли та облегчить ее перед смертью? Поделиться с кем-то.

Попросить прощения.

Получить отпущение грехов.

С кем она могла поговорить?

С кем-то из церкви, конечно, но нельзя было отвергать возможность, что нечистая совесть заставила Ульрику обратиться к родным и близким Линды. Однако восемь лет – большой срок, и связаться с теми, с кем Ульрика прежде даже не была знакома, могло оказаться не так уж просто.

Как сейчас проще всего разыскать человека?

Билли знал ответ на этот вопрос.

– У вашей супруги был компьютер, планшет или мобильный телефон? – поинтересовался Билли, откусывая от пирожного. В детстве Билли любил вначале съесть верхний слой бисквита, а потом

зубами выгрызал шоколадную начинку, но сейчас он казался себе слишком взрослым для такого.

– Да, все это у нее было, – подтвердил Йоста. – Я этой ерундой не пользуюсь. Вернее, мобильник у меня есть, чтобы звонить детям, но больше ничего. Пока я еще могу оплачивать счета через почтовое отделение и читать бумажные газеты, но это становится все сложнее. На ТВ и радио все ссылаются на Сеть, только и разговоров что о приложениях, гаджетах, мессенджерах и всей этой прочей чепухе.

Все ссылаются на сегодняшнюю действительность, подумал Билли. Требовать, чтобы тебе предоставляли те же самые услуги, что двадцать-тридцать лет назад – все равно, что использовать паровую тягу или слушать музыку с кассет.

Наступило новое время. Все стало быстрее и лучше.

– Ее компьютер и прочее у вас? – спросил Билли.

– На той неделе я зашел в новое кафе, – невозмутимо продолжал Йоста, словно не услышав вопроса, – хотел перекусить. Так оказалось, что они не принимают наличные! Можете себе представить? Не принимают деньги.

– Ее компьютер и прочее у вас? – повторил Билли, и на этот раз получил ответ.

– Да, все сложено в кабинете. Хотите на них взглянуть?

Они очень хотели. Более того, они хотели бы забрать все это с собой, и здесь тоже не возникло проблем. Плюсом было то, что Йоста не пользовался гаджетами, так что не спешил требовать обратно «машинки» супруги, так он их называл.

– Так что я проверю их содержимое, как только мы здесь закончим, посмотрим, даст ли это нам что-нибудь, – добавил Билли после рассказа Урсулы о визите к Йосте.

У всех было ощущение, что очередной фрагмент мозаики встал на свое место. Если Ульрика хотела облегчить душу, покаяться перед смертью, это вполне объясняло, почему все началось лишь сейчас, а не раньше.

– Ладно. Мы знаем, где ее лучший друг. Что с остальными? – спросила Анне-Ли, поднявшись с места, тем самым сигнализируя собравшимся о том, что долгое совещание близится к завершению. Она подошла к доске и указала на фотографии. – Бывший партнер, отец и брат.

– Бывший партнер, Хампус Бугрен, проживает в Худиксвалле, преподает в коррекционной школе, женат, имеет дочь. Данные в полицейских регистрах отсутствуют, словом, ничего выдающегося, – наскоро отчитался Билли и повернулся к Карлосу, передавая эстафету.

– Родриго и Даниэль Вальбуэна. Родриго приехал из Венесуэлы в 1977 году, женился на Гудрун Торссон, и в 1980 году у них родился сын Даниэль. Супруги развелись в 1983 году, и повторно Родриго вступил в брак в 1986 с женщиной по имени Рената Форш. Годом позже родилась дочь Линда. Родители развелись, когда Линде было пятнадцать. Родриго переехал в Гетеборг к сыну. В 2013 году они оба вернулись в Венесуэлу, и стали торговать электроникой. Я попытался с ними связаться. Звонок переключается на автоответчик. Есть еще электронная почта. Я писал и на испанском, и на шведском, но ответа не получил. Мы просто-напросто не знаем, где они находятся, – подытожил Карлос и оглядел собравшихся.

– Это мог быть один из них, но не оба сразу, – заявила Урсула.

– Почему?

– Согласно результатам лабораторных исследований, образцы спермы принадлежат людям, которые не состоят в родстве между собой.

Анне-Ли кивнула, словно делая мысленную пометку, и вновь обернулась к фотографиям на доске.

– Ее приятель. Хольт. Он был знаком с братом или отцом?

– Вероятнее всего, да, – отозвался Торкель. – По крайней мере, с отцом. Они ведь жили по-соседству.

– Или с бывшим партнером.

– Если тот, кого мы ищем – отец Линды, их ДНК должны совпадать. У нас есть что-то для анализа?

Анне-Ли взглянула на Ваню и Себастиана, которые, в свою очередь, обменялись вопросительными взглядами. Кому выпадет отчитываться о визите, который они совершили во второй половине дня? Ваня кивнула Себастиану, и тот глубоко вздохнул.

– Это было совсем не просто.

Они как раз обсуждали этот вопрос, когда позвонила Анне-Ли с просьбой сделать небольшой крюк по пути из Вестероса, и заехать к Ренате Форш, матери Линды. Каким образом они могли бы получить

ДНК ее умершей дочери, ничего при этом не объяснив? Это представлялось совершенно невозможным.

В то же время, перспектива раскрыть матери истинные обстоятельства смерти Линды тоже не выглядела сколько-нибудь привлекательной. Женщина в течение восьми лет была уверена, что ее дочь, возвращаясь домой с посиделок у подруги, почувствовала себя плохо, попыталась добраться до больницы, но ей не удалось. Так ли необходимо было разрушать эту трагическую версию произошедшего гораздо более жестокой правдой? Между собой они условились, что постараются, насколько это возможно, избежать такой необходимости.

Ради нее.

Из чистого сострадания.

Они приехали в Эрсундсбру. Они понятия не имели, что такая деревушка вообще существует, пока не забили адрес в навигатор. Только с его помощью и добрались до улицы Скульвеген. Восемь одинаковых полуторазэтажных коттеджей стояли, тесно прижавшись друг к дружке. Дома были двух цветов – красные либо серые. Дом Ренаты оказался серым. Третий по счету. Они припарковались, прошли мимо гаража прямо к передней двери и позвонили. Вскоре за матовым стеклом показалась человеческая фигура, и в следующий миг дверь им открыла женщина, на вид старше пятидесяти лет. Себастиан в своей жизни не так часто сталкивался с ирландцами, но когда он увидел густую рыжую шевелюру и зеленые глаза хозяйки дома, он сразу же решил, что она ирландка. На ней были светлые джинсы и просторная белая рубашка. Женщина стояла босая, на ее шее висело украшение в форме геральдической лилии.

Себастиан с Ваньей представились и объяснили, что хотели бы поговорить о ее дочери, Линде. Немного сбитая с толку, она все же впустила их в дом. Они еще не успели даже присесть в современной, со вкусом обставленной гостиной, как хозяйка попросила пояснить, что они имели в виду, говоря, что речь пойдет о Линде. Себастиан посмотрел на Ренату. Она стояла в дверном проеме и, по всей видимости, была очень взволнована. Руки она держала на уровне груди, нервно теребя золотое кольцо.

– Не осталось ли у вас чего-то, что могло бы содержать ДНК Линды? – спросила напрямик Ванья. Не было никакой возможности подобраться к причине их визита окольными путями, уж лучше сказать

все как есть, а потом уже по ходу дела решать, что стоит рассказывать, а что нет.

– Я не совсем понимаю... – пробормотала Рената, переводя взгляд с одного визитера на другого. Себастиан понял, что у них ничего не выйдет, если они не начнут рассказывать. То, как Рената вела себя сейчас, означало, что сам их визит мог стать для нее худшим стрессом, чем правда о смерти дочери.

– Вы же из Госкомиссии, я правильно понимаю? – переспросила Рената, мгновенно подтверждая предположение Себастиана.

– Верно, – Ваня заняла выжидательную позицию.

– Ее что, убили? – слабым голосом воскликнула женщина, инстинктивно вскинув руки ко рту. Ее глаза заблестели от подступивших слез. Себастиан переглянулся с Ваньей. Дальше так нельзя было продолжать. Себастиан попросил женщину присесть. Рената повиновалась, как под гипнозом, не переставая яростно теребить кольцо.

Себастиан спокойно и сочувственно стал излагать известные им факты.

– Так она знала? – прошептала Рената, когда он закончил свой рассказ о том, что именно привело к трагическим событиям, и что заставило их посетить дом Ренаты.

– Она знала, что может умереть?

– Получается, что так, – ответил Себастиан. – Мы не знакомились с ее медицинскими картами, поэтому точный диагноз нам не известен.

– Почему она ничего не сказала?

Что можно было на это ответить?

Сказать было нечего.

Да Рената и не ждала ответа, Себастиан это понимал. Ей придется заново осмыслить отношения с собственной дочерью, подвергнуть их переоценке. Она, как и большинство родителей, считала, что ее дитя обязательно обратилось бы к матери в подобной ситуации. Что доверие между матерью и дочерью было столь велико, что обе они могли бы искать друг у друга поддержки и утешения в случае необходимости. Что они хорошо знали друг друга. Жестоко и мучительно осознавать, что все было не так.

– А эти женщины, из группы? – спустя несколько мгновений спросила Рената, вновь обретая способность к анализу.

– Как мы уже сказали, мы разрабатываем версию, что им кто-то решил отомстить, – ответила Ванья.

Рената кивнула, но тут же застыла, осознавая возможную связь между только что услышанным и изначальной целью их визита.

– Зачем вам ДНК Линды? Вы думаете, это мог быть Родриго? – возмущенно воскликнула Рената, желая показать, насколько нелепым ей кажется подобное предположение.

– Вовсе нет. Но нам необходимо отсеять как можно большее количество версий, – сказала Ванья так веско, что даже Себастиан на мгновение ей поверил.

– Он в Венесуэле, – проинформировала их Рената, давая тем самым понять, что они лишь зря теряют время. – Все считали его католиком, но он атеист. Это Линда верила в Бога. Но они уважали взгляды друг друга.

– Мы не смогли с ним связаться. Его сын...

– Они любили Линду, но нет... – тихо сказала Рената. Мысль, что Родриго и Даниэль могли быть причастны к преступлениям, была для нее настолько невероятна, что Рената даже не могла облечь ее в слова. Одинокая слеза скатилась по ее щеке, и она вытерла ее тыльной стороной ладони.

– Ульрика Монсдоттер не пыталась с вами связаться? – спросила Ванья, желая получить подтверждение версии об отпущении грехов.

– Кто это?

– Она не пыталась с вами связаться?

– Нет, а кто это? Она тоже участница этой группы?

– Бывшая. Она умерла.

– Так она одна из тех, о ком вы рассказывали?

Ванья поняла, что имела в виду Рената. Что Ульрика стала одной из тех, кто умер в результате нападений и изнасилований. Это было не так, но сейчас не было причин вдаваться в излишние подробности, и Ванья просто кивнула, а затем, чтобы сдвинуться с мертвой точки, решила немного сдать назад.

– Как вы считаете, осталось ли в доме что-нибудь, что может содержать ДНК Линды?

– Но ничего так и не нашлось, – с явственным разочарованием в голосе констатировала Анне-Ли.

– Она ничего не смогла припомнить, но обещала подумать и перезвонить, если что-то найдет.

– Хорошо. Отличная работа, – похвалила Анне-Ли. Анализ проделанной работы подошел к концу. Сидевшие вокруг стола начали одеваться и собирать вещи. – Теперь мне хотелось бы, чтобы мы поступили следующим образом, – неожиданно продолжила Анне-Ли, призывая всех уделить ей еще несколько минут своего внимания.

Торкель неслышно выругался. Всегда это «мне», и никогда «нам». Учитывая, что ответственность за расследование так и не была передана Госкомиссии, Торкель считал, что он должен как минимум быть проинформирован загодя о планируемых следственных действиях, а не поставлен перед фактом – чтобы члены команды могли все взвесить и оценить и выработать собственный план.

Очевидно, Анне-Ли придерживалась иного мнения.

– Билли, ты берешь на себя компьютер Ульрики, ее планшет и мобильный.

– Без проблем. Это будет несложно. Йоста дал нам пароли.

– Карлос, ты продолжаешь искать отца и брата, постарайся разыскать кого-нибудь, кто знает, как с ними связаться в частном порядке, а не через фирму.

Карлос кивнул и принялся застегивать жилет, озабоченно поглядывая на табло термостата.

– Торкель, ты поближе познакомишься с работниками Безопасных Такси, – начала Анне-Ли, но осеклась, когда Торкель в решительном протесте поднял руку.

– Этим может заняться Урсула, а я планирую встретиться с Кайсой Крунберг из «Экспрессен».

Он много думал об их короткой встрече. Кажется, она имела некоторое представление о том, чем занимался Вебер, и беспокоилась о нем. Может быть, ей удастся выяснить, над чем он работал, не нарушая закона о свободе прессы. Анне-Ли на мгновение нахмурилась, но удержалась от комментариев. Она была достаточно умна, чтобы понимать: одно дело – не обсуждать с Торкелем принимаемые по ходу расследования решения, и совсем другое – принуждать их исполнять.

Такой власти у нее пока не было.

Да и в дальнейшем не будет.

– Последний пункт нашей повестки – бывший партнер Линды. В Худиксвалле, – сказала Анне-Ли, не сводя с Торкеля долгого взгляда.

– Мы с Себастианом этим займемся, – быстро отреагировала Ванья, к всеобщему удивлению. Себастиан был удивлен даже больше остальных. Он ощутил, как его сердце взмывает на теплой волне пузырящегося восторга. Его благородный поступок в самом деле принес свои плоды. Ванья сама выбрала его напарником! Такого раньше никогда не случалось, даже в те времена, когда они вполне неплохо взаимодействовали.

– Нам нужно поговорить, – бросила она, серьезно глядя ему в глаза. Себастиан немедленно почувствовал, что падает с гребня своей счастливой волны. Хоть это и прозвучит, как цитата из колонки с советами какого-нибудь второсортного журнала, только ничего хорошего для Себастиана такое начало обычно не сулило.

Им нужно поговорить.

Очевидно, все когда-нибудь случается впервые.

* * *

Они снова вдвоем в машине. За сегодняшний день они успели намотать уже много миль ^[31]. Если быть точными, двадцать три. Теперь нужно ехать в Худиксвалль. Ванья села за руль, и они выехали из Уппсалы, свернув на север, по шоссе Е 4. Себастиан тихонько сидел на пассажирском месте и глядел в окно, наблюдая, как в сгущающихся сумерках дома попадаются все реже и в конце концов остается лишь выхваченный из тьмы светом фар участок асфальта, бесконечной ковровой дорожкой стелящийся под колеса машины. Ванья до сей поры так ничего и не сказала. Себастиан бросил взгляд в зеркало. Самое время все прояснить. Он решительно обернулся к Ванье.

– Ты о чем-то хотела поговорить.

Ванья не ответила, даже не взглянула на него, просто продолжала сосредоточенно вести машину, держа руль обеими руками.

– Ванья...

Еще пару мгновений она словно взвешивала слова, которые собиралась произнести.

– Тебе не понравится то, что я скажу, – выдохнула она наконец.

– Это мне стало ясно сразу, как только ты сказала, что нам нужно поговорить, – отозвался Себастиан с намеком на шутку, больше для того, чтобы скрыть собственное волнение.

– Сегодня утром... Твоя идея по поводу Вальдемара... Я это очень ценю.

– Я рад. Я старался.

– Я сегодня много думала об этом... Он – мой папа.

– Я знаю.

– Он был моим папой все тридцать лет, пока не появился ты, – продолжала она, словно у Себастиана были какие-то возражения и ей понадобились дополнительные аргументы. – И я его боготворила. Я люблю его. Мне его очень не хватало.

Себастиан слушал молча. Она права. Ему уже действительно не нравится этот разговор.

– Как ты сам сказал, ты разрушил мою семью. И если ты сейчас останешься в моей жизни, это произойдет снова.

Себастиан отвернулся. Его неотвратимо влекло к катастрофе. Он едва мог дышать.

– Не потому, что ты этого хочешь, – Ваня старалась говорить мягко, – или станешь специально вредить, а потому, что не можешь перестать быть собой.

– Я смогу измениться, стать лучше, – еле слышно произнес Себастиан.

– Ты правда так думаешь? – Она замолчала. Не потому, что ждала от него ответа, скорее, решала, стоит ли продолжать. Подбирала нужные слова. Ему придется понять.

– Я знаю, как тебе их не хватает. Твоей жены и дочери. Сабины.

Себастиан словно окоченел, услышав имя дочери из уст Ваньи, и от нее это не укрылось.

– Мне кажется, ты пытаешься заменить ее мной. У тебя так уже было с Николь и ее мамой.

Себастиан не отвечал. Не просил ее замолчать. Он вообще не показывал вида, что хотя бы слышит ее, поэтому Ваня продолжила:

– Я не могу занять это место. И не хочу. Я не твоя дочь. Я дочь Вальдемара.

Себастиан пустым взглядом смотрел сквозь стекло. Пейзаж за окном полностью соответствовал состоянию его души. Тьма.

Кромешная тьма.

– Ты можешь быть мне другом, – наконец смог выговорить Себастиан, все еще не поворачиваясь к Ванье, чтобы она не заметила тихие слезы, скатывающиеся по его щекам. Он сидел неподвижно, не желая стереть их. Не хотел, чтобы она видела его плачущим.

– Себастиан...

– Товарищем по работе, – не сдавался он.

– Ты никогда не сможешь смириться с таким положением.

Правда. Это правда. Они и сейчас товарищи по работе, и Себастиан приложил все усилия к тому, чтобы это изменить. Слишком много усилий, как оказалось.

– То, что ты сделал сегодня утром... Ты сделал это для меня, или для себя?

Он постоянно забывал, как она чертовски проницательна. Конечно же, она проанализировала не только события, но также их причины. Не будь Себастиан сейчас так раздавлен, он бы гордился ею.

– Разве я не мог бы сделать это для нас обоих? – низким голосом спросил он.

Ванья повернулась к нему, но вместо лица увидела только шею. Пора заканчивать. Ванья не нашла подходящих слов, но она не может сейчас считаться с его чувствами. Она приняла решение, и Себастиану придется с этим смириться. Так тому и быть.

– Тридцать лет у меня была жизнь. Потом явился ты, и все взлетело на воздух, – неумолимо произнесла она. – Я хочу приземлиться. Найти себя, отыскать свою жизнь. А тебе в ней нет места, как и Анне.

Яснее и сказать нельзя.

Нечего добавить.

Себастиану это тоже было очевидно. Еще некоторое время он продолжал сидеть вполоборота, но потом все же стал смотреть вперед. Рукавом незаметно вытер со щеки слезу, словно смахивая несуществующую грязь. Ванья бросила на него быстрый взгляд. Лицо Себастиана абсолютно ничего не выражало. Он наклонился вперед и включил радио.

Играла «Harriet» Эда Ширана.

До конца поездки не было сказано больше ни слова.

– Мне совершенно не хотелось бы говорить о Линде. – Хампус Бугрен выдохнул сигаретный дым. Куртка, которую он накинул перед выходом, была не по погоде тонкой, и его слегка потряхивало от холода. Сам Хампус казался почти прозрачным, невесомым. Может быть, такое впечатление создавалось из-за того, что сверху на него падал свет одинокого уличного фонаря. Волосы светлые, почти белые, средней длины, неухоженные. Челка закрывает один глаз. Глаза светло-голубые, водянистые. Острый прямой нос, отчетливые скулы покрыты редкой щетиной. Тонкие губы делают очередную затяжку. Худые ноги затянуты в черные джинсы, которые плавно переходят в такие же черные кожаные конверсы. Себастиану он сразу напомнил одного из «крутых» парней, с которыми он учился в старшей школе много лет назад. Тех, что все время зависали в курилке.

А сейчас они с Ваньей сидели на уже выдавшей виды, исписанной каракулями деревянной скамейке и разглядывали Хампуса, который занял такую же скамейку напротив. Табличка, закрепленная на металлическом стержне, информировала прохожих, что «здесь можно курить», а для лучшего визуального восприятия на ней было размещено стилизованное изображение дымящейся сигареты.

В общем-то, и все.

Две скамейки друг напротив друга да табличка, на задворках позади парковки, за пределами жилой застройки. Никакой защиты от ветра или осадков. Негостеприимно и неудобно, словно некто в муниципальной администрации всерьез обеспокоился состоянием здоровья населения.

Себастиан не успел, да и был не в состоянии подвергать анализу то, что было сказано в машине. Он знал, что со временем на него нахлынет волна эмоций – если ты утонул, выйти сухим из воды не получится. Но сейчас Себастиан старался сфокусировать свое внимание на Хампусе.

– Почему? – спросил он. – Почему вы не хотите о ней говорить?

– Потому что мне потребовалось время, чтобы оставить это позади. Я начал все заново, у меня другая жизнь, – отозвался Хампус, время от времени бросая взгляд на освещенные окна в трехэтажном доме, где его ждали подруга и дочь.

До того, как позвонить в дверь Хампуса, Ванья вкратце изложила Себастиану свое видение предстоящей беседы. Здесь ситуация была несколько иной, чем в случае Ренаты. Этот человек вполне мог оказаться подозреваемым. Потенциальный преступник. Она хотела начать разговор с сообщения о возобновлении расследования смерти Линды. Якобы вновь открывшиеся факты указывают на то, что первоначальное следствие могло прийти к неверным выводам.

Ванья не хотела упоминать о возможной мести.

Ни слова об изнасилованиях.

Она хотела вначале выслушать Хампуса.

– Ты – босс, – пожал плечами Себастиан и больше ничего не говорил, за исключением односложных ответов на прямые вопросы.

Они с Ваньей позвонили в дверь на третьем этаже, и после того, как они представились, Хампус попросил их пройти вместе с ним в отведенное для курения место. Сюда, на эти депрессивные задворки. Хампус не мог курить дома, где находилась его маленькая дочь, а жилищный кооператив постановил, что внутренний дворик должен быть зоной, свободной от курения.

– Это она вам звонила? Ульрика? – спросил Хампус, прищурившись.

Ванья была обескуражена. Она не ожидала такого фееричного подтверждения версии о том, что мститель получил информацию от ныне покойной участницы «Аб Ово».

– Ульрика? – переспросила Ванья, как будто впервые слышала это имя.

– Она звонила мне как-то зимой. Ульрика как-е-е-там, заявила, что должна рассказать мне о Линде. – Хампус щелчком отправил окурок в полет, затоптал его ногой и тут же потянул из пачки очередную сигарету. – Я не хотел говорить о Линде, и просто положил трубку.

– Вам не интересно узнать, что с ней произошло?

– Она умерла, – отрезал Хампус. Он засунул в рот новую сигарету, прикурил, глубоко затянулся и выдохнул дым. – Мне потребовалось несколько лет, чтобы справиться с этим.

Хампус поднялся со скамейки, повернулся к визитерам спиной и сделал несколько шагов в сторону. Он смотрел на дом, где жил своей новой жизнью. Ванья и Себастиан терпеливо ждали. В холодном свете фонаря над головой Хампуса клубился белый дым.

– Для меня это было чересчур, и я отстранился. Мне тогда казалось, что если я буду держаться на расстоянии, то меня все это не коснется. Я позволил ей принимать решение самостоятельно. Я был уверен в том, что мы потеряем ребенка, но думал, что Линда при этом выживет.

Он замолчал и повернулся к Ванье и Себастиану. В глазах Хампуса читались печаль и боль. Себастиану этот взгляд был знаком. Он видел его в зеркале много раз.

– У меня ушли годы. На то, чтобы обуздать чувство вины. За то, что я их не спас. За то, что даже не пытался ее переубедить. Понимаете?..

Себастиан отлично понимал.

Он знал, что это. Когда ты не смог кого-то спасти.

Он знал, каково с этим жить.

Все мысли лишь о том, что можно было бы сделать по-другому, как нужно было поступить, как должно было. У Себастиана была всего пара мгновений, чтобы что-то предпринять, и тем не менее он упорно продолжал возвращаться мыслями к этим секундам. А Хампус? Сколько времени у него было? Недели? Месяцы? Столько возможностей поступить иначе, столько шансов изменить будущее.

– Я просил Терезу, ее лучшую подругу, чтобы она попыталась повлиять на Линду... – Хампус покачал головой, без слов давая понять, что и Тереза не смогла достучаться до Линды. Он затоптал второй окурочек и засунул руки в карманы. – Теперь я знаю, что ничего нельзя было поделать. Она приняла решение. Это было ее тело. Я не мог притащить ее в больницу и потребовать сделать аборт.

Ванья внимательно его изучала. У нее было много талантов, но среди них особенно выделялась способность различать ложь. Хампус Бугрен не имел понятия об обстоятельствах смерти Линды Форш, в этом Ванья была уверена. Госкомиссия считала, что информация, полученная кем-то от Ульрики, стала мотивом преступлений, которые они теперь расследовали. Следовательно, Бугрен не мог быть тем, кого они ищут.

Однако ей показалось чересчур легкомысленным оставить его в покое лишь на основании собственных впечатлений. Они не могут просить его подтвердить свое алиби на актуальные даты и время, не раскрывая перед ним карт. У них нет ничего конкретного, что могло бы

бросить на него тень подозрения. А если он поймет, зачем они приходили, то сможет уничтожить любые улики, как только они уйдут. Но уходить с пустыми руками им совершенно необязательно, решила Ванья.

– Вы не против сдать образцы ДНК на анализ? – самым нейтральным тоном поинтересовалась Ванья.

– Для чего?

– Как я уже говорила, мы возобновили расследование смерти Линды, и чем больше у нас будет сведений для анализа, тем лучше.

– Ее убили? – спросил Хампус почти что с надеждой в голосе. Себастиан читал его мысли, словно открытую книгу. Хампус, очевидно, смирился с тем, что никак не мог предотвратить гибель Линды, но червячок сомнения никуда не делся и время от времени напоминал о себе. Потихоньку грыз его изнутри. Если же смерть Линды была вызвана причинами, повлиять на которые он был не в силах, как, например, если бы по дороге домой она столкнулась с убийцей, последние отголоски сомнений и вины в его душе могли бы исчезнуть. Он мог бы стать свободным.

– Нет, – отрезала Ванья, погасив этот огонек надежды. – Однако обстоятельства ее смерти могут оказаться иными, чем предполагалось ранее, и в данный момент мы занимаемся повторным анализом технических улик.

– Но причиной ее смерти все равно стала беременность?

– Насколько мы знаем, да, – честно ответила Ванья. Возможно, она и хотела бы сказать, что Линда была убита, и тогда, вероятнее всего, Хампус согласился бы предоставить им образец своей ДНК, чтобы снять с себя возможные подозрения. Но эта ложь слишком сильно изменила бы его жизнь. Нельзя лгать о таких вещах, как причина чьей-то смерти, в особенности если правда может когда-то выйти наружу.

– В таком случае, я не понимаю...

Он откровенно пребывал в замешательстве. Никто не заметил, когда пошел снег. Белые хлопья тихо кружились над головой Хампуса, чей силуэт был четко очерчен светом одинокого фонаря. Картина покоя и гармонии резко контрастировала со смятением, которое испытывал стоявший перед ними человек.

– Меня там не было. Она гуляла с подругами из церкви и пыталась добраться до больницы. Мне позвонили утром, когда она уже была мертва.

– В любом случае, – сделала Ванья последнюю попытку, – ваша ДНК может нам помочь.

Хампус поглядел на нее. Себастиан словно насквозь видел его мысли. Хампус решил, что за просьбой Ваньи кроется нечто иное, какое-то второе дно.

– Нет.

– Почему?

– Я не хочу. Не хочу, чтобы у вас была моя ДНК. Не хочу, чтобы власть знала обо мне все и заносила в свои регистры.

Хампус глядел на них почти враждебно. Если разговор и был поначалу доверительным, теперь это доверие явно улетучилось. Он плотнее запахнул куртку и отступил на шаг, всем видом давая понять, что, по его мнению, разговор окончен.

Разговор был вне протокола, так что мнение Хампуса было учтено.

* * *

Машин на шоссе практически не было, дальний свет послушно прорезал плотную тьму, и Ванья, утопив педаль газа до упора, понеслась назад в Уппсалу почти так же быстро, как обычно ездил Билли. Ей не хотелось находиться в машине с Себастианом дольше, чем это было необходимо.

Быстрый взгляд в его сторону.

Он вновь сидит вполборота.

Рукой поддерживает голову. Сложно сказать, спит он, или нет.

Во всяком случае, молчит. Ни слова не сказал с тех пор, как они покинули Худиксвалль, сделав вывод о том, что Хампус Бугрен с большой долей вероятности не является одним из преступников. Даже несмотря на отказ предоставить свою ДНК. Возможно, таким образом он отстаивал неприкосновенность личности, или же совершил какое-то преступление, но в любом случае не то, которое они сейчас расследуют, в этом Ванья и Себастиан были согласны.

Работало радио. Шла какая-то программа, где ведущий с наигранным, по мнению Ваньи, интересом выслушивал откровенно плоские истории на тему «как я смог выбраться» и сочувственным тоном задавал дозвонившимся слушателям наводящие вопросы. Некоторые восприняли тему столь буквально, что делились историями о том, как свалились в яму и впоследствии смогли выбраться. О том, как их повысили на работе, о том, что случайно проспали утром, но все равно не опоздали. Некоторые рассказывали о возвращении с «того света» после тяжелой болезни, а кто-то вообще поведал слушателям, как вывалился из лодки и смог влезть обратно. Ванья никак не могла взять в толк, кого вообще могут заинтересовать все эти более-менее личные, затянутые, скучные истории.

– Ты не против, если я это выключу? – тихим голосом спросила Ванья.

– Как хочешь, – донесся ответ.

Значит, он не спал.

Ванья выключила радио, но тут же об этом пожалела. Теперь в машине стало по-настоящему тихо. Она было решила снова включить радио, только поменять канал на какой-нибудь чисто музыкальный, но удержалась.

Тихо? Что ж, пусть будет тихо.

Ванья была вынуждена сказать Себастиану то, что сказала по дороге в Худиксвалль. Она не забыла, как всего несколько недель назад в принципе не могла находиться в его обществе. Ужин у Торкеля и встреча с Вальдемаром показали, что Себастиан способен совершать поступки, которые приносят выгоду не только ему. Но его публично продемонстрированной попытки измениться было недостаточно. Это ведь не норма для него.

На одной чаше весов лежали его верность, надежность и честность, на другой – высокомерие, безразличие, полная неспособность к сопереживанию. То, что Ванья вообще сейчас над этим размышляет, как и ее нежелание ранить Себастиана, свидетельствует лишь о том, какой он талантливый манипулятор. А не о том, что он изменился и все когда-нибудь наладится. Он – деструктивная сила, влекущая за собой по нисходящей спирали все и вся. Рано или поздно настанет миг, когда он увлечет за собой и Ванью. Еще глубже, чем она уже увязла.

Так глубоко, что выбраться она уже не сможет.

Так что да, она действительно вынуждена была сказать то, что сказала.

И если теперь в машине тихо, так тому и быть.

У Ваньи зазвонил телефон, и с едва различимым вздохом облегчения она перевела разговор в режим хэндс-фри.

– Это Ванья, вы на громкой связи, – предупредила она.

– Это Урсула, – донеслось из динамиков. – Как поживает Счастливый Худик?^[32]

– Мы не взяли образец ДНК, но и Себастиан, и я согласны, что это не Бугрен, – ответила Ванья, бросив взгляд на пассажирское сиденье.

– Вы абсолютно правы, – подтвердила Урсула. – Билли закончил изучать компьютер Ульрики Монсдоттер. В марте она искала способ связаться с фирмой «Cosas Útiles» и отправила им по электронной почте письмо.

– А «Cosas Útiles» это...

– Фирма Родриго и Даниэля Вальбуэна в Венесуэле.

– Что она написала? – оживленно спросил Себастиан, выпрямляясь в кресле. – Привет, кстати.

– Привет. Она написала, что вынуждена искать возможности с ними пообщаться и это касается Линды.

– И что они ответили?

– Ничего. Но она оставила свой номер, возможно, они ей перезвонили, мы еще не получили данные о ее переговорах.

Новую информацию Ванья и Себастиан анализировали молча, но это была тишина другого рода. Расследование сделало большой шаг в верном направлении, и впереди ждал еще больший прогресс.

– Это еще не все, – продолжала Урсула. – Оба они, отец и сын Вальбуэна, около двух месяцев назад въехали на территорию Швеции через Гетеборг.

– Они здесь? – в голосе Ваньи звучало нескрываемое удивление. – В Швеции?

– Никто не знает, где конкретно, они не оставили никакого адреса. – По голосу Урсулы было понятно, как она довольна. Всего за несколько часов из четверых возможных подозреваемых осталось двое главных.

– Но мы их найдем, – добавила она без всякой необходимости. Ванья взглянула на часы.

– Нам до Уппсалы ехать еще около часа. Вам нужна помощь?

– Нет, на сегодня осталось не так уж много работы. Анне-Ли ждет нас завтра к восьми часам.

– Отлично. Тогда я поеду к себе, а Себастиан... – Она обернулась к нему. Он собирается в Стокгольм или останется в Уппсале?

– Я поеду в отель.

– Тогда, возможно, мы увидимся, – сказала Урсула.

– Ты сейчас там?

– Нет, я еще на работе, собираюсь пойти поужинать.

– С Беллой?

– Нет... Осторожнее на дороге!

Она отключилась. В машине снова наступила тишина.

* * *

Салфетка.

Белая квадратная льняная салфетка.

Не слишком свежая – небольшие беспорядочно разбросанные пятна явно указывали на то, что кто-то ей уже воспользовался. Урсула сидела в изножье кровати у себя в номере и разглядывала квадратный кусок ткани.

Она поступила глупо.

На этот раз он смог ее уговорить. Было поздно, ресторан работал до 22.00, это было удобно, ее номер был поблизости – а это так важно, ведь позади долгий день. Множество существенных причин назначить встречу прямо у нее в отеле.

Петрос ожидал ее снаружи, и был явно рад встрече. Она и сама внезапно ощутила, как губы расплываются в широкой улыбке. поприветствовав друг друга быстрым объятием, они направились в полупустой зал ресторана. В соответствии с пожеланием Урсулы для них нашли столик, который не просматривался ни с улицы, ни со стороны входа в отель, ни со стороны бара. Рядом со столиком стоял стеллаж с книгами и различной кухонной утварью, весьма удачно скрывающий их от прочих посетителей. Они удобно устроились в

желтых креслах, изучили меню и сделали заказ. Урсула одновременно была голодна – она не ела ничего с самого обеда – и не хотела наесться на ночь, так что остановила свой выбор на вегетарианском блюде «котелок хиппи» и бокале вина. Сделав несколько глотков – время от времени Урсула бросала обеспокоенный взгляд в сторону входа, но в итоге сочла, что Себастиану будет сложно их заметить – она смогла расслабиться. Петрос ей в этом помог. В этом деле он преуспел гораздо больше, чем Урсула. Он следил за тем, чтобы разговор плавно перетекал из темы в тему, внимательно слушал, задавал вопросы, да и в целом благодаря ему вечер представлялся Урсуле самым естественным продолжением их первой встречи.

Им принесли еду.

Урсула попросила еще бокал вина. Вкратце описала успехи расследования, и Петрос в шутку огорчился – ведь это означало, что Урсула вскоре уедет из Уппсалы. Однако они сошлись на том, что до Стокгольма рукой подать. Он как раз поинтересовался, как дела у Беллы, когда Урсулу поразила внезапная догадка.

Их прошлая встреча. В тайском ресторане.

За день до этого Петрос побывал в Вестеросе.

В тот же день, когда Ингрид Дрюбер была изнасилована в собственном доме. В Вестеросе. Теперь это было известно полиции.

Урсуле понадобилось меньше мгновения, чтобы осознать, насколько это глупо. Идиотски глупо. Множество людей были тем вечером в Вестеросе. Как минимум все его жители. Один из этих людей и есть преступник. Но не Петрос. Конечно же нет. Это Вальбуэна. Кто же еще?

Родриго и Даниэль Вальбуэна. Отец и сын.

Вот только преступники не состоят в родстве друг с другом.

А Петрос Самарас – не родственник Вальбуэна.

Урсула усилием воли приказала себе собраться и отогнала ненужные мысли. Она слишком много работала, и ее мозг перегрелся. Расследование сказалось на ней сильнее, чем Урсула могла предположить. Вот поэтому ее голову и посещали такие глупые, нелепые, невозможные мысли. Так оно и есть. Или нет?

Урсула сосредоточилась на Петросе. Она постаралась, чтобы их общение осталось таким же приятным и непринужденным, и преуспела в этом.

Через сорок пять минут они расстались. Он обнял ее на прощание, и Урсула сказала, что ей очень понравился вечер. Прежде чем он закрыл за собой дверь и скрылся в ночи, они договорились как-нибудь обязательно все это повторить. Урсула направилась к лифтам. Остановилась. Поколебалась. Вернулась в ресторан, где официант как раз убирал с их столика. Она извинилась и без долгих объяснений забрала салфетку Петроса.

Ту самую, которой он аккуратно промокнул рот.

На которой остались следы его ДНК.

Потом Урсула вернулась в лобби, прошла к лифтам и поднялась к себе в номер, где и была теперь. Сидела в изножье кровати. Разглядывала салфетку.

Это было глупо.

Где-то в глубине души Урсула понимала, что произошло и почему. Всерьез она не считала Петроса одним из преступников. Ни минуты. Однако позволила себе поверить в это.

Чтобы не дать шанса этим отношениям.

Чтобы изобрести причину ему не доверять. Нет, не так. Чтобы быть вынужденной ему не доверять. Она с удивлением поняла, что с самого начала позаботилась о том, чтобы между ними всегда стояла какая-то помеха. Чтобы отношения не смогли стать нормальными, обычными, приятными.

Она не справлялась с нормальными, обычными и приятными отношениями.

Ей это не удавалось.

Она пробовала с Микке, посвятив этому много лет. В надежде, что сможет справиться. Что все станет проще, если она с этим справится. Брак, материнство, жизнь в целом.

Если бы только она смогла успокоиться на этом, если бы только она смогла быть довольной тем, что имела.

Потом она сделала еще попытку, с Торкелем. И снова устранилась, покончила с этим, как только возник риск, или возможность, что отношения станут развиваться согласно желанию Торкеля.

То есть нормально, обычно, приятно.

Но это была не она. Не Урсула.

Так был ли смысл в очередной попытке, с Петросом? С ним все сложилось бы ровно так же, как было с Микке и Торкелем.

Урсула знала только одного человека, с котрым у нее могло бы что-то получиться.

Этот человек, как и она сама, никогда не мог чем-то окончательно удовлетвориться, никогда не мог на чем-то успокоиться. Он сознательно выбирал дистанцию, предпочитал находиться в стороне от центра жизни. Точь-в-точь как она. Родственная душа. Если такие вообще существуют.

Себастиан Бергман.

Она давала себе клятву – никогда, больше никогда не связываться с Себастианом. Но сейчас пришло время пересмотреть свою жизнь. С Урсулой совместная жизнь была невозможна, как и с Себастианом. С Себастианом отношения никогда не будут нормальными, обычными и приятными.

Это будет нечто иное.

Нечто, что смогут понять и оценить лишь они двое.

То безумие, которое охватило ее этим вечером, было тем способом, которым подсознание предостерегало ее от ошибки. Урсула уже готова была ее совершить, когда поверила в то, что может стать как все.

Познакомиться с кем-то на сайте знакомств.

Ужинать, общаться, беседовать, развивать отношения.

Сблизиться и срастись.

Кого вообще она пыталась обмануть? Если не предъявлять к Себастиану завышенных требований, у них вполне может получиться что-то особенное. Она ведь, несмотря ни на что, когда-то его любила.

Урсула встала с кровати, аккуратно сложила салфетку и положила ее на стол. Завтра горничная ее найдет. Она решительно вышла из номера, поднялась этажом выше, и постучалась в дверь. Громко. Может быть, он уже спит. Еще раз постучала. Даже громче. Никто по другую сторону двери не смог бы продолжать спать в таких условиях. Однако дверь так никто и не открыл.

В номере никого не было.

На самом деле, Себастиан побывал у себя в номере.

Недолго, примерно за час до прихода Урсулы. Ванья довезла его до отеля. В ресторане он заметил Урсулу, но ничего не стал предпринимать и просто пошел к себе в номер.

К нему постепенно приходило осознание.

Он потерял вторую дочь.

Как она это сказала. Я хочу приземлиться. Найти себя, отыскать свою жизнь. А тебе в ней нет места, как и Анне. Себастиан не мог представить себе, чтобы Ванья когда-то в будущем простила мать и приняла ее обратно в свою жизнь. Поэтому оказаться с Анной в одной связке не сулило ему ничего хорошего. Совсем. Придется это признать. Он потерял Ванью.

На этот раз навсегда.

Себастиан ходил кругами по номеру. В буквальном смысле. Вперед-назад. Если бы он был алкоголиком или наркоманом, его состояние можно было бы назвать ломкой. Его благородный поступок, тот самый, который должен был подвигнуть Ванью пересмотреть свое отношение к нему – и который уже по этой причине не мог считаться совершенно бескорыстным, – совершенно непредвиденно рикошетом ударил по самому Себастиану. Все, что теперь ему осталось – это неосуществимые мечты о будущем и воспоминания.

Конечно, в какой-то мере Ванья действительно была для него заменой Сабины. Впрочем, ничего странного. Если потерял одну дочь, ты хочешь, чтобы другая была рядом. Вот только в случае с двумя отцами все не так. Совершенно необязательно, что ты захочешь общаться с обоими.

Это вполне логично.

Но от этого не менее невыносимо.

Себастиану был дан последний шанс. Он им воспользовался, но проиграл. Теперь настало время признать, что все кончено. Нужно двигаться дальше. Жаль только, Себастиан совсем этого не умел.

Но нет худа без добра, внезапно пришло в голову Себастиану, неустанно наматывавшему круги в своем чистилище. Он ведь держался ради Ваньи. Ради того, чтобы участвовать в расследовании. Быть рядом с ней. Если она все равно больше не желает его знать, имеет ли теперь какое-то значение, чем он занимается? Или с кем?

Она выглядела растерянно.

Не столько из-за того, что кто-то позвонил в ее дверь в такой час, сколько из-за того, кто оказался за дверью.

– Вечер у вас выдался трудный. Душераздирающий. Я решил узнать, все ли с вами в порядке, – пояснил Себастиан, когда она спросила, что ему нужно.

– Вы проделали такой путь, чтобы спросить, все ли со мной в порядке? – здоровый скепсис в голосе. Зеленые глаза смотрят на него в упор. – С каких пор полиция проявляет такую заботу о гражданах?

– Я не полицейский, я – психолог. Криминальный психолог. Это часть моей работы в Госкомиссии, – невозмутимо солгал Себастиан. Он бы и пальцем не пошевелил, чтобы как-то ей помочь, не окажись она привлекательной женщиной подходящего возраста и не будь он сам таким неприкаянным и полным похоти. – Я, наверное, вам помешал?

– Нет, что вы, совсем нет, – ответила она, продолжая, однако, стоять в дверном проеме, внимательно разглядывая Себастиана, словно желая разгадать скрытый мотив его позднего визита и не собираясь, по-видимому, впускать его в дом. Выражение лица Себастиана невозможно было прочесть, этого он достиг опытным путем. Помешкав еще пару мгновений, Рената посторонилась, впуская Себастиана.

– Хотите чего-нибудь? – любезно предложила она, пока он разувался и снимал куртку. – Кофе, чай?

– Нет, спасибо, ничего не нужно.

Она провела его в гостиную. Свет был приглушен, только над одним из кресел сиял яркий светильник. На маленьком столике рядом с креслом лежала неоконченная вышивка. Рядом стоял бокал с остатками вина. Себастиан удивился. По какой-то причине Рената не производила впечатления любительницы рукоделия. Рената кивком указала ему на диван, зажгла верхний свет и взяла бокал.

– Может быть, вина? – поинтересовалась она.

– Я не пью.

– Почему же?

Себастиан знал, что только в Швеции люди прямо и без стеснения задают такие вопросы. Почему кто-то не употребляет алкоголь, к примеру. Здесь считается нормой выпивать во время общения с

людьми, и, когда кто-то игнорирует эту норму, у большинства возникают вполне обоснованные, как они полагают, вопросы.

– У меня зависимый тип личности, – ответил Себастиан, сказав правду впервые с тех пор, как сюда приехал. Более изящный способ пояснить, что у него имеются склонности к злоупотреблениям. Одной из этих склонностей он надеялся предаться в ближайшие шестьдесят минут, или сколько там потребуется времени, чтобы оказаться в ее постели.

Себастиан устроился на диване и, пока Рената отлучилась на кухню, принялся разглядывать убранство гостиной. Комната была светлой, в ней преобладал белый цвет, обстановка была современной и весьма продуманной. Много свободного пространства, нет излишнего нагромождения мебели, а та, что есть, явно подбиралась с душой. Себастиан не имел понятия, дизайнерская это мебель или из Икеи, но обстановка показалась ему уютной и красивой. Рената вернулась с небольшим подносом. Бокал белого вина, кола-лайт для Себастиана и вазочка с орешками кешью.

– Я принесла вам колы, – сказала она, опуская поднос на столик. Сама Рената устроилась с бокалом на диване, рядом с Себастианом.

– Спасибо.

Он потянулся за бутылкой, открыл ее, налил колы в стакан и, прежде чем откинуться на спинку дивана, отпил глоток. Сейчас ни к чему пустая болтовня о том, какой у нее красивый дом и продуманный интерьер, о работе или хобби. Он здесь в качестве ответственного профессионала.

– Как я уже сказал, наш визит мог вызвать у вас целую гамму эмоций, поэтому я вернулся, чтобы проверить, все ли у вас хорошо.

– Я все время об этом думаю, – кивнула Рената, отпивая вино из бокала. Себастиан почувствовал воодушевление. Она явно была настроена на беседу. Разговор поможет им стать чуточку ближе, раскрыться, позволит Себастиану сыграть в его игру. И выиграть. – В основном я гадаю, что можно было сделать по-другому. Когда нужно было поступить иначе? – продолжала Рената. – Не только в отношении этой беременности, а еще до того. Чтобы она понимала, что может положиться на нас. Рассчитывать на нас. Делиться с нами...

Себастиан сочувственно закивал. У него есть два варианта. Упирать на то, что между Ренатой и Линдой существовала некая

трещина, недоверие, и постараться облегчить ее боль от осознания своей ошибки.

Или...

Дать иное объяснение случившегося и тем самым полностью снять с нее ответственность.

Утешить или вызвать благодарность. На выбор.

Секс обычно бывал ярче после утешения, но благодарность была более верным способом достижения успеха. А сегодня ему не требовалось ничего особенного, вполне сгодится просто трах. Так что пусть будет благодарность.

– Совсем необязательно, что она не доверяла вам. Возможно, она оберегала вас от сложностей, – неторопливо проговорил Себастиан, словно пытаясь как можно тщательнее подбирать слова. – Она знала, чего хотела она, и она также знала, чего хотели бы вы. Таким образом она избавила вас от страдания и тревоги. Она знала, что впоследствии, что бы ни случилось, вам не придется себя винить – ведь вы ничего не знали.

– Вы хотите сказать, что это была забота? Сохраняя все в тайне, она заботилась обо мне?

– Возможно. Я не был знаком с ней, ничего не знаю о ваших взаимоотношениях, просто я считаю, что причина ее поступка необязательно кроется в недоверии к вам.

Себастиан видел, что Рената проглотила наживку. Эта мысль была для нее нова, и Рената явно принялась ее обдумывать.

– А что бы вы стали делать, – Себастиан заинтересованно подался вперед, – если бы узнали?

Рената сделала глоток вина и, смахнув рыжую прядь, которая упала ей на лицо, посмотрела на Себастиана.

– Я попыталась бы переубедить ее. Спасти.

– Она не хотела, чтобы ее спасали. Она была взрослой, совершеннолетней. Она приняла решение. Это было ее тело. Вы же не могли притащить ее в больницу и потребовать сделать аборт. – Себастиан позаимствовал аргумент у Хампуса Бугрена. Тот точно не стал бы против этого возражать. Это же во имя благой цели. Себастиану сегодня перепадет.

– Мы могли хотя бы попытаться. Может быть, сумели бы достучаться до нее, заставить одуматься. Может быть, потом она

возненавидела бы нас за это и не желала бы нас знать, но осталась бы в живых.

– Размышлять о том, что можно было сделать по-другому – нормально, но в данном случае вы не могли ничего сделать. Проблему можно решить, когда знаешь о ее существовании. А вы не знали.

– Она не сказала нам.

– Именно. Чтобы защитить вас. Ваши отношения. Таким образом, ей не пришлось думать, что она каким-то образом вас предала, а вам не пришлось испытывать чувство бессилия. Вам не пришлось переживать, что она избегает вас, держит на расстоянии.

Себастиан видел, что Рената задумалась над его словами. Он заронил эти зерна в ее душу. Возможно, ему просто показалось, но весь язык ее тела говорил о том, что она чувствует облегчение. Возможно, еще не благодарность, но облегчение тоже сойдет, подумал Себастиан.

Рената подобрала под себя ноги и привалилась к спинке дивана. Несмотря на то, что в бокале оставалось совсем немного жидкости, он опасно накренился в ее руке, и вино уже было готово пролиться. Упрямая прядь снова упала ей на лицо, и Рената смахнула ее, а затем взглянула на Себастиана.

– Знаете, еще до всего этого, когда я читала в газете колонку «In Memoriam», где люди скорбели об ушедших пять, десять, пятнадцать лет назад, я думала, что им стоит перешагнуть через это. Отпустить. Идти дальше.

Она допила вино и поставила пустой бокал на столик. Когда Рената наклонилась к столику, Себастиан вперился взглядом в вырез на ее груди, и намеренно не стал отводить глаз, когда она выпрямилась.

– Но что делать, если не можешь? Не можешь перестать заново проживать эту потерю? Вокруг пустота...

– Я понимаю, о чем вы, – кивнул Себастиан. – Как двигаться вперед, балансируя между скорбью и памятью? Это совсем не просто.

Себастиан надеялся, что тон его голоса подскажет Ренате, что эти слова продиктованы его личными переживаниями, а не просто выражают его мнение, как профессионала. Что он на самом деле говорит правду, утверждая, что понимает, с чем ей приходится жить.

– Кого вы потеряли? Если это не слишком личный вопрос для вас.

Себастиан поколебался. Не напоказ, по-настоящему. Он оказался в замешательстве. Хочет ли он пойти этой дорогой? Использовать Сабину для достижения своих целей? Хочет ли открыть эту дверь? Взвесив все, Себастиан решил, что хуже себя чувствовать он все равно не станет.

– Жену и дочь. В Тайланде, на второй день Рождества в 2004 году.

– Цунами?

Себастиан кивнул и начал свой рассказ. Двадцать пять минут спустя Рената его поцеловала.

* * *

Когда Себастиан вошел в конференц-зал, все уже собрались.

Со всех сторон день для него начался необычно. Вместо того, чтобы очнуться посреди ночи с судорожно сжатой в кулак правой рукой, не в силах выпутаться из липкой паутины отчаяния, в которую обычно загонял его сон, Себастиан проснулся в половину седьмого утра, разбуженный Ренатой. Снаружи все еще было темно, но это была утренняя темнота, не ночная. Себастиан прислушался к себе. Ни следа от обычных угрызений совести и ощущения пустоты, преследовавших его после каждой победной охоты. От чувства удовлетворения тоже ничего не осталось, но по крайней мере он не чувствовал себя хуже, чем обычно, констатировал Себастиан, натягивая на себя одежду. Он с удивлением отметил, что не испытывает потребности немедленно убраться из этого дома, и даже составил Ренате компанию в кухне за завтраком. Он и раньше встречал таких. Женщин, которые могли дать больше, чем просто секс. Таких, к которым прирастаешь, к которым тянет вернуться. Особенно когда ты не в форме. У Себастиана было даже собственное словечко для них.

Нарост.

Рената была наростом.

В ее обществе он был расслаблен и чувствовал себя легко. Не то чтобы он планировал какое-то продолжение: если Себастиан решит, они больше никогда не увидятся, но само это ощущение было приятным и не так уж часто его посещало.

– Прошу извинить за опоздание, – сказал Себастиан и взглянул на Ванью. Не рассказать ли, почему он опоздал? Чем занимался? Показать Ванье, что если ей на него плевать, то и ему на нее тоже. Здесь терять нечего, но и пользы в этом никакой, особенно учитывая, что кроме них двоих в помещении были и другие люди, так что Себастиан сдержался. Мимо Карлоса и Билли он прошел к свободному стулу. Билли сидел на каком-то форуме, как заметил Себастиан. Значит, к обсуждению рабочих вопросов еще не приступали.

– Ну, что у нас нового? – поинтересовался Себастиан, выдвигая для себя стул.

– Мы обсуждали очередность нападений, – Анне-Ли указала на доску, к которой с левого края теперь был прикреплен лист из отрывного блокнота с хорошо знакомыми именами.

Ингрид. Ида. Тереза. Ребекка. Клара. Ингрид. Ида. Тереза.

– Ребекка мертва, так что следующей по графику идет Клара, – без всякой надобности пояснила Анне-Ли. Себастиану все это было очень хорошо известно. – Мы еще не обсуждали детали, – продолжала Анне-Ли, – но у нас есть план поимки преступников.

– Можно поподробнее?

Первое, что им предстоит сделать – созвать очередную пресс-конференцию. Рассказать о том, что произошло еще одно изнасилование и что это случилось с женщиной, на которую прежде уже нападали. Затем им следует заявить, что у полиции по-прежнему нет подозреваемых и каких-то существенных улик и им не известно, почему именно эта женщина подверглась нападению дважды и существует ли какая-то связь между жертвами. У общественности должно сложиться впечатление, что расследование зашло в тупик. Себастиан подумал, что на этот раз Торкелю достанется более заметная роль.

– Думаете, кто-то в это поверит? Что мы не обнаружили связь? – скептически поинтересовался он.

– Думаем, что да, – серьезно ответила Анне-Ли. – Им не известно о нашем разговоре с Ингрид Дрюбер. И о самоубийстве Иды в прессе ничего не было.

– Они думают, мы считаем второй жертвой Терезу, а она вовсе не была участницей «Аб Ово», – добавил Торкель.

– Даже если мы не станем ничего говорить об Иде, не кажется ли вам, что преступники исходят из того, что она заявила в полицию?

– В худшем случае, да, но вопрос лишь в том, остановит ли это их?

Себастиан обдумал услышанное и покачал головой.

– Это ничего нам не даст. – Себастиан встал, не обращая внимания на вздохи неодобрения и злобный взгляд Анне-Ли. – Даже если нам удастся заставить их поверить, что мы не ищем кого-то связанного с «Аб Ово» и Линдой Форш... – он указал на лист с именами, – они все равно поймут, что мы вычислили очередность нападений и знаем, что следующая в списке – Клара.

– Опять-таки возможно, – отозвалась Анне-Ли. – Но у меня складывается впечатление, что наши преступники не прочь рискнуть.

Тут Себастиан был вынужден согласиться. Возможно, они станут охотиться за Кларой, невзирая на опасность быть схваченными и на то, что это может стать их последним предприятием. Во всяком случае, для одного из них. Он пожал плечами.

– Что дальше?

– Клара с мужем написали у себя в Инстаграме и на Фейсбуке, что он вместе с сыном едет навестить бабушку с дедушкой на осенних каникулах. Так что она остается дома одна. Не может взять отгулы на работе.

– Она у нас под охраной?

– Не совсем и не только.

– Я меняюсь с ней местами, – сказала Ванья, и Себастиан немедленно ощутил, как у него засосало под ложечкой. Все его нехитрое утреннее довольство в мгновение ока испарилось, сменившись тревогой.

– В прошлый раз на Ингрид, Иду и Терезу напали дома. Дома у Клары буду я.

– Я не понимаю, – сказал Себастиан, и ему все разъяснили.

Идея заключалась в том, что Ванья будет оставаться в квартире Клары на ночь, а по утрам будет уезжать, меняясь местами с Кларой, которая в это время поживет у Ваньи. Клара будет ездить на работу, следя за тем, чтобы в течение дня не оставаться одной. А вечером она снова будет меняться местами с Ваньей в гараже, и ночевать дома у Ваньи.

– А если кто-то будет ее там поджидать? – раздраженно спросил Себастиан, не в силах скрыть тревогу.

– Мы не можем обыскивать дом каждый раз перед ее приходом, – объяснила Анне-Ли. – Он может быть у них под наблюдением.

– Но Билли установит камеры с датчиками движения, – поспешно вставил Торкель, не дав Себастиану возможности протестовать. – Мы узнаем, если кто-то войдет внутрь.

Себастиан только покачал головой. Ему это совсем не нравилось, но он понимал, что его мнение никого не волнует. Все будет именно так, и если Себастиан инстинктивно противится тому, что его дочь будет работать под прикрытием и подвергать себя риску, это еще не значит, что сам по себе план чем-то нехорош.

Он может сработать.

Он должен сработать.

Себастиан не простит их, если этот план не сработает.

1 ноября

Тереза снова заявила в полицию, а Ида не стала.
Звучит неправдоподобно, но кто знает?
Они не смогли обнаружить никакой связи, так они сказали.
На пресс-конференции в понедельник.
Но это им и не было нужно для того, чтобы вычислить, кто следующий.
Значит, они охраняют Клару.
Она дома одна.
Уверенная в том, что ее смогут защитить.
Они там, это точно.
Они усложняют задачу. Это становится опасно.
Но у меня все получится.
Чего бы это мне ни стоило.
Они будут страдать.
Как я.
Как ты.
Сначала у меня была мысль сделать это в выходной.
В день всех святых. День всех душ.
Когда мы чтим своих мертвецов.
Но планы изменились.
Все случится завтра.
В пятницу.
Мне нужно готовиться.

* * *

Утро пятницы.
Ванья проснулась еще до того, как прозвонил будильник, переполненная тревожным ожиданием. Перевернувшись на спину, она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. Потом вытащила из-под подушки Зака пистолет и положила на тумбочку.
Предпоследний день.

Все случится сегодня или завтра.

В целом Ванья уже начала привыкать просыпаться в большой кровати Клары и Зака в их спальне, где на белом комодике возле платяного шкафа стояло свадебное фото, а стену напротив украшали фотографии Виктора в разные годы.

В первые несколько ночей Ванья была очень взбудоражена и совсем не могла спать. Она лежала в темноте, вслушиваясь в тишину и реагируя на малейший звук. Их было множество – звуки доносились как с улицы, так и изнутри дома, и, так как все они для Ваньи были новы, она не могла определить их природу и не знала, что они означали.

Может быть, кто-то уже затаился в доме.

Рядом с ней.

И он желает зла.

Иногда она звонила Билли. Прямо посреди ночи. Просила его еще раз проверить камеры. Просто на всякий случай. По рации проверяла, на месте ли команда прикрытия. Не спят ли. Рядом ли. В сотый раз проверяла пистолет. Он все время должен был находиться у нее под рукой.

Но ничего не происходило.

Всю неделю.

Ванья встала с кровати и отправилась в ванную. По пути не было ни одного окна, так что ей не пришлось идти вполоборота, скрывая лицо от возможного наблюдателя. Она заперла дверь и скользнула в душ. Засунув пистолет в корзинку из нержавеющей стали, в которой у Клары хранились шампунь, бальзам и крем для душа, Ванья почувствовала себя гораздо увереннее, но при этом немного глупо. Стоя обнаженной в душе, Ванья как никогда ощущала собственную уязвимость и испытывала нечто, больше всего похожее на страх.

Всю неделю Ванья намеренно время от времени мелькала в окнах квартиры. Ростом и телосложением они с Klarой были похожи. Единственное, что пришлось предусмотреть – парик. То, что Клара носила длинную челку, сыграло им на руку. Ванье нужно было лишь слегка повернуть голову, чтобы челка скрыла ее лицо и наблюдатель не смог бы распознать в ней подмену. Издалека это было практически невозможно.

Одевшись, Ваня вышла в кухню. Там было окно, но сторона была восточная, солнечная, так что вполне естественно, что Ваня закрыла жалюзи. Теперь – чашка кофе с бутербродом, и можно выходить. Всю неделю женщины менялись местами в квартире у Ваньи. Они немного переживали по поводу возможного наблюдения. Если за Кларой-Ваньей кто-то следил, его должно было удивить, зачем каждое утро и каждый вечер она ездит к кому-то на Норбювэген. Ваня, однако, могла бы поклясться, что слежки не было. Каждый день она добиралась туда разными маршрутами и внимательно наблюдала за движением в пределах видимости.

Так и шло время.

День за днем.

Или, скорее, ночь за ночью.

Сон дома у Клары, с утра – отъезд, встреча с Кларой, которая отправляется к себе на работу, вечером – то же самое, только в обратном порядке. «Домой» она попадала через гараж, и снова сон.

Они словно репетировали. Раз за разом.

После пресс-конференции прошло уже четыре дня.

Все было спокойно.

Слишком спокойно. Вчера Анне-Ли решила, что с нее достаточно. Ваня как раз собиралась прилечь и спокойно поспать, пока Клара на работе, когда внезапно ее вызвали в офис.

– Что произошло? – спросила Ваня, увидев, что все собрались в конференц-зале.

– Ничего не произошло. В этом-то и проблема, – недовольным тоном заявила Анне-Ли.

Последние дни не принесли расследованию никакого прогресса.

– Мы до сих пор не имеем и маейшего понятия о местонахождении отца и сына Вальбуэна, – продолжала она тем же раздраженным тоном. – Насколько нам известно, бывший партнер пребывает в Худиксвалле, а Борис, мать его, Хольт, прилетает с Кипра только в выходные.

– Нам точно известно, что Хампус никуда не уезжал из Худика? – спросила Урсула, глядя на Билли с Карлосом, по какой-то причине решив, что на этот вопрос должны ответить именно они.

– Он, мать его, точно не здесь и не нападает на Ванью, разве нет? – Анне-Ли почти сорвалась на крик. – Мы какого-то черта до сих

пор не можем найти машину этого Вебера и ни черта не знаем о том, чем таким он занимался, что его за это грохнули!

– Кайса Крунберг, его коллега, не смогла ничем помочь, – спокойным тоном сообщил Торкель. – Ее начальница поручила техническому отделу сообщать о любой попытке проникновения в компьютер Вебера, так что... – Он пожал плечами, констатируя, что здесь они зашли в тупик. К сожалению, не в первый раз. – К тому же нам доподлинно не известно о его смерти, – поправил он Анне-Ли.

– Да нам, черт побери, вообще ничего доподлинно не известно! У нас ничего нет! Это неприемлемо!

Торкель догадывался, что их сегодня внепланово собрали потому, что какой-нибудь высокий начальник поинтересовался у Анне-Ли, как продвигается дело, таким тоном, который недвусмысленно давал понять: «лучше бы вам его раскрыть поскорее, а не то...»

Давление на Анне-Ли возросло с тех пор, как в понедельник они провели вторую пресс-конференцию, на которой проинформировали СМИ о повторном нападении на Терезу, и в полном соответствии с планом предстали кучкой некомпетентных болванов. В газетах теперь писали об этом деле каждый день. Два крупных издания направили в город журналистов, которые ежедневно готовили репортажи из «охваченной страхом Уппсалы». В программах «Rapport», «Aktuellt» и новостях на четвертом канале освещалась ситуация в городе, но полиция ни разу не предстала в сколько-нибудь позитивном свете. Все в соответствии с планом, но тем не менее... Анне-Ли не намерена была и дальше притворяться дурой, если от этого не было никакой пользы. Торкель подозревал, что она могла обратиться к Розмари, но та вряд ли была в состоянии как-то помочь Анне-Ли. Так как Анне-Ли отказалась официально передавать расследование Госкомиссии, то явный неуспех в этом деле не мог бросить тень на них, а следовательно, и на Розмари. Так что Анне-Ли осталась наедине со своими трудностями. И сейчас, очевидно, она намеревалась одним ударом разрубить этот узел.

– Мы спровоцируем их. Заставим действовать в определенных временных рамках.

– Как? – спросил Себастиан, по тону которого было понятно, что он заранее считает затею провальной, даже не зная, в чем она состоит.

– В социальных сетях Клара сообщит о том, что на некоторое время уезжает из города. На неопределенное время. Она уедет вечером в субботу.

Анне-Ли взяла со стола какие-то распечатки, раздала каждому по одной, и все погрузились в чтение.

Наверное, нужно вас всех предупредить, что с вечера субботы нас в Уппсале не будет. Мы с Заком и Виктором ненадолго уедем. Мы еще не решили, где остановимся и сколько там пробудем. Зак с Виктором уже у бабушки с дедушкой, и я поеду к ним на выходные. Нам с Заком удалось договориться об отпуске, чтобы мы могли побыть вместе, всей семьей. Осень выдалась для нашей семьи не самая спокойная, и нам просто нужно побыть друг с другом. Это я пишу, чтобы вы не переживали, что я надолго пропала. Берегите себя. Обнимашки. Клара.

– Ей об этом известно? – поинтересовалась Ваня, пробежав глазами текст.

– Естественно. Она сама это и написала.

– Нет, – коротко сказал Себастиан, откладывая в сторону только что прочитанное. – Не делайте этого.

– Почему?

– Не нужно провоцировать их, не нужно заставлять реагировать. Или все может пойти не по плану. Имейте терпение. Рано или поздно они нанесут удар. Может быть, не на этой неделе, может быть, на следующей, но мы их возьмем.

– Даже на этой неделе – уже поздно.

Себастиан огляделся, ища поддержки. Торкель отложил бумаги и поднял очки на лоб.

– Так ли уж велика разница с тем, что мы делаем сейчас? – спросил он Себастиана.

– Велика.

– В чем она заключается?

Себастиан встал со стула и пошел вдоль стола.

– Когда ты приехала за мной в Салу, ты назвала его диким животным, помнишь? – спросил Себастиан, глядя на Анне-Ли в упор.

– Да.

– А теперь представь себе настоящего дикого зверя. Льва-убийцу, например. Ты хочешь его поймать, поэтому берешь в качестве

приманки козленка и размещаешь в засаде людей, чтобы они могли схватить или убить льва, когда он явится за своей добычей.

– Ты только что назвал меня козленком? – с усмешкой перебила его Ванья. Себастиан, однако, полностью ее проигнорировал.

– Вы ждете, лев приближается, и, чувствуя себя в полной безопасности, нападает. Как раз в этот момент его и нужно брать.

– Ладно, что дальше?

– Тот же сценарий, только на этот раз не засада, а охота. Вы охотитесь на льва, факелами выгоняя его прямо к козленку... Как ты считаешь, что произойдет? Прежде, чем Анне-Ли успела набрать в легкие воздуха, Себастиан ответил сам. – Он атакует. И необязательно именно козленка. А потом станет спасаться бегством. И вероятно, разорвет кого-нибудь просто потому, что тот оказался на его пути.

– Так я – козленок, ты так это видишь?

– Ладно, послушайте, может, это и не самое удачное сравнение, – быстро заговорил Себастиан, читая тревогу и скепсис во взглядах собравшихся. – Но факт остается фактом. Провоцировать хищника на действия, продиктованные отчаянием – плохая идея.

– А я считаю, что идея блестящая, – заявила Ванья, выпрямившись. – Зачем ждать дольше, чем это необходимо?

– Я только что объяснил зачем.

– Я знаю, ты хочешь меня защитить, это что-то родительское, но я не нуждаюсь в защите, особенно – в твоей.

– Речь вообще не об этом. Не обо мне.

– Все, что ты делаешь – о тебе и для тебя. Но я могу позаботиться о себе самостоятельно.

Себастиан только развел руками. То ли признал поражение, то ли умыл руки.

Это идея Анне-Ли.

Торкель не имеет ничего против.

Ванья желает в этом участвовать.

Подобная сговорчивость совсем не вписывалась в стиль Себастиана, но даже ему было очевидно, что здесь уже ничего нельзя поделаться. Этот бой ему не выиграть.

Все это было вчера. Ванья провела весь вечер в доме. Пыталась читать, пыталась смотреть кино, но все время мысленно возвращалась к словам Себастиана. Не дурацкая ли идея вся эта провокация? Если

действия преступников будут продиктованы отчаянием, не станет ли опасность для участников действия слишком велика? Ваня несколько раз внепланово связалась с группой прикрытия и позвонила Билли, однако у нее создалось впечатление, что Билли очень занят, а она отвлекает его от решения более серьезных проблем. Билли показался ей каким-то рассеянным и подавленным, так что Ваня быстро свернула разговор и отключилась. Она решила, что лучше позвонить Юнату, и проговорила с ним до глубокой ночи. Она чувствовала себя более уязвимо, неуверенно и тревожно, чем во все предыдущие ночи.

Однако утром, когда Ваня проснулась, все эти чувства исчезли, уступив место волнительному ожиданию.

Сегодня или завтра.

Все будет кончено.

Наконец-то.

Ваню заранее радовал предстоящий исход этой охоты, потому что она соскучилась по Юнату. Они не виделись всю неделю. Ей не хватало его. Всего Юнату. Его общества, его тела. Она желала заняться с ним любовью. Желала зачать ребенка.

Ваня сделала последний глоток кофе и опустила кружку в раковину. Выйдя в прихожую, надела темно-зеленую куртку с капюшоном. Надвинув капюшон поглубже, она мимоходом глянула в зеркало. Поправила челку. Ваня с удовольствием надела бы еще и солнечные очки. Но на улице вряд ли было настолько светло, солнца не было и в помине, так что это только возбудило бы ненужные подозрения. Так что, выходя из квартиры, Ваня просто пригнула голову пониже, захлопнула дверь, заперла ее, и отправилась в гараж. Она знала, что полицейские, ожидавшие сигнала в машине чуть дальше по улице, хорошо ее видят, но сама не подала виду, что заметила их. Только бросила в их сторону быстрый взгляд, сворачивая налево, к гаражу. Ваня подцепила гаражные ворота, и они с жалобным скрипом поползли вверх. Каждый раз, когда Ваня приходила за машиной, ее посещала мысль, что нужно смазать петли. Как это делается? И чем их смазывают? Она понятия об этом не имела, да теперь это уже было и неважно. Раз она терпела этот звук всю неделю, потерпит и завтра.

Ваня зашла в гараж, глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте. Она сбросила капюшон и направилась

прямо к водительской двери голубого «Поло». Она уже взялась за ручку двери, как вдруг что-то заставило ее замереть. Скорее догадка, чем ощущение.

Она была в гараже не одна.

Кто-то поджидал ее здесь.

В темном углу слева от ворот, в мертвой зоне, которую не видят камеры.

Этот кто-то беззвучно крался к ней сзади, в своих спортивных туфлях фирмы «Ванс», размера 42,5.

Ванья молниеносно, на уровне инстинкта приняла решение даже не пытаться достать оружие, а дать отпор голыми руками. Но не успела она ни пригнуться, ни повернуть голову, как вдруг сумерки гаража внезапно превратились в кромешную тьму, и Ванья ощутила укол в шею. Она вскинула руку, пытаясь сорвать мешок, но нападавший схватил ее за руку. Ванья успела подумать, что нужно попытаться снова, нужно избавиться от мешка, рассмотреть нападавшего, но руки ее не слушались. Мгновение спустя отказали и ноги, и Ванья, потеряв сознание, осела на грязный гаражный пол.

Берг и Ядав сидели в машине неподалеку от дома Клары Вальгрэн. Приказ был держать дом под постоянным наблюдением, но самим не высовываться. И они оба искренне надеялись, что не высовываются. Не хотели рисковать успехом всего задания. Им необходимо было оправдаться. Они никогда этого не обсуждали, но каждый из них знал, что другой не может забыть тот их прокол у борделя на Норрфоршгатан. Конечно, впоследствии выяснилось, что они спугнули не того, так что большого ущерба не нанесли, но тем не менее позволить себе еще раз так облажаться они не могли. Этот пухлый психолог, которого притащила Анне-Ли, придумал для них прозвища. В столовой, после того, как произошел этот досадный случай, он при всех назвал Берга и Ядава «Тяп» и «Ляп». Тяп и Ляп. Неважно, подходят или нет – такие прозвища прилипчивы. Коллеги станут называть это «дружеским подтруниванием», стоит лишь Бергу и Ядаву отреагировать на подкол.

Ванья вышла из дома в зеленой куртке, с капюшоном на голове. Она заперла дверь, стоя к ним спиной, на глазах у них направилась к гаражу, свернула налево и пропала из виду. Они проводили ее взглядами, и Берг потянулся за маленьким блокнотом, который лежал

между сиденьями, посмотрел на часы и зафиксировал время, когда Ванья покинула дом. Их никто не просил, но они на всякий случай это делали. Записывали все. Когда выходили из машины, когда делали контрольный объезд дома – на безопасном расстоянии, конечно – когда вступали в контакт с Ваньей, в какое время вечером видели ее в последний раз и в какое время утром она выходила из дома. На этот раз они сделают все как следует.

Берг отложил блокнот и ручку и как раз собирался обсудить с коллегой, что сегодня Ванья задерживается в гараже дольше обычного, как голубой «Поло» задом выехал из гаража, развернулся, повернул направо и поехал мимо них. За рулем сидела Ванья, все еще в капюшоне с меховой опушкой. Берг незаметно поднял ладонь в приветствии, а Ванья, не глядя на них, в свою очередь показала «V», на секунду отняв два пальца от руля. Ядав взял рацию и передал, что Ванья покинула дом, и находится в пути. Они с Бергом продолжают осуществлять наблюдение за домом и незамедлительно сообщат, как только заметят что-то необычное.

Себастиан услышал доклад Тяпа и Ляпа, сидя в машине в одном из небольших переулков неподалеку. Он не хотел, чтобы Ванья узнала, что он тоже ее охраняет, что он всегда рядом, как группа прикрытия. Он бы не сидел здесь, не разорви она с ним всякие отношения. В ином случае он бы побоялся, что она сочтет его действия гиперопекой и недоверием. Ванья могла решить, что, по мнению Себастиана, ей необходима мужская защита, и еще все прочее, что она вчера наговорила. Но теперь... Разве может быть что-то хуже? Терять совершенно нечего, поэтому Себастиан может хотя бы унять собственную тревогу, предприняв все возможное, чтобы уберечь дочь.

Себастиан увидел, как Ванья проехала мимо, завел мотор и осторожно выехал из переулка. Свернул направо и медленно поехал следом, держась на расстоянии. Он знал, что Ванья следит за дорогой. Голубой «Поло» как раз подъехал к перекрестку, где Ванья обычно поворачивала налево. Себастиан затормозил, практически остановился. «Поло» включил сигнал поворотника.

Правый. «Поло» собирался повернуть направо.

Себастиан в недоумении нахмурился.

Какого черта...

Он прибавил газу и выехал на перекресток, где тоже свернул направо, опять прибавил газу и успел заметить, как автомобиль Клары сворачивает налево далеко впереди, у какой-то таблички с изображением мужчины с рюкзаком, женщины и ребенка на фоне большой литеры F. Парковая зона. Все это неправильно. Что-то не так. Себастиан поехал следом, но был вынужден пропустить встречные автомобили. С растущей тревогой он нашарил на пассажирском сиденье рацию.

– Эй, Тяп и Ляп, это Себастиан Бергман, я еду за Ваньей. Здесь что-то не так.

– Что не так? – сразу отозвались они.

– Она свернула не туда, уехала в какую-то чертову парковую зону.

Встречный поток наконец иссяк, и Себастиан смог свернуть на второстепенную дорогу. Очень скоро ее со всех сторон обступили деревья.

– Может быть, она выбрала другой маршрут, чтобы запутать слежку? – предположили Тяп и Ляп.

– Нет, это не так! – почти прокричал Себастиан. – Ничего не сходится! Тащите сюда свои ленивые задницы!

– Где ты находишься?

Себастиан огляделся. И правда, где? Он не имел ни малейшего представления. Коттеджная застройка по сторонам от дороги уже сменилась другим пейзажем.

– Она сначала повернула направо, а потом – налево и въехала в какую-то парковую зону. – Он быстро глянул в правое окно. – Я сейчас проезжаю мимо какого-то футбольного поля.

– Мы знаем, где это. Уже едем.

– Поторопитесь! – взмолился Себастиан, чувствуя, как тяжело ему стало дышать, как неистово сердце колотится в грудной клетке. Ему больше не было тревожно.

Ему было страшно. До смерти.

Себастиан мчался вперед. Он миновал какое-то строение, рядом с которым оказалась парковка, но голубого «Поло» там не было. Дорога сужалась, но Себастиан лишь увеличил скорость. Через несколько сотен метров показалась развилка. Себастиан, страшно ругаясь, заглушил мотор, отстегнул ремень и выскочил из машины. Добежал до развилки, пытаясь разглядеть колею, словно какой-то чертов следопыт,

который умеет распознавать отпечатки шин. Схватив себя за волосы и сдавленно поскуливая, он завертелся на месте. Обе дороги вели вглубь леса.

Себастиан уже возвращался к машине, решив ехать наудачу, как вдруг из леса слева от него раздался стук автомобильной двери. Он сломя голову помчался на звук, разбрасывая ногами гравий. Через каких-нибудь полминуты Себастиан увидел хорошо знакомый голубой «Поло», припаркованный на обочине. Кто-то стоял, склонившись, возле задней двери. Себастиану было видно только часть спины, ноги и обувь, но у него не было сомнений, что это не Ванья. Каким-то образом звук его поспешных шагов не привлек внимания злоумышленника до тех пор, пока Себастиан не оказался прямо у него за спиной. Себастиан схватил его за куртку и рывком отбросил от машины. Более-менее оттеснил в сторону. Бросил взгляд в машину. На заднее сиденье. Ванья – а женщина с мешком на голове могла быть только Ваньей – лежала на животе со спущенными штанами и трусами. Себастиан развернулся, ожидая атаки, готовый защищаться, но ничего не произошло. Сбитый с толку, он завертел головой по сторонам. За те несколько мгновений, что понадобились Себастиану, чтобы заглянуть в машину, преступник успел сбежать. Себастиан еще различал его силуэт, быстро удаляющийся в том же направлении, откуда прибежал он сам. Себастиан не стал его преследовать. Он в любом случае не смог бы его догнать, к тому же сейчас для Себастиана это отнюдь не было самым важным.

Он повернулся обратно к «Поло», уже собираясь лезть внутрь, как вдруг его внимание привлек какой-то предмет, лежавший на заднем сиденье между ногами Ваньи. Это был шприц. Полный какой-то субстанции.

Он что, усыпил ее здесь?

Каким же образом тогда он справился с ней в машине?

Она должна была сопротивляться. Он никогда не смог бы увезти ее так далеко, если бы заранее не обезвредил. Значит, в шприце не снотворное, к тому же остальным жертвам он делал укол в шею...

Кусочки мозаики постепенно вставали на свои места. Себастиан одновременно и осознал, и не хотел осознать увиденное. Словно его мозг противился собственным умозаключениям. Себастиан знал, что

это за светло-серое вещество. Но зачем кому-то набирать семенную жидкость в шприц?

Мысли Себастиана путались и ускользали. Что все это может означать? Какой-то частью своего разума он уже знал ответ, но тот казался настолько невероятным и неправдоподобным, что Себастиан сам себе не верил до конца. Это слишком. Слишком странно. Слишком ненормально. В последний раз бросив взгляд на Ванью, Себастиан пришел к единственному возможному выводу.

Он рванул с места, что было сил, и помчался к своему брошенному авто. Едва переводя дыхание, распахнул дверь, схватил рацию, и уже развернувшись, чтобы мчаться обратно к Ванье, прокричал:

– Это женщина! Нужно искать женщину!

Берг и Ядав как раз проехали здание клуба любителей спортивного ориентирования, и собирались съезжать на второстепенную дорогу, когда услышали по радио вопли Себастиана. Ядав заглушил мотор и взглянул на своего напарника, который, как он догадывался, подумал о том же самом. Они только что проехали мимо женщины, которая быстрым шагом направлялась к главной дороге. Кроме нее, они никого по пути не видели, и Берг успел заметить, что на ней не было верхней одежды.

– Мы же расследуем изнасилования, разве нет? – спросил Ядав, очевидно пытаясь сопоставить новые факты с известными подробностями дела.

– Да.

– Тогда при чем здесь женщина?

Берг не знал, что сказать, и уставился на напарника непонимающим взглядом. Женщины тоже могут быть насильниками. Но не так. Не таким образом. Не так, как преступник, которого они ищут.

– Я не знаю.

– Та тетка, мимо которой мы проехали, – задумчиво протянул Ядав, кивком указывая на дорогу в зеркале заднего вида.

– Да, но... – Берг не закончил предложение. Что же им делать? Пухляш-психолог велел искать бабу, но им-то нужен мужик... преступник. Он нападал на женщин. Насиловал их. Если они сейчас

схватят эту тетку, их снова поднимут на смех. И они останутся Тяпом и Ляпом уже навсегда. Но с другой стороны... У них есть прямой приказ. Исходящий от человека, который гораздо лучше осведомлен о ходе расследования и к тому же оказался свидетелем. Судя по всему, в машине Ваньи и вправду произошло что-то неладное, что звучит вполне правдоподобно, учитывая, куда ее занесло. За каким чертом ей понадобилось заезжать сюда по дороге на Норбювеген?

– Она может оказаться сообщницей, – прервал Ядав размышления Берга.

– Может, – с готовностью согласился тот. – Очень даже может!

Они быстро переглянулись, принимая решение. Ядав дал задний ход, развернулся и поехал догонять женщину без верхней одежды.

Когда Ванья очнулась, Себастиан сидел на заднем сиденье рядом с ней. Он смог придать Ванье полусидячее положение и поддерживал ее с одного боку. Дверь он оставил открытой. Шприц вместе с мешком Себастиан запихнул в бардачок. Ему было наплевать на то, что он фактически уничтожает улики. Ванья не должна всего этого видеть, когда очнется, он не даст ей это увидеть.

Прежде чем прийти в себя, минуту или около того Ванья подергивалась, не открывая глаз, словно ее тело очнулось раньше мозга. Несколько секунд она смотрела в одну точку, пытаясь понять, где она, с кем, и как здесь оказалась. Когда Ванья более или менее огляделась, она внезапно выпрямилась и тяжело задышала.

– Все хорошо, – мягко произнес Себастиан, видя в глазах Ваньи панику и понимая, что ей совсем так не кажется.

– Все хорошо. Ничего не случилось, – повторил он спокойным низким голосом. – Я даю тебе слово.

Постепенно до Ваньи стал доходить смысл слов Себастиана. *Что* могло случиться. Она опустила взгляд на свои ноги. Джинсы в порядке, застегнуты, все на своих местах. Она снова без слов вопросительно уставилась на Себастиана, словно желая, чтобы он еще раз подтвердил свои слова.

– Ничего не случилось. Я успел вовремя.

Нет причин травмировать ее еще сильнее. Ей и так пришлось несладко. То, что с ней случилось, уже было достаточно жестоко. Зачем ей знать, в каком виде ее нашел Себастиан? Полуголой. Со склонившимся над ней преступником. Со шприцем между ногами.

Зачем ей знать, что Себастиан ее одел и привел в порядок? Кто от этого выиграет? Не стоит подвергать ее ненужным страданиям. Шприц был полон, это точно. Совершенно точно. Пусть уж лучше она пребывает в неведении, считая, что похищение и усыпление – самое плохое, что с ней случилось. Ее ведь уже раньше похищали. Эдвард Хинде. Когда Билли спас их обоих. В тот раз их спас Билли.

– Ничего не случилось, – тихонько повторил Себастиан. Чтобы убедить Ваню. Но маленькая, крошечная часть его собственного существа тоже нуждалась в этом убеждении.

Ванья кивнула. Ей все равно требовалось время, чтобы понять все и прийти в себя. Она вновь привалилась к Себастиану и опустила голову ему на плечо. Себастиан видел, как у Ваньи исчезают симптомы острого стресса, напряжение спадает, тело расслабляется. Внезапно она заплакала. Себастиан обнял ее.

Так они и сидели в обнимку, пока до слуха Себастиана не донесся приближающийся вой сирен, а затем громкие голоса. Наконец показался Торкель. На нем лица не было от беспокойства и, заметив голубой «Поло», он бегом бросился к машине.

– С ней все в порядке. Ничего не случилось. Я успел вовремя.

* * *

На ясном голубом небе сияло солнце, но теплее не стало – холод стоял, словно посреди зимы, и от этого раздражение Себастиана только усиливалось. Сжав зубы, он миновал стойку рецепции, достал карту-ключ, вошел в лифт и поднялся на восемь этажей.

Он сопровождал Ваню в больницу. На осмотр. В основном чтобы исключить нежелательные последствия применения снотворного. Еще у нее болела голова – Ванья решила, что ударилась, упав на пол в гараже. Медики посоветовали ей наблюдать за самочувствием, чтобы не пропустить признаки сотрясения мозга. В остальном она была в порядке, насколько это вообще возможно. Себастиан уехал из больницы, как только туда примчался Юнатан.

Выйдя из лифта, Себастиан направился напрямик в офис. Сквозь окна в стене было видно, как Анне-Ли о чем-то разговаривает с Билли.

Себастиан грубо распахнул дверь. Анне-Ли резко обернулась и, увидев, кто это, сделала шаг ему навстречу.

– Как дела у Ваньи?

– Все хорошо, но уж точно не твоими молитвами!

Анне-Ли замялась, она явно не ожидала от Себастиана такой злобы.

– Ничего не случилось только потому, что я успел вовремя, – продолжал Себастиан голосом, в котором клокотала сдерживаемая ярость. – Твой говенный план провокации не сработал, и ты напрасно подвергла сотрудников опасности.

– Так сложились обстоятельства...

– Это не обстоятельства, – грубо прервал ее Себастиан. – Это безответственность и некомпетентность.

– Можешь говорить все, что тебе вздумается, – приходя в себя от его напора ответила Анне-Ли, с явным намерением восстановить собственный вес и авторитет.

– Это мне не вздумалось. Из-за тебя Ванью увезли на скорой.

– Повторяю, можешь говорить все, что хочешь, – с максимальной выдержкой сказала Анне-Ли. – Но ты кое в чем ошибаешься.

– В самом деле?

– План сработал. Мы взяли ее.

– Кого? Когда?

* * *

Себастиан сделал глубокий вдох и, одолеваемый сомнениями, толкнул дверь допросной комнаты номер два.

Карлос и Торкель обернулись к Себастиану, когда тот вошел в маленькое обезличенное пространство допросной. Торкель сразу же отвернулся обратно к столу и, следуя протоколу записи, объявил, что Себастиан Бергман присоединился к участникам допроса.

Себастиан тихонько опустился на стул, стоявший поодаль от четырех уже занятых. Торкель, Карлос, адвокат и рыжеволосая женщина сидели за столом. Она взглянула на Себастиана, и легкая улыбка заиграла на ее губах. В других обстоятельствах можно было подумать, что это флирт.

Рената Форш.

Его нарост.

Когда Себастиану сообщили, кем оказалась женщина, которую они схватили, он всерьез засомневался, стоит ли ему присутствовать на допросе. Он представил себе, что будет, если она расскажет. Как он разыскал ее. Как она разыскала его. Вчера. Когда она явилась к нему в отель, и он без тени сомнения впустил ее в свой номер. Она ведь все-таки нарост.

Все они и так давно имели к Себастиану претензии по поводу того, что он спит с фигурантками дел. Ванья даже как-то пошутила по этому поводу. Она сказала – нужно посмотреть: кого Себастиан затащит в постель, та и есть преступница. Тогда, в Вермланде, одна из его случайных связей на некоторое время попала под подозрение.

Она была невиновна.

Он никогда не спал с убийцей.

До настоящего времени.

«Но какой, собственно, вред может нанести ее рассказ?» – рассуждал Себастиан. Даже если они узнают, Ванья и так уже расставила все точки над и. Работы в Госкомиссии ему больше не видать. Что касается Анне-Ли, он действительно обещал ей держать член в штанах, но это было до того, как она решила рискнуть жизнью и здоровьем его дочери. Вероятность того, что Анне-Ли вновь решит воспользоваться его услугами, была крайне низкой, а то, что совершил Себастиан, не было противозаконно. Глупо, безответственно, аморально – возможно, но все же – ненаказуемо.

Он встретился взглядом с Ренатой. Все положительные эмоции по отношению к ней исчезли. То, что она натворила... Чему подвергла Ванью и других женщин... Себастиан никогда ни о чем подобном не слышал, и в профессиональном плане Рената его вне всяких сомнений продолжала интересовать, но у него возникло чувство, что это их последняя встреча. Она снова молча улыбнулась ему, и Себастиан понял – то, что он ошибочно принял за флирт, на самом деле было негласным соглашением. Отныне их связывала общая тайна.

Торкель вновь привлек ее внимание к теме разговора.

– Вы рассказывали об Ульрике, – напомнил он.

– Верно, – согласилась Рената, переводя взгляд на Торкеля. – Она вызвала меня к себе в больницу, уже перед самой своей смертью. Она

рассказала мне, что произошло той ночью.

– Когда они оставили вашу дочь на пороге больницы.

– Вы думаете, это стало причиной ее гибели, не так ли? – в тоне женщины было больше констатации, чем вопроса. – То, что они бросили Линду там? – Рената покачала головой и вновь улыбнулась, словно неожиданно обнаружила серьезное недопонимание, которое необходимо было устранить. – Линде достаточно быстро начали оказывать помощь. Не было принципиальной разницы, где они ее оставили.

Рената сфокусировала взгляд своих зеленых глаз на Торкеле. Ей было важно, чтобы он понял.

– Они приговорили Линду к смерти задолго до этого – когда убедили ее не прерывать беременность. Когда угрожали ей вечным проклятием за аборт.

– Так, значит, вы хотели оплодотворить этих женщин. Чтобы у них наступила беременность и пришлось делать выбор.

– Именно.

Просто констатация факта. Никакого триумфаторства. У Ренаты, в противовес многим людям, с которыми Себастиану пришлось столкнуться в силу своей профессии, отсутствовало гипертрофированное эго, которое потребовало бы признания ее ума и ловкости, восхищения ее способностью водить полицию за нос в течение нескольких месяцев.

– А Вебер? – спросил Торкель, и по его голосу было ясно, что на самом деле он не хочет знать ответ.

– Журналист? Он мертв. Это вышло случайно.

Впервые в голосе Ренаты можно было различить нотки раскаяния.

– Я вообще никого не хотела убивать. Я сделала ему укол снотворного, чтобы выиграть немного времени, а он просто... перестал дышать.

Торкель заглянул в свои записи. У них есть признание. Урсула обязательно добудет технические улики дома у Ренаты. Ее мотивы ясны. В Уппсале у них оставалось не так уж много дел.

– Вы работаете в Безопасных Такси, – произнес Карлос, который, очевидно, придерживался иного мнения.

– Я там работаю уже несколько лет. Они не имеют ко всему этому никакого отношения. Это славная идея. Феликс – отличный

руководитель. Просто хороший человек.

– Реми – это вы?

– Мое второе имя – Мимми, – кивнула Рената.

Карлос сделал в блокноте запись, и замер с ручкой в руках. Была еще одна деталь, которую он желал прояснить.

– Каким образом вы получали сперму?

– Каким образом? Из презервативов, конечно. Мужчины обычно не интересуются, куда деваются их использованные кондомы. Но кому принадлежит сперма, я вам не скажу.

– Мы знаем, что мужчин как минимум двое. Образец из Евле не совпал с остальными.

– Да, в случае с Ребеккой мне пришлось искать замену, – согласилась Рената. – Тот материал, которым я обычно пользовалась, в то время оказался недоступен. – Рената перевела взгляд с Карлоса на Себастиана, который молча сидел поодаль. Он присутствовал на допросе, но никак в нем не принимал участия. – Такое иногда случается... И тогда приходится пользоваться тем, что есть под рукой...

Внезапное прозрение буквально вышибло из него дух, смяло его, словно грузовой поезд. Внутри у Себастиана все похолодело.

Черт побери...

Он стал лихорадочно прокручивать назад события прошедших дней. К тому моменту. Тому самому вечеру. К своей победе. Не слишком ли легко она ему досталась? Себастиан всегда старался вселить в женщину ложное чувство, что именно она была инициатором их связи. На этот раз, кажется, это и вправду оказалось так. Ей нужны были от Себастиана вовсе не утешение и поддержка, а нечто совершенно иное. Как и вчера. Она не скрывала, зачем пришла. А он почти с благодарностью это принял.

Оказался под рукой.

Конечно, оставалась возможность, что Рената спала с кем-то еще после него. Однако что-то в глубине зеленых глаз, которые Рената не сводила с Себастиана, подсказывало ему, что это не так.

Себастиан, не сказав ни слова, поднялся со стула и направился к двери. Торкель бросил на него вопросительный взгляд, но Себастиан его проигнорировал. Когда Себастиан выходил из допросной, ему

почудилось, что пол под его ногами ходит ходуном. Ощущение было совершенно незнакомое.

Выйдя в коридор, он тяжело привалился к двери, изо всех сил напрягаясь, чтобы устоять на ногах. Он пытался собраться с мыслями. Они разбегались в разные стороны, туда, куда он совершенно не хотел их отпускать. Наконец Себастиан смог осознать, что именно так сильно его задело и повергло в шок, однако этот факт в целом ничего не мог изменить.

Он появился вовремя.

Шприц был полон.

Ничего не случилось.

Если он сейчас вдруг поменяет собственные показания, объяснять придется слишком многое. Почему он сказал, что обнаружил Ванью полностью одетой, например. Себастиан стал глубоко дышать и медленно, но верно, возвращался к себе. Вот на чем он должен сконцентрироваться, думал Себастиан. Почему он поступил так, как поступил.

Чтобы защитить ее.

Избавить от ненужных страданий.

То, что Себастиану пришлось узнать – что в шприце могло быть его семя – делало саму невозможную мысль о том, что могло произойти, еще более больной и отвратительной. Это знание определенно нанесло бы Ванье больший вред, нежели собственно нападение.

Он успел вовремя.

Шприц был полон.

Ничего не случилось.

А значит, нечего и рассказывать.

* * *

Они всемером устроились в дальнем конце столовой. На столе стоял разрезанный торт. Чашки с кофе и банки с колой, расставленные перед ними, в основном были уже ополовинены или даже допиты. Все это выглядело весьма неубедительно, не празднично, зато им было гарантировано отсутствие проблем с бухгалтерией.

Анне-Ли держала краткую речь.

Для начала она признала, что в процессе расследования не обошлось без конфликтов. Но главное – благодаря общим усилиям дело раскрыто.

Она была довольна.

Даже очень.

Ванье было сложно в это поверить.

Два убийства – Вебера и Ребекки Альм, плюс местный амбициозный прокурор решил добиваться, чтобы повторное нападение на Иду было квалифицировано как доведение до самоубийства. Семь изнасилований и две попытки изнасилования. Анне-Ли надеялась остановить все это, прежде чем это безумие станет сравнимо с тем, что вытворял Хагаманнен. Но то, что здесь произошло, оказалось еще масштабнее и страшнее.

Как можно быть при этом довольной?

Отца и сына Вальбуэна, конечно же, разыскали. Ренате было известно об их возвращении в Швецию. Они хотели попытаться начать здесь все заново – положение в Венесуэле стало невыносимым, а у них обоих было шведское гражданство. Рената назвала несколько мест, где они предположительно могли находиться. Ничто не указывало на то, что Ульрика все-таки смогла с ними связаться, как и на то, что они каким-либо образом были замешаны в делах Ренаты. Родриго добровольно сдал образец ДНК, когда его об этом попросили. Они хотели исключить версию о том, что Рената снова сблизилась с бывшим мужем. Тот мог знать, для чего ей понадобилась сперма, и таким образом становился соучастником Ренаты. Однако за отсутствием каких бы то ни было доказательств версия не подтвердилась.

В итоге они приняли решение не разыскивать мужчин, чьим биологическим материалом воспользовалась Рената. Она отвечала на все их вопросы, за исключением этого, но в целом это уже было неважно. Скорее всего, никто не был бы рад узнать, что помимо воли стал соучастником в совершении тяжких преступлений.

– Я возвращаюсь в Стокгольм, – объявил Торкель, поднимаясь из-за стола. – Всем до скорой встречи! Еще увидимся. Нужно кое с чем закончить.

Всю вторую половину дня Торкель был подавлен. Рената рассказала, где спрятано тело Вебера. Его машину тоже обнаружили. У них не возникло подозрений, что Рената кого-то покрывает или берет на себя ответственность за преступление, которого не совершала. К тому же Билли обнаружил, что последний забитый в навигатор Вебера адрес был домашним адресом Ренаты Форш. Себастиан очень жалел, что они не узнали этого раньше. В прошлые выходные, например.

Торкель словно подал сигнал всем остальным. Они потянулись в офис, чтобы забрать вещи. Билли собрался очень быстро – ноутбук и куртка составляли весь его нехитрый скарб. Ванья остановила его на выходе.

– Не подбросишь меня до Стокгольма?

– Я бы с радостью, но мне нужно еще уладить здесь одно дело.

– Ладно, до встречи.

– До встречи!

Не прощаясь более ни с кем, Билли покинул офис и, проигнорировав лифты, толкнул дверь аварийного выхода. Он побежал вниз по лестнице, перескакивая через несколько ступеней, и вскоре исчез из виду.

Ванья сняла куртку со спинки стула и забрала со стола сумку. Все вещи она собрала еще до того, как они пошли праздновать. попрощалась с Карлосом и Анне-Ли и напоследок подошла к Себастиану.

– Спасибо, – просто сказала она.

– Тебе не за что благодарить. Я рад, что оказался рядом.

Между ними повисла тишина. Ванья знала, что должна сказать что-то еще. Что-то еще, кроме «прощай».

– Теперь мы долго не увидимся, – наконец смогла выговорить она.

– Долго? – брови Себастиана удивленно взлетели, и в голосе зазвучала надежда. Ванья вздохнула. Ничего не выйдет. Нельзя оставлять ему ни одной лазейки. Себастиан – просто хрестоматийный персонаж из категории «дай палец – откусит всю руку».

– Я просто так сказала, потому что «мы больше никогда не увидимся» звучит слишком жестоко.

– Это и есть жестоко.

– Возможно. Но так должно быть.

Себастиан кивнул. Ничего нового. Он и не надеялся, что его вмешательство в разыгравшуюся в лесу драму что-то изменит. Ванья была благодарна, но не настолько, чтобы подвергнуть переоценке все свои установки.

– Береги себя, – сказал Себастиан и принялся откашливаться, услышав собственный предательски дрогнувший голос.

– Спасибо. Ты тоже.

В этом месте логично вписались бы объятия, подумал Себастиан, но Ванья просто развернулась и пошла прочь. Он знал, что так оно и случится, и все равно боль была невыносима. Он ничего не мог с этим поделать и просто наблюдал, как она уходит. Урсула подошла к нему и ласково потрепала по руке.

– Ты готов?

Себастиан огляделся. Ванья ушла. Госкомиссия для него теперь оконченная глава. Ему нужно писать книгу. Впереди одинокие дни и промозглый серый ноябрь. Он глубоко вздохнул, с силой выдохнул и кивнул Урсуле. Он готов.

– Отлично. Нам с тобой нужно поговорить.

– О чем?

– О чем-то, к чему я пришла недавно вечером. Ты можешь отвезти меня домой.

И они вместе покинули офис, здание полиции, а следом и Уппсалу.

Билли ждал в машине.

Посреди какого-то заповедника Фибю, если верить Гугл-картам.

Все удовольствие от поимки преступницы и раскрытия дела портила другая, очень острая проблема, которую необходимо было разрешить. В последнее время мысли Билли разделялись на три русла, самым захудалым из которых было расследование – ему Билли посвящал минимальное количество времени и сил. Он делал то, что от него требовалось, не больше и не меньше, и постепенно работа превратилась в рутину. Билли работал механически, без огонька, и мыслями частенько пребывал в других местах.

К примеру, он часто думал о Конни.

У Йеннифер был упорный папа.

Несколько дней назад Билли вынужден был назначить ему встречу – дольше тянуть было невозможно. Они встретились в том же кафе, где сидели в первый раз, и Билли передал Конни имеющиеся у него доказательства фальсификации фотографий. Конни никак не мог унять поток благодарности. Ведь только благодаря стараниям Билли полиция вынуждена будет с должной серьезностью отнестись к исчезновению Йеннифер и связанными с этим исчезновением подозрениями ее отца. Все как и опасался Билли. Однако в то же время чем больше он об этом думал, тем больше плюсов находил в том, что именно он помог Конни. Билли это могло сыграть на руку.

Он работал в Госкомиссии – репутация этого подразделения шведской полиции была одной из лучших – и именно он сделал все возможное для того, чтобы инициировать расследование. Неравнодушный коллега, желающий докопаться до истины. До тех пор, пока никто не свяжет в одну цепочку его отпуск в Бохуслене и геолокацию с телефона Йеннифер в ту злополучную неделю, Билли в безопасности.

Он с этим разберется.

Когда они собрались расходиться, Конни заключил его в крепкое объятие. Он поделился с Билли своей искренней радостью по поводу того, что у Йеннифер был такой верный и заботливый друг. На мгновение настроение у Билли испортилось, но за исключением этого момента у него остались на удивление положительные впечатления о встрече.

Так что сейчас ему осталось разрешить лишь одну проблему. Он покосился на пухлый конверт, лежащий на пассажирском сиденье. Он готов заплатить, если это потребуется. Если угрозы последуют и в дальнейшем – он станет все отрицать, скажет, что фото сделано, когда он был там по служебной необходимости. Конечно, это привлечет к нему ненужное внимание, но он же не собирается платить шантажисту вечно.

На форуме он договорился с WoLf 232 о времени и месте встречи. Ответ пришел в виде координат. Все это шоу с игровым форумом и координатами, вкупе с в общем-то скромной суммой, которую затребовал шантажист, навело Билли на мысль о том, что на встречу с ним явится какой-нибудь юный ботаник.

Однако Билли и предположить не мог, насколько тот окажется юн на самом деле.

Через пару минут после того, как подошло условленное время, вдалеке показался худой велосипедист, на вид лет шестнадцати, самое большее – семнадцати. Он спешил в десятке метров от машины Билли. Спрыгнув с велика, он беспечно оставил его валяться на земле, а сам, прищурившись, поглядел на машину. Черные джинсы, черная ветровка, на ногах – ботинки, по-подростковому жиденькая козлиная бородка, пирсинг на одной брови и на нижней губе. Когда он снял велосипедный шлем, обнаружились растрепанные волосы, слишком черные, чтобы быть натуральными. Кое-кто прошел первую ступень посвящения в готы, подумал Билли, когда мальчишка уверенным шагом направился к машине. Билли открыл дверь и выбрался наружу.

– Билли? – спросил подросток гораздо более низким голосом, чем Билли мог предположить.

– Ты знаешь, кто я. Ты же послал мне фото.

– Деньги у тебя?

– Да. Но какие у меня гарантии, что это не произойдет снова?

– У меня больше нет этой фотки.

– Конечно, – фыркнул Билли, вложив в единственное слово все свое удивление по поводу того, что мальчишка считает его таким дураком.

– Как тебе кажется, почему я отправил обычное письмо? Потому что все цифровое можно отследить. Я не дурак.

И все-таки немного дурак, подумал Билли. По крайней мере, очень неопытный.

– И давно ты этим промышляешь? – с искренним любопытством спросил Билли.

– Не очень, – к удивлению Билли ответил одетый в черное подросток. – Когда я выяснил, что происходит в этом доме, подумал, что могу срубить немного бабла со свиней, которые пользуются женщинами.

– Она делает это потому, что сама так хочет, на своих условиях... Но как скажешь.

– Деньги у тебя? – повторил подросток, на этот раз явно нервничая.

Билли молча разглядывал юного шантажиста. Он стоял, широко расставив ноги, и переносил вес тела попеременно с правой ноги на левую. Возможно, он хотел показать свою крутизну, но неосознанно демонстрировал совсем иное. Мальчишка отвечал на вопросы, давал пояснения, почти пускался в болтовню. У Билли создавалось впечатление, что тот вовсе не так уж крут и самоуверен, как ему хотелось бы казаться.

Билли не придется платить.

Достаточно будет его припугнуть.

Билли достал пистолет.

Мальчишка в ужасе застыл. На его лице читался неподдельный страх от того, какой оборот принимала ситуация. Это была импровизация, внезапное вдохновение. Билли решил вооружиться, несмотря на то, что это противоречило всем правилам. Носить оружие, не будучи при исполнении обязанностей службы, он не имел права.

Как только пистолет оказался в руке Билли, змея проснулась и заворочалась.

Пристрели его, – шипела она. – Убей!

– Отдай мне телефон.

– Ее там нет! – в голосе паника. – Я распечатал ее и удалил. Ее нигде нет. Я клянусь!

Не слишком правдиво, подумал Билли. Восстановить удаленные файлы можно достаточно быстро и просто, но для этого нужен телефон.

– Дай мне телефон, – повторил он и сделал шаг навстречу мальчишке. Тот дрожащими руками вытащил телефон, одновременно неуклюже пытаясь уговорить Билли опустить оружие. Это была просто шутка, Билли должен это понять. Не нужно делать глупостей. Он очень сожалеет. Билли больше никогда о нем не услышит.

Пристрели его! Убей.

Змея неистово заворочалась в животе. Крутилась и вертелась, принюхивалась, чуюла добычу, чуюла возможность насытиться на долгое, долгое время.

Ничего не выйдет, – отозвался внутренний голос. – Они найдут пулю. Пуля – очень важная улика.

Билли убрал пистолет в кобуру, сделал несколько шагов вперед и одной рукой выхватил у мальчишки телефон. Другой рукой Билли

схватил его за запястье и с силой дернул к себе, выставив вперед колено. Удар пришелся в промежность или в живот. Роли это в целом не играло. От неожиданности и боли из мальчишки вышибло дух, и он согнулся пополам. Билли отбросил телефон в сторону, схватил мальчишку за ворот ветровки и прижал к машине.

– Фотография только в телефоне? – сквозь стиснутые зубы процедил он, приблизив свое лицо к лицу подростка.

– Ее там больше нет, – голос теперь гораздо тоньше, испуганный и писклявый.

– Но она была. Только там, или ты ее еще куда-нибудь загрузил?

Подросток замотал головой. По его щекам бежали слезы боли и страха.

– Кто еще знает об этом? О нашей встрече?

– Никто. Клянусь! Я никому не говорил!

Билли отпустил воротник, и мальчишка, словно став в два раза тяжелее, начал с хрипом и бульканьем хватать ртом воздух, пытаясь унять боль и восстановить дыхание.

Билли сделал шаг назад и посмотрел на него. Змея ворочалась. Шептала. Сворачивалась в кольца. Манила.

Тебе не понадобится пистолет.

Билли рванулся вперед и одним ударом сшиб одетого в черное мальчишку с ног. Тот упал навзничь. Мгновением позже Билли уже сидел у него на грудной клетке, придавив его руки своими ногами. Билли потянулся и сомкнул ладони у него на шее.

Мальчишка с ужасом понял, что сейчас произойдет, и попытался дать отпор. Тщетно. Через короткое время Билли почувствовал, что судороги тела за его спиной стали ослабевать и в конце концов прекратились совсем. Он наклонился к самому лицу мальчишки и почувствовал, что едва уловимое дыхание еще струится из его приоткрытых губ. Билли надавил сильнее. Взглянул мальчишке прямо в глаза. Не хотел упустить этот момент. Этот волшебный миг, когда угасает огонь жизни. Билли позволил себе до краев наполниться этим ощущением, упиваясь опьяняющей властью. Испытать чувства, более сильные, чем что-либо в его прежней жизни. Когда дыхание иссякло и темные глаза погасли, Билли издал вопль триумфа.

Возле машины на земле лежало тело мертвого подростка.

Билли сидел на переднем сиденье, открыв дверь.

Он допустил оплошность – оставил технические улики. Волокна одежды, частицы кожи под ногтями, пот или слюна на лице. Но у него уже был опыт сокрытия тела. Успешный опыт. А в этот раз все проще. Мальчишку не нужно поддерживать «в живых» неделями.

Он может просто исчезнуть.

Как иногда исчезают подростки.

Бесследно исчезнуть. Навсегда.

Билли достал мобильник и набрал Мю. Прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла, положил ладонь на свой тугий член, стиснутый тканью джинсов и, дожидаясь ответа, постарался выровнять дыхание. Адреналин и эндорфины хлынули в его тело мощным потоком, и придали Билли силы, ясности и покоя. А возбуждение его, на удивление, только возрастало.

Когда Мю взяла трубку, Билли оповестил ее, что будет дома через час или два, что любит ее и, когда приедет домой, хочет без промедления заняться с ней сексом.

Вот он, любящий муж, какого она заслуживает.

Хозяин, позволивший змее насытиться.

Сидя в машине посреди заповедника Фибю, Билли вдруг испытал мгновение полной ясности. Откровение снизошло на него.

Ему больше не нужно выбирать.

Он может быть обоими.

Эпилог

Себастиан разглядывал пуансеттию, украшавшую собой подоконник в его кабинете. Он не поливал ее с 23 декабря, но она выглядела на удивление бодро, оставаясь ярко алой и, очевидно, не собираясь увядать. Он получил пуансеттию в подарок от Урсулы. Толстый гном в красной одежде, прямо из задницы которого торчала метелка, сидел рядом с цветком и хитро подмигивал Себастиану.

Поспешай неспеша, подумал Себастиан, глядя на него. Послезавтра – день святого Кнута^[33], и придет твой час выметаться отсюда.

Пуансеттия и гном были единственными предметами в его квартире, которые напоминали о том, что на дворе стоял большой праздник.

Себастиан ненавидел Рождество.

Обычно в эти дни его промискуитет достигал своего пика.

Только бы не оставаться одному. Только бы не думать. Не вспоминать.

Хуже всего ему бывало на второй день Рождества. Он едва мог дышать. Горе и тоска обретали физические черты. Он чувствовал давящую боль в груди, и вынужден был искать что-то, или кого-то, чтобы только отогнать свои мысли хоть на пару часов.

В это Рождество он нашел Урсулу.

В ноябре, по дороге из Уппсалы, Урсула сказала Себастиану, что с Петросом покончено и она была бы рада видеться с Себастианом чаще. Если он не против.

Он был не против, и они в самом деле стали видеться чаще. Чаще встречаться.

Большую часть рождественских каникул они провели вместе, и впервые с 2004 года Себастиан провел праздник сносно. Урсула даже осталась с ним рядом на второй день, и ему действительно было легче в ее обществе, за что Себастиан испытывал искреннюю благодарность. Новый год они тоже встретили вместе. Или, лучше сказать, встречали и встречали. Они вместе поужинали, Урсула опьянела от шампанского и вина и уснула, как раз когда с двенадцатым ударом часов Себастиан

хотел предложить ей прогуляться до бухты Ньюбрувикен, чтобы полюбоваться на фейерверки.

Им было вместе легко. У нее оставалась своя квартира, у него – своя. Они встречались, когда оба того желали. Как сегодня, например, когда она позвонила, чтобы спросить, чем он занимается (ничем), не хочет ли он вместе поужинать (почему нет), и сказала, что купит что-нибудь поесть по пути с работы (только бы не суши) и будет где-то через час.

Просто. Спонтанно. Без обязательств.

Сам он побывал в Левхаге и разговаривал с Ральфом Свенссоном, чтобы собрать материал для своей книги. Они встречались уже во второй раз. Беседа вышла содержательная. Не в пример первому разу, когда тот все время возвращался к своей обиде на Себастиана за то, что тот запер его в темноте. За то, что тот был зол и причинил ему вред. На этот раз все прошло гораздо лучше. Они говорили о детстве Ральфа, когда отец его мачехи и люди в звериных масках сексуально эксплуатировали его в какой-то лесной хижине. Себастиан даже решил попытаться разыскать этот хутор. Очень может быть, что он вышел на след чего-то большего, нежели банальная история подражателя.

Неважно, что там будет, книга выйдет стоящей.

Себастиан чувствовал это.

Когда он думал о Ванье, ему ее не хватало, поэтому он старался о ней не вспоминать. Слишком много сил отдал попыткам ее вернуть, теперь ему это было ясно. Эти силы он теперь вкладывал в написание книги, в попытки вернуться к преподавательской работе. Так что в общем и целом дела его обстояли неплохо, как раз благодаря тому, что Ваньи не было рядом.

Но без Урсулы Себастиан бы с этим не справился.

Раздался звонок в дверь – у Урсулы еще не было собственного ключа. Себастиан покинул кабинет и пошел открывать. Впустил ее, забрал пакеты с едой и понес в кухню. Она повесила верхнюю одежду и проследовала за ним.

– Что там? – любопытствовал Себастиан, разглядывая белые пластиковые судочки, которые принесла Урсула.

– Мезе, – ответила она, забирая лоток у него из рук, чтобы все красиво разложить. – Откроем бутылочку вина?

Себастиан подошел к холодильнику и вытащил оттуда бутылку белого. С некоторых пор он стал держать дома вино. Время от времени он задумывался над тем, не слишком ли много Урсула пьет или, по крайней мере, не слишком ли часто. Она выпивала каждый день. Но Себастиан тут же гнал прочь эти мысли. Нытье о гипотетическом алкоголизме партнера – это скорее что-то в стиле Торкеля. Это не про него. Не про них.

– До тебя дошли слухи о Йеннифер? – спросила она, выкладывая на разные блюда рулетки из слоеного теста, шашлычки из ягнатины, фалафели, крылышки цыпленка и хлеб.

– Йеннифер?

– Хольмгрен. Которая работала с нами в Емтланде и ездила в Кируну с Билли.

– А, точно. И что с ней?

Урсула повернулась к нему с вопросительной улыбкой на лице, словно не могла поверить в то, что Себастиан не сразу вспомнил девушку, и предполагая, что есть некая скрытая причина, по которой он не желает признаваться, что отлично ее помнит.

– Ты с ней спал?

– Боже, нет! Она для меня слишком молода.

Однако он о ней думал, несмотря на то, что не мог вспомнить ее имя. Он думал о ней с тех самых пор, как Ванья рассказала ему о том, что Билли изменяет жене. Себастиан и сам не понимал, почему это взбрело ему в голову. Было что-то особенное в поведении Билли рядом с ней, когда им пришлось вместе работать. Как он говорил о Йеннифер. И ведь именно ее он выбрал, когда ему понадобился напарник для поездки в Кируну.

– Так что там с ней? – повторил Себастиан свой вопрос, наполняя бокал вином.

– Она исчезла. Летом. Ее вещи обнаружили возле подводного грота во Франции в октябре. Тогда решили, что она утонула, но теперь будет расследоваться дело об убийстве.

– Почему?

– Очень глупо, – ответила Урсула, выставляя на стол баночки с хумусом и бабаганушем. – Ее никто не видел с самого Мидсоммара, и теперь выяснилось, что кто-то в течение долгого времени после этого поддерживал ее жизнедеятельность в Сети.

– Что это значит?

– Ну, знаешь, постил фотографии в соцсетях, писал в «My Story» и все такое.

Еда была на столе. Себастиан достал из холодильника безалкогольное пиво и откупорил бутылку. Он не успел сформировать никакого особенного представления о Йеннифер. Он запомнил ее амбициозной, милой девушкой. Однако сейчас он сразу заинтересовался. Из той малой толики информации, что он сейчас услышал, Себастиан сделал вывод, что этот преступник как раз в его вкусе. Возможно, ему стоит предложить свои услуги тому подразделению, которое займется расследованием.

– Она была на фотографиях? – спросил Себастиан, усевшись за стол и накладывая себе еду.

– Да, но они оказались сфальсифицированными. Ее отец что-то заподозрил, и Билли помог ему доказать свою правоту. О том, что над фотографиями кто-то поработал. Поэтому начато предварительное следствие. И теперь нам предлагают заняться этим делом.

– И что вы решили? – Себастиан надеялся, что предложение было отклонено. Если расследованием займется Госкомиссия, ему ничего не обломится.

– Торкель еще думает.

– Как же она оказалась во Франции?

– Может быть, ее там вообще не было. Есть посты о путешествии, но саму ее не нашли.

Себастиан приступил к еде. Она была вкусной. Он обмакнул кусочек хлеба в хумус и надкусил. Прожевал. Что она там говорила?

– Когда, ты сказала, она пропала?

– Через неделю после Мидсоммара.

Вот на что он сделал стойку. Об этом периоде уже недавно говорили. На ужине у Торкеля и Лисе-Лотте. Торкель думал, что Билли тогда был в отпуске, а Мю считала, что он работает...

– Но погоди, у меня ведь есть гораздо более значимая новость! – Себастиан вынырнул из своих размышлений. Он поднял взгляд от еды. Глаза Урсулы сияли, и она даже от восторга захлопала в ладоши. – Ванья беременна!

На мгновение Себастиан словно окаменел, но потом ухитрился изобразить неожиданную радость.

– Надо же! Вау! Это чудесно. Какая неделя?

– Двенадцатая.

Он мысленно отсчитал недели назад. Если он правильно все помнил со времен беременности Лили, то искать конкретную дату было бессмысленно. Двенадцать недель назад. Значит, это случилось в конце октября – начале ноября. В голубом «Поло», в лесу.

– Поздравляю, ты станешь дедом! – воскликнула Урсула и с улыбкой подняла бокал.

– Спасибо.

Себастиан вымученно улыбнулся, а потом тяжело сглотнул и прикрыл глаза, от всей души надеясь, что станет этому малышу именно дедом.

Благодарности

Пришлось повозиться, но теперь мы наконец можем представить на ваш суд шестую книгу. И как обычно – это целиком заслуга удивительных людей, которые поддерживали, подбадривали и вообще всячески помогали сделать нашу работу веселее и легче.

Спасибо всему коллективу издательства Norstedts, и в первую очередь – Еве Гедин, Петеру Карлссону, Хенрику Шебергу и Кайсе Лоорд. Благодарим также сотрудников Salomonsson Agency, в особенности Никласа Саломонссона, Федерико Амбросини, Мари Юлленхаммар и Софи Смирнакос, с которыми мы очень тесно сотрудничаем. Спасибо Пэру Викхольму, который, получая от нас разрозненные идеи, каждый раз ухитряется собрать их под одной обложкой. Благодарим также всех наших зарубежных издателей и издательства и всех переводчиков, благодаря труду которых все большее число людей получает возможность познакомиться с Себастианом Бергманом и его коллегами из Госкомиссии.

Микке: Хочу поблагодарить Ханса за его героический труд и строптивый дух, а также мою замечательную семью – Астрид, Сезара, Уильяма и Ванессу. Вы лучше всех!

Ханс: Благодарю Камиллу Альгрэн, моего лучшего друга и коллегу, которая всегда рядом, и даже когда мы не работаем бок о бок, ухитряется вдохновлять и мотивировать меня, и просто помогает мне становиться лучше.

Тони Вуд, Кэти Барретт и другие сотрудники Виссанеер – спасибо за то, что в те несколько суматошных майских недель в Лондоне у меня всегда было место для работы.

И конечно же, не обошлось без моей семьи. Лотта рядом со мной уже тридцать два года, и я даже представить не могу, что представляла бы собой моя жизнь без нее. Сикстен, Элис и Эбба, наши три чудесных дочурки, которые выросли в умных, чувствующих, веселых взрослых людей и каждый день дают мне повод для радости и гордости. Я вас всех люблю!

notes

Примечания

1

Ночь с 30 апреля на 1 мая, отмечается во многих странах Западной Европы как праздник весны.

2

День летнего солнцестояния.

Хагаманнен – прозвище известного всей Швеции преступника, совершавшего насильственные действия в районе Хага города Умео в 1998–2000 и 2005 годах.

Датского дизайнера Ханса Вегнера (1914–2007) часто называют «королем стульев и кресел» – за свою жизнь он спроектировал более 500 моделей.

Лонгхольмен – это остров, наиболее известен как бывшая тюрьма, позже преобразованная в общежитие. Там можно искупаться в водах озера Мэларен и погреться на пляже.

6

Остров на озере Меларен в Швеции, часть центрального Стокгольма.

Конфирмация – в ряде протестантских церквей обряд сознательного исповедания веры.

Горница.

Крылатая фраза, популяризированная в документальной драме 1976 года «Все люди президента», которая предполагает, что политическую коррупцию можно выявить, исследуя денежные переводы между партиями.

Британский синти-поп дуэт, имел большую популярность в 80-е гг. Композиция «Tainted Love» (*англ.* «Порочная любовь») – их самая известная песня.

Гебхард Фугель (1863–1939) – немецкий художник, наиболее известен своей работой в качестве ведущего художника Панорамы Распятия в г. Альтеттинг.

«Ole, dole, doff» – шведская детская считалочка, аналог «Эне, бене, рес».

Komvux – kommunal vuxenutbildning – муниципальное образование для взрослых в Швеции.

Фильм «Дорога на Арлингтон» 1999 г., реж. Марк Пеллингтон.

Седермальм – один из центральных районов Стокгольма, расположенный на одноименном острове.

Элемент облачения священнослужителей, представляющий собой жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой.

По аналогии с преступником по прозвищу Хагаманнен.

Лен – единица административно-территориального деления в Швеции. Состоит из муниципалитетов или коммун.

Даг Хаммаршельд (1905–1961) – шведский государственный деятель. С 1953 года и до конца жизни – Генеральный Секретарь ООН. Лауреат Нобелевской премии мира.

DN – Dagens Nyheter – крупнейшая ежедневная шведская утренняя газета

«Если бы она была моей».

Бензодиазепины – класс психоактивных веществ со снотворным, седативным, анксиолитическим (уменьшение тревожности), миорелаксирующим и противосудорожным эффектами.

Фалунская красная – шведская краска темно-красного цвета, получила название от медного рудника в г. Фалун.

Systembolaget – государственная торговая сеть в Швеции, специализирующаяся на продаже алкогольных напитков.

Седер – разговорное название острова Седермальм.

Миссионерская организация, сформировавшаяся в 1909–1911 гг. в Швеции в результате раскола в Евангелическом национальном обществе. Причиной раскола стало издание директором миссии проф. А. Кольмодином теологического труда, в котором ставилась под сомнение непогрешимость Библии.

В сердце Стокгольма.

WTF (what the fuck) – Что за черт? Устойчивое выражение в сетевом общении.

Дело Trustorhärvan – одно из самых крупных экономических преступлений XX века в Швеции, связано с мошенничеством в особо крупном размере.

Salvator Mundi – картина, различными исследователями датируемая в пределах 1499–1510 гг., полностью либо частично атрибутируемая художнику итальянского Высокого Возрождения Леонардо да Винчи.

1 шведская миля равна 10689 м.

Glada Hudik, так шведы называют город Худиксвалль за обилие различных торжеств и празднеств.

13 января.